

book-war.ru

**Алексей
Суконкин**

18+

Плеяда

Алексей Суконкин

ПЛЕЯДА

*Все события в книге вымышлены,
а совпадения совершенно случайны.*

*Плеяда — группа выдающихся деятелей
науки, искусства, военного дела или политики,
проживавших в одном историческом периоде.*

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	53
ГЛАВА 3	108
ГЛАВА 4	164
ГЛАВА 5	224
ГЛАВА 6	270
ГЛАВА 7	322
ГЛАВА 8	375
ГЛАВА 9	427

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я прежде всего испытал чувство зависти к авторам художественных произведений. Они могут излагать свои взгляды и показывать отношение к действительности с помощью образов, что даёт им возможность наложить на факты именно те краски, которые особенно подходящи по замыслу художника. Они вправе, например, вложить в уста полководца те фразы, а в голову те мысли, которые они считают нужными, соответствующими описываемому событию, хотя, может быть, полководец таких слов не говорил и так не думал.

**Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976),
генерал армии, Начальник Генерального
Штаба Вооружённых Сил СССР.**

ГЛАВА 1

— Ни черта не видно, — Гоча всматривался в темноту, туда, куда им предстояло сейчас идти.

— Тем лучше, — сказал командир взвода с позывным Каштан. — Пока будете идти по темноте, никто вас не заметит. А как дойдёте до развилки, выходите на связь, вас там встретит зазывала — он моргнёт фонарём пару раз.

— А если не встретит? — спросил Ганс. — Наши действия?

— Ганс, ты меня достал, — Каштан повысил голос. — Всё подвергаешь сомнению — то не так, это не так, получится — не получится. С чего ты взял, что вас там не встретят?

— С того же, что и ты взял, что нас там встретят, — вызывающе ответил боец — он был вдвое старше взводного, и считал возможным разговаривать с командиром на «ты» — оба во взводе были новичками и находились в процессе «притирания» друг к другу, только один уже хлебнул военного лиха, а другой лишь недавно прибыл на фронт из военного училища.

— Покажи радейку, — предложил Каштан. — Проверю, на какую частоту она у тебя настроена. А то ведь точно, будешь вызывать, а они тебя не услышат.

Ганс достал «Баофенг», включил его и показал взводному установленную частоту:

— Вот, как ты и сказал — «четыреста тридцать — четыреста тридцать».

— Хорошо, — кивнул лейтенант. — Выключай. Береги энергию, чтобы на три дня хватило. Контрольная связь в шесть утра, в полдень, в шесть вечера и в полночь.

Если что-то случится глобальное, сразу включай и докладывай. Усвоил? Я постоянно на связи. Ну, давайте, мужики, с Богом!

Перейдя небольшой ручей и прибрежные кусты, бойцы прошли по тропе, которая метров через триста вывела их к лесополке, обозначенной на карте как «Амур», вдоль которой по просёлку предстояло идти на передний край — линию боевого соприкосновения — чтобы сменить находившихся там бойцов. Обогнув слева опорный пункт взвода, группа двинулась в темноту.

Первым шёл Ганс — сорокапятилетний рядовой, мобилизованный в позапрошлом году, и к настоящему времени уже успевший хватить военного лиха, получить ранение в грудь, а на грудь отважную медаль, что среди других солдат повышало ему авторитет, делая его «более равным среди равных» и заставляло к нему прислушиваться всех тех, кто только недавно пришёл на СВО. На гражданке он работал преподавателем филологии в областном университете, и здесь, на фронте, пользуясь своими глубокими знаниями практической психологии и званием мастера спорта по боксу, довольно долго умудрялся уклониться от назначения на командную должность, благоразумно довольствуясь статусом неформального лидера, однако на днях ему всё же дали понять, что теперь он — командир отделения. Именно так — дали понять — ибо никакого официального приказа он так и не увидел, как не увидел и соответствующую запись в военном билете.

Задача перед отделением была поставлена предельно лаконично: выполняя роль боевого охранения, не допустить внезапного нападения противника на основной рубеж обороны, занимаемый второй мотострелковой ротой. Охранению было приказано предпринять все воз-

возможные меры к уничтожению атакующего противника, и отходить на основной рубеж разрешалось только лишь, исчерпав все возможности к сопротивлению.

— Ганс, — шедший следом Крот, которого, помимо личного снаряжения нагрузили двумя цинками с автоматными патронами, уже натужно дышал, выдавая полное отсутствие выносливости. — Давай помедленнее, задыхаюсь уже.

— Привал будет через полчаса, — ответил Ганс, про себя злорадствуя, что прибывшие в роту добровольцы наконец-то поймут, зачем в период подготовки их старались натаскивать на повышение выносливости и маршевой втянутости длительными, и как им казалось, совершенно бессмысленными пешими переходами. — На привале отдохнёте, оправитесь и поправите снаряжение.

— Ну, это же издевательство, — возмутился Крот. — Мы, как бы уже не мальчики, чтобы как лошади бегать с таким грузом! Возрастной ценз не позволяет так скакать!

— А тебя сюда никто за бороду не тянул, — усмехнулся Ганс. — Ты знал, что будут трудности. Пришёл добровольно, вот добровольно и ходи.

— Мне в военкомате вообще сказали, что я буду служить в территориальных войсках, где все солдаты возрастные, и потому там нет больших нагрузок.

— Сказочники, — ответил Ганс. — А ты и уши разве-сил, как сильно хотелось денег срубить, да?

— Ну, хотел, что из этого? — согласился Крот.

— А ты теперь гордись службой в Российской Армии! — глумливо ответил Ганс. — Тебе хоть подъёмные выплатили?

— Нет ещё, — сказал Крот. — Не выплатили, но обещают.

— Ну-ну, — усмехнулся Ганс. — Сколько там тебе должны?

— Шестьсот от области и двести от государства, — с готовностью ответил Крот, готовый подискутировать по поводу безответственности чиновников, задерживающих обещанные выплаты, причитающиеся гражданину, подписавшему контракт с Министерством Обороны.

— Забудь про них, — сказал Ганс. — Лучше думай про двенадцать «мильёнов».

Кто-то из сзади идущих аж хрюкнул, рассмеявшись.

— Почему это? — наивно спросил Крот. — Какие такие двенадцать... — начал было он, но замолчал, озарившись пониманием того, о каких деньгах шла речь.

— А почему взводник с нами сам не пошёл? — спросил Карась, идущий за Кротом — он был увешан дюжиной полторашек с водой, связанных верёвкой. — Почему так?

— Сам догадайся, — ответил ему Гоча, идущий за ним.

— Я только слышал, как он ляпнул — «кто на что учился», — сказал Крот. — Типа, он командир, и ему решать, как управлять боем.

Гоча тащил ящик гранат и две пулемётные ленты, намотанные на него, как на революционного матроса, идущего по Невскому проспекту Петрограда, звенящему от предвкушения глобальных потрясений.

— Они, типа командиры, и типа боем могут управлять по рации? — предположил Карась.

Карась был моложе всех в отделении, и сейчас он только начал познавать реалии жизни, оторвавшись от World of Tanks после того, как умерла его мама, содержавшая двадцатипятилетнего бездельника, никогда не страдавшего желанием найти работу и начать самостоятельно обустраивать свою жизнь. После похорон

он вдруг со всей очевидностью осознал, что ничего в своей жизни делать не умеет, и главное — не умеет работать и зарабатывать деньги. Когда дома натурально стало нечего жрать, юноша случайно увидел рекламу службы по контракту, где шёл набор в танковый батальон. Дело ему показалось знакомым, да и армия сулила скорое «превращение в настоящего мужчину», после чего он и преступил порог военкомата.

Реальность, конечно, оказалась не совсем той, какая рисовалась в рекламном ролике — наводчиком танка он не стал — хотя бы потому, что попал в пехоту. Зато ему дали автомат, и во время периода боевой подготовки, даже позволили из него стрельнуть несколько раз, после чего отправили в действующее подразделение, где до первого боевого выхода он провёл всего три дня — по сути, даже не успев понять, где он оказался.

Громкий позывной «Корсар», который он взял ещё с World of Tanks, мгновенно трансформировался в «Карася», так как вдруг выяснилось, что гордый пиратский позывной прочно занят самим командиром батальона. Жаловаться было некому, и Карась был вынужден принять этот удар судьбы под смех своих сослуживцев, с которыми он проходил первоначальную подготовку, и которые давно ему намекали, что по своим морально-волевым качествам он и близко не стоял рядом с пиратским словом.

— Ага, работать по радейке на удалёнке, — ответил Гоча. — Как при ковиде.

Гоча был из числа мобилизованных, слыл опытным во многих военных делах, но в отличие от Ганса, явными лидерскими или организаторскими качествами не обладал, умея в мужском коллективе своими необъятными габаритами и огромными кулаками добиваться

только личных предпочтений в виде лучшего места для сна, или очереди к умывальнику. Дома его ждали трое детей и жена, которая обивала пороги надзорных органов, добиваясь решения вернуть незаконно мобилизованного мужа домой, к детям. Этот правовой процесс за полтора года не сдвинулся ни на сантиметр, и Гоча уже успокоился, смирившись с мыслью о крахе восстания справедливости, а дети стали забывать, как выглядит их папа. Впрочем, он не хотел верить в то, что, начав получать от мужа весомые «боевые», жена постепенно утратила интерес к его возвращению в родное село, где максимально возможный заработок был на порядок меньше получаемых ныне средств. Хотя Гоча знал, что вдова такого же мобилизованного соседа, погибшего на третий месяц службы, стала счастливым обладателем дорогой машины, однокомнатной квартиры в районном центре и улетела в месячное турне по маршруту Малайзия — Филиппины — Вьетнам, тем самым демонстрируя фантастические перспективы при «наступлении страхового случая». По крайней мере, думал Гоча, что его дети уж точно будут обеспечены. Если, конечно, благоверная не прокутит денежный эквивалент его жизни к моменту наступления у детей совершеннолетия.

— Но ведь командир должен быть с нами, — Карась продолжал искать объяснения своим вопросам. — Чтобы вести солдат за собой.

— Для каждого командира гораздо безопаснее вести солдат перед собой, — парировал Гоча. — Тем более, если запас солдат практически не ограничен.

— Ты сам у него спроси, почему он не с нами, — предложил Крот. — Он тебе и ответит.

— Я не хочу в яму, — ответил Карась. — Знаю, как он ответит.

— А зря, — вмешался Аватар, который шёл за Гочей. — Я тебе доложу — очень увлекательное мероприятие — быть в яме. Стоять в дерьме по колено и жрать помои. Я так уже делал. Дважды.

Аватар тащил пулемёт ПКМ и тысячу патронов к нему. В армию он пришёл недавно, после очередной ругани со своей женой, которая не могла вынести его новый статус пенсионера МВД, что позволяло Аватару проводить практически всё время дома, периодически погружаясь в длительные запои, к которым он был предрасположен ещё со службы. Но на службе хотя бы были какие-то ограничения, не позволяющие познать всю глубину процесса — а на пенсии, когда он, майор полиции, бывший несменяемый начальник дежурной части, вдруг оказался без контроля со стороны вышестоящего руководства, запои вышли на новый, недельный уровень. Если раньше скандалы, устраиваемые женой, состояли из упрёков в том, что он мало времени проводит с семьёй, пребывая на работе, то сейчас они продолжались с новым смыслом — жена требовала трудоустроиться «хотя бы куда-нибудь», чтобы избавить мужа от запоев и бессмысленного времяпрепровождения — и, хотя бы на рабочее время, удалить его из дома. Аватар быстро понял, что ничего делать он не умеет, кроме как отвечать на звонки телефона, обыскивать задержанных и заполнять журнал приёма-сдачи дежурства, а потенциальные работодатели, учуяв приносимый им на собеседования «букет ароматов», воротили нос и отказывали в трудоустройстве. И лишь в одном месте ему не отказали, и приняли как родного — в городском военкомате. Подписав контракт, Аватар вдруг узнал, что специальное звание «майор полиции» остаётся в прошлом, и теперь он, как и тридцать лет назад, надевает погоны рядового. Эту печальную новость он залил в первый же день пре-

бывания в воинской части, в результате чего был помят военной полицией, а в графе «позывной», появившейся в «новой редакции» штатно-должностной книги батальона, с лёгкой руки комбата появилась характеризующее прозвище — «Аватар». Сам носитель этого позывного много раз пытался изменить эту запись, и комбат даже пообещал ему дать новый позывной в случае «наблюдения твёрдого и непоколебимого стремления к искоренению вредной привычки», но майор полиции сам портил все начинания, время от времени срываясь на алкоголь, что в итоге привело к окончательному закреплению позывного, без всякой возможности его изменить. Засим и сам Аватар с этим покорно смирился.

Где-то впереди, озаряя ночной горизонт, полыхнули вспышки разрывов. Ганс принялся отчитывать секунды, и когда донеслись первые раскаты, он сказал:

- Это уже за позициями где-то.
- А сколько ещё идти? — спросил Карась.
- Тебе то что? — усмехнулся Гоча. — Иди, да иди. Зарплата капает. Четыре рубля шестьдесят копеек в минуту.
- Да как что? — Карась нервно озирался. — Придём, да не туда. Ещё и к немцу в руки попадём.
- И что такого? — глумился Гоча. — Нас всех убьют, а тебя запенят.
- Что сделают? — спросил Карась. — Я не расслышал. Пленят?
- Нет, — едва сдерживая смех, ответил Гоча.
- А что тогда?
- Ну... — под усмешки других, Гоча пытался подобрать иные слова, чтобы повеселить соратников недогадливостью простодушного Карася, — это как бы... в общем, ты тоже будешь мертвецом. Но, прошу заметить, не «ходячим мертвецом».

Соратники уже не могли сдерживаться и ржали в голос.

— Как можно смеяться над смертью? — спросил Карась.

— Скоро узнаешь, — хмыкнул Ганс.

— Может, ржём в последний раз, — «подбодрил» Гоча.

— Хотелось бы ещё пожить, — произнёс Карась.

— А для чего? — спросил Гоча. — В танчики свои играть?

— Да может и в танчики, — предположил Карась. — Моя жизнь, что хочу, то и делаю.

Некоторое время шли молча.

— Всего нам идти четыре километра, — сообщил Ганс. — Мы прошли около километра. Когда дойдём до убитой БМП, будет привал.

— А когда будет убитая БМП? — спросил Крот, который уже пытался несколько раз отставать, но шедший за ним Карась начинал наступать ему на пятки, заставляя идти быстрее.

— Слишком много вопросов, — ответил Ганс, и внезапно остановившись, громко вскрикнул, чтобы услышали все: — А ну, тихо! Кажется, птичка!

Все остановились. В ночи, далеко впереди, полыхали вспышки и доносились звуки разрывов чего-то не крупного, однако, где-то правее стал ясно слышен жужжащий звук летящего дрона.

— Если это «Баба-Яга», нам конец, — сказал Гоча.

— Все в кусты! — скомандовал Ганс и первым прыгнул в сильно прореженную лесополку.

Бойцы, суетсяь, бросились под жиденькое прикрытие, намереваясь укрыться от зоркого тепловизионного взгляда вражеского БпЛА.

Дрон прошёл метрах в ста от затаившейся группы людей. Вскоре его звук растаял в ночи и Ганс разрешил подняться.

— Повезло, — констатировал Гоча. — Вот, помню, под Бахмутом, послали нас выбить немца с хутора, а там «Баба-Яга» нас принимает и начинает минами закидывать. Мы врассыпную. Сержанту нашему мина прямо на голову упала. Восемьдесят два миллиметра.

— Взорвалась? — спросил Аватар, тяжело дыша.

— Ага, — ответил Гоча. — Его так угарно раскрыло во все стороны, мы задолбались это мясное чудо на плащ-палатку складывать. Лица так и не нашли.

— Кошмар, — в ужасе произнёс Карась.

— Зато не мучился, — философски заметил Гоча. — Раз, и в одно мгновение мучиться уже нечем. Наверное, как свет выключили — чик, и темнота. Зато мы замучились его выносить. Ротный сказал, что вытащить труп надо обязательно, он там ему каким-то родственником, что ли, приходился.

— А сколько там не вытащили, — Ганс даже обернулся, чтобы сказать это. — Тех, кто не родственники, и которых можно было там бросить, и не париться по их поводу.

— Это да, — согласился Гоча. — До сих пор, наверное, лежат там, разлагаются.

— Пацаны, стойте, — вдруг вскрикнул Карась.

— Что случилось? — Ганс остановился. — До привала не дотерпишь?

— Да нет, — сказал Карась. — Я не хочу в туалет, кажется, я автомат потерял.

— Что? — Ганс подошёл к нему вплотную. — Где?

— Не знаю, — Карась пожал плечами. — Наверное там, где мы от дрона прятались.

— Вот ты лошара, — вырвалось у Ганса.

— Где ты его последний раз видел? — спросил Гоча.

— Я не помню, — повторил Карась.

— Что случилось? — к разговаривающим подошёл Максуд, шедший в замыкании группы.

— Наш Карась автомат прощёлкал, — Ганс коротко обрисовал ситуацию.

— И что будем делать? — спросил Максуд у Ганса.

— И что будем делать? — спросил Ганс у Карася.

В этот момент каждый подумал только об одном — не возвращаться же с таким тяжёлым грузом обратно, после столь трудного пути.

— Я найду, — предложил Карась. — Вы тут побудьте, а я сейчас быстро сбегаю туда, посмотрю.

Он стал снимать с себя снаряжение и складывать его на землю.

— Значит так, Карась, — Ганс ухватил его за воротник, когда тот снял бронежилет. — Бежишь туда быстро, даже очень быстро, смотришь, находишь, возвращаешься. Мы, тем временем, идём дальше. На БМП тебя ждём десять минут. Если не успеваешь, догоняешь нас по этой дороге до развилки, где мы встречаемся с теми, кого меняем. Понял?

— Да, — кивнул Карась. — Я быстро.

— Бегом, — Максуд отвесил пинка под зад незадачливому военному, придавая тому большее ускорение.

Подпрыгнув, Карась обернулся, сверкнув осуждающим взглядом, но рыпнуться в ответ не посмел, боясь более жестоких санкций, и припустил в темноту. Когда он скрылся в ночи, Ганс подумал, что в такой темени тот вряд ли найдёт место, где группа падала на землю и щемилась по жиденьким кустам. А раз так, то попытка найти сейчас автомат была по определению бессмысленна. Тем более, что у Карася не было фонаря. Ганс даже хотел

громко позвать удаляющегося бойца, но махнул на него рукой и стал поднимать с земли и раздавать соратникам бутылки с водой, которые Карась тащил в качестве «коллективного груза».

— Что угодно можно бросить, но не питьевую воду, — сказал он. — Помнишь, Гоча, как мы в окружении без воды сидели.

— Это да, — ответил Гоча. — До сих пор как вспомню, так вздрогну. Потап же помер от обезвоживания...

Разобрав воду и оставив на земле только личное снаряжение Карася, группа двинулась дальше. Минут через десять они дошли до сгоревшего остова БМП.

— Якут, — сказал Ганс голосом, не терпящим неповиновения. — Вперёд на «фишку». Смотри в оба.

Молодой парень, в котором не было никаких признаков северной национальности, облегчённо поставив на землю ящик с двумя цинками, обошёл корпус БМП и пройдя ещё метров тридцать в темноту, сел на дорогу.

— Чисто, — до группы донёсся его голос.

— Наблюдай, — громко приказал Ганс.

Он снял с себя тяжёлый рюкзак, освобождая натруженные плечи, лёг на спину, расслабляя ноги. Некоторые последовали его примеру. Рядом присел Кузя — самый старый боец в группе, которому давно перевалило за пятьдесят, треть из которых он провёл в местах, не столь отдалённых — о чём свидетельствовали не только наколки, покрывавшие значительную часть его поджарого тела, но и прорывы «старорежимной» блатной фени, обильно скрашивающей его лексикон.

— Имел бы я такие пробежки, — сообщил он Гансу. — Может, ну его, скажем шакалам, что заблудились, не можем найти дорогу и обратно пойдём? Нам там ловить нечего, кроме креста на могилу.

— И вправду, — идею откосить от предстоящей войны горячо поддержал Крот. — Может — ну его?

— Кузя, — Ганс заложил руки за голову, и чуть повернул к собеседнику лицо: — Это ты к чему сейчас речь ведёшь?

— К тому, что не надо нам туда идти. Лучше загаситься где-нибудь.

— А ты что, ссышь что ли? — усмехнулся Ганс.

— Чего бы я ссал? — Кузя повысил тон, убеждая собеседника в отсутствии страха.

— А как будто ссышь, — продолжил Ганс. — Все идут, и ты идёшь.

— А ты что, мне тут указания раздавать будешь? Ты кто, шакал что ли?

— Шакал? — Ганс рассмеялся. — Ты где таких слов нахватался?

— А кто ты? Такой же, как и мы все — рядовой. Ты не должен быть старшим.

— А кто должен быть старшим? — поинтересовался Ганс. — Если командир с нами не пошёл?

— Да хотя бы и я, — предложил Кузя. — Я, как бы, восемнадцать годков отмотал. Человек в авторитете, если что. Могу за старшего.

— Ещё скажи — за смотрящего по взводу, — предложил Ганс.

— Я и за смотрящего могу, — сказал Кузя, но осёкся, осознав, что Ганс разговаривает с ним, явно не видя в собеседнике никакой угрозы.

— Отлично, — согласился Ганс.

— Что «отлично»? — осторожно спросил Кузя.

— Отлично поговорили, — сказал Ганс и поднялся. — Так, встаём! Подбиваем снарягу и выдвигаемся. Что там, Карася не видно?

— Удрал Карась, походу, — предположил Гоча. — Не надо было его отпускать. Пусть бы и шёл без автомата.

Накинув на себя рюкзак, Ганс посмотрел на Кузю, сидящего на земле.

— Тебя что, команда не касается? — начав давить бойца, он решил делать это до полного подчинения.

— Да иди ты, — огрызнулся «авторитет». — Я сам знаю, что мне делать и когда.

— Окей, — кивнул Ганс. — Я тебя услышал.

Спустя пару минут все, кроме Кузи были готовы продолжить движение. Тот оставался сидеть на земле, протестуя против заявки Ганса на лидерство. Ганс и Гоча подошли к нему, остальные остались стоять в сторонке, с интересом наблюдая за развитием ситуации.

— Дай автомат, — предложил Гоча.

— Зачем?

— Помогу нести, если тяжело.

Кузя с готовностью снял с себя автомат и бросил его на землю.

— Неси, если хочешь. Мне легче будет.

В момент, когда Гоча поднял брошенный автомат, даже самые недогадливые поняли, что сейчас произойдёт.

Ганс подхватил Кузю за воротник, и с силой ударил ему в лицо своим коленом. Тот попытался защититься, но не вышло — из носа брызнула кровь.

— Эй, ты чего... — в ночи раздался крик, наполненный болью. — Совсем оборзел?

— Слышь, «авторитет», — продолжая удерживать собеседника за воротник, Ганс приблизил к нему своё лицо: — мне плевать, сколько ты отсидел, какой у тебя там авторитет на зоне был, здесь ты боец Кузя, и будешь выполнять мои приказы. Потому что я — твой командир. Всё понял, или мне повторить?

— Так ты красный, значит, — прошипел Кузя.

Ганс ударил бойца в лицо, тот отшатнулся.

— Ладно, — Кузя благоразумно прекратил сопротивление. — Ясно.

— Мятеж закончился? — уточнил Ганс.

— Да, отпуская.

Кузя поднялся на ноги. Отряхнулся. Поискал глазами Гочу, державшего его автомат.

— Автомат отдай.

— Он тебе пока не нужен, — сказал Гоча. — Я твой автомат сам понесу. А ты неси мой ящик с гранатами.

— Ты с чем-то не согласен? — Ганс демонстративно посмотрел по сторонам. — Здесь темно, никто ничего не заметит...

Кузя увидел, что ему в лицо смотрят не только глаза Ганса, но и его автомат. Этот аргумент был более чем убедителен.

Крот помог Кузе взвалить на плечи ящик и группа пошла дальше.

Поглядывая на часы, Ганс понимал, что их опоздание к условленному сроку превзошло уже все возможные рамки приличия. Сменяемому подразделению, безусловно, хотелось уйти с позиции затемно, и по ночной темноте постараться максимально удалиться от линии фронта, чтобы на ротации не попасть под удар FPV-дронов или миномётов. А опаздывающая группа сменщиков лишала их такой возможности. И с ними явно придётся как-то объясняться.

Примерно за час до рассвета наконец-то они достигли конца лесополосы «Амур», далее было открытое пространство. Здесь Ганс включил радиостанцию.

— Бизон, я Ганс, приём, — сказал он в рацию.

Ответ не заставил себя ждать.

— Вы где, твари, шарахаетесь? Сколько вас ждать можно? Давай, бегом сюда!

— Фонариком моргни, — предложил Ганс.

— Да какой к чёрту фонарик? Беги прямо, мимо не проскочишь! — интонация собеседника не предвещала ничего хорошего.

— Нас сейчас бить будут? — спросил Крот упавшим голосом.

Ганс не ответил, прибавив шаг.

Минуты через три впереди послышались шаги, шорох, и вскоре Ганс увидел четырёх человек, тащивших на плащ-палатке пятого.

— Кто из вас Ганс? — сурово спросил один из сменяемых.

— Он, — злорадно сообщил Кузя, указав на Ганса, и пребывая в предвкушении предстоящей расправы.

— Он, — подтвердил Гоча и встал рядом с Гансом, всем своим видом показывая, что мгновенно пресечёт любые нападки.

— Я, — ответил Ганс.

— Вижу, спрашивать «почему так долго» бессмысленно, — сказал встречный, оценив шансы. — В общем, смотри. Мы там кое-что из боеприпасов оставили, найдёте в окопах. Немцы дронами донимают постоянно, прячьтесь от воздуха, маскируйтесь, пехота может зайти справа, по балке или на бэхе прорваться прямо по грунтовке, со стороны «Двины» — она не заминирована, ничем не прикрыта. Дайте воды попить, двое суток уже на сушке.

Им дали одну полторашку, которую бойцы жадно выпили, и по тому, что лежащему в плащ-палатке бойцу воды никто не предложил, все сделали один и тот же страшный вывод.

— Будут бить миномётами, — сказал Бизон, утолив жажду, — а бьют они очень точно, выпрыгивайте из окопов и бегите в поле. Я реально говорю — только так здесь можно сохраниться.

— Да, я в курсе, — кивнул Ганс. — Наученный уже.

— Давайте, — мужчина хлопнул Ганса по плечу. — Если прикажут штурмануть «Зею», не ходите туда. Из трёх смен там народ лежит. Удачи.

Они подхватили плащ-палатку и быстро растворились в темноте. Спустя несколько минут группа дошла до лесополосы. В сумерках ещё не было видно ни черта, и полагая, что они уже достигли своих позиций, где предстояло провести три дня, мужики побросали на землю весь груз и скинули с себя рюкзаки. Это была лесополоса, обозначенная на картах как «Десна».

— Крот — налево пятьдесят метров, Якут — направо пятьдесят метров, наблюдать. Остальные — десять минут отдых и начинаем обустройство, — скомандовал Ганс.

На этот раз никто не стал ставить под сомнение его лидерство.

Осенний ночной морозец стал пробираться к косточкам, чему способствовала мокрая после длительного перехода одежда. Люди то и дело поднимались и двигались, разогреваясь. Когда стало рассветать, постепенно открывались и виды на окружающую местность.

Оказалось, что лесополка «Десна», в которой были обустроены позиции передового дозора, была изрядно побита артиллерией, из-за чего все деревья превратились в двухметровые обугленные обрубьи, а сбитые взрывами ветки ровным слоем покрыли посадку, препятствуя нормальному передвижению, цепляясь и путаясь под ногами. Окопы походили на что угодно, но только не на окопы, скорее это были осыпавшиеся углубления, в которых

невозможно было даже спрятаться от дрона или от артиллерийского обстрела. Из трёх когда-то построенных здесь блиндажей, относительно сохранился только один, два других были вывернуты взрывами наизнанку. Стрелковые ячейки были засыпаны, и называть их таковыми язык не поворачивался.

— Какой же он урод, — произнёс Аватар.

— Кто? — поинтересовался Кузя.

— Да Каштан наш, — пояснил Аватар. — Как он нам пел — «там всё подготовлено к обороне, вы приходите, размещаетесь в хороших, тёплых окопах, есть надёжные, душевные блиндажи, все позиции тщательно замаскированы».

— Он ещё говорил про электричество, — сказал Гоча. — Что где-то тут есть бензогенератор, есть электрочайник...

— Ну ты-то, — усмехнулся Ганс. — Старый воин! И тоже поверил в эти сказки?

— Не поверишь, Ганс, — Гоча посмотрел на своего соратника. — Каштан был так убедителен, что я реально поверил во всё это. А тут... как всегда.

— А почему бы ему не быть убедительным? — спросил Ганс. — Если бы он нам сразу рассказал, как тут на самом деле, ты бы что, пошёл сюда? Конечно, нет.

— Ну да, согласен, — кивнул Гоча. — Вот нас, вновь прибывших в батальон, сюда по-быстрому и послали, пока мы от других бойцов о реальном положении дел не узнали.

— Не послали, а сослали, — поправил Ганс.

Издали раздался хлопок миномётного выстрела.

— Выход, — громко сказал Гоча и повернувшись к «молодёжи», скомандовал: — В укрытие!

Он сам и Ганс мгновенно исчезли в ближайших углублениях, остальные, ещё пока не представляющие чем

чревато промедление, суетливо копошились, выискивая лунки поглубже, почище и посуше.

Нарастающий свист падающей мины так же не придал их действиям скорости, но вот громкий разрыв, сопровождаемый визгом разлетающихся осколков, оказался более убедительным — все попадали на землю и затаились.

— Все целы? — спросил Ганс.

— Все, — крикнул Аватар.

— Аватара слышу, — сказал Ганс. — А остальные?

— Я, кажется, ранен, — крикнул Крот, и через несколько мгновений уже более уверенно заорал: — Я ранен! Кровь хлещет! Помогите!

Ганс быстро подскочил к нему, стал осматривать.

— Куда?

— В ноги! А-а-а!

Ганс повернул Крота на спину, отметив про себя увиденное мокрое пятно, увеличивающееся в районе паха. Внешних повреждений видно не было, и Ганс хлопнул Крота по плечу:

— Всё нормально. Такое тоже бывает. Это у тебя не кровь течёт...

Крот ощупал себя, и глаза его забегали:

— Это непроизвольно... так получилось... оно как бахнет... у меня будто сознание выключило на несколько секунд... я в бессознательном состоянии был, когда это... потекло.

Ганс встал.

— Осматривайте позицию, выбирайте себе места, где будете сидеть все три дня. Маскируемся. Кто не спрячется — оператор будет не виноват! Давайте живее! Немец нас видит, будет время от времени крыть минами, будет атаковать сбросами и «истеричками». Шевелитесь!

Он не смотрел на Крота, оставив того один на один с проявившейся проблемой, и Крот эту деликатность оценил:

— Ганс, спасибо...

— Не ссы, всё будет хорошо, — усмехнулся собеседник. — Ты главное в штаны более серьёзно ничего не выложи. А то стирать здесь негде и нечем.

— Я не хотел, — Крот опустил голову. — Оно само.

— Я знаю, — сказал Ганс. — Ничего страшного. Привыкнешь.

— Когда?

— К вечеру.

— Предлагаю пулемёт поставить здесь, — к Гансу подошёл Максуд. — Если чубатые попрут по балке, с этой позиции они для пулемётчика в одну линию выстроятся, очень удобная цель будет. Если их «бэхой» на край «Зеи» забросят, то отсюда их тоже будет удобно косить фланговым огнём.

— Дельно, — кивнул Ганс. — Где наблатыкался?

— Я «кашник», — ответил Максуд. — Ещё с Бахмута начинал. Полгода от звонка до звонка.

— Понял, — улыбнулся Ганс. — А что же ты раньше о своём прошлом не говорил?

— А зачем? Тебе сказал, ты теперь знаешь. А остальным — зачем это знать? История такая себе... не для всех, — своей фразой Максуд дал Гансу понять, что воспринимает его не так, как остальных, что видит в нём лидера и готов ему доверять не только историю своей жизни, но и нечто больше — в данных условиях, возможно, и саму свою жизнь.

— Согласен, — кивнул Ганс. — Про вашего брата много чего рассказывали, о чём лучше не знать.

— Ну, вот и я про то же.

Максуд, несмотря на такой позывной, был русским. Когда-то давно он застал свою жену в постели с лучшим другом, и в порыве стремительного душевного расстройства, убил на месте обоих — кухонным топориком — раскроив им черепа. Дали ему, учитывая состояние внезапного аффекта, шесть лет колонии, где на пятом году отсидки, на плацу он увидел человека с тремя геройскими звёздами, и услышал его слова «в моём подразделении недопустимы три греха...». Так он оказался в «музыкальном коллективе», а ещё через пару недель — на окраине Бахмута, в Иванграде, и затем дни закрутились как в калейдоскопе — штурмы, штурмы, штурмы. Ему посчастливилось выжить в «Бахмутской мясорубке», которая стала мясорубкой не только для противника. Через полгода он вернулся в родной город, где быстро понял, что там он никому не нужен, и ноги сами привели его в военкомат, где он и подписал контракт. Почему в армию, а не в родной коллектив? Да потому что Марш Справедливости уже отгремел, и «Министерство Наступления» кануло в Лету — пришлось трудоустраиваться в Министерство Обороны.

Ганс вспомнил, что по достижению позиций он должен был доложить об этом командиру взвода, и включив рацию, стал вызывать Каштана.

— Каштан — Гансу!

— На связи, — ответил Каштан. — Вы дошли?

— Дошли.

— Только сейчас?

— Нет, полчаса уже здесь, немцы обстреляли нас из миномёта.

— Двести, триста, есть?

— Нет, — ответил Ганс.

— Надо сразу докладывать, — поучительно сказал лейтенант. — Смена ушла?

- Ушла.
- Что-то ещё?
- По пути потерялся один карандаш.
- Кто?
- Карась.
- Как?
- Где-то свой автомат потерял, пошёл назад, искать его. Обещал догнать нас, как найдёт.
- Вот нельзя было без приключений?
- Каштан, пошёл бы ты с нами, не было бы приключений.
- Смену предупредили, что они карандаша могут встретить?
- Нет.
- А надо было.
- Да сами разберутся.
- А если вальнут его?
- Значит, судьба у него такая, — усмехнулся Ганс. — Но если честно, то думаю, что он в деревню свалил обратно. Там его ищите.
- Конец связи, — Каштан поспешил соскочить с неловкого разговора.

Осматривая позиции, Гоча нашёл четыре реактивных гранатомёта, аккуратно сложенных в полуразрушенном блиндаже, а рядом — вскрытый цинк с автоматными патронами, наполненный не менее, чем на половину.

Время от времени со стороны противника раздавались орудийные и миномётные выстрелы, и по позициям несколько раз прилетали мины, но все они падали, так получалось, вдали от людей, не причиняя им вреда. Несколько раз пролетали коптеры, которые не обращали внимания на занятую отделением лесополку, улетая ку-

да-то дальше, в сторону основных позиций батальона — в любом случае им там было интереснее.

Кузя, не горя желанием воевать, спрятался под упавшим деревом, где быстро оборудовал себе лежак, накидав сверху веток — полагая, что такой маскировки будет достаточно. Там он выложил из рюкзака свои запасы еды — три сухпайка, и плотненько пообедав, завалился спать, проигнорировал окрики Ганса, искавшего его, чтобы нарезать задачи.

Не найдя «заслуженного авторитета», Ганс привлёк к делу Якута, которого отвёл на правый фланг занимаемой лесополки «Десна». Далее, через семьдесят метров открытого пространства, под косым углом к «Десне» располагалась лесополоса «Зея», о которой упомянул Бизон.

— Сечёшь в оба глаза. Если прощёлкаешь немца, и тебе конец, и нам. Но тебе конец точно, а нам нет, мы, может, успеем что-то сделать. Они могут двигаться по лесополке, — Ганс указал рукой на «Зею», — если увидишь там движение, сразу открывай огонь. Всё понял?

— Да чего тут не понять?

— Ну, мало ли. Вдруг ты не догадливый.

— А долго сидеть? Меня кто-нибудь сменит?

— Зачем?

— Ну, чтобы отдохнуть.

— Отдохнуть от чего? От того, что ты тут будешь просто сидеть и ничего не делать?

— А спать как?

— А ты что, в подвале не выспался? Пять часов спал, как убитый!

— Ганс, это не дело, — Якут покачал головой. — Я что, за всех тут должен на фишке стоять?

— А ты не стоишь, ты сидишь.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

От Ганса несло силой, уверенностью и полученным боевым опытом, Якут излучал страх предстоящего одиночества и сомнение в справедливости такого распределения задач. Где-то в глубине души Ганс выбирал, чем сломить сейчас этот демарш: разъяснением задач остальных бойцов, или же оплеухой, и не мог выбрать, хотя Якут был вдвое его моложе, однако, при этом он явно не был совсем уж слабохарактерной личностью, для убеждения которой хватило бы одной пощёчины.

— Ты это, — сказал Ганс, секунды спустя. — Не ки-чись. Тут всем работы хватит. И у тебя ещё не самая слож-ная.

— Просто про меня не забывайте, — примирительно ответил Якут.

— Не забудем, — пообещал Ганс.

Ещё недавно Якут «парился на зоне», отбывая срок за вооружённый грабёж, к которому его толкнули обстоя-тельства и слабость перед соблазном быстрого обога-щения. Работая на рынке охранником, в один прекрасный момент он узнал, что одна из местных среднеазиатских диаспор будет вывозить накопленную наличность. Делу способствовало наличие у него служебного оружия — пи-стоleta — который он и использовал в попытке завладеть целым баулом налички. Радоваться успеху пришлось не долго — уголовный розыск нашёл его через сутки на его же даче. К тому времени потратить он смог три тысячи рублей — на бутылку шотландского виски, бутылку колы, шоколадку, сервелат и килограмм яблок. Пару миллионов присвоили опера, пока оформляли изъятие, еще двадцать шесть миллионов государство обратило в казну, так как заявители не смогли объяснить источник их происхожде-ния. Отсидеть он успел три года, после чего сотрудики

оперчасти популярно объяснили ему преимущества подписания соглашения с Министерством Обороны, после чего он очень быстро оказался на фронте — в прославленном орденоносном мотострелковом соединении. Для него эти события были как обухом по голове — бывало даже сложно поверить в происходящее: только недавно ты был ещё на зоне, и точно знал, когда выйдешь на свободу, и вдруг раз, ты не понять где, вокруг война, а вместо перспектив стать свободным членом общества, стала преобладать перспектива быстрого упокоения, причём, как он вдруг стал осознавать, скорее всего без всякой пользы для Родины и себя лично.

— Не забудем, — пообещал Ганс и спросил: — А почему тебя называли Якут?

— Я в Якутске родился, — признался собеседник. — Семья уехала оттуда, когда мне было три месяца. Во взрослой жизни я там никогда не был.

— Я понял, — кивнул Ганс.

— А почему ты — Ганс? — задал Якут встречный вопрос.

— А потому что я родился в Германии, — ответил Ганс. — Отец служил в ГСВГ, в Магдебурге. Во взрослой жизни я там никогда не был. Но, чую, скоро придётся.

Оставив Якута одного, Ганс пошёл по позиции, снова осматривая доставшее им хозяйство. Под сваленным деревом ему посчастливилось найти большую сапёрную лопату и топор, принесённые сюда прошлыми сменами. Забрав инструменты, он вернулся к сохранившемуся блиндажу, где уже сидели Гоча, Аватар и оставивший свою позицию Крот.

— Мужики, я нашёл шанцевый инструмент, — сказал Ганс. — Будет, чем копать.

— Отлично, — кивнул Гоча. — Я первый!

Он взял лопату и выбрался из блиндажа.

— Я вообще не согласен, — заявил Аватар. — Нам обещали нормальные окопы, а не это.

— Так делай их нормальными, — ответил Ганс.

— Моя задача — оборонять позицию, а не строить укрепления. Нам должны были всё тут построить...

— Кто должен? — спросил Ганс.

— Тот, кто нас сюда послал, — сказал Аватар. — Я не нанимался землекопом тут работать. Я подписал контракт как пулемётчик. Моё дело — стрелять.

— То есть, ты сам себя защитить не хочешь?

— В смысле?

— В смысле оборудовать себе окоп или стрелковую ячейку. По-твоему, это кто-то другой должен делать?

— По-моему — да. Они должны были загнать сюда экскаватор!

— Хорошо, — кивнул Ганс. — Пусть будет так. Пусть будет экскаватор.

— Птица! — крикнул снаружи Гоча и через секунду запрыгнул обратно в блиндаж.

Вход в сооружение был прикрыт плащ-палаткой, которую Гоча тут же задёрнул и затаился.

— Где-то надо мной висел, — пояснил он. — Поздно его услышал...

Все напряженно вслушались — визг коптера был слышен отчётливо.

— Лишь бы не со сбросами, — сказал Ганс, и в этот же момент за «занавеской» раздался взрыв, который буквально вдул плащ-палатку вовнутрь блиндажа.

От близкого разрыва у всех заложило в ушах. Люди начали ощупывать себя на предмет ранений, но таковых не оказалось.

— Крот, у тебя как там, всё нормально? — усмехнулся Ганс.

- Вроде да, — под хохот остальных ответил боец.
- Обычно «мавик» одну гранату таскает, — сказал Гоча и высунулся наружу. — Чисто. Улетел.
- Надо дверь сделать, — сказал Ганс. — Чтобы от осколков защищала, если так же будут сбрасывать.
- Бронированную, — подсказал Крот.
- А ты почему здесь? — спросил Ганс, посмотрев на него. — Я же тебя на пост выставил.
- Все пошли в блиндаж, и я пошёл, — Крот пожал плечами, словно не совершил ничего из ряда вон выходящего.
- Снаружи раздался неразборчивый крик, затем простучала автоматная очередь, за ней ещё одна.
- К бою, — быстро сориентировался Ганс, и первым выскочил из блиндажа.
- За ним выскочил Гоча и они бросились к краю позиции, где сидел Якут — стрельба доносилась оттуда. Пока они бежали, раздалось ещё несколько очередей.
- Ещё издали Ганс разглядел на соседней посадке человеческую фигуру, и остановившись, прицелился, но выстрелить не успел — фигура исчезла.
- Ты как? — Ганс свалился рядом с Якутом, лежащим в полуразрушенной стрелковой ячейке.
- Трое, — сказал он. — Я стал стрелять, они стали стрелять в ответ.
- Попал в кого?
- Не знаю, — ответил Якут. — Этого я не увидел. Они спрятались.
- Они сейчас там? — спросил Гоча, свалившийся рядом, указывая в сторону края «Зеи».
- Я не знаю, — ответил Якут.
- Вот нам их ещё тут не хватало, — посетовал Гоча. — Будто нам дронов было мало.

— Вон он, — сказал Ганс, высмотрев кого-то, и привстав на колено, сделал несколько одиночный выстрелов. — Есть, кажись попал. Или нет. Не разобрать.

— Аватар, работай по краю лесополки! — крикнул Гоча, повернувшись назад.

— Если они так близко подтянулись, покоя нам не будет, — резюмировал Ганс. — Сейчас миномётка нас крыть начнёт. Где лопата?

— Там бросил, — ответил Гоча. — Принести?

— Тащи, надо углубиться здесь.

Гоча уполз с позиции на четвереньках.

— Молодец, — Ганс похвалил Якута. — Не прощёлкал фишку.

— Да они шли в открытую, как у себя дома, — пояснил Якут. — Будто нас тут и нет. Я даже подумал, что это свои какие-то, но откуда тут свои? Подпустил их на сто метров и полоснул очередь. Они попрятались.

— Хохлы — сдавайтесь! — привстав, крикнул Ганс.

Отвечать никто не стал — «Зея» хранила молчание.

— Покажи свою рожу, хохол, — крикнул Ганс ещё громче. — Я хочу её прострелить!

Провокационный крик так же не дал результата. Вскоре вернулся Гоча — он принёс лопату и реактивную гранату. Приведя РПГ в боевое положение, он попросил точно указать ему, куда стрелять. Ганс и Якут разошлись во мнении относительно источника звука, поэтому решили выстрелить по наиболее вероятному месту.

Гоча привстал на колено, быстро вскинул на плечо трубу и выпустил гранату. В посадке прогремел взрыв. Ганс веером пустил очередь на звук, но «Зея» продолжала хранить молчание.

— Ушли, наверное, — предположил Ганс. — Может, прячутся пока, ждут подкрепление.

— Они здесь дальше не пойдут, — сказал Гоча. — Мы им обозначили, что видим их, и можем бить.

— Накроют минами, и снова попробуют пройти, — сказал Ганс. — Копаем!

Гоча стал быстро откидывать лопатой землю, углубляя ячейку, Якут следил за лесополкой, Ганс — за воздухом. Вскоре со стороны противника стали раздаваться хлопки «выходов».

— Валим, — крикнул Ганс и побежал в сторону блиндажа.

Остальные побежали следом, чтобы через десяток секунд завалиться на землю — подальше от того места, где они только что были, и куда, с помощью коптера, могли целиться вражеские миномётчики.

И действительно — мины падали с прицелом по краю «Десны», разрываясь и засыпая осколками всё вокруг. Парни лежали, вжавшись в землю, каждую секунду моля судьбу и Создателя, чтобы пронесло, чтобы Смерть прошла мимо.

Это продолжалось несколько минут, затем обстрел стих. Парни вернулись обратно. Во вражеской лесополке никакого движения не наблюдалось.

— Они, походу, оттянулись перед обстрелом, — предположил Ганс. — Как и мы.

— Эх, были бы у нас свои миномёты, — мечтательно произнёс Якут. — Сейчас бы врезали по ним.

Ганс достал радиостанцию, вызвал Каштана, а когда тот ответил, коротко обрисовал обстановку:

— Видели троих, потом нас обстреляли из миномётов.

— Они пытаются наступать? — спросил Каштан.

— Нет, сейчас я их не наблюдаю. А мы можем их накрыть минами?

— Кого — их?
— Край «Зеи».
— Я доведу Корсару, — сообщил Каштан. — Не выключайся, жди.

Ганс многозначительно посмотрел на Якута, но через пару минут ожившая рация голосом Каштана предложила не заниматься ерундой и продолжать нести службу имеющимися силами.

— И вот скажи, Ганс, — Якут смотрел вдаль. — Как воевать с такими командирами, которые не могут организовать удар по противнику?

— Мне нечего тебе ответить, — улыбнулся Ганс. — И ты это знаешь.

— Да, — сказал Якут. — Это был риторический вопрос.

Обсудив варианты действий в случае повторного нападения, Ганс вернулся к блиндажу, где отсиживались Аватар и Крот.

— Аватар, ты где?

Из блиндажа высунулся Крот.

— А он ушёл.

— Куда ушёл? — удивился Ганс.

— Как бой начался, он за вами выскочил, — сообщил Крот.

В свои сорок два года Крот, не обладая никакими качествами, которые сделали бы из него мужчину, отрастил красивую бороду, вводящую людей в глубокое заблуждение относительно свойств характера её носителя. Повинуясь принятому в обществе мнению, что борода является олицетворением мужественности, собеседники выдавали ему кредит доверия, который он очень быстро разрушал своим поведением, заставляя людей, вынужденных с ним общаться, испытывать неловкое ощущение

обмана. Поверхностность и необязательность были его жизненным кредо, и всё бы ничего, но в какой-то момент это вошло в противоречие с мнением сильных людей, которых он кинул, и те, наказания для, привели его за руку в военкомат, убедив согласиться с добровольностью решения подписать контракт. Крот счёл возможным из двух зол выбрать меньшее, и вскоре оказался на СВО.

— А ты чего не помог? — спросил Ганс.

— Чем? — искренне удивился Крот.

— Ты идиот? — уточнил Ганс.

— Вроде нет, — Крот помотал головой.

— Ты жить хочешь? — это прозвучало как угроза и Крот напрягся.

— Конечно хочу, — ответил Крот.

— Тогда ты должен принимать участие в бою, — нравоучительно произнёс Ганс. — А не прятаться по щелям. Всё понял?

— Понял, — кивнул Крот.

— Ну, если понял, тогда иди и помоги Гоче копать окоп.

— Хорошо, — кивнул Крот. — А автомат брать?

— Брать, — ответил Ганс, сдерживая себя от острого желания стукнуть собеседника чем-нибудь тяжёлым.

— А идти уже сейчас?

Ганс развернулся и пошёл по остаткам хода сообщения.

— Уже сейчас? — вослед снова поинтересовался Крот.

— Да-а! — крикнул Ганс, не поворачивая головы.

Он решил пройти до левого фланга опорного пункта, чтобы найти Кузю и Аватара, которые куда-то запропастились. Высоко поднимая ноги, переступая через поваленные ветки, Ганс дошёл до края оборудованной позиции.

Аватар сидел в небольшом окопе, прикрывшись ветками.

— Пулемётчик, я тебя звал, — сказал Ганс. — А ты не пришёл.

Аватар смотрел на него стеклянными глазами, полными страха и безысходности.

— Где твой пулемёт?

— Т-там, — бывший майор полиции нашёл в себе силы ответить.

— А почему ты не там? — спросил Ганс, и его интонация не предвещала Аватару ничего хорошего.

— Т-там... Т-там... — несколько раз повторил Аватар.

— Вылезай и пошли за мной, — сказал Ганс, и когда тот выбрался из своего укрытия, спросил: — Кузю не видел?

— Н-нет, — ответил тот.

Ганс не поленился довести Аватара до стрелковой ячейки, где стоял его пулемёт.

— Сиди тут, «пулемётчик».

Ровно в полдень Ганс включил радиостанцию и вызвал Каштана.

— Происшествий не случилось, — доложил он.

— Замечательно, — радостно сказал Каштан. — Слушай сюда. Ровно в пятнадцать часов вы занимаете лесополку, что перед вами. В четырнадцать пятьдесят по ней отработают миномёты. Короче, вам там работы — на десять минут — зайти, осмотреться, закрепить, и сидеть спокойно, курить бамбук.

— Там позиция стрёмная, Каштан, — сказал Ганс. — Мы здесь-то, как на ладони, а туда, в низину спускаться, что бы нас с соседнего склона долбили, нет, не пойду.

— Не тебе решать, Ганс, — сказал Каштан. — Ты получаешь приказ и идёшь его выполнять.

— С кем, Каштан? Двое потерялись, двое от страха трясутся, остальные так себе солдаты...

— Вот с этими воинами и идёшь выполнять задачу. Что не ясно? Если не пойдёшь, я тогда дам указание арте отработать по тебе. Поверь, им без разницы, куда стрелять. Ты меня услышал?

— А тебе не запаadlo по своим бить?

— Не запаadlo, если «свои» приказы не будут выполнять, — ответил Каштан. — И ещё, смотри, менять мы вас будем с «Зеи». Если вы останетесь на «Десне», будете сидеть там хоть до второго пришествия. Ты меня хорошо понял? Никакого снабжения вам не будет. Если сами назад попрётесь — прикажу расстрелять вас, а прокурору скажу, что вас с немцами перепутали.

— Какой же ты чёрт, лейтенант, — сказал Ганс. — Я думал, что ты человек.

— Я всё сказал, — крикнул в рацию Каштан. — Выполнять! И смотри, мне сверху всё видно. Если в пятнадцать часов группа не встанет и не пойдёт вперёд, пеняйте на себя!

Каштан поспешил отключиться. Ганс непроизвольно посмотрел на часы, хотя точно знал, сколько сейчас времени. Весь его опыт кричал, что поставленная задача бессмысленна, безумна и конечно, невыполнима теми силами, какими он располагал. Зайти на вражескую позицию, наверное, было возможно, но удержать её не представлялось возможным, так как её расположение позволяло противнику напрямую наблюдать, что там происходит и корректировать огонь миномётов даже без использования разведывательных БпЛА.

Своими опасениями Ганс поделился с Гочей, который тоже оказался не в восторге от полученного приказа.

— Да они там с катушек слетели? — вскрикнул он. — Какой ещё штурм? У нас тут людей — раз два и кончились, а они требуют «Зею» взять!? Да мы там ляжем все, кто нашу позицию оборонять будет?

Он замолчал, выдохшись.

— Каштан сказал, что, если мы не пойдём на штурм, он ударит по нашей позиции миномётами, — сообщал Ганс «дополнительные подробности».

— Да и пусть бьют, — махнул рукой Гоча. — Какая разница, кто по нам бить будет — немцы, или свои дебилы. Я уже попрощался с жизнью, мне не страшно. Отсюда мы всё равно уже живыми не выйдем.

— То есть, ты готов идти? — горько усмехнулся Ганс.

— Все там ляжем, — кивнул Гоча. — Или здесь. Мне уже безразлично. Если ты идёшь, я с тобой.

— Остальных тоже поднять надо, — сказал Ганс после некоторой паузы. — Я не могу урку найти, где-то спрятался и не отвечает.

— Мог к немцам уйти, — предположил Гоча.

— Мог, — кивнул Ганс. — Надо бы остальных собрать. Иди на край Якута, гони всех в блиндаж, кто с той стороны сидит, кроме него самого, ему потом расскажем, он вроде адекватный пацан. А я с той стороны пройду, снова посмотрю все норы и щели.

Ганс и Гоча разошлись в разные стороны. Забрав Крота с самой дальней стрелковой ячейки, Ганс двинулся с ним обратно к блиндажу. Тот несколько минут заискивающе рассказывал, что в детстве он, якобы, болел каким-то неизлечимым недугом, который и был причиной его внезапного опорожнения при близком разрыве, как бы оправдываясь и формируя мысль, что так-то он не виноват, что на самом деле он смелый и решительный, и всё произошло только из-за этой болезни...

— Стоп, — впередиидущий Ганс замер и поднял правую руку.

Крот ткнулся ему в спину.

— Что?

— Кто-то в кустах сидит.

— Где? — тихо спросил Крот.

— Вот ты где, — громко сказал Ганс.

Среди кучи веток в позе орла сидел Кузя. Услышав голос Ганса, тот воровато обернулся — быть застигнутым за столь деликатным процессом, видимо, не входило в его планы, а потому его лицо выражало некоторый конфуз.

— Чего тебе? — спросил Кузя, разбрасывая вокруг себя куски туалетной бумаги.

— Пошли с нами.

— Никуда я не пойду. — Сделав своё дело, Кузя встал в полный рост. — Хочешь убить меня за неповиновение? Ну, чего ждёшь? Стреляй.

— Слышь, Кузя, — Ганс едва сдерживал себя, чтобы снова не навалить «авторитету». — Двигай в блиндаж, дело есть. Обсудим ситуацию, как нам дальше быть. И это, — Ганс подумал, что будет лучше, если он хотя бы намекнёт Кузе, что «был не прав и готов исправиться», — ты на меня зла не держи, не сдержался я, обстановка такая.

— Что там обсуждать? — спросил Кузя, проявив интерес после «публичного» признания Гансом своей неправоты.

— Как дальше быть, — повторил Ганс. — Нам тут ещё несколько суток торчать, и мы должны вместе держаться.

Кузя почесал в затылке и полез через ветки к подобию тропы, которая шла через всю позицию.

Когда в блиндаже собрались все, кроме сидящего на фишке Якута, Ганс «обрадовал» отделение полученной задачей:

— Пацаны, такое дело... в пятнадцать часов мы должны пойти на «Зею» и занять позиции хохлов.

— Мы так не договаривались, — сказал Аватар после нескольких мгновений повисшей тишины. — Нам сказали оборонять «Десну». Я туда не пойду. Мне это на хрен не надо.

— Куда идти? — спросил Кузя. — Что такое «Зея» и «Десна»?

— «Десна», это наша лесополка, — пояснил Ганс. — А «Зея», это та посадка, что чуть дальше.

— А там есть хохлы? — спросил Кузя.

— Может и есть, — ответил Ганс. — Может и нет. Кто их знает?

— А кто сказал идти? — уточнил «авторитет».

— Да какая разница? — Ганс сверкнул глазами. — Комбат это приказал, ротный, взводный или я, нам всё равно туда идти.

— Я не пойду, — решительно заявил Кузя. — Аватар правильно говорит, нам сказали быть на «Десне», а не на «Зее». Хрен ли мы туда пойдёмся?

— Вначале сказали оборонять «Десну», — кивнул Ганс. — Теперь приказ идти на «Зею». Что с того? Мы люди маленькие, мы люди военные — нам приказали, мы должны делать.

— Ничего мы не должны, — запротестовал Аватар. — Это не законно! Приказ был обороняться, а не наступать!

— Не должны, — поддержал его Кузя. — Не законно!

— Вы вообще — добровольцы, — вмешался Гоча. — Это нас с Гансом мобилизовали, нам это должно быть всё по барабану! А вы — сами сюда пришли, добровольно, по собственному желанию. Вот вы и выполняйте приказ. А мы тогда тут посидим.

— Да мне этот приказ вообще никуда не брякал, — вскрикнул Кузя. — Я сюда пошёл только за свободой. Полгода прокантуюсь как-нибудь. А все эти ваши боевые задачи вы сами решайте, без меня. Мне они — до одного места!

— Каштан сказал, если мы не пойдём в пятнадцать часов в атаку, они начнут миномётами нас бить, — сообщил Ганс. — Так что, идти надо.

— Мы, когда немцев там обстреляли, больше их не видели. Наверное, они ушли, — сказал Гоча. — Нет их там. Может, пойдём, посмотрим? А если их реально там нет, сядем в «Зее» и будем там сидеть. Нам какая разница, где три дня провести. Мины, если что, одинаково падают.

— Я никуда не пойду, — снова сказал Кузя. — Есть они там, или нет. Не пойду и всё. Лучше уж здесь три дня просидеть.

— Ещё Каштан сказал, что менять нас будут только с «Зеи», — сказал Ганс. — А пока мы будем оставаться на «Десне», они не будут нас снабжать — вот что мы взяли с собой на трое суток, ничего кроме этого у нас не будет. Надо идти, пацаны, на эту «Зею».

— Какие же они конченные черти, — сказал Аватар. — Сидят там, в тылу, и по рации нас на убой отправляют. Хорошо устроились. Надо про них прокурору рассказать, или контрикам, пусть шевелятся, пусть грызут друг друга!

— Чем ты напишешь? — усмехнулся Ганс. — Телефоны у всех отобрали.

Аватар заскрипел зубами.

— Это не законно всё! Я буду жаловаться! Они не имели права у нас отбирать телефоны!

— Послушай, Синевот, — в разговор вмешался Максуд, который всё это время молчал. — Или как там тебя, Аватар! Хватит истерить как баба. Нам поставили задачу, и хочешь ты того, или нет, мы все пойдём её выполнять. Смирись с этой мыслью, и тебе станет легче.

— Короче, пацаны, — после некоторой паузы Ганс стал подводить итог разговора. — Идти надо. Иначе нам всем будет плохо, а так хотя бы шанс есть, что нас отсюда через три дня сменят.

— Согласен, — сказал Гоча.

— Нас там убьют? — спросил Крот.

— Не всех, — ответил Ганс. — А только тех, кто... — едва заметным движением глаз он скосился на штаны Крота, ещё не полностью просохшие после случившегося.

Крот на глазах совершенно скис и поник. Никто не собирался поднимать ему настроение — у каждого были собственные переживания по поводу предстоящих событий.

— Как будем действовать, командир? — по-деловому спросил Максуд.

— За десять минут до начала атаки наши миномётчики ударят по «Зее», — сказал Ганс. — А потом уже наш выход. Думаю, поступим так: первым идёт Крот, как только он доходит до лесополки, выдвигаешься ты и Якут, если будет сопротивление, вы его подавляете, мы поддерживаем огнём с места. Как только вы зацепитесь за лесополку, следом идём мы — я, Аватар, Кузя и Гоча.

— Я иду первым? — спросил Крот.

— Да, — кивнул Ганс.

— Зачем? — его глаза бегали, выражая нарастающий страх.

— Чтобы проверить, есть там кто, или нет, — ответил Ганс.

— Но почему я? — Крот перефразировал свои опасения.

— Потому что тебя не жалко, — прямо ответил Ганс. — Толку в бою от тебя никакого, так хоть на тебе проверим, будут они обороняться, или нет... хотя бы какая-то польза. Заодно узнаем, есть там мины, или нет.

После сказанного в блиндаже повисла тяжёлая тишина. Только что Ганс озвучил смысл, который никто из находящихся в блиндаже людей не хотел признавать, потому что этот смысл уничтожал последние надежды на то, что война может иметь хотя бы какое-то снисхождение и гуманность, цепляясь за которые можно было бы рассчитывать на сохранение собственной жизни. Эту надежду Ганс сейчас убил. У всех.

— В бою полезен даже самый бесполезный солдат, — подхватил Максуд. — Потому что и на него тоже враг будет вынужден расходовать боеприпасы.

«Кашник» улыбнулся, но люди, ясно понимающие, что через пару часов им предстоит шагнуть в ад, не улыбались в ответ. Крот побелел, трясущимися пальцами он расстегнул ворот, словно он мешал ему дышать.

— Ты стрелять-то умеешь? — спросил Ганс.

— Два раза стрелял на полигоне, — ответил Крот.

— А ну, дай, — Ганс протянул руку и вытащил из разгрузки Крота автоматный магазин. — В таком случае тебе он не пригодится.

— И мне дай, — Максуд тоже умыкнул у бородача магазин.

— Тебе и одного хватит, — сказал Гоча, забирая у Крота третий магазин.

У каждого бойца было по четыре автоматных магазина, чего, конечно, было недостаточно для динамичного боя, но кому ты что докажешь... сколько было, столько и выдали, а на вопрос Ганса, как воевать с таким количеством магазинов, ему резонно заметили, что их отправляют «сторожить лесополку, а не штурмовать её». Когда же задача изменилась, прапор со склада РАВ бригады был уже далеко — спросить с него было уже никак. К слову сказать, у пулемётчика носимый боезапас был

представлен всего двумя лентами по сто патронов, остальное было в цинках, коробок под патроны ему тоже не выдали — никаких. На складе их не оказалось, по крайней мере, со слов складского прапора.

— Никуда не расходиться, — предупредил Ганс. — Спите здесь. У нас есть два часа.

Уместиться вшестером лёжа в этом блиндаже было невозможно, поэтому каждый скрючился как мог. Разговор о предстоящем бое закончился, и снова его никто не поднимал, хотя Крота толкало что-то изменить, что-то доказать, лишь бы избежать участи первым двигаться к лесопосадке, буквально, вызывая огонь на себя. Окружающие люди были ему бесконечно омерзительны, и Крот многое бы отдал, чтобы избежать общения с ними, с этим, как он считал, быдлом. Он привык к безоблачной жизни альфонса, охмурявшего одиноких милф, жаждущих мужского внимания. Своим внешним видом, и в основном, ухоженной бородой, он быстро располагал к себе любую, после чего по отработанной годами схеме садился ей на шею, и пока женщина не находила в себе силы признать ошибку в выборе партнёра, Крот успевал вдоволь насладиться обеспеченным тунеядством. Мужские коллективы он старался избегать, потому что там его быстро раскусывали и глумились над его безвольным характером. И только случайность привела его на войну — так решили братья одной из дам, которую он водил за нос, а на прощание украл у неё драгоценности. Братья в полицию заявлять не стали, так как сами были сотрудниками какого-то силового ведомства, а просто вывезли дамского угодника в лес, где быстро склонили Крота к подписанию контракта, что он и сделал, будучи тут же привезённым в военкомат, начальником которого оказался третий брат. А дальше пошло-поехало — откатить назад поставленную в контракте подпись оказалось невозможно.

— Что-то живот опять пучит, — сказал Кузя, обозначив попытку выйти из блиндажа.

После долгих раздумий как избежать самоубийственной атаки, Кузя решил банально сбежать, но понимая, что Ганс будет его контролировать, своим «недугом» он попытался усыпить его бдительность. Куда бежать, было в его понимании вторично, главное — уйти из-под власти Ганса и его «добровольных помощников» Гочи и Максуда, а там уже как карта ляжет.

— Подвисься, — сказал Кузя, развалившемуся рядом Аватару. — Пройду.

Тот чуть отодвинулся, вздрогнув от холода. Кузя пролез к выходу и, сдвинув плащ-палатку, вышел наружу. Но не успел он сделать и пяти шагов, как сзади послышался окрик Ганса.

— Свалить не получится, даже не пытайся.

Кузя обернулся, и увидел, как на него смотрит ствол автомата.

— Да я и не думал, — ответил он, сплюнув в сторону. — Я до ветру только.

— Ты же только недавно ходил, — возразил Ганс.

— Снова приспичило, — ответил Кузя.

— Ну давай, — Ганс шевельнул оружием. — Приступай.

— Что, прямо здесь?

— А почему бы и нет? Покажи, реально ты до ветру собрался, или обмануть меня захотел.

Кузя пристроился под кустом и начал демонстративно кряхтеть.

— Получается? — строго спросил Ганс.

— Ну так, не очень пока, — ответил Кузя.

— Иди в блиндаж, не морочь мне голову, — приказал Ганс.

Вернувшись в блиндаж, Кузя начал хвататься за живот и тихонько ныть, своим поведением нервируя каждого, кто здесь находился.

- Ты достал уже! — громко сказал Гоча.
- Живот болит, — жалобно заявил Кузя.
- Врёт, — заверил всех Ганс. — Косит.
- Терпи, — сказал Максуд. — Осталось не долго.
- А что потом? — спросил Кузя.
- А потом всё, — ответил Максуд. — Болеть не будет.

Ничего уже болеть не будет.

За десять минут до начала штурма Ганс связался с Каштаном и тот напомнил порядок действий. В это же время со стороны тыла стали раздаваться хлопки «выходов», и вскоре на «Зее» загрохотали взрывы.

— Пошли, — сказал Ганс. — Кузя несёт две реактивные гранаты, ящик ручных гранат и рюкзак с цинком.

— Я не пойду-у-у! — вдруг заорал Крот и ухватился за стойку, поддерживающую перекрытие блиндажа. — Я никуда не пойду! Я не хочу умирать! Спасите! А-а-а!

Его лицо стало красным, а вены на лбу вздулись от дикого напряжения. Паника и страх затмили его разум, и все поняли, что разговаривать с ним сейчас было бессмысленно.

— Да что же это такое! — Ганс попытался оторвать Крота от бруса, но не смог — в своём неистовом состоянии тот обрёл нечеловеческую силу.

— Давай я его кончу, — предложил Гоча и упёр дуло автомата в лицо орущего Крота.

Увидев оружие и решительный настрой Гочи, Крот внезапно прекратил орать и выпученными глазами смотрел на оружие.

— Или ты идёшь на штурм, — сказал Гоча, — или я тебя прямо здесь завалю, тварь!

Он увёл автомат чуть-чуть в сторону и выстрелил в стенку блиндажа. В полузакрытом пространстве выстрел прозвучал оглушительно. Крот отпустил брус и свалился на пол, потеряв на мгновение сознание.

Ганс ухватил его за снаряжение и вытащил наружу. Бросив очнувшегося Крота, он повернулся к остальным, которые всё это время молча наблюдали за происходящим, находясь не далее пяти метров от входа в блиндаж. Ганс жаждал увидеть покорность в каждом взгляде.

— Кузя, твою мать, ты где? — заорал Ганс, не увидев «авторитета» среди своих подчинённых.

— Только что тут был, — сказал Максуд и выскочив из стрелковой ячейки, встал в полный рост. — Вон он, Ганс. Сваливает!

Ганс подскочил к Максуду, всмотрелся в указанную сторону — Кузя бежал по посадке, ломая кусты и ветки.

— Стой, гнида! — крикнул Ганс, но тот и не думал останавливаться.

Ганс вскинул автомат и поймав в прицел спину бегущего, пустил длинную очередь. Кузя с ходу завалился на землю, скрывшись за маской из наваленных веток.

— Так будет с каждым трусом, — сказал он, обернувшись на остальных. — Шутки кончились, мальчики. Дальше работаем по-взрослому.

Крот сидел на земле, ошалело осматриваясь. И с ним, и с Кузей, всё произошло буквально в течение одной минуты, и этот мгновенный калейдоскоп событий буквально порвал ему шаблон восприятия окружающей действительности. Он молчал и выглядел оглушённым. Произошедшее на его глазах убийство остановило истерику — смерть посмотрела ему прямо в глаза — и это был очень отрезвляющий взгляд.

— Вставай, — сказал Ганс голосом смерти.

Крот послушно встал. Всем своим видом он показывал, что готов делать всё, что ему прикажут.

— Вперёд, — приказал Ганс.

Крот пошёл в сторону, где находился Якут. Остальные пошли за ним, подхватив что-либо из того груза, который должен был нести Кузя.

— Начинайте штурм, — в радиостанции раздался голос Каштана. — Миномётчики закончили свою работу.

— Начинаем, — ответил Ганс. — Не поминайте лихом.

— Не помянем, — отозвалась рация, как показалось, довольным голосом.

Когда отделение собралось возле стрелковой ячейки, занимаемой Якутом, Ганс попросил его доложить обстановку.

— Наблюдал десять разрывов, — сообщил Якут и сострил: — Две или три мины ударили по лесополке, остальные жестоко и беспощадно рвали нацистское поле с бандеровским подсолнухом. Немцев я не видел.

— Ну, мужики, с Богом, — пожелал Ганс и выразительно посмотрев на Крота, сказал: — Первый пошёл!

Тот послушно поднялся, и обречённо двинулся в сторону края «Зеи», находящегося в семидесяти метрах от края «Десны».

— Живее топай! — крикнул Гоча во след.

Крот на мгновение обернулся, осуждающе глядя на своих боевых товарищей, и опустив голову двинулся дальше. Спустя несколько секунд послышалось жужжание FPV-дрона, который быстро спикировал на Крота и ударил ему в грудь. Полыхнул взрыв, заставивший всех присесть. Ошмётки тела и снаряжения разлетелись в разные стороны и снова наступила тишина.

— Откуда он прилетел? — спросил Ганс через минуту. — Кто-нибудь видел?

— Оттуда, — сказал Гоча, показав в сторону противника.

Ожила рация.

— Чего стоим? — спросил Каштан. — Идите вперёд. Я сверху всё вижу.

— Знаешь, что, Каштан, — Ганс вытащил из подсумка рацию. — Мы, наверное, не пойдём на «Зею», пока нам не обеспечат РЭБ от «истеричек».

— Что значит, «наверное, не пойдём»? Давайте, вставайте и вперёд!

— Гони нам РЭБ, потом поговорим о штурме, — ответил Ганс.

— Поднялся и пошёл! — заорал Каштан. — Чтобы через пять минут ты уже в «Зее» сидел, и оттуда докладывал о выполнении задачи!

— Каштан, пока не будет РЭБа, я никуда не пойду, — твёрдо повторил Ганс.

— Передай рацию Гоче, — потребовал Каштан.

Ганс протянул станцию своему товарищу.

— Гоча на связи, — сказал тот.

— Наш разговор все слышат, вопрос.

— Так точно.

— Назначаю тебя командиром отделения. Ганса от командования отстраняю. За невыполнение приказа Ганса расстрелять на месте. Организовать штурм лесополки «Зея». Посадку захватить, доложить о выполнении задачи через двадцать минут. Как меня понял, приём?

Гоча несколько секунд молчал, переваривая услышанное.

— А кем прикажете брать «Зею», товарищ лейтенант? Карась запячисотился, Кузя и Крот — двести, Ганс, считайте, тоже двести.

— Выполняйте приказ, Гоча, — ответил Каштан.

— А через полчаса вы попросите передать рацию Максуду, или Якуту, товарищ лейтенант?

— Выполняйте. Приказ, — раздельно произнёс Каштан и добавил. — Конец связи.

— Какой же он убудодок, — в наступившей тишине сказал Якут.

— Кто на что учился, — Ганс произнёс фразу, горячо обожаемую младшим офицерским составом при разговорах с подчинёнными.

— Что будем делать, мужики? — спросил Аватар.

— Выполнять приказ, — ответил «расстрелянный».

— Это глупый и бессмысленный приказ, — сказал Гоча. — Идиотский и бестолковый. Мы все ляжем на этой лесополке. Ляжем без всякой пользы. Как те, которые легли там до нас. Как те, которые лягут там после нас.

— Кому и зачем всё это надо? — спросил Аватар. — Я не хочу так бессмысленно погибать.

— А со смыслом хочешь? — глумливо ухмыльнулся Ганс.

— Со смыслом — может и да, — ответил Аватар.

— Так возьми и придумай смысл для своей смерти. И смело иди на «Зею».

— Хотелось бы ещё пожить, а не придумывать смыслы для смерти, — возразил Аватар.

— А зачем тебе жить? — спросил Ганс.

— Зачем жить? — уточнил Аватар.

— Да, — кивнул собеседник. — Именно так — зачем тебе жить?

Аватар долго молчал, смотрел на лесополку, смотрел в поля, за которыми, километрах в тридцати отсюда, жил практически мирной жизнью город Сталегорск, над которым реял жовто-блакитный прапор. Аватар смотрел в тыл, на точно такие же поля, за которыми, километрах

в тридцати отсюда, жил практически мирной жизнью огромный город с красивым названием Ударник, над которым развевался российский триколор.

И вдруг в яркой вспышке прозрения, вызванной простым вопросом сослуживца, он осознал всю абсурдность своего положения — на лично ему совершенно не нужной войне — куда он попал в глупом стремлении избавиться от ежедневных истерик жены, не разделявшей его радости от наступления долгожданной пенсии. Да, здесь не было её истеричных воплей, но было нечто, куда более страшное — ежеминутное ожидание смерти, неминуемой и, что самое печальное, абсолютно бессмысленной. Такой же бессмысленной, какой была его жизнь всё последнее время. Как бы много он сейчас отдал за то, чтобы снова услышать крики жены — самого любимого, как оказывается, человека. Чтобы снова оказаться дома, где ещё можно было попытаться придать своей жизни смысл. Но, к сожалению, что-либо делать сейчас было уже поздно — живым вернуться домой казалось для него невозможным.

— Назови хотя бы три причины, из-за которых тебе стоит жить. Только давай без банальностей типа растить детей и делать мир светлее — твои дети выросли, а светлее мир делает Солнце, а не ты. Ну, я загибаю пальцы, — настаивал Ганс.

— У меня нет ответа на твой вопрос, — сказал Аватар после раздумья.

— Правильно, — кивнул Ганс. — Потому что тебе нечего сказать по существу, как и большинству добровольцев, которые пришли сюда вместе с тобой. И жизнь твоя бессмысленна не потому, что ты не можешь сформулировать причину чтобы жить. А потому, что в отличие от меня, мобилизованного против воли, в отличие от мобилизованного Гочи, ты попал сюда по собственному

желанию, перед этим похоронив мысль о пользе своего существования в гражданской жизни, не понимая той простой истины, что, оказавшись на фронте, ты обнаружишь себя ещё более бесполезным для общества. Опровергай, если считаешь, что я не прав.

— Ты прав во всём, — с сожалением признался Аватар — и признался, в первую очередь самому себе.

— Если я прав, тогда вставай, пошли на «Зею». Умрём бессмысленно, бесславно и беспощадно — как того требует от нас Родина, — Ганс широко улыбнулся. — Или в бою найдём причину, чтобы жить.

ГЛАВА 2

Командир миномётной батареи спустился в накрытый маскировочной сеткой окоп, в котором стоял 120-мм миномёт. Два номера расчёта находились при орудии, поочерёдно потягивая сигарету. Увидев офицера, они нехотя поднялись, спрятали бычок.

— Показывайте, что получилось, — предложил Репер, и по короткому ходу сообщения шагнул в примыкающий окоп, где на брезент были выложены мины с надетыми порохами.

— Получилось, — ответил один из них. — Разложили по весовым знакам, как вы просили.

— И?

— Ну вот же, — боец провёл рукой. — Всего двадцать восемь осколочно-фугасных, четыре дымовые, две осветительные. Из осколочно-фугасных семь «Эн», шесть «плюс один», две «плюс два», семь «минус один», четыре «минус два» и одна «минус три». Дымовые все «минус один». Осветительные «минус три» и «плюс два».

— Не могу понять, в каком месте вы меня пытаетесь обмануть, — усмехнулся Репер.

— Ни в каком, — ответил один из далеко уже не молодых бойцов. — А что?

— Ну, как-то не сходится у вас количество осколков...

— Пять секунд, товарищ капитан, — собеседник стал пересчитывать осколочно-фугасные мины и глупо улыбувшись, подвёл итог: — Двадцать семь.

— Уже лучше, — кивнул Репер. — Семь «минус один» берём и несём в резерв.

Бойцы принялись таскать указанные мины в ячейку, специально вырытую для хранения резервных боеприпасов,

накапливаемых на батарее на различные непредвиденные случаи, коих происходило немало и очень часто.

Когда с брезента были удалены указанные мины, Репер сфотографировал то, что там осталось лежать, и фото тут же отправил командиру мотострелкового батальона посредством доступного мессенджера. Дав пару минут на то, чтобы комбат полюбовался фотографией, Репер набрал его во всё том же мессенджере:

— Товарищ майор, остаток!

— Не густо, — ответил Корсар.

— Я вчера представил заявку на получение боеприпасов, — доложил Репер.

— Да, видел. Ты что-то слишком большую цифру там указал. Начарт не даст тебе столько мин, — сказал Корсар.

— Печально, — произнёс Репер. — Только не понятно — мы воюем или булки мнём?

— Ты не печалься, — усмехнулся комбат. — Того, что у тебя есть, должно хватить на пару булок, то есть, задач.

— Смотря на какие, — усомнился артиллерист.

— Как обычно — убить вражеское поле.

— А, ну на это хватит, — ответил Репер. — Если корректировать будете.

— Будем корректировать, — ответил комбат. — Бездушные через час должны доложить о готовности.

— Есть, принял, — ответил Репер. — Пойду, значит, посплю.

Репер попал на СВО по мобилизации и сразу был определён в миномётную батарею мотострелкового батальона в качестве старшего офицера батареи. Имея воинское звание «капитан» и опыт службы в начале двухтысячных годов, он органично вписался в офицерский коллектив мотострелкового батальона. Командир батареи, молодой старлей, быстро объяснил старомодному

Реперу, что линейку АК-3, буссоль ПАБ-2А и хордоугломер с бумажными картами он может смело закинуть в чулан. Молодой артиллерист предложил Реперу установить на смартфоне всего две программы — одну топографическую, другую расчётную, после чего время исчисления данных для стрельбы ускорялось на порядок. На замечание Ропера, что смартфон может быть утрачен, сломан, на нём может сесть аккумулятор, что неминуемо приведёт к утрате батареей боеспособности, молодой комбатр предложил купить ещё один смартфон и пару мощных повербанок, которые могли бы полностью исключить указанные опасения.

Открыв для себя указанные «достижения цивилизации», Репер был приятно удивлён тому, как всё это вкуче со средствами аэрозондировки резко повысило точность артиллерийской стрельбы и снизило расход боеприпасов. Практическая стрельба доказала преимущества этих новшеств и Репер был вне себя от счастья.

Однако, вскоре командира батареи забрали в соседний батальон, а Ропера назначили исполняющим обязанности командира, естественно, забыв это назначение зафиксировать документально. Старый мудрый воин, трезво оценив происходящее, быстро пришёл к выводу, что напоминать командованию о возникшей коллизии не стоит, ибо в случае, если вдруг на батарее произойдёт какая-нибудь локальная катастрофа, то с него, в отсутствии документального назначения, и взятки будут гладки. Тем более, что на батарее он оставался единственным офицером, и при всём своём желании не мог лично контролировать весь свой личный состав, что к локальной катастрофе создавало все возможные предпосылки.

Однако, по ходу службы выяснился ещё один нюанс, неприятный для него, как для командира

артиллерийского подразделения — из набранных в батарею пяти десятков человек не нашлось ни одного, кто бы мог в своей голове уложить понимание тысячной, уровня, прицела, угломера и точки наводки. Шесть человек, назначенных командирами миномётов и шесть человек, назначенных наводчиками, имели очень слабые понятия, как всё это работает, и что самое страшное, не считали нужным учиться этому ремеслу. Репер извёл все нервы в попытках объяснить элементарные вещи, но всё было тщетно. Максимум, на что хватило его подчинённых за год совместной службы на СВО, они научились выставлять скомандованный прицел, разносить мины по весовым знакам, вкручивать взрыватели, навешивать пороха и громко кричать «выстрел» при вкладывании мины в ствол миномёта.

На батарее, как и во всей бригаде, расхожим было убеждение, что вот, дескать, мы тут временно, потом придёт «кадровая армия» и сменит нас, но «кадровая армия» всё не шла и не шла, и Реперу даже пришлось объяснить личному составу, что «кадровая армия» — это мы, и другой не будет. Впрочем, это не изменило подхода людей к изучению материальной части, и в итоге Репер был вынужден все огневые задачи решать одним миномётом, лично вводя рассчитанные установки прицела. И только год спустя на батарею пришли два добровольца, которые на срочной службе, когда-то очень давно, были наводчиками: один — самоходной гаубицы «Акация», другой — реактивного «Урагана». Эти двое быстро освоили миномёты и дело, наконец-то, стронулось с мёртвой точки настолько, что Репер даже стал думать о поездке в отпуск.

После получения команды на открытие огня, Репер выбрался из блиндажа вместе с дежурным расчётом.

— Второе орудие к бою, — крикнул Репер.

Номера заняли свои места.

— Стрелять будем, командир? — спросил один из бойцов — мобилизованный из глухой деревни пятидесятилетний пчеловод.

— Как догадался? — усмехнулся Репер.

— Это было не сложно, — заверил мобилизованный. — Прозвучала команда «к бою»!

— Шаришь, — усмехнулся Репер. — Молодец!

— Командир, прицел? — спросил наводчик с позывным Зной.

— Основное направление... угломер... уровень... прицел... — Репер продиктовал предварительные установки для ведения огня, указанные в плановом задании.

Зной отрепетовал установки прицела и начал крутить барабанчики, добиваясь совмещения рисков с указанными значениями.

Через несколько минут «бездушные» доложили о готовности корректировать огонь, и первая мина полетела в цель.

Через минуту разведчики, наблюдающие разрывы с беспилотного аппарата, дали корректуру. Выполнив расчёты, Репер скомандовал поправки и «закидной» отправил в полёт вторую мину, ловко пригнувшись, чтобы ударом воздушной волны, образуемой выстрелом, ему не порвало перепонки. Затем пошла третья, четвёртая, пятая и последующие осколочно-фугасные мины.

Время от времени Репер делал запрос на корректировку, но наблюдатели докладывали, что разрыва очередной мины не наблюдают — так повторялось несколько раз. Никто не требовал объяснений, так как стрельба велась «союзными» минами, и все участники стрельбы вполне допускали некоторую, скажем так, не-

кондиционность применяемых изделий — при касании земли они могли не разрываться. На самом деле, конечно, мины срабатывали отлично — те, которые реально улетали в сторону противника. Имитация неразрывов позволила Реперу «легализовать» мины, убранные им в «резерв».

К моменту окончания стрельбы Репер уже сидел в кресле возле входа в блиндаж, оттуда наблюдая за работой своих миномётчиков. В блиндаже в это время отдыхали номера расчёта, работавшего ночью.

Завершив стрельбу, Зной повернулся к командиру батареи, который сидел в десяти метрах от него и крикнул:

— Товарищ капитан, второе орудие стрельбу закончило! Расход — десять!

Командир батареи, заглянув в блиндаж со спящими миномётчиками, не преминул вспомнить старую шутку:

— Зной, ты чего орёшь? Люди же спят!

Приказав чистить миномёты, Репер направился в гости к командиру второй мотострелковой роты, в интересах которого он только что отработал по противнику. По пути он заглянул в соседнюю посадку, где два расчёта из его батареи должны были копать ямы под миномёты.

Бойцы сидели в тени деревьев, беспечно балагуря и кидаясь бычками. Лопаты были воткнуты в грунт в едва наметившейся яме.

— Я что-то не понял, — Репер неслышно подкрался и внезапно появился перед подчинёнными. — Кому сидим? Яма сама себя не выкопает!

— Товарищ капитан, — бойцы встали и старший с позывным Колун начал оправдываться: — Ну мы копаем, копаем, а толку?

— Что значит «а толку»? — спросил Репер.

— Ну вот это же абсолютно бессмысленная работа, — вставил Кишлак — мобилизованный из глубинки сельский учитель. — Согласитесь, товарищ капитан!

— А вы что, тут всем своим калганом решили оспорить приказ командира? — поинтересовался Репер.

— Товарищ капитан, — Кишлак, как самый интеллигентный солдат на батарее, попытался добраться до смысла: — Вот объясните пожалуйста, зачем нам по три, а то и по четыре позиции для миномётов, если мы их сюда всё равно не ставим? Копаем, копаем, а ямы эти не используем для стрельбы? Или вы нас просто занимаете делом, как в старой поговорке — «солдат, не занятый ничем больше пяти минут, является потенциальным преступником»? Так?

— Кишлак, — Репер улыбнулся краем рта. — Твое дело — если не можешь ничего другого — копать! Ты за год даже не смог понять, что такое угломер и тысячная, хоть и учитель. А значит, что? Правильно: значит — копай! А раз не можешь копать, тогда будешь носить. Вон, Брабус, даже копать не умеет, лопату свою сломал. Зато два раза за день успевает на пункт выдачи сходить со своей тачкой, шесть мин ежедневно на батарею привозит, когда есть, что возить. И тележку даже не сломал ещё. А ты ямку выкопать не можешь!

— И всё равно, — Кишлак посмотрел на своего командира с вызовом. — Объясните нам, для чего мы выполняем эту бессмысленную работу!

— Для того, чтобы научиться не обсуждать приказы командиров и начальников! — сказал Репер и добавил: — Через час вернусь, чтобы окоп был выкопан. И запомните — всё в ваших же интересах: чем быстрее вы выкопаете окоп здесь, тем быстрее пойдёте копать такой же окоп в другом месте! Всё понятно?

— Понятно, — потухшим тоном ответил Кишлак.

***

Командно-наблюдательный пункт роты располагался в подвале полуразрушенного дома на окраине хутора Гнилого, в пятистах метрах от замаскированной позиции миномётчиков. Идти нужно было по грунтовке, по обеим сторонам которой шли посадки, шириной около десяти метров, в которых, случись что, можно было быстро укрыться. Дроны-камикадзе сюда залетали крайне редко, но всё же — нужно было быть бдительным и смотреть по сторонам.

Урал был на месте, тут же находился его заместитель Курган и командир второго взвода Каштан, который стоял перед ротным с бледным лицом.

— Здравия желаю, — поздоровался Репер, однако, быстро понял, что атмосфера в подвале накалена — на него никто не обратил своего внимания.

— Значит, сам туда пойдёшь, и людей своих сам поведёшь, — сказал Урал, видимо, заканчивая ранее начатую фразу. — Если не можешь организовать выполнение приказа.

Репер был и по возрасту, и по воинскому званию самым старшим в данном коллективе, и потому позволял себе вмешиваться в дела роты, тем более, что с ротным у него были завязаны хорошие дружеские и деловые отношения.

— Эй, люди, что за беда у вас? — спросил Репер.

Все посмотрели на него. Урал встал со стула и подошёл, чтобы поздороваться за руку.

— Да вот, наш новенький лейтенант воевать отказывается. Неделю как пришёл в роту, а уже в позу встаёт.

— Я не отказываюсь, — возразил Каштан. — Просто задача, поставленная взводу, не соответствует боевым возможностям подразделения!

Каштан выпалил это на эмоциях, словно желая уязвить командира роты и одновременно с этим найти у Ропера понимание и, возможно, защиту.

— Ну, Расскажи капитану, — предложил Урал. — Посмеёмся вместе.

Каштан злобно посмотрел на своего командира, затем перевёл взгляд на артиллериста.

— Перед моим взводом поставлена задача нести боевое охранение и передовой дозор в посадке «Десна». Так заведено, ещё до меня, туда направляются группы по пять-восемь человек, которые находятся в лесополке несколько дней, затем их меняет следующая группа. Этих сил хватает, чтобы предупредить возможные атаки противника.

— Я это знаю, — кивнул Репер. — Давай короче.

— Сегодня с утра туда ушла группа Ганса. По пути потерялся один боец, ищем, но безрезультатно. Потом была поставлена новая задача, — Каштан кивнул в сторону ротного, — осуществить атаку лесополки «Зея», захватить её и организовать там оборону. При попытке атаки погибли два бойца, остальные отказываются выполнять задачу.

— А, так это я по «Зее» для них работал? — спросил Репер.

— Для них, — кивнул ротный и спросил у взводного: — И вы, товарищ лейтенант, решили отказаться от выполнения поставленной задачи?

— Товарищ старший лейтенант, — Каштан сверкнул глазами. — По всем признакам, перед нами на «Зее» находится усиленный передовой дозор, который противник обороняет по всей военной науке, а также он прикрыт дронами-камикадзе. А мы, вернее лично вы, своими приказами постоянно атаковать, как мне рассказали пока ещё оставшиеся живыми бойцы взвода, за последние

две недели уже убили там шесть человек из моего второго взвода, не добившись никакого результата. Вы гоните людей на «Зею», а потом в течение нескольких часов противник убивает их артиллерией и дронами. Потом вы снова гоните туда людей, и всё повторяется по новой. Немцам остаётся только зайти, добить раненых и выйти. Все двухсотые там и лежат до сих пор. На днях вы получили пополнение, пришёл на взвод я, но всё у вас пошло по той же схеме. Я не понимаю, какой смысл кроется в этих постоянных потерях! И я не хочу дальше убивать своих подчинённых об эту лесополку, не получив соответствующее обеспечение — средства РЭБ от дронов, контрбатарейную борьбу, дистанционное минирование подходов. И люди — это не быдло, которое достойно такого отношения — быть посланными на заведомый убой! Мы же должны дать им шанс на выживание! И ещё, главный вопрос — почему на такие бессмысленные штурмы ходит только мой второй взвод? Почему в полосе обороны первого и третьего взводов вы не посылаете людей в подобные бессмысленные «мясные» атаки?

Выговорившись, лейтенант замолчал.

— То есть, товарищ лейтенант, вы хотите сказать, что ротный ставит вам заведомо невыполнимые задачи, которые кроме потерь не могут иметь никакого результата? — уточнил Репер.

— Я не понимаю, какой смысл в этой задаче, — кивнул Каштан. — Я гоню туда людей по приказу командира роты, угрожаю им расправой в случае невыполнения приказа, но я сам не могу понять — зачем?

— Вот, — глядя на артиллериста, ротный развёл руками: — Вроде толковый парень, а заладил одно и то же — «невыполнимо», «убой», «быдло». Что прикажете с этим делать, товарищ капитан? Понять и простить,

или отправить лично командовать штурмом «Зеи», как это сделал комбат с прошлым командиром второго взвода?

Прежде чем Репер успел что-то сказать, Каштан опередил его.

— Только, товарищ капитан, не говорите мне о том, что я должен выполнить приказ беспрекословно, точно и в срок. Это всё, конечно, так. Но, когда мы тупо убиваем личный состав без всякого смысла, то и эта уставная фраза так же теряет свой первоначальный смысл! Объясните мне, зачем я должен изводить русских мужиков об эту никому не нужную лесополку! Сделайте милость, не держите меня за идиота! Я учился в военном училище, и я пойму, если вы расскажете мне сокровенный смысл этих действий, если доведёте мне замысел вышестоящего руководства! Может, я тогда смогу изменить свой взгляд на это вот всё.

— Вот, — ротный снова развёл руками и глянул на капитана. — Видишь, насколько запущен наш случай.

— А с чего вы, товарищ лейтенант, взяли, что вам должны довести замысел? — поинтересовался Репер. — Вы учились в военном училище, и должны были запомнить, что задача доводится по уровню компетенции...

— Но на ступень выше, — перебил Каштан. — Я, командир взвода, и должен иметь представление хотя бы о задачах роты!

— Хорошо, — кивнул Урал. — Я вам доведу задачу роты, но чуть позже. А сейчас отправляйтесь во взвод и организуйте резервную группу численностью шесть человек с готовностью выхода на «Десну» через два часа. Выполняйте.

— И будем дальше бессмысленно убивать людей? — с укоровой спросил Каштан.

— Кругом, — скомандовал Урал. — Выполнять поставленную задачу — шагом марш!

Когда Каштан выскочил из подвала, Урал посмотрел на своего заместителя:

— Я не сильно сгустил краски? Не застрелится в кустах?

— Да не, — Курган качнул головой: — Не должен. Вроде парень морально устойчивый, переживёт этот период привыкания.

— Поговори с ним, — предложил ротный. — Попробуй объяснить ему некоторые моменты...

— Поговорю, — кивнул заместитель. — Расскажу ему, что такое настоящие «мясные штурмы».

Репер вальяжно развалился на диване и зажмурился.

— Хорошо тут у вас, тепло, — сказал он. — У меня в блиндаже атас просто, под двумя одеялами уже сплю, а ведь это ещё не зима. Чем греетесь?

— Газовый отопитель, — Урал кивнул в угол. — Баллона хватает на три-четыре дня, только постоянно приходится проветривать подвал.

— А газ где берёте? — Репер увидел в углу большой красный баллон.

— «Сказочник» привозит «гумку» в бригаду, тыловая служба распределяет ништяки по подразделениям. А тебе что, не дали?

— Неа, — Репер с опаской посмотрел на сам отопитель. — Не опасно?

— Не опаснее арты, — усмехнулся Урал. — Как вражеской, так и своей.

— А почему «Сказочник»?

— Фамилия у него сказочная, — ответил Урал. — То ли Ханс, то ли Христиан... а «Сказочник» — это позывной.

— Держите, товарищ капитан, — Курган осторожно передал Реперу кружку горячего чая.

— О, спасибо, — Репер чуть отхлебнул, обжигая нёбо. — Слышь, Урал, там в «гумке» маскировочных сеток не было?

— Было что-то, — ответил ротный. — Тебе сколько надо?

— Штук шесть, если есть больше — возьму больше.

— А тебе куда? У тебя же и так всё прекрасно замаскировано.

— Да я задумал пару ложных позиций выкопать, а то мы работаем, хохлы видят результаты работы, но пока ещё по моей огневой позиции не били — значит, найти не могут. Но рано или поздно они нас обязательно найдут. А будут ложные — будут находить их. Да и бойцов есть чем занять — «могу копать, могу не копать».

— Грамотно, — кивнул Курган. — Нам бы тоже пару ложных КНП сделать, — он посмотрел в сторону Урала, — а, командир?

— Война — путь обмана, — усмехнулся Урал и кивнул Кургану: — Пусть старшина выдаст миномётчикам восемь сетей, — Урал повернулся к Реперу: — К вечеру присылай сюда людей, заберут подарок.

— Спасибо, добрые люди, — поблагодарил Репер. — А проволоки у вас стальной не найдётся?

— Только колючая, — ответил Курган, но после быстрого осуждающего взгляда со стороны командира роты, тут же дополнил: — Была... сейчас не знаю, может уже и нет.

— Посмотрим, — нейтрально сказал Урал.

— И сварочный аппарат мне нужен, — улыбнулся Репер. — Хочу ложные миномёты сварить.

— Сварка есть, но трубы или что там тебе надо, сам ищи, — ответил Урал. — Спроси потом у Дизеля, он этим всем заведует.

— Пацаны, да вы просто золото, — Репер сделал ещё глоток горячего чая. — Что там наш противник? Наступать на нас не думает?

— Да вроде нет, — ответил Урал. — Комбат говорит, что вчера на совещании у комбрига доводили, будто признаков подготовки к наступлению у врага не выявлено.

— Вот и слава Богу, — кивнул Репер. — А то если хохол попрёт, мы тут своими силами его точно не удержим, жалко будет блиндажи отдавать, я их с душой делал всё же.

— Хохол не попрёт, — сказал ротный. — Попрём, похоже, мы.

— О как! — усмехнулся Репер. — А кем попрём? Людей нет, а кто есть — это же чудо просто, а не люди.

— Ну, других у нас нет, и видимо, больше уже не будет, — Урал развёл руками. — Истинных добровольцев, умеющих воевать, ещё в начале войны положили. Потом мобилизация хотя бы кого-то из толковых людей в армию загребла, пусть и случайно, а кто сейчас идёт, мне на них просто смотреть больно, простите.

— Могу поспорить, — улыбнулся капитан. — У меня на батарее сплошь «мобики» были, но пока два добровольца толковых не пришли, я вообще не знал, как с этим личным составом воевать — люди вообще учиться не хотели.

— Отдал бы их мне, в пехоту, — парировал Урал. — У меня бы нашлось им применение.

— В лесополке телом бездыханным лежать? — спросил Репер. — Это задача каждому по плечу... так что там Каштан так истерит?

— Я бы тоже истерил на его месте, — сказал Урал. — Корсар постоянно, вот уже две недели, ставит задачу взять правую часть «Зеи», где на «Десне» второй взвод Каштана в передовом охранении находится.

Мы отправляем туда людей, немец их там выбивает. Я с Корсаром уже ругался, он сказал «не твоё дело», сказал «будешь туда людей отправлять столько, сколько я скажу», и на этом наш разговор закончился. Сегодня у Каштана сразу два двести при попытке выхода в атаку, ещё один без вести пропал при выдвижении группы на смену. Его бойцы отказываются дальше идти. — Урал развёл руками. — Надо готовить следующую группу.

— Да уж, — посочувствовал Репер.

— Сидели же спокойно, держали оборону, как могли, и тут на тебе — штурмовая задача — исключительно по краю «Зеи». На данный момент в роте восемь двухсотых уже. Комбат наезжает, но задачу ничем не обеспечивает. Да и приказа, как и боевого распоряжения — ничего нет. Благо, что твоя батарея в план включена, хотя бы какая-то поддержка. Правда, так себе. Я не понимаю, для чего комбат постоянно гонит нас на эту «Зею». Не понимаю, хоть тресни.

— Ты смотри, если сильно надо будет, у меня есть немного мин в запасе, — сказал Репер. — Если что — помогу. Даже в обход комбата.

— Я тебя понял, — кивнул ротный. — Спасибо. Буду иметь ввиду.

— Позвольте ещё чаю, — попросил Репер.

— Да не вопрос, — Курган потянулся за чайником.

***

Основанием взводного опорного пункта второго мотострелкового взвода была лесополоса «Дон», тянувшаяся с юго-запада к северо-востоку, пересекая лесополосы «Ока» и «Нева» уходящие к северо-западу, в сторону противника и «Амур», которая заканчивалась на

«Десне» — лесополосе, лежащей параллельно «Дону» ближе к противнику, и на которой рота выставляла передовое охранение. Второй взвод занимал участок на стыке «Дона» с «Амуром» — здесь были вырыты пересекающие лесополку окопы, отдельные стрелковые ячейки, направленные в поле и вдоль посадки, а также четыре блиндажа для укрытия личного состава. Боевое охранение выставлялось на стыке «Десны» с «Амуром» к северу. «Тыловой район» второго взвода находился на восточной окраине небольшого села Востриково, в двух километрах южнее «опорника», где взвод занимал несколько домов, по большей части то, что от них осталось. Западную часть села занимал первый взвод, которым командовал Париж — мобилизованный пенсионер МЧС, проявивший себя хорошим организатором и отправленный за это на трёхмесячную учёбу, после которой ему, подполковнику МЧС, было присвоено звание младшего лейтенанта с официальным назначением на должность командира взвода. Его взвод оборонял стык «Дона» с «Окой». В южной части села квартировался третий взвод Пижона, который оборонял «Дон» на стыке с «Невой».

В любом случае обустроенность в селе была куда лучше, чем в окопах, и здесь был налажен относительно нормальный хозяйственный быт.

Каштан поставил велосипед возле сарая и вошёл в хату. Здесь размещались несколько человек его взвода.

— Мужики, подъём, — громко объявил он с порога.

— Лейтенант, ну что там ещё? — протянул Кусок, приподнимаясь на локте.

— Собираемся, есть работа, — сказал Каштан. — Через двадцать минут построение с оружием и боеприпасами.

— Куда-то идём? — уточнил Кусок.

— Идём, — кивнул лейтенант.

— Куда идём? — спросил Кусок. — Говори, лейтенант, не заставляй из тебя слова клещами доставать!

Кусок был добровольцем, подписавшимся на войну из мест, не столь отдалённых, ему было слегка за сорок, он был могучего телосложения и сидел за разбой, в ходе которого с подельниками он убил двух барыг, занимавшихся скупкой запрещённых природных ресурсов и имевших, в связи с этим, большую сумму наличности. Отсидеть он успел всего два года, как подоспело «спасение» в виде возможности «исправиться» на войне. Попав в подразделение, он сразу стал подминать под себя личный состав и разлагать дисциплину, игнорируя призывы командования прекратить эти выходки и образумиться. Кусок был уверен в своём физическом превосходстве, и кроме силы для него не было никаких авторитетов. Конфликтовать во взводе он боялся только с Гансом и Бизоном, излучающих такую харизму и уверенность, проверять которые на себе Кусок не решался. Умение откосить от выполнения боевых задач делало этого бойца долгожителем второго взвода, что добавляло ему авторитета в глазах новых и новых сослуживцев.

— Я всё доведу на построении, — извиняющимся тоном ответил командир взвода.

Спустя двадцать минут под навесом сарая, дополнительно прикрытого маскировочной сеткой, уже стояли пять человек. Все они были в снаряжении, при оружии.

— Где Кусок? — спросил Каштан.

— Задерживается, — наглым тоном отозвался Гриня — верный шестёрка уголовника.

Каштан был вдвое моложе этих двоих персонажей, и у него совершенно не получалось давить их личным авторитетом, а в субординацию они играть отказывались.

Опасаясь получить от командира роты упрёки за неспособность управлять «трудным» личным составом, лейтенант предпочитал умалчивать о «некоторых особенностях» жизни своего взвода. Во что это может превратиться в будущем, он старался не думать. Впрочем, это будущее для него уже наступило.

— Ладно, — Каштан махнул рукой. — Перед вашим отделением поставлена задача срочно выдвинуться на передовую позицию боевого охранения в лесополосе «Десна». Нагружаетесь по максимуму — боеприпасы, еда, вода. К семнадцати часам, — он посмотрел на часы, — через тридцать минут, быть готовыми к выдвигению.

— Так день ведь, — спросил Потряс, небольшого роста мужичок, которому было около сорока лет. — Как мы пойдём? Нас же птички заклюют!

— Была команда быть готовыми к выдвигению, — сказал Каштан и сбросил с себя ответственность: — Ничего другого мне пока самому не известно.

— Всё ясно, — кивнул собеседник. — Значит, будем готовы...

Со стороны появился Кусок — он был в тапочках, без брони и оружия.

— Что, мне в строй, или куда? — спросил он.

— Была команда строиться с оружием и в снаряжении, — напомнил лейтенант.

— Значит, я пошёл дальше спать, — Кусок явно издевался над молодым командиром. — Раз я без оружия, меня это, стало быть, не касается.

Он развернулся и сделал несколько шагов в сторону дома.

— Кусок, — крикнул лейтенант. — Вы что себе позволяете! Немедленно вернитесь и встаньте в строй.

— А то что? — спросил он, повернувшись. — Накажете меня, товарищ лейтенант? Ай-я-яй, как вам не стыдно!

Он загоготал. Каштан не знал, что ответить. Кусок, довольный своей выходкой, удалился в дом.

— А почему вы Бизона с его людьми в строй не ставите? — спросил Потряс.

— Они только вернулись со смены, им положено отдыхать, — ответил Каштан, и тут же подумал, что, наверное, было бы лучше сейчас просто заткнуть Потряса какой-нибудь фразой типа «не ваше дело, товарищ рядовой», но почему-то произнести это лейтенант не смог.

Распустив строй, Каштан отошёл от дома и позвонил командиру роты.

— У меня пять карандашей, — доложил Каштан. — К указанному времени будут готовы.

— Должно быть шесть, — сказал Урал. — В чём причина? Где ещё боец?

— Не могу найти, — ответил взводный после некоторого раздумья.

— Что ты мне сейчас лечишь, Каштан? У тебя там человек десять точно есть. С охранения люди пришли? Тоже их поднимай, нечего спать! Как ты людей найти не можешь? Где этот твой утырок, как его, Кусок? В строю?

— Никак нет.

— А что с ним?

— Он... — лейтенант несколько мгновений обдумывал ответ, потом неожиданно для себя нашёлся: — Он болен.

— Болен? — даже через эфир чувствовалось крайнее раздражение командира роты.

— Так точно, — бодрее подтвердил Каштан.

— Слушай, скажи мне прямо — нужна помощь в наведении порядка?

— Да, — собравшись с моральными силами, выдохнул лейтенант. — Я чувствую, что немного не справляюсь.

— Я тебя понял. Скоро будем, а ты собери людей по максимуму. Кого сможешь. Давай.

— Есть, — ответил Каштан и отключился.

Поговорив с ротным, Каштан слегка приободрился и по рации вызвал Гочу — наудачу, вдруг у того не выключена радиостанция.

— Гоча — Каштану!

— На связи, — практически сразу ответил Гоча.

— Доложите обстановку.

— Изменений не произошло, ждём от вас обещанную поддержку.

— Ты ещё не расстрелял Ганса?

— Выбираю место для расстрела.

— Дай ему радейку.

Через несколько секунд в эфире раздался голос Ганса:

— На связи!

— Ты это, Ганс... — лейтенант пытался подобрать слова. — Как считаешь, если я дам тебе полдюжины карандашей, справишься с задачей?

— Если будет РЭБ, то справимся, — ответил Ганс. — Но не удержим долго. Здесь очень грязное небо — на нас ещё две «истерички» упали.

— Потери?

— Обошлось.

— Я понял, — сказал Каштан. — Держитесь, скоро поможем.

— Хорошо бы, — ответил Ганс. — Так что, кто из нас командир, я или Гоча?

— Командир тот, у кого рация, — ответил лейтенант. — Конец связи.

Лейтенант пошёл по домам, заглядывая вовнутрь, стараясь найти хотя бы ещё кого-то из своего взвода, но всё было тщетно — люди прознали, что лейтенант приехал с плохой для них вестью, и поэтому попрятались по разным очкурам.

К семнадцати часам в село влетела «буханка» командира роты, подаренная Уралу его земляками из Оренбурга. Нырнув под навес из маскировочной сетки, водитель заглушил двигатель. Из машины выскочили Урал, Курган и два рослых бойца, которых командир роты держал в качестве личной гвардии, не отдавая их на штурм или в передовое охранение — они были ему нужны только с одной целью, с которой, собственно, он и приехал в Востриково.

— Показывай, — коротко сказал Урал.

Лейтенант повёл всех к дому, возле которого было назначено построение. Там в ожидании находились пять человек.

— Здравия желаю, — ротный поздоровался со своими бойцами, которых видел, может, второй раз в жизни.

— Здрав жлав тащ сташ нант! — вразброд поздоровались великовозрастные солдаты, сильно упрощая слова, как это было принято ещё с царских времён — «вашбродь» вместо «ваше благородие».

— Где он? — Урал посмотрел на Каштана и тот молча указал глазами на дверь в дом.

Офицеры решительно шагнули туда.

Кусок беспечно лежал на диване и играл в телефоне, когда в комнату вошёл Курган и первым делом, не мешкая, приземлил каблук своего уставного ботинка прямо на переносицу нарушителя дисциплины. Кусок попытался подскочить, но Курган мастерски отправил его в нокаут, пресекая возможное сопротивление.

Двое бойцов подняли бездыханное тело, надавали по щекам, возвращая его к сознанию. Когда Кусок очнулся, перед собой он увидел командира роты, выражение лица которого не предвещало ничего хорошего.

— Ну что, утырок, допрыгался? — спросил Урал. — Знаешь, что положено в военное время за невыполнение приказов командования?

— Что? — пока ещё дерзко спросил Кусок, попытавшись вырваться, но охрана держала его крепко.

— Догадайся сам, — предложил Урал.

— Вы же меня не расстреляете? — Кусок вдруг начал прозреть.

— Место выбрали? — Урал повернулся к своему заместителю.

— Так точно, товарищ командир. За сараем ему будет самое то — в куче навоза.

— Как же ты меня достал, Кусок дерьма, — Урал пристально посмотрел собеседнику в глаза. — Слова мои до тебя не доходили, значит. Теперь будет всё по-другому. Впрочем, для тебя — не долго.

— Это незаконно, — запротестовал Кусок, покрываясь испариной.

— А кто тут про закон заговорил? — вмешался Курган. — Ушлёпок, который вертел всех своих командиров? Я не ослышался?

— Так что, Кусок, пришло твоё время расплаты, — торжествуя, сказал Урал. — Если умеешь молиться, помолись. Время пришло.

— Выводите его, чего уставились?! — Курган демонстративно передёрнул затворную раму на своём автомате.

Кусок повис на руках личной гвардии.

— Не надо, — заорал он.

— Тащите его, — приказал Урал.

Бойцы поволокли тело к двери, возле которой стоял Каштан. Кусок ухватился за лейтенанта.

— Товарищ лейтенант! Я пошутил, я не буду так больше, не надо меня расстреливать!

Командир взвода брезгливо сбил руку своего подчинённого, не вступая с ним в разговор.

— Сделайте что-нибудь, — оказавшись на дворе, Кусок обратился к стоявшим там сослуживцам, которые побелели от страха не меньше его самого.

— Имей мужество сдохнуть мужчиной, — громко сказал Урал. — Не вой, как баба!

Оказавшись у стенки сарая, Кусок упал на колени.

— Отпустите меня, — попросил он. — Я на штурм, я в дозор, я хоть куда. Пожалуйста!

— А ну, — Урал сделал движение рукой и Курган опустил автомат в землю. — Вот уже интереснее. Продолжай!

— Я всё понял, товарищ командир, я исправлюсь, не расстреливайте меня!

— Побудь пока тут, — сказал Урал. — Нам надо обсудить твоё предложение. Никуда не уходи.

Урал, Курган и Каштан отошли в сторону.

— Я у тебя во взводе его не оставлю, — сказал Урал. — Он, конечно, может и изменит своё поведение, но свой позор, который видели бойцы, он им не простит. И тебе тоже.

— Да он меня завалит при первой возможности, — сказал Каштан. — Это у него на роже написано.

— Завалит, — кивнул Урал.

— Командир, давай его во взвод Парижа отдадим, — предложил Курган. — Париж парень тёртый, год уже воюет, с дисциплиной у него во взводе вроде нормально, и этого там приголубит, если Кусок опять голову поднимать начнёт.

— Пацаны, — ротный посмотрел на офицеров. — Так-то он мужик, наверное, нормальный, просто его дерзость и силу в нужное русло направить надо. Командир отделения из него точно выйдет — своих бойцов в узде держать будет как надо. Давайте, наверное, Парижу его и отдадим. Тем более, что у Парижа сейчас задача будет — мама не горюй, — Урал подмигнул Каштану, — похлеще, чем у второго взвода.

— Отдаём его Парижу, решено? — спросил Курган.

— Отдаём, — кивнул ротный и вернулся к сараю: — Кусок, так что, расстреливать тебя, или ещё послужишь Родине?

— Родине, товарищ командир! — Кусок ухватился за брошенную ему соломинку.

— В Париже был когда-нибудь? — ротный нашёл место шуткам.

— Где? — Кусок выпучил глаза.

— Смотри, Кусок, — Урал старался выдержать суровый взгляд и командирские нотки голоса: — Если подобное отношение к службе повторится, пеняй на себя! Ты сам этот путь выбрал, никто тебя не заставлял на зоне на войну проситься, а раз ты здесь — будь любезен играть по установленным правилам!

— Буду, товарищ командир, — кивнул Кусок.

— Тогда даю тебе пять малых на сборы, поступаешь в распоряжение командира первого взвода, и сразу идёшь на задачу. Парижа слушаться, как меня. Впрочем, он и сам тебе спуска не даст.

— Я понял.

— Иди, собирайся.

— А можно... — Кусок пару мгновений словно раздумывал, спросить или нет, — Гриню с собой взять?

— Нет, — быстро отказал Урал. — Вдвоём вы становитесь преступным сообществом, а по отдельности — нормальные пацаны... так что, моё решение — нет.

— Да и хрен с ним, — Кусок махнул рукой и убежал в дом.

— А ты, — Урал выбрав минуту, когда рядом никого не было, ткнул Каштана в грудь, — не мямли перед подобными. Ты же видишь, как он пользуется отсутствием у тебя жёсткости! Другие и не подумали бы тебе перечить, но насмотревшись на то, как Кусок с тобой препирается, и сами начинают думать, что это возможно. А потом точно так же поступать начинают. Вспомни, чему тебя в училище учили, как с личным составом общаться надо? Требовательно, справедливо, без панибратства. Уяснил?

— Так точно, — кивнул лейтенант. — Буду стараться.

— А ты старайся, да, — сказал ротный. — Ты же видишь, кто к нам сейчас приходит? Люди в возрасте, со сформированными взглядами на жизнь. Им трудно принять, что вот ты, лейтенант, которому двадцать три года, будет командовать ими, отправлять их в бой — на убой. И тебе это неприятие нужно преодолеть. Научись лавировать между тем, чтобы управлять ими, и тем, чтобы они тебя не застрелили от внезапно возникшего чувства несправедливости. Всегда помни про этот момент, иначе ты долго не проживёшь — свои быстрее тебя обнулят, чем противник. Но и другое помни — в критической обстановке, чтобы принудить личный состав выполнить твой приказ, ты имеешь право воздействовать на них любыми доступными тебе способами — вплоть до расстрела на месте. Никто тебя здесь за это не накажет, если это действительно будет в рамках принуждения к выполнению приказа, а не сведение счётов за личные обиды.

— Я в курсе, товарищ старший лейтенант. Я сегодня по рации угрожал Гансу расстрелом, когда он отказался идти на «Зею» по вашему приказу, — чуть ли не похвастался лейтенант.

— Ну, по рации это одно, а в лицо — совсем другое. И что, он пошёл? — усмехнулся Урал. — Не пошёл. Потому что Ганс — толковый боец, прошаренный, и он понимает, что у него нет столько сил, чтобы взять «Зею».

— А зачем вы тогда приказали? — спросил Каштан. — Если это заведомо невыполнимое дело? Вы... вы же знали, что это невыполнимо?

— Знал, — кивнул Урал.

— Так зачем?

— Затем, Каштан, что мир не крутится вокруг твоего второго взвода. Когда я ставлю тебе задачу, это совсем не означает, что первый и третий взвода остаются без дел. У них тоже есть какие-то задачи. И задачи эти являются частями общей задачи роты. Ты можешь думать, что твоя задача — какая-то самостоятельная, и именно поэтому она кажется тебе бессмысленной, правильно?

— Допустим, — кивнул Каштан.

— Но это только потому, что ты видишь её «со своей колокольни», и не видишь дальше. Но если бы ты знал, что делают остальные взвода, тогда бы ты уже не считал свои действия совсем уж бессмысленными, ты бы увидел картинку несколько шире.

— И какая же задача стоит перед ротой? — Каштан набрался смелости, чтобы задать этот вопрос.

— Только сегодня командиром батальона нам, второй мотострелковой роте, доведён замысел на предстоящие действия. Нам поставлена задача прорваться по лесополке «Нева» через «Зею» и далее через «Двину» к дороге, связывающей совхоз Березовый с Осиновой, в том месте, где эта дорога смыкается с дорогой на Ябловку. Задача твоего, второго взвода, захватив восточный участок «Зеи», обеспечить нам безопасность правого фланга от возможного выдвижения противника со сто-

роны лесополос «Волга» и «Днепр». Если же захватить не получается, как это у тебя там происходит уже две недели, тем не менее, ты сковываешь действия противника, не позволяя ему оттянуть с данного участка свои силы в момент, когда мы начнём рубить проход к дороге. Так, третий взвод будет прорывать «Зею» и «Двину» по лесополосе «Нева», и нам важно, чтобы противник не подтянул сюда силы с других участков. Задача, подобная твоей, только на левом фланге, поставлена первому взводу Парижа.

— А зачем нам эта дорога? — спросил Каштан, пытаясь уложить в голове план, озвученный командиром роты.

— Каштан, ты учился в лучшем общевоинском училище страны! Выпускники училища, получающие погоны лейтенанта, должны обладать знаниями до батальона включительно. Если ты такими знаниями обладаешь, если ты не учился спустя рукава, то ты сам должен догадаться, зачем нам, вернее, командиру батальона, нужна эта дорога.

— У меня нет столько информации для анализа, сколько есть у нашего комбата, и я не могу знать замысла действий всей бригады, — подумав, ответил Каштан.

— Согласен, — кивнул ротный. — Но если ты помотришь на карту, то быстро всё поймёшь. Однако, ты лейтенант, ты командир взвода, и тебе не обязательно заглядывать на две ступени выше своей компетенции. Родина от тебя, как от командира взвода, ждёт грамотных действий на своём уровне, при имеющемся наличии личного состава, боевой техники, боеприпасов, топлива, связи, взаимодействия с соседями и всего остального. Станешь командиром роты — список основных требований станет шире по номенклатуре и количеству. Но пока ты

взводный — тренируйся на том, что есть. И главное, лейтенант, думай, как победить врага. Всегда об этом думай. Каждую минуту. Ищи способы, ищи как его обмануть, как использовать то, что у тебя есть в наличии. И тогда ты победишь. И «Зею» свою возьмёшь!

Ротный хлопнул Каштана по плечу и направился к машине, увидев, как из дома вышел собранный Кусок.

— Товарищ старший лейтенант, — Каштан окликнул уходящего ротного.

Тот повернулся.

— Чего ещё?

— Ну мы же не будем людей днём на «Десну» заводить?

— Людей жалеешь? — усмехнулся ротный.

— Допустим, — кивнул лейтенант.

— Не будем, — ответил ротный и добавил: — Пока комбат этот приказ поставил на стоп, ждём. Взводу приказываю находится в готовности, решение на выступление я доведу позже. И ищите своих пятисотых, лейтенант. По домам ищите. Они здесь, в деревне. Просто они боятся и прячутся. Надо их найти и поставить в строй. И желательно — направить их во взводный опорник, как бы ты не удивлялся, но там у них выживаемость будет выше, чем если они будут разлагаться здесь, в деревне! Там им не до пьянок! Там они в укрытиях, а здесь вон, в обычных домах спят, которые разлетаются от одной мины. Месяц назад при обстрелах здесь дважды снаряды попадали в дома, половину взвода убило. Помни об этом. И никогда не жалей личный состав. Его нельзя жалеть! Его беречь надо.

— Есть — поставить в строй! — ответил Каштан. — Есть беречь личный состав!

Когда «буханка» уехала, Каштан подошёл к своим бойцам.

— Гриня со мной, остальные — находимся на месте, броню не снимать, ждём команду на выдвижение. Наблюдать за воздухом. Потряс, тебе особое задание.

— Какое? — вздохнул боец.

— Определить места для отрывки перекрытых щелей на случай обстрелов. Очистить эти места, подготовить инструмент.

— И копать? — спросил Потряс.

— И копать, — кивнул Каштан. — Выполняйте.

— А я что, самый лысый? — спросил Гриня, подозревая, что предстоящее общение с командиром взвода может обернуться разными притесняющими его санкциями.

— Ты сейчас всё видел? — спросил Каштан, намекая на спектакль с расстрелом.

— Видел, — кивнул Гриня.

— Выводы сделал?

— А какие выводы, тащ ленант?

— А что ты так дерзко сейчас со мной разговариваешь? Или так и не понял, что произошло?

— Ну, понял я, — Гриня сменил тон.

— И что же ты понял? — поинтересовался лейтенант.

— Ну это, — он подбирал слова. — Как её... дисциплина там, субординация, и всё такое.

— Вот, уже лучше, — кивнул Каштан. — Дисциплина, Гриня, это основа твоей службы. Не будет дисциплины, не будет службы — сарай всегда найдётся. Может, для начала будет воспитательная яма, а потом точно — карательный сарай. А будет дисциплина, будет и служба, может и медаль даже будет. Представь, каким героем ты домой придёшь... с медалью.

— Я всё понял, товарищ лейтенант.

— А раз понял, тогда пошли со мной.

— Куда?

— Пятисотых наших по домам искать. В строй ставить. Или ты сам, без них, на лесополку пойдёшь?

— Без них? — глаза Грини загорелись. — Ну уж нет. Пусть со мной идут. Я что — самый лысый? — спустя несколько мгновений он добавил, — А пойдёмте, кажется, знаю одно место.

Они пошли по селу, по направлению к солнцу, склоняющемуся к горизонту. Небо было чистым, хотя на завтра обещали дождь. Наблюдая зарево заката, Каштан невольно подумал, а увидит ли он завтра это небо, это солнце, будет ли он дышать этим воздухом...

Бух! Впереди хлопнул приглушённый взрыв, словно граната разорвалась в доме или подвале. Сразу после взрыва раздался протяжный нечеловеческий крик.

— Это у нас? — спросил Каштан, точно зная, что, взрыв произошёл где-то рядом, не далее полусотни метров.

— Похоже, — ответил Гриня и ускорил шаг.

Вскоре он остановился перед входом в погреб в одном из подворий. Распахнутая дверь висела на одной петле, скособоченная, изнутри подвала шёл редкий дым.

— Здесь, — Гриня сделал жест, словно приглашая войти.

Каштан вынул из разгрузки фонарик, и подсвечивая себе лестницу, стал спускаться вниз, откуда доносились нечленораздельные звуки.

Дойдя по ступенькам до конца лестницы, при свете фонаря он разглядел небольшое помещение, может, два на два метра, посреди которого располагался дощатый стол с остатками трапезы, обе боковые стены были уставлены полками, на которых стояло несколько банок солений, часть которых была разбита, на приставленных к столу скамейках, в разных позах сидели и лежали четы-

ре человека. Каштан остро почуял три запаха — сгоревшего тротила, крови и спирта. Увидев посреди стола дыру с разорванными краями, он сразу всё понял.

— Гриня, бегом за народом! Здесь четверо трёхсо-
тых!

— Я быстро! — крикнул боец и убежал.

— Есть живые? — спросил Каштан, водя фонарём по углам помещения.

Сразу несколько человек промычали в ответ. Лейтенант схватил за ворот ближайшего к себе бойца, поднял ему голову — лицо было посечено осколками, вместо правого глаза зияла чёрная кровоточащая дыра. Человек надрывно дышал, словно захлёбываясь.

— Кто может встать, давайте, на выход! — приказал Каштан.

Двое попытались выполнить команду, но их попытки были тщетны. Лейтенант хорошо слышал звук льющейся на пол крови — у кого-то из находившихся за столом была перебита артерия, но у кого именно, Каштан понять не мог.

— Я вызову помощь, — обнадеживая скорее самого себя, чем раненых, сказал лейтенант и, выключив фонарь, вышел из подвала наверх.

— Урал — Каштану, — он взял в руку радиостанцию, настроенную на волну ротной сети.

— На связи.

— У меня «чепок».

— Стоп! — ответил Урал. — Сейчас наберу.

Командир роты тут же перезвонил через мессенджер, чётко понимая, что радиоэфир прослушивается всеми сторонами, и своя радиоразведка в этом смысле представляла большую для него опасность в виде последующего наказания, чем если бы информация о ЧП

попала к противнику. Мессенджер же обеспечивал некоторую степень закрытости переговоров — по крайней мере, такое мнение бытовало среди военнослужащих.

— Рассказывай, что случилось.

— Четверо трёхсотых. Может и двести есть.

— Кто? Собранная группа?

— Нет. Нашёл пятисотых — они в подвале распивали алкоголь. Трое моих и один из первого взвода. Похоже, что «эфку» на столе подорвали. Всех четверых просто в кашу.

— Лейтенант, ну это слишком, — сказал ротный.

— Это не я, товарищ командир! Они гранату сами взорвали буквально за полминуты, как я к ним в подвал спустился.

— Вот же уроды, — заметил Урал. — Вот как будто у меня сейчас дел других нет! Ладно, сейчас организую эвакуацию, жди на месте. По возможности, сам тоже окажи им помощь. И это, Каштан...

— Что?

— Создай видимость того, что гранату к ним сбросил дрон. Так надо.

— Я понял, Урал.

— И комбату будешь докладывать, говори то же самое — «предварительно, ранения получены при сбросе гранаты в подвал».

— А если раненные проговорятся?

— Ничего «не если», и это уже не твоё дело. Батальону и бригаде такие «чепки» не нужны. Версия будет только такая — что это боевые потери. Всё, занимайся.

К этому времени к подвалу подошли люди, собранные для выхода на «Десну». Каштан стал руководить выносом пострадавших из подвала, которых выкладывали на землю, но оказывать помощь им не спешили — никто

не хотел тратить свои запасы средств оказания первой помощи, ожидая отправки на передний край, где их ждал штурм и конечно, возможные ранения.

— Где стрелок-санитар? — в какой-то момент Каштан разозлился такому отношению сослуживцев к раненым.

— Вот он, — буркнул один из бойцов, указав на очередное тело, извлекаемое из подвала — это тело не подавало признаков жизни.

Последним вынесли Карася. Тот был в сознании, хотя осколками ему сильно посекло правую часть груди, правую руку и обе ноги.

— О, вот ты где! — удивился лейтенант. — Как ты здесь оказался, боец?

— Не помню, — промычал Карась, полагая, что его состояние должно заставить командира взвода забыть прошлые грехи и начать относиться к нему со снисхождением и благоговением, как и положено относиться к раненым.

Однако, лейтенант о таких психологических тонкостях в данное мгновение не помышлял, продолжая считать Карася вероотступником и практически предателем, хорошо устроившемся на шее трудового народа.

— Кто это сделал? — Каштан кулаком ткнул раненого в больное плечо.

— Не знаю, — промычал Карась. — Там они о чём-то спорили, я только услышал, как запал сработал, а потом был взрыв, и в глазах потемнело.

— Кто спорил?

— Да я не знаю их. Не успел познакомиться.

— Зато нажраться с ними успел, да?

— Так получилось. Случайно.

— А может ты услышал, как в подвал влетела граната с дрона? — спросил лейтенант. — Ты же понимаешь,

что ситуация у тебя не совсем располагает к страховке — ты бухой, ты отказник, ты дезертир! А если это был дрон, то никто не вспомнит, что ты пятисотый! Ну, вспоминай!

— Вроде да, — произнёс Карась, поразмыслив. — Вроде дрон летал.

— И дрон гранату закинул, да?

— И дрон гранату закинул, да, — повторил раненый.

— Дверь была открыта, — подсказал Каштан.

— Дверь была открыта, — повторил Карась.

Каштан собрал вокруг Карася своих бойцов и попросил раненого рассказать, что произошло. Тот уложился в несколько слов и потерял сознание.

— Такие вот дела, — подвёл итог командир взвода.

Вскоре из батальонного медпункта приехал «Урал», куда загрузили раненых и умершего бойца. Пока машина добиралась до ближайшего МОСН, расположенного в двадцати километрах от передовой, Карась скончался.

***

Вернувшись на хутор Гнилой, Урал спустился в подвал командного пункта роты, где его уже ждал Дизель, мобилизованный боец, исполняющий обязанности старшего техника роты.

— Что скажешь? — ротный сел за стол.

— Товарищ командир, смотрите, — Дизель раскрыл свой блокнот. — Значит, на ходу у нас сейчас две БМП-2, мотор и коробку я с Шаманом перебрал, работают. Если механы рвать их больше не будут, может даже и ездить сможем. Противодроновые экраны я на них наварил, худо-бедно — защитить смогут.

В момент мобилизации Дизель занимал должность начальника транспортного цеха на одном из промыш-

ленных предприятий. Повестку ему вручили утром, а уже к вечеру, так и не увидев родных, он оказался в воинской части. Этого технически очень грамотного специалиста Корсар заметил сразу и назначил его во вторую роту старшим техником. Дизель носил звание рядового, но это не мешало ему быстро снискать уважение со стороны сослуживцев и командования за способность быстро разобраться в любой механической поломке любого транспортного средства — и своими знаниями он фактически вытягивал весь батальон. А в качестве «золотых рук» в паре с ним работал совсем юный Шаман, которому было всего двадцать лет, четыре из которых он проработал в автомастерской, забив на получение образования и каким-то образом избежав срочной службы. Полгода назад он подписал контракт и совершенно случайно судьба пересекла его с Дизелем, который взял парня под свой контроль, не отдавая его ни на какие штурма даже в периоды наибольшего дефицита людей, когда в пехоту выгребали всех, кто не успевал надёжно загаситься.

— Пушки? — спросил Урал.

— Одна работает, — ответил Дизель. — Починили. А вот со второй там всё печально. Если есть какая-то возможность сдать её в ремонт, надо это сделать.

— Что с ней?

— Накатник накрылся. Мы его починить не сможем.

— Пулемёт на этой «бэхе» работает?

— Пулемёт работает, — кивнул старший техник. — Электроспуск я сегодня сделал, осталось привести к нормальному бою.

— Так, понял, — ротный встал и прошёл к чайнику. — Иваныч, чай будешь?

— С сахаром, — кивнул Дизель. — Значит, дальше. МТ-ЛБ на ходу. Двигатель мы сегодня завели, что там

было, я разобрался, поломку устранили. Третья рота отдаёт нам «шашигу», она на ходу, убитая, конечно, но ездить может.

— Это за что такая щедрость? Раньше не замечал за третьей ротой такого...

— Да я им «бэху» на прошлой неделе восстановил, там помпа полетела, а они понять не могли, в чём причина — вот они и расплатились. А «шашига» не на ходу была, я её забрал и уже восстановил.

— Золотой ты человек, Иваныч! — ротный налил подчинённому чая и осторожно передал тому кружку: — Аккуратнее, не обожгись!

В подвал спустился Пижон — командир третьего взвода. Он устало сел на диван.

— Командир, я там всё отсмотрел, что можно. Немцы выставили на «Неве» перед «Зеей» комбинированное минное поле: противопехотное и противотанковое. ТээМ-ки внаброс лежат тремя рядами с обеих сторон лесополки, метров на семьдесят — сто в стороны. Если мы будем завозить штурмов на БМП, всё закончится не начавшись. Пешком — потеряем половину людей ещё на подходе.

— Что предлагаешь?

— Нужны сапёры.

— Где я их тебе найду? — Урал посмотрел на взводного с осуждением, мол что, сам не можешь понять, что сапёров нет и не будет?

— Выходит, что Корсар ставит нам задачу, не обеспечив её выполнение? — Пижон встал.

Командир третьего взвода попал на фронт по мобилизации. Когда-то давно, он поступал в военное училище, и даже отучился там год, но потом наступили плохие времена, армия потеряла престиж, и он предпочёл расстаться с вооружёнными силами, заплатив за это годом

срочной службы после расставания с военным училищем. Впрочем, тот год он провёл достаточно «весело», попав служить в морскую пехоту, а там и в Чечню залетел в составе сводного полка, где смог применить на практике полученные знания и быстро стал сержантом. Перед мобилизацией, спустя почти тридцать лет после службы в армии, Пижон работал мастером строительного участка, где хорошо поднаторел в «управлении персоналом», что и было сразу отмечено командованием ещё на этапе укомплектования бригады и ему было предложено возглавить отделение, а потом, после ранения и выбытия командира взвода, Пижон поднялся на следующую ступеньку «карьерной лестницы». Комбат планировал ходатайствовать о его направлении в школу младших лейтенантов, но людей категорически не хватало, и этот процесс завис на неопределённое время. Впрочем, Пижон расстраивался не сильно — он словно не замечал своего сержантского звания, и бывало, что на равных разговаривал и с ротным, и с командиром батальона, не видя необходимости прибегать к почитанию субординации, когда она мешала ему решать вопросы своего взвода. А Пижоном звали его за привычку варить кофе в турке, которую он всегда таскал с собой.

— А ты как будто это ещё не усвоил, — ответил Урал, — что все проблемы в решении поставленной задачи решаются самими исполнителями!

— Как меня это всё задрало, — громко сказал сержант. — Кладём людей без остановки, а надо всего лишь остановиться, осмотреться, подумать, как решить вопрос грамотно, чтобы был результат! Я не представляю, как с таким подходом, без учёта важных факторов, эти ваши командиры, строили бы дом!

— Так решай, кто тебе мешает?

— Командир, ну и ты туда же!

— А что мне остаётся делать, Саня? — Урал хлопнул себя по плечу: — Высказать Корсару всё, что я о нём и о его задачах думаю, чтобы с меня погоны сняли и отправили в «штурма»?

— Вот ты, командир, этого боишься, — Пижон скосил взгляд на сидящего рядом Дизеля, — Корсар этого боится, наш комбриг Ветер этого боится, командарм Каскад этого боится... а люди гибнут, и никто этот бардак остановить не может! Все боятся потерять своё место, которое всегда лучше, чем у Ваньки-пехотинца в штурмовой группе, которого, почему-то, никому не жалко! У нас пехота как будто бесконечная, да по семь жизней имеет...

— А ты разве не боишься, что Ветер с тебя снимет погоны сержанта и отправит в «штурма»? Только честно скажи.

— Нет, Урал, не боюсь, — задиристо ответил Пижон. — Не боюсь, потому что у меня почти ничего в жизни не изменится. Я и так на штурм хожу, и раньше ходил. И жизнь моя ничего, по сути, не стоит. И что самое главное — я уже смирился с мыслью, что никогда не вернусь с этой войны.

— Мужики, — вмешался Дизель. — Хорошо препираться! Давайте ближе к делу. Мы все и без этих разборок знаем, что помощи сверху нам не светит. Давайте думать, как нам быть.

— Есть предложения? — с вызовом спросил ротный.

— Есть, — кивнул Дизель.

— Говори, — потребовал Пижон.

— У нас же есть «мавик», так?

— Допустим, — кивнул ротный. — Ты же знаешь — мы его задействуем для наблюдения.

— Но, насколько я знаю, он иногда работает и со сбросами, так?

— Работает, — кивнул Урал. — Ты предлагаешь использовать его для разминирования?

— Именно, — улыбнулся Дизель. — ВОГаи будем закидывать противотанковые мины, и за несколько часов сможем расчистить проход для БМП. А противопехотные... они для БМП не страшны.

Урал порывисто встал.

— Дело говоришь, Иваныч. Только на ВОГи хвосты нужны, много. Где их взять?

— В батальоне связи пацаны на «три-дэ» принтере печатают, — ответил Дизель.

— Чего хотят за них?

— Не знаю, спрошу. Но точно — не деньги.

— Когда спросишь?

— Да хоть сейчас.

Дизель достал из кармана свой смартфон и в мессенджере набрал номер. Абонент долго не отвечал, но после длительного ожидания всё же «снял трубку».

— Припой привет, — поздоровался Иваныч. — Скажи мне, за сколько бы ты отдал нам сотню хвостов на ВОГи.

— На какие ВОГи? — уточнил связист.

— Какие нам нужны? — спросил Дизель у ротного.

— Семнадцатые, — ответил Урал.

— От АГС, — сказал в трубку Дизель. — ВОГ-семнадцать.

— Да этого добра у нас навалом. Сигарет нам привези и забирай, — ответил Припой.

— Спасибо, братское сердце! Скоро буду! — сказал Дизель и отключился.

— Бери «буханку» и гони, — сказал Урал. — Времени в обрез осталось.

— Есть, — кивнул Дизель и посмотрел на Пижона: — Саня, забирай свои «бэхи». Что смог, то сделал. Обе на

ходу, но у одной не работает пушка. И «мотолыгу» тоже забирай. А я погнался за хвостами!

Дизель выскочил из подвала и направился к укрытию, где прятался командирский УАЗ-«буханка». Вскоре послышался звук уезжающего автомобиля.

Поставив турку на газовую плитку, Пижон разложил на столе карту.

— Командир, давай ещё раз по порядку действий!

— Смотри, начинает Каштан. Он должен обеспечить правый фланг наших последующих действий, прикрыть нас со стороны вот этих двух ложин и лесополос «Днепр» и «Волга». Ты одной БМП, у которой не работает пушка, забираешь в Востриково штурмовую группу Каштана и по «Амуру» довозишь их до «Десны», там поднимаешь на борт ещё людей и закидываешь их всех на «Зею». Если «бэха» там выживает, она возвращается для дальнейших действий с твоим взводом. Далее, — карандаш в руке командира роты переместился по карте немного западнее: — Репер наносит удар по опорнику на стыке «Невы» и «Зеи», после чего ты выдвигаешься на штурм этого ВОПа. Пушкой БМП, косоприцельно, лупишь всё, что увидишь на «Неве» и далее на «Зее». Штурмов высаживаешь, не доходя до «Зеи» пятьсот метров и оттягиваешь БМП за «Десну», прячешь машину за хребтом. Старший группы... кто у тебя идёт старшим штурмовой группы?

— Тунгус.

— Не помню такого, — ротный наморщил лоб. — Из свежего?

— Да. Вроде толковый, после ранения.

— Короче. Старший группы идёт по «Неве», зачищает окопы в посадке, по рации вызывает БМП, если возникает необходимость подавить огнём возникшее сопротивление. Тогда «бэха» выходит на хребет и работает пушкой

по указанным целям... Тем временем штурмы продвигаются по посадке и берут перекрёсток лесополок.

— Или не берут, — со злобой сказал Пижон.

— Ну, может быть и такое, — кивнул Урал. — По крайней мере, мы «постараемся выполнить приказ», а в качестве усиления первый взвод отдаст тебе пять-шесть человек, у них задача попроще, справится оставшимися силами. Далее твоя группа, с этой позиции, блокирует перекрёсток дорог, воспрещая любое передвижение по дороге. Закрепление — вот как раз люди из взвода Парижа — занимает «Неву». «Мотолыга» работает с группой эвакуации. Когда раненые будут накапливаться на точке сбора, МТ-ЛБ шлёпает туда, грузится, и идёт на Востриково, где трёхсотых будут принимать медики из медпункта батальона. Позже мне доведут их позывные и частоты, если у них будет своя сеть.

— А когда наступаем? — спросил Пижон. — Я видел, у Каштана люди уже готовы.

— Я жду приказа Корсара. Пока тишина. Никакой конкретики. То, что я тебе обрисовал — это моё решение на общий замысел, который он мне доводил утром.

На командном пункте появился старшина роты старший прапорщик Костёр, наверное, самый возрастной военнослужащий во второй мотострелковой роте — ему было пятьдесят девять лет, но выглядел он, как шутили сослуживцы, «всего лишь на пятьдесят восемь».

— Товарищ командир, кому там сети нужно было отдать?

— В минбатр, — ответил Урал. — Что у нас с горячей жратвой?

— Нормально, — кивнул старшина. — Горячая пища будет готова через полчаса, через час доставлю её во все взвода. Я за машиной пришёл!

— Машина ушла в батальон связи, — ответил ротный. — Вернётся часа через полтора.

— Еда начнёт остывать, — покачал головой Костёр. — Людей бы покормить нормально перед таким боем... — в его словах сквозила отцовская забота.

— Пусть каждый взвод выделяет по два человека и отправляет их за едой. Термоса ещё не потеряли?

— Термоса в наличии, товарищ командир, — обиженно ответил Костёр. — У меня ничего не теряется.

— В роте сегодня минус четыре карандаша, из тех, кто на котловом довольствии, — сообщил Урал. — Можешь вычёркивать из суточного расхода.

— В бою? — участливо спросил Костёр.

— Нет, — ротный злобно ухмыльнулся, — эти четыре обмылка бухали в подвале, и гранату на столе зачем-то взорвали. Но официальная версия у нас будет, что в подвал залетела граната с вражеского дрона.

— Зачем они ещё и сами себя убивают, когда вокруг и так смертей не счесть? — задал Костёр риторический вопрос.

— Да кто их знает, — отмахнулся Урал. — Были быдлом на гражданке, сюда пришли — быдлом остались. Только с гранатой. Вот и результат.

— А может именно мы их делаем быдлом? — спросил Пижон, переливая кофе из турки в свою фарфоровую кружку. — Вот таким отношением, как к расходному материалу. Люди это понимают, чувствуют, и от безысходности опускают руки, а потом бухают и пускаются во все тяжкие — потому что — «пей, гуляй, пока живой».

— Может и так, но ведь нормальные «мобики», типа тебя, не бухают и не подрывают себя гранатой, — парировал командир роты.

— Я не нормальный «мобик», — усмехнулся Пижон. — Я командир взвода, и мои условия жизни чуть лучше, чем у них. У меня есть свобода передвижения, хотя бы по батальону, а у них что? Подвал, окоп, посадка, воронка от мины, пластиковый пакет — это если ещё повезёт, что тело вытащат. Когда демобилизация — никому не известно. Безысходность и полная безнадёга. Трагедия жизни во всей своей бессмысленной красе. Как крысы из одного известного опыта...

— Какие крысы? — взбодрился Урал.

— Не помню кто, — сказал Пижон, — какой-то учёный, проводил такой опыт: он кидал крыс в воду в стеклянной ёмкости и засекал время, как долго они будут пытаться спастись. Крысы барахтались в воде, но силы их покидали, и они тонули — в среднем — через пятнадцать минут. Затем он брал других крыс, кидал их в воду, и через десять минут вытаскивал. Снова кидал, и снова через десять минут вытаскивал. И так несколько раз. А потом перестал вытаскивать, а стал ждать, когда они прекратят бороться за жизнь. И знаете, сколько они боролись за жизнь?

— Двадцать минут? — спросил Урал.

— Тридцать? — спросил старшина.

— Нет, — ответил Пижон. — Шестьдесят часов. А знаете почему?

— Они знали, что их спасут, — предположил ротный. — Им нужно было продержаться...

— Правильно, — кивнул Пижон. — Потому что эта группа крыс знала, что их спасут. У них была надежда. А у наших мобиков такой надежды нет. Вы понимаете, о чём я?

— Если бы люди знали, сколько времени продлится их война, тогда они бы не утрачивали надежду на

возвращение домой, — ответил Урал. — И находили бы в себе силы для борьбы. Так?

— Так точно, — кивнул Пижон. — Мы удивительно быстро развиваемся в одном направлении, в техническом, все эти дроны, РЭБ, высокоточное оружие, просто прекрасно... и при этом катастрофически деградируем в отношении людей — мотивации никакой, отпусков нет, раненых не долечивают, отправляют обратно в войска, а в войсках многие командиры относятся к подчинённым как к последнему быдлу...

На командный пункт роты спустился Каштан.

— Товарищ командир, я сходил, проверил людей на опорнике, — доложил он.

— И как?

— Бдят. Дождь собирается. Опять окопы мокрые будут. Нам бы паллеты раздобыть, на дно укладывать, чтобы не по воде ходить.

— Ты полагаешь, что у меня где-то есть склад с паллетами? — спросил ротный.

— Я полагаю, что их надо где-то найти.

— По домам ищи, — предложил Урал. — Ходи по домам, сараям, гаражам, смотри, что можно использовать в окопах вместо паллет. Это не будет считаться мародёрством. И вообще, ты взрослый мальчик, давай ты меня не будешь грузить такой мелочью. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Каштан.

— Что там твоя группа на «Десне»? Штурманула уже «Зею»? — Урал тут же взбодрил взводного, почувствовав, что тот начал расслабляться.

— Только что Ганс доложил, что в темноте слышали движение и голоса на «Зее». Точно установить количество противника не удалось. Кроме того, пока ещё было светло, противник использовал дрон со сбросом, лёгкое

осколочное ранение в плечо получил Аватар. Требуется эвакуации. Что будем делать, товарищ командир?

— Он что, не может потерпеть? Ему помощь оказали?

— Оказали. Закрыли рану биндом. Вкололи наркотики.

— Ну и всё, чего он там переживает? Смена закончится, вернётся, отправим в медпункт. Делов-то — потерпеть всего пару дней. Пусть надеется и верит, — Урал подмигнул Пижону.

— Ганс говорит, что Аватар устроил истерику, орёт благим матом, угрожает всех расстрелять. И ещё, Ганс говорит, что у них наркотика больше нет — групповая аптечка была у Крота, когда в него «карик» попал. Просит заслать несколько шприц-тюбиков на дроне.

— А что, хорошая идея. Засылай. Скажи птичникам, что я разрешил слетать. Утром.

— Спасибо, товарищ командир, — Каштан улыбнулся.

— «Спасибо» твою «Зей» не возьмёт, — ответил Урал. — Давай, лейтенант, думай, как задачу выполнить! В подвал спустился Репер.

— А вот и я, — оповестил он присутствующих. — Скучно мне без вас. И да, мне кто-то сетки обещал!

— Костёр, — ротный указал на старшину рукой.

— Людей привели? — спросил старшина и пояснил: — вы, товарищ капитан, в одного восемь сетей не унесёте.

— Да, привёл, — кивнул Репер. — На улице ждут. Выдайте им пожалуйста.

Старшина глянул на ротного:

— Восемь! Больше не дам!

В этот момент у командира роты зазвонил смартфон.

— На связи, — ответил он. — Так точно. Да, со мной. Есть. Отключив трубку, он посмотрел на Ропера.

— Что? — спросил капитан.

— Корсар вызывает нас к себе. Срочно.
— Ночь на дворе, как мы поедем? — спросил артиллерист.

Урал развёл руками и набрал номер Дизеля, но тот был недоступен. Посмотрел на Пижона:

— Саня, дай «бэху» в батальон сгонять!
— Товарищ командир, — взмолился взводник. — Там в ней топлива — четверть бака. Вы туда-обратно скатаетесь, чем мне машину в бою кормить прикажете?
— Мы её там заправим, — пообещал Урал. — Где машина? Мехвод на ней?

— Пойдёмте, — Пижон махнул рукой на то обстоятельство, что командир действительно, мог сейчас потратить топливо на поездку в батальон, и солдаты не останутся на боевые действия — движением руки он просто смахнул с себя всю ответственность.

БМП-2 стояла в сарае, едва там поместившись, раздавив всякий хозяйский хлам. Чтобы загнать туда машину, мехводу пришлось таранить кирпичную стену, затем занавесив образовавшийся проём маскировочной сеткой.

С двумя бойцами «личной охраны», прихватив свой автомат и облегчённый вариант вербелта, вмещавший всего четыре магазина, Урал запрыгнул на боевую машину, устроившись на башне в готовности, если прижмёт, спуститься в боевое отделение. Репер забрался на «ребристый» лист, закрывающий двигатель, кинул под себя подушку, найденную в соседнем доме, укрылся одеялом из того же дома и обнял пушку. Бойцы личной гвардии устроились за башней на десантных люках.

Солнце уже село за горизонт, быстро стемнело. Впрочем, мехвод прекрасно знал весь предстоящий путь, и в свете не нуждался — ему хватало одной фары,

снабжённой устройством ночной маскировки. Ехать предстояло минут тридцать, до Стратьевки, где располагались подразделения мотострелкового батальона, не занятые на линии боевого соприкосновения.

Мокрая погода делала своё дело — гусеничные траки поднимали ошмётки грязи, которые летели не только в стороны, но и на саму БМП, покрывая пассажиров толстым слоем жирного чернозёма.

***

Полевой пункт управления второго мотострелкового батальона был оборудован в подвале большого коттеджа, в котором, по преданию местных, ранее проживал прокурор Знаменского района, с приближением войны поспешивший бросить работу и уехать в Европу со своими домочадцами. Большое подвальное помещение позволило разместить здесь всё управление батальона, а несколько небольших примыкающих помещений были превращены в отдельные комнаты — отдыха для комбата, для замов, для начальника штаба, разведчиков и связистов.

Посреди общего помещения стоял большой стол, вокруг которого размещались работники штаба батальона, на стене висели большой экран и карты района ответственности, куда заместитель начальника штаба цветными карандашами наносил текущую обстановку. Здесь же были командиры первой и третьей роты, гранатомётного взвода, противотанкового взвода, взвода связи, хозяйственного взвода, нештатной группы БпЛА и начальник медпункта. Комбат сидел в самом углу и пил чай с пряниками.

— Разрешите? — Урал встал в пороге.

— Заходи, — кивнул Корсар. — Чего так поздно?

— Дизель уехал на «буханке» в батальон связи бригады и пропал. Не могу вызвонить. Пришлось на «бэхе» сюда добираться, — быстро оправдался командир роты и войдя в помещение, поздоровался: — Здравия желаю.

Несколько человек поздоровались с ним, не отвлекаясь от своей работы.

— А что, не рады? — следом вошёл Репер, который и здесь пользовался глубоким уважением, позволяющим ему подшучивать над сослуживцами. — Я вам что, уже надоел?

Комбат поднялся, пожал вошедшим руки.

— Так, ну что, все собрались? Начальник штаба, начинайте доклад.

Из-за стола встал капитан, носивший позывной Сургут. Лазерной указкой он подсветил бумажную карту, висящую на стене.

— Товарищи, противник силами до роты занимает оборону по линии совхоз Берёзовый — лесополоса «Двина» — северо-западная окраина лощины «Левой» — лесополоса «Волга» — село Осиновка. По линии лесополоса «Зея» — лесополоса «Днепр» противник выставляет боевое охранение, которое сменяется раз в три дня. На «Зее» противник в моменте держит до десяти человек, на «Днепре» — до двенадцати. На территории МТФ совхоза Берёзовый, у поворота дороги на Востриково, обустроен взводный опорный пункт «Берёзовый», прикрывающий дорогу Осиновка — Еремеево и грунтовку вдоль лесополосы «Липа» на Кузнечное. В тыловом районе, в населённых пунктах Кузнечное, Ябловка противник размещает подразделения первой и третьей роты, а также, предположительно, подразделение Бпл А. В районе севернее Кузнечного, по данным разведки старшего начальника, расположены огневые позиции двух гаубиц М-777,

ведущих огонь по тылам нашей бригады. В районе севернее Ябловки, по данным нашей разведки, вчера обнаружено передвижение, предположительно, самоходного орудия «Цезарь», предполагаем позиционный район. В Ябловке вероятно наличие до двух танков Т-64.

— Как это? — спросил Корсар. — «Вероятно наличие»?

— Товарищ майор, — начальник штаба замялся. — Вчера «Орлан» бригадной разведки наблюдал два танка на западной окраине села, сегодня их там нет. Они летают, смотрят, но пока найти не могут!

— Надо найти. Если они вылезут в самый ненужный момент, и сорвут нам задачу, я на вас этот залёт повешу.

— Найдём, — заверил Сургут и продолжил: — Мы полагаем, что выдвижение танков на ЛБС может проходить вдоль лесополосы «Ясень» или по дороге от Ябловки до перекрёстка с дорогой от совхоза до Осиновки. Время выдвижения — до тридцати минут с момента получения приказа. Резервы из состава первой и третьей рот стрелкового батальона численностью до взвода от каждой роты могут выйти на обороняемые рубежи в течение тридцати-сорока минут.

— Это очевидно, — кивнул Корсар. — Достигнув «Двины», танки оказываются на возвышенности, и спокойно останавливают любое наше движение по «Неве», «Оке» и «Зее». Пехота заполняет стрелковые ячейки на «Двине», при необходимости может контратаковать вдоль «Невы», «Оки» и по долине «Левой».

— С «Десны» мы достаём их ПТУРами, — заметил начальник штаба. — Дальность позволяет.

— Конечно, достаём, — сказал комбат, — если противник по противотанковым расчётам не отработает кассетами из «трёх топоров». Или «истеричками» не забьёт. Репер!

- Я, — капитан подскочил.
- Куда ты дотягиваешься с основной позиции? Сможешь ударить по «трём топорам» за Кузнечным?
- Нет конечно, товарищ майор! Если стрелять полным зарядом, то дотянусь до «Зеи». Но тут тоже есть нюанс.
- Какой?
- Мы получаем мины, которые идут в комплекте с четырьмя порохами. Так мы достаём чуть дальше «Десны», но, чтобы дотянуться до «Зеи», мне нужно с каждой третьей мины забрать по два порохам, чтобы навесить их на первые две мины. Тогда я смогу бить на дальность пять девятьсот. Третья мина лишается возможности к использованию, и фактически выбрасывается. Чтобы достать до «Двины», я должен навешивать на мины специальные «дальнобойные» порохам, которые почему-то в огромном дефиците, и к нам не поступают. Я могу дотянуться до «Двины», только если выдвину свои огневые позиции на два километра вперёд, где меня мгновенно сожгут дронами-камикадзе.
- А почему с порохами так? — спросил Корсар.
- Не могу знать, товарищ майор, — бодро отчеканил Репер. — Этот вопрос нужно задавать деятелям из ракетно-артиллерийского управления — почему они продолжают считать, что четырёх порохам нам на войне будет достаточно, когда сейчас все понимают, что средние дальности стрельбы возросли из-за применения дронов-камикадзе, что концепция войны в корне поменялась — мы теперь практически не стреляем на малые дальности. Именно поэтому я всегда завышаю свои просьбы на количество мин. А у начарта полка свои виды на эту проблему. Он мои опасения не разделяет.
- Мог бы раньше объяснить, — ответил Корсар. — Я бы тебя понял. Теперь буду иметь ввиду.

— Спасибо, — кивнул командир батареи. — Но если мы реализуем идею мобильного, «кочующего» миномёта, то в принципе, эпизодически, я смогу накрывать «Двину», например, подскакивая на «Дон» и стреляя шестью порохами. А «дальнобоем» с «Десны» я смогу дотянуться до лесополосы «Берёза», что за дорогой. Но это если у меня будет «дальнобой» — что, практически, нереально.

— Я понял, — кивнул Корсар.

— И ещё, — Репер выдержал паузу. — Мне не понятен ваш приказ относительно обязательной сдачи ящиков из-под боеприпасов. Везде и всегда ящики остаются в подразделении, и вы сами понимаете, сколько добра они приносят — и как дрова, и как строительный материал, и как мебель...

— Это приказ командира бригады, — ответил комбат.

— Я не понимаю, зачем так делать! — возмутился артиллерист. — Кому нужны эти ящики?

— Я не знаю, — Корсар пожал плечами. — Приказано сдавать, значит сдавай!

— Глупый приказ, создающий нам массу проблем! — резюмировал Репер.

— Ну, я что могу поделаться? — комбат развёл руками. — Наверное, наши тыловики продают эти ящики, или маринуют их, не знаю. Ещё вопросы есть?

— Нет, — ответил Репер.

— Метис, — комбат обратился к командиру противотанкового взвода: — ты готов действовать с «Десны»?

— Так точно, — молодой лейтенант поднялся со стула.

— Сколько у тебя рабочих комплексов?

— Один «Корнет» и один «Фагот». Два «Корнета» с отказами, готов передать их в РАВ для ремонта или списания.

— А «Фагот» у тебя откуда? Его же не было по штату? — спросил Корсар.

— БАРСы когда с нами стояли, выменяли на две ракеты «Корнета», товарищ майор, — ответил Метис. — Вместе с «Фаготом» они нам отдали четыре ракеты. Я их прозвонил, ошибок не выдают. Думаю, ими можно работать.

— А их чем «Фагот» не устроил?

— Дальность меньше, чем у «Корнета», товарищ майор. — Но в наших условиях, от одной посадки до другой, мы дотягиваемся.

— Добро, — сказал командир батальона. — Но в следующий раз если надумаешь боевую технику разбазаривать, меня предупреждай. Так, вторая рота!

— Я, — Урал подскочил со стула.

— Боевая задача роты без изменений. Доложите своё решение.

— Второй взвод на одной БМП заходит на правый фланг «Зеи» с целью блокирования возможного прохода противника между лощинами «Правая» и «Левая» по лесополосе «Днепр» и после закрепления осуществляет огневой контроль вдоль лощин и самой лесополосы «Днепр», затем начинаю зачистку лесополосы в направлении «Невы». Первым взводом я иду по «Оке» до «Зеи», закрепляюсь. Задача первого взвода — не допустить проход штурмовых групп противника со стороны МТФ к «Неве» по «Зее» и «Двине». Задача третьего взвода — по лесополосе «Нева» осуществить прорыв через «Зею» к «Двине» и перекрыть движение противника по дороге от совхоза к Ябловке и к Осиновке.

— Предложения и пожелания есть? — спросил Корсар.

— Товарищ майор, докладываю. Исправными в роте имею только две БМП, на одной из них «два-а-сорок-два» в отказе, плюс на ход поставили «мотолыгу». Если не

даёте сапёров, предполагаю разминировать «Неву» путём сбросов с «мавика», Дизель должен сейчас привезти хвосты к ВОГам. Как только привезёт, сразу начнём кидать гранаты на противотанковые мины — они сейчас, в темноте, будут пару часов хорошо видны в «тепляк» с «мавика». Но в целом... — Урал выдержал паузу. — У нас нет перевеса сил над противником, также противник имеет преимущество в дронах, танках и артиллерии. Располагаемыми силами решить поставленную роте задачу считаю невозможным.

— Ещё скажи — бессмысленным, — усмехнулся комбат.

— Без поддержки артиллерии, без работы сапёров, без РЭБ против «истеричек», без хотя бы пары танков, я не могу гарантировать решение задачи. Только людей положим, товарищ майор. Пока мои «бэхи» из исходного района дойдут до рубежа атаки... на них по десять камикадзе упадёт, если не будет РЭБа.

— Послушай, старлей, — Корсар впился глазами в своего ротного. — Я не хочу слышать от тебя эти сопли — «только людей положим» и «считаю невозможным». Ты должен сказать «есть», после чего побежать исполнять приказ. В противном случае зачем вот лично ты здесь нужен? Может, мне твоего Парижа поставить вместо тебя, а тебя отправить командовать штурмовой группой?

— Поступайте, как считаете возможным, — сказал Урал. — Но я думаю, что задача роты не обеспечена средствами усиления, а потому обречена на провал. У меня всё.

— Садитесь, — предложил комбат и когда Урал присел на свой стул, Корсар продолжил: — Третья рота!

Со стула поднялся Молот — командир третьей мотострелковой роты.

— Я.

— Ваша боевая задача без изменений. Доложите своё решение.

— Силами первого и второго взвода обеспечиваю оборону по лесополосе «Кама», третий взвод на двух БМП передаю в оперативный резерв батальона.

— Первая рота! Доложите решение!

Поднялся Хабар — командир первой мотострелковой роты.

— Обеспечиваю удержание рубежа по лесополосе «Печора». Товарищ майор, хочу напомнить, текущий БЧС роты — тридцать процентов от штата.

— Я это помню, Хабар, — ответил Корсар. — У тебя самая лёгкая задача, чего ты так переживаешь?

— Я не переживаю, я хочу оградить своё подразделение от привлечения к штурмовым задачам, иначе от роты вообще ничего не останется, — достаточно дерзко высказался старший лейтенант.

— А вам никто и не ставит такие задачи, — возразил Корсар.

— Боюсь, что это из разряда «пока никто не ставит», а как начнётся свинорез, вы и про первую роту вспомните. А у меня одни доходяги, да каличи после госпиталей.

— Вижу, многие офицеры в батальоне стали размышлять по принципу «моя хата с краю», — комбат обвёл присутствующих суровым взглядом. — Это не правильная позиция, я бы хотел, чтобы такие командиры пересмотрели своё отношение к выполняемой работе. Всем тяжело. Идёт война. И нам надо решать боевые задачи. И решать их имеющимися средствами! Кто не согласен, тот пусть пишет рапорт на перевод в «Шторм». Кто согласен — попрошу более ответственно относиться к порученной боевой работе.

— Исходя из боевого и численного состава батальо-

на, — заметил Хабар, — мы должны быть выведены на восстановление боеспособности. Почему этого не происходит, товарищ майор?

— Хабар, ты сейчас мне с какой целью мозги делаешь, как будто сам не понимаешь причин, почему мы не на восстановлении?

— Я хочу, товарищ майор, чтобы всё было по чести, совести и справедливости. А то там, где-то наверху, все такие умные сидят — думают, поди, что мы тут на полном штате движемся, задачи нам как на полный штат нарезают, а потом ещё и спрашивать с нас будут за отсутствие результата. И хоть бы какой-нибудь генерал, хоть раз, приехал бы на ЛБС, посмотрел бы, как у нас тут на самом деле, — Хабар выговорился и замолчал.

— Всё? — спросил Корсар.

— Могу ещё рассказать.

— Лучше подумайте, кого из своих бойцов отдадите в закрепление второй роты. Пока начавшийся свинорез совсем из вас чувство острой несправедливости не выветрил.

ГЛАВА 3

Выйдя с совещания, Урал снова набрал номер Дизеля, и ему вдруг ответил незнакомый голос.

— А где Дизель? — спросил Урал.

— А вы кто? — поинтересовался собеседник.

— Я — Урал, его командир, — ответил ротный, чувствуя нарастающую тревогу.

— А я старший инспектор военной полиции капитан Муслимов. Рядовой Игнатьев задержан, автомобиль УАЗ, которым он управлял в пьяном виде, изъят и поставлен на арестплощадку.

— Капитан, ты что несёшь? Игнатьев не пьёт в принципе, у него язва желудка, ему просто нельзя пить!

— Факт вождения в пьяном виде задокументирован, — ответил полицейский.

— Где вы находитесь?

— Отделение военной полиции в Знаменке, в здании комендатуры.

Урал глубоко вдохнул, затем ровно и протяжно выдохнул, стараясь остановить в себе эмоции, которые просились наружу. Успокоившись, он вернулся в подвал командного пункта батальона и подошёл к комбату.

— Товарищ майор, у нас беда.

— Что опять? — буквально двадцать минут назад Урал в подробностях рассказывал Корсару о происшествии с гранатой, и вот снова...

— Вэпэшники задержали Дизеля, машину изъяли.

— За что? — спросил Корсар.

— Мне ответил какой-то капитан Муслимов. Он, заявил, что Дизель был бухой за рулём.

— Он же не пьёт вообще, — удивился комбат.

— Вот и я про то же, — кивнул Урал. — Что нам делать?

— Сейчас решим, — Корсар вытащил из кармана телефон, набрал номер командира бригады, и когда абонент ответил, коротко сообщил о проблеме, упомянув и о хвостах для сбросов, за которыми поехал Дизель. — Товарищ полковник, он у нас вообще не пьёт, вы же это знаете! Это произвол какой-то. Хорошо, я вас понял!

Отключившись, Корсар выматерился, и лишь уняв свои эмоции, посмотрел на командира роты:

— Я более чем уверен, что вэпэшникам просто захотелось отжать нормальную, новую «буханку», вот они и придумали, что Дизель был пьян. Ну вот скажи, Урал, почему так?

— Потому что могут, товарищ майор, — ответил ротный.

— У меня иногда складывается такое впечатление, что войну мы воюем не против немцев, а против самих себя, — сказал Корсар. — Задачи, которые нам спускает верхнее командование, никогда не соответствуют реальным возможностям подразделений — Хабар правильно всё сказал, и это, конечно, приводит к отсутствию результата и ничем не оправданным большим потерям. Бесмысленные потери, в свою очередь, разрушают у бойцов веру в справедливость идущей СВО, уничтожают авторитет командования, попутно обесценивая цену человеческой жизни, отчего бойцы начинают переносить это на взаимоотношения друг с другом — сегодняшняя граната в твоей роте — яркое тому подтверждение. Кто-то из самих бойцов, стремясь «спросить» с командира за такие бесмысленные потери, приходит к нему с оружием, и ты сам знаешь, чем это часто заканчивается. Военная полиция, как я вижу, тоже вату не катает, и вносит свой «посильный

вклад» в формирование общего хаоса... — комбат злобно сплюнул в сторону.

— А что мы можем сделать, товарищ майор? — спросил Урал. — Если кругом так, и по всей видимости, «наверху» тоже всем на это плевать с их высокой колокольни?

— Делать? — комбат посмотрел на своего подчинённого. — Хотя бы оставаться честным перед самим собой. Но это, к сожалению, в нашей системе уже нереально. Особенно, если ты хочешь выжить. Ладно, к чёрту сон, я поехал в комендатуру... как будто мне в батальоне перед наступлением заняться больше нечем!

— Надеюсь, вы его сможете забрать, — сказал Урал, пропустив очевидный укол в свой адрес.

— Ты давай, двигай в свою роту, — предложил Корсар. — Готовь людей к работе. Всех пята сотых в строй, по возможности! Утром доложишь обстановку.

Урал выразительно глянул в сторону своей БМП.

— Товарищ майор, прикажите заправить «бэху», а то она почти сухая.

— Скажи Рассвету, что я разрешил заправить одну бочку, — кивнул Корсар.

— Спасибо.

Когда комбат на «Патриоте» уехал в Знаменку, Урал разыскал заместителя по тылу батальона, который занимал отдельный закуток командного пункта. Рассвет полностью соответствовал своей должности как внешне, так и своими деловыми качествами — вверенным хозяйством он управлял достаточно толково и очень рачительно, при этом не забывая хорошо покушать «при любых условиях оперативной обстановки». В момент, когда Урал зашёл в помещение, Рассвет расправлялся с парой банок тушёнки, разогретых в сковороде на газовой плитке.

— Приятного аппетита, — поздоровался Урал, почувствовав, как заурчало в животе.

— Здорово, Урал, — кивнул Рассвет. — Чего тебе?

— Комбат приказал заправить «бэху», распорядись пожалуйста!

— О как! А мне он ничего не доводил.

— Так он только что мне сказал, перед тем как в коммандатуру ехать. Сказал — передать тебе...

— Сколько? — Рассвет закинул в рот кусок тушёнки.

— Две бочки! — нагло заявил ротный, полагая, что всегда нужно просить больше, и тогда дадут столько, сколько надо.

Причём, будучи уличённым во вранье, всегда можно сказать, что расслышал именно как «две бочки». Ведь с каждым может случиться такая досадная ошибка! Это врать нельзя, а ошибаться-то можно!

— Не, — Рассвет помотал головой. — Две не дам. Это же целых четыреста литров!

— Ну, правильно. Как раз по ёмкости баков. У меня «бэха» сухая стоит. А завтра мне на ней весь день немца кошмарить!

Рассвет дотянулся до пачки салфеток и стал вытирать губы.

— Вот тебе спалят «бэху» с самого начала боя, и считай, напрасно четыреста литров сгорит! А где я тебе столько возьму, если снова понадобится?

— Так и «бэха» сама сгорит, — резонно заметил Урал. — Не на что просить будет.

— Бочку! — сказал зампотыл, про себя признав, что логическими ухищрениями одолеть ротного ему не удалось. — Могу дать только бочку!

Ротный вовремя остановил себя, чтобы безоговорочно согласиться, чем можно было вызвать обосно-

ванные подозрения со стороны тыловика, не менее его прожжённого во всех вопросах тылового обеспечения.

— Не-не, — запротестовал Урал. — Корсар ясно сказал — две бочки. Мне же не просто так, мне для войны!

— Всем для войны, — Рассвет встал из-за стола. — Пошли, посмотрим, что есть в наличии.

Минут через пять, в кромешной тьме, они подошли к сараю одного из домов, в котором Урал увидел пару десятков бочек — здесь, по всей видимости, у Рассвета был «полевой склад ГСМ». Тут же обретался боец из хозяйственного взвода — пожилой мужчина-доброволец, находящийся на долечивании после госпиталя.

— Петрович, выкати одну бочку, нужно будет заправить вторую роту.

— Две бочки, — напомнил Урал.

— Нет, — отрезал Рассвет.

— Тогда ещё две канистры, — Урал умело «разменял» полный отказ на более достижимую цель.

— Ладно, — согласился Рассвет. — И две канистры ему залей.

— Бензина, — подсказал Урал. — На ротную «буханку».

Рассвет усмехнулся изворотливости командира роты и кивнул:

— Ладно, и две канистры бензина. Пойдём, распишешься в получении.

Однако, в документах Урал увидел только те самые четыреста литров дизельного топлива.

— Это что? — спросил он у Рассвета.

— Твои двести литров, — не моргнув глазом ответил зампотыл и добавил: — И ещё двести — за бензин. Заметь — за сорок литров бензина я с тебя расписок не беру.

— Ворюга, — рассмеялся Урал и ни минуты ни медля, поставил подпись — все эти возможные коррупционные разборки были так далеко, а смерть в бою была так близка...

— Зато в батальоне всегда есть неприкосновенный запас топлива, — оправдываясь, заявил Рассвет. — Слушай что — всегда есть на «чёрный день». Не как в третьем батальоне, где немцы на днях пункт заправки сожгли им теперь ездить не на чем.

— А мы не поделимся, да? — усмехнулся Урал.

— Чего ради? — Рассвет строго посмотрел на собеседника. — Если они не способны рассредоточить свои запасы, если они хранят всё топливо в одном месте, то я им не помощник.

— А как же взаимопомощь?

— Этим расточителям я помогать не намерен.

Подъехав на БМП к указанному месту, куда боец перекатил одну бочку, Урал помог бойцам заправить машину и залить бензин в канистры, после чего вместе с Репером убыл на хутор Гнилой.

***

Проскочив по тёмной и пустой трассе десяток километров, машина комбата подкатила к блокпосту на въезде в Знаменку. Так как в районе действовал комендантский час, а время уже близилось к полуночи, проезд был перекрыт. Как только машина остановилась перед препятствием, её осветили несколько фонарей, подошёл боец.

— Пароль три, — громко сказал боец, разглядывая людей, сидящих в машине.

— Семь, — ответил Корсар недостающую цифру до требуемой суммы сегодняшнего пароля, взглянув на часы, чтобы удостовериться, что ещё не случился переход на новый пароль с переходом времени на новые сутки.

— Кто такие? — спросил боец. — Документы!

— Командир батальона семьдесят шестой бригады, позывной Корсар, — ответил комбат, надеясь, что проверка этим и завершится.

— Документы покажите, — предложил боец.

Корсар вынул из кармана пачку документов, какие были с собой — удостоверение личности офицера, пропуск в штаб бригады, боевое распоряжение командира бригады, разрешающее ему передвижение в качестве старшего машины, разрешение на передвижение во время комендантского часа, подписанное командующим армией.

— Какие именно? — уточнил комбат.

— На машину есть документы?

— Есть, — Корсар взял у водителя документы на «Патриот» и показал бойцу: — Всё есть.

— Вы вдвоём в машине?

— Вчетвером, ещё два бойца охраны, — ответил Корсар и как бы невзначай добавил: — Нам в комендатуру.

— Хорошо, — кивнул боец и повернувшись, крикнул в сторону блокпоста: — В комендатуру из семьдесят шестой бригады, пароль и документы в норме!

— Открывай, — раздалось в ответ из темноты.

Фонари потухли. Боец сдвинул в сторону заграждение и «Патриот» змейкой проехал между бетонных блоков, дополнительно перекрывающих дорогу.

Показав водителю, где поставить «Патриот», Корсар, накручивая себя, вошёл в здание, занимаемое комендатурой и военной полицией — дверь почему-то оказалась не запертой. Его встретил дежурный офицер, поспешно выскочивший из комнаты дежурного, будучи явно застигнутым врасплох.

— Мне нужен капитан Муслимов, — сказал Корсар вместо приветствия.

— Я капитан Муслимов, — представился офицер.
— У вас находится наш боец — рядовой Игнатьев.
— Вы его командир?
— Так точно, я майор Евдокимов, командир второго батальона семьдесят шестой мотострелковой бригады. По какой причине вы задержали моего бойца?

— Я уже объяснял, — капитан изобразил удивление, — рядовой Игнатьев, управляя транспортным средством, находился в состоянии сильного алкогольного опьянения.

— Да он вообще не пьёт! — вырвалось у Корсара, хотя он прекрасно понимал, что никакие подобные заверения сейчас не смогут изменить ситуацию. — Покажите мне его.

— Не положено.

— Я командир батальона, и должен понимать, что произошло. Тем более, что мой боец является старшим техником роты, на нём висит вся техника, без него батальон, можно сказать, не «БэГэ».

— Послушай майор, мне вообще безразлично, кто чем у тебя в батальоне занимается, — капитан дерзко и, очевидно, привычно, перешёл на «ты». — Я знаю одно — твоего бойца задержали в нетрезвом виде. А у нас действует «бээрка» командующего Четвёртой общевойсковой армией — всех нетрезвых, или нарушающих общественный порядок, задерживать с последующим направлением в «Шторм».

— Вы что, Игнатьева в «Шторм» собрались отдать? — Корсар чувствовал, что уже еле сдерживает себя, чтобы на эмоциях не отправить офицера комендатуры в глубокий нокаут. — Без него батальон встанет! Вы понимаете это?

— Приказ командующего, — Муслимов, чувствуя состояние комбата, произвольно сделал шаг назад.

— Я требую показать мне рядового Игнатьева! — командир батальона повысил голос.

В этот момент из дежурного помещения вышли два сержанта с красными нарукавными повязками, всем своим видом показывая, что готовы немедленно вступить за своего дежурного офицера.

— Майор, требовать ты будешь у себя в батальоне, — капитан тоже повысил голос. — А здесь — комендатура, понимать надо! Я сейчас прикажу арестовать тебя за попытку нападения на наряд военной полиции. У меня двое свидетелей. И поедешь ты тоже в «Шторм» — согласно приказу командарма!

— Какие же вы... — вырвалось у майора.

Он повернулся, чтобы уйти, но сделать этого ему не дали — двое сержантов, очевидно, по немоу приказу капитана, бросились на него, и схватив за руки, попытались сбить с ног.

Чётко осознавая последствия своих действий, но не желая опускать авторитет боевого офицера, ударом головы Корсар разбил нос одному сержанту, затем удачным приёмом сбросил с себя второго, и мгновенно выхватив из пластиковой кобуры ПМ, направил его на застывшего Муслимова.

— Вот это ты зря сделал! — глаза майора впились в перекошенное от страха лицо капитана.

— Тревога! — заорал один из сержантов, поднимаясь с пола.

— Отставить! — от входа раздался громкий и властный голос. — Я сказал — отставить!

Корсар скосил взгляд — на пороге стоял Ветер — командир семьдесят шестой отдельной мотострелковой бригады. Его непосредственный начальник.

Полковник сделал несколько шагов, аккуратно опустил руку комбата, удерживающую пистолет, посмотрел на дежурного офицера:

— Что вы здесь за балаган развели, капитан? Почему боевые офицеры вынуждены обороняться от ваших разгильдяев? Они напали на офицера — кто им дал такое право? В «Шторм» обоих! Немедленно!

Ветер действовал решительно и нахраписто. Завладев инициативой, он ухватил капитана под локоток и повёл по коридору, оставив майора наедине с испуганными сержантами.

— Где комендант? — продолжал громко атаковать комбриг.

— Отдыхает, — понизив тон и признавая субординацию, ответил капитан.

— Немедленно его сюда! — рыкнул полковник.

В этот момент Корсар, завершая намеченное, прицельно пнул одного сержанта в промежность, и когда тот осел от боли, направился за своим командиром.

— Устроили здесь бардак! — продолжал орать Ветер. — Где рядовой Игнатьев?

— В камере, — ответил капитан. — Я сейчас вызову коменданта! Вам это с рук не сойдёт!

— Показывай, где камера! — Ветер проигнорировал угрозу капитана.

— Пенкин, Кузнецов, вызовите коменданта! — крикнул Муслимов, понимая, что полковник не даст сейчас ему это сделать — просто отберёт телефон.

Сержанты бросились исполнять указание.

— Я не имею право открывать камеру, — протестовал капитан, но Ветер сохранял напористость, которая довела его до железной двери в конце коридора.

— Эта? — спросил полковник. — Ключи давай!

— У меня нет ключей, — ответил капитан и ещё раз попытался призвать полковника к установленному порядку: — Не положено, товарищ полковник!

— Слышишь, капитан, я приехал сюда не для того, чтобы слушать твоё «не положено», — предупредил Ветер. — Я сейчас из тебя эти ключи в два счёта вытрясу. Даже если ты их проглотил со страху! Давай сам, добровольно!

— О ваших действиях я доложу коменданту! — заявил капитан, но взвесив место комбрига в военной системе иерархии, добавил: — Командующему!

— Да хоть самому Господу Богу, — Ветер сжал плечо дежурного офицера. — Открывай дверь!

Капитан попытался сбросить с себя руку полковника, но на помощь командиру пришёл комбат, который, бесцеремонно ощупав дежурного, вынул из кармана связку ключей.

Спустя минуту дверь камеры была открыта.

Из помещения хлынул смрад духоты и самых разнообразных запахов. Полсотни человек, находящиеся в совсем небольшом помещении, конечно, слышали, что происходило за дверью, и теперь с интересом смотрели на стоящих у порога людей.

— Дизель, на выход, — крикнул Корсар.

Через толпу стал пробираться старший техник роты, и когда он оказался на пороге, Корсар увидел его разбитое лицо.

— Я здесь, командир, — сказал Дизель.

— Это они тебя? — спросил командир бригады, метнув взгляд в сторону дежурного.

— И они, и те, которые меня на дороге остановили, — сказал Дизель, переступив порог камеры. — Машину отжали на стоянку. Хвосты для ВОГов уже здесь забрали.

— Ты пьяный, что ли? — спросил Корсар, уловив запах алкоголя.

— Командир, не поверишь, — Дизель развёл руками. — Забрал у связистов спирт, для пацанов, был грех,

в бутылке от минералки. Потом ехал уже обратно, захотел воды попить и хлебнул по запарке, перепутав бутылки. Вот и запах спирта изо рта. Ты же знаешь, что я не пью, мне моя язва не позволяет...

Из камеры раздался громкий коллективный хохот — в такое, действительно, поверить было трудно. В этот момент в коридоре появился комендант.

— Вы что себе позволяете? — заорал он. — Караул! Арестовать!

За комендантом появилось человек шесть, вооружённых автоматами.

— Всем стоять на месте! Я полковник Гордеев, командир бригады! — громко ответил Ветер, увидев коменданта.

— Я подполковник Ермолов, военный комендант Знаменского района! — так же громко ответил комендант, узнав комбрига. — Товарищ полковник, потрудитесь объяснить, что здесь происходит!?

— Может, вначале вы мне расскажете свою версию? — предложил Ветер.

— Так, товарищ полковник, прошу ко мне в кабинет! Бойца обратно в камеру, дежурному — в комнату дежурного, остальным — покинуть помещение комендатуры! — распорядился Ермолов и двинулся по коридору.

Ветер кивнул Корсару, и тот направился к выходу.

В кабинете комендант за руку поздоровался с комбригом:

— Миша, ну что за выходки? — Ермолов сел за свой рабочий стол, жестом предложив полковнику расположиться напротив.

— Коля, я это сам хотел у тебя спросить, — Гордеев присел на стул. — Ты у меня забрал бойца, на котором держится вся техника батальона. Верни его обратно.

— Я бы вернул, но сейчас это уже исключено, — ответил комендант.

— Почему?

— Потому что, во-первых, о его задержании уже доложено наверх, а во-вторых, ваш Игнатьев уже в приказе командующего.

— Доложено Каскаду или Эльбрусу?

— Эльбрусу и коменданту группировки. Ну, а чего ты хотел? Твой боец был пьян, оказал сопротивление, нанёс моим сотрудникам побои. А это «чепок», как ни крути.

— Вот что ты несёшь? Ты сам-то в это веришь, Коля? — комбриг кивнул в сторону двери и попытался выправить ситуацию: — Дизель мне сказал, что хлебнул спирта по запарке, перепутав его с бутылкой минералки. А твои и рады стараться.

— Перепутав, — рассмеялся комендант. — Знаешь, сколько здесь таких, кто хлебнул «перепутав» — полная камера. Иди, глянь. Хотя, ты уже увидел.

— Коля, я понимаю, что звучит это абсурдно, и будь это с другим человеком, я бы и сам не поверил, но дело в том, что он вообще не пьёт — у него язва. Его мобилизовали фактически без медкомиссии. Он реально — хлебнул по запарке.

— Да уже без разницы, — ответил Ермолов. — В рапорте указано, что он был пьян. И этот документ, если что, примет к сведению любой прокурор. А с твоей стороны — только слова.

— Где машина?

— На арестплощадке. Где же ей быть?

— Ключи давай!

— И тоже мимо. Машина изъята не потому, что водитель был пьян, а потому, что она не стоит на учёте в ВАИ. А у меня есть боевое распоряжение изымать все

машины, которые не числятся за воинскими частями. Знаешь, сколько таких неучтённых машин проходит по уголовным делам, которые творятся в прифронтовой полосе?

— Эту машину второму батальону передал губернатор нашей области! Машина решает задачи хозяйственного обеспечения. Ты сейчас мне обнуляешь боевую готовность батальона — забрал ключевого человека, забрал машину! Ты определись, за кого ты вообще воюешь! За немцев?

— Миша, вот это ты зря! Я бы на твоём месте поостерегся так наговаривать. Мы с тобой делаем одно общее дело. Я на своём участке, а ты на своём. Ты выполняешь задачи, которые ставит перед тобой командующий. И я выполняю задачи, которые ставит передо мной тот же самый командующий. Вот сейчас Эльбрус поставил задачу военной полиции и комендатуре принимать бойцов за малейшие правонарушения. Знаешь, для чего?

— Для формирования штурмовых отрядов, — вздохнул Ветер. — Не для наведения же порядка, в конце концов.

— Правильно. Вы же готовите наступление, и командующему на отдельные участки прорыва, очевидно, нужна масса штурмовой пехоты. Добровольно туда идти желающих нет, вот мы и изыскиваем способы наполнения «штатки» этих отрядов. Согласно распоряжению Эльбруса, задержанных сразу включают в приказ командующего на откомандирование из своей части в «Шторм». Документы на твоего бойца, и на всю эту ораву, которая сидит сейчас у меня, уже переданы куда надо. Вернуть документы, или скорректировать их... сам понимаешь — доклад уже прошёл. Так что, считай, что Игнатьев больше не твой боец. Можешь уже за него не впрягаться.

Откомандирование у нас по приказу на тридцать суток, но ты же понимаешь, что никто из этих «прикомандированных» такой срок не вытянет.

— Вы дёргаете людей в тылу, — сказал полковник. — Но это же явно не те бойцы, которые нужны для качественного штурма. Эти люди погибнут в первом бою. Тебя ничего не смущает?

— Это не моя забота, Миша. Я выполняю приказ. А смущаться я после войны буду. И резко осуждать буду такое решение. Но сейчас, я повторю — я выполняю приказ! Потому что, — комендант многозначительно похлопал себя по погонам.

— Хорошо ты устроился. Удобно, а главное, что совесть не мучает, — сказал Ветер.

— Кто бы говорил, — возразил комендант. — Сам-то людей не сильно жалеешь. Как и все остальные командиры.

— Ладно, — Ветер поспешил уйти от неудобной для него темы. — А что с «буханкой» ты делать собрался?

— Машина пусть постоит у меня, пока ты официально не оформишь её в ВАИ. Если надо, с оформлением помогу. А человек твой всё, забудь про него. Он однозначно уедет в «Шторм».

Комбриг тяжело вздохнул — какие-то два года назад он и представить себе не мог, что человеческие судьбы, человеческие жизни, будут решаться вот так — легко и непринуждённо. И никто не будет жалеть этих людей, думая только о том, чтобы самому не попасть в жернова судьбы.

— Коля, вот скажи, ты сам не находишь всю эту ситуацию абсурдной?

— Что я должен тебе ответить? Подвергнуть сомнению решение руководства?

— Ну так, чисто по-человечески.

— Чисто по-человечески вся эта война — одно большое преступление — для всех сторон. А всё происходящее — частные вариации на эту тему. Твоему Игнатьеву просто не повезло оказаться не в том месте, не в то время, и... не с той бутылкой в руках.

— Вариантов его вытащить вообще никаких?

— Если бы это было на уровне армии, то возможно бы и решили, а на уровне группировки — вариантов никаких.

— Хорошо, — комбриг встал. — Хвосты хотя бы отдай.

С пакетом «хвостов» Ветер покинул здание комендатуры. Увидев командира, Корсар вышел из машины и пошёл навстречу.

— Всё, что я смог, — комбриг передал майору пакет. — Игнатьева уже включили в приказ командующего группировки на откомандирование в «Шторм», считай, что он больше не наш боец. Я не могу прыгнуть выше командующего группировкой. С Каскадом мы бы этот вопрос ещё решили.

— Как же так, Михаил Иванович? — от несправедливости у комбата задёргался глаз.

— Это система, Олег. Тупая, глупая, бесчеловечная, но она работает — на общее дело. Главное — самому не попасть в её жернова — перемелет и не подавится. Ещё раз говорю — я сделал всё, что мог.

— Я понял, товарищ полковник.

— Больше не кидайся там с кулаками...

— Я не успел. Вы всё «испортили».

— Надо успевать, — усмехнулся комбриг. — Так, — он посмотрел на часы. — Совещание на восемь утра. Кто у тебя сейчас на батальоне?

— Сургут.

— Справится без тебя до утра?

— Думаю, да. Только позвонить надо, предупредить.
— Предупреди и двигайте за мной. Переночуете у меня.

— Хорошо, — кивнул Корсар.

Спустя десять минут машины въехали во двор большого дома и остановились под навесом, укрытым маскировочными сетями. Ветер вышел из машины, принял доклад дежурного по «дому командира» и предложил Корсару с его бойцами, проследовать в дом.

— Майор, — Ветер провёл рукой, — смотри, там душ и туалет, там кухня, можно чай попить, колбаса и сыр в холодильнике, конфеты на столе. Размещаешься в той комнате, бойцов твоих можно положить в дальней. Всё, я спать. Завтра много дел.

Стоя под тёплым душем, Корсар вдруг подумал, как мало нужно человеку для счастья — такого удовольствия от обилия воды он не испытывал уже несколько месяцев, довольствуясь жалким подобием бани, которую бойцы соорудили недалеко от штаба батальона в одном из подвалов Стратьевки, чтобы уберечь помывочную от постоянных прилётов.

***

Командный пункт бригады размещался в строениях некогда крупного свинокомплекса, расположенного в поле в километре к югу от окраины Знаменки. Несколько сооружений ангарного типа предоставляли широкие возможности по скрытному размещению техники, не позволяя противнику гарантированно устанавливать, сколько, чего и где именно размещено под металлической крышей полудюжины ангаров в конкретный момент.

Сюда уже прилетало — противник дважды поражал ангары «Хаймерсами». При первом ракетном ударе погибло несколько человек из управления бригады, что заставило предыдущего комбрига пересмотреть отношение к маскировке, в результате чего все разведывательные признаки присутствия штаба соединения вынесли на крайний правый ангар, а реальный штаб разместили в крайнем левом, переход в который тщательно замаскировали. Вход на командный пункт шёл исключительно через ангар ложного штаба, чтобы противник, наблюдающий с БПЛА за обстановкой в оперативном тылу, был надёжно дезориентирован относительно истинного месторасположения пункта управления. Вражеская разведка видела, куда заходят люди, и делала соответствующие выводы.

Эти меры возымели действие, и следующий обстрел не принес штабу никакого вреда. Упреждая противника в моменте осознания, что его «водят за нос», комбриг распорядился в одном из средних ангаров выкопать добротные блиндажи, прикрыв их мощными накатами, которые должны были ослабить возможные ракетные удары, если противник задумает пройтись ракетами по всем сооружениям сельскохозяйственного комплекса. Строительство блиндажей подходило к завершению, и уже в ближайшие дни штаб бригады должен был переехать в этот защищённый объект.

А пока надёжную защиту обеспечивал ЗРПК «Панцирь» из состава армейской зенитно-ракетной бригады, находящийся неподалёку только потому, что наиболее вероятная траектория полёта вражеских ракет, нацеленных на командный пункт Четвёртой общевойсковой армии, пролегла как раз над местом размещения командного пункта семьдесят шестой мотострелковой бригады. Как минимум, это было удобно.

Рабочий зал был оборудован в большой палатке, установленной прямо в ангаре.

— Товарищи офицеры! — начальник штаба бригады подал команду, как только Ветер вошёл в помещение.

— Здравия желаю, — поздоровался комбриг с собравшимися и предложил рассаживаться.

Выспавшийся Корсар занял своё привычное место во втором ряду, между командиром танкового батальона, имевшего позывной Катран и начальником медицинской службы бригады, которого все звали Наркозом.

— Что нового? — спросил Корсар у соседей, пока комбриг не начал задвигать за серьёзные темы.

— Жена рожает, — сказал Наркоз. — Хочу в отпуск, но Ветер сказал, что скоро будет очень нужен мой врачебный профессионализм.

— В наступление же идём, — кивнул Корсар. — Вот и будешь нужен мешки паковать.

— Ну да, — хмыкнул Катран. — Лечить, учить и калечить должны профессионалы, поэтому мой отпуск тоже накрылся.

— Ну, а ты, друг, как провёл свой очередной день, непохожий на остальные и насыщенный яркими и запоминающимися событиями? — сострил Корсар.

— Вчерашний день прошёл без залётов, — похвалился танкист. — Не то, чтобы я счастлив, но приятно, что личный состав наконец-то стал приучаться к дисциплине.

— Да у тебя просто все залётчики кончились, — усмехнулся Корсар. — Бери пример с моего батальона! Всё стабильно, без отклонений! Слыхал?

— Про гранату в подвале? Слыхал... — кивнул Катран. — Сказали, что дрон занёс.

— Я тебя умоляю, — хмыкнул Корсар. — Но, я их даже к медалям посмертно представляю.

— Понятно, — кивнул танкист. — Значит, бухали и чего-то не поделили. Обычная схема и для моего батальона.

— Могу «порадовать»: все четверо уже двести, — сообщил медик. — Выживших доставили к нам с критической кровопотерей, в агонии, так что на этапе врачебной помощи уже поздно было что-то делать. Алкоголем разило от них — будь здоров.

— Товарищи офицеры, — командир бригады призвал к вниманию и в помещении, где находилось два десятка человек, воцарилась тишина. — Довожу предварительный замысел предстоящих мероприятий.

На большом плазменном экране появилась карта района предстоящих действий — от города Ударник на востоке, охватывая оперативные тылы армии, через линию фронта до городов Сталегорск и Орловка, находящихся на западе в двадцати пяти и тридцати километрах за линией фронта.

— В полосе бригады, по данным разведки, нам противостоят подразделения сорок четвёртой и сто десятой механизированных бригад, сто двадцать седьмая бригада территориальной обороны — двумя батальонами, третий танковый батальон первой танковой бригады, два дивизиона двадцать шестой артиллерийской бригады, два отряда беспилотных ударных систем, три отдельных стрелковых батальона, нумерация которых устанавливается. Согласно приказу командующего, разграничительные линии между соединениями армии пролегают по следующим направлениям, — Ветер лазерной указкой показал на север от Ударника, — нашим соседом справа, от высоты сто двадцать до высоты сто тридцать пять мы имеем шестьдесят шестую мотострелковую дивизию и непосредственно второй батальон четыреста четвёртого мотострелкового полка. Соседом слева, — его указка

переместилась к юго-западу, — по линии высота сто девять — село Травное, мы имеем третий батальон двести второй мотострелковой бригады.

Комбриг посмотрел на своих подчинённых.

— Перед армией стоит задача разгромить противостоящие силы противника, овладеть городом Сталегорск, создать условия для последующего овладения сталелитейным и коксохимическим заводами, находящимися на северо-западной окраине Сталегорска, а также городами Орловка и Степной. Согласно замыслу, доведённому на совещании в штабе армии, сосредоточение основных усилий назначено в полосе наступления двести второй бригады, которая будет прорывать оборону противника в направлении Еремеево — Светлый — Сталегорск в полосе между рекой Дончанка и дорогой Еремеево — Светлый. Наша бригада выполняет задачу отвлечения и сковывания сил противника, не допуская встречного или флангового контрудара по боевым порядкам двести второй бригады. Третий батальон занимает лесополосу «Вятка», перерезает дорогу Еремеево — Осиновка, занимает лесополосу «Кедр» и далее овладевает лесополосами «Берёза» и «Ольха», блокируя опорный пункт противника на МТФ совхоза Берёзовый с юга и запада. Второй батальон занимает лесополосы «Ока», «Нева», «Зея», Двина», блокирует МТФ с востока, выстраивает оборону в направлении Осиновки, Ябловки. Первый батальон двумя ротами составляет второй эшелон, поротно выводится в полосы действий второго и третьего батальонов, одна рота остаётся в обороне на лесополосе «Дон», выделяя штурмовую группу для действий в направлении лесополосы «Кама», в случае успеха закрепляется на ней. В дальнейшем бригада действует в направлении Ябловки и Кузнечного. С целью

восстановления боеспособности бригады, завтра нам будет передано пополнение в количестве четырёхсот тридцати шести человек, прошедших трехнедельное обучение — товарищи комбаты — не благодарите.

Насладившись произведённым эффектом от доведения информации о прибывшем пополнении, Ветер попросил помощника начальника штаба увеличить участок карты, где предстояло действовать бригаде.

— Тайфун!

С первого ряда поднялся начальник артиллерии бригады.

— Я, товарищ полковник!

— В свой план огневого поражения вам нужно будет включить артиллерию старшего начальника, которая будет работать по вашим огневым задачам. На первый день операции армия даёт нам «Малку» с боекомплектom в двадцать два снаряда, две боевые машины «Ураган» с пакетом на каждой, также бригаде выделяется расчёт барражирующих боеприпасов с двадцатью «Ланцетами».

— Разрешите уточнить, товарищ полковник! — Тайфун махнул листом бумаги.

— Слушаю, — кивнул комбриг.

— Я оформил заявку в армию на получение ударных дронов-камикадзе, прошу их там потревожить, чтобы вопрос быстрее решили.

— А у нас что, армия выдаёт дроны-камикадзе? — удивился Ветер.

— Товарищ полковник, — Тайфун хмыкнул. — Волонтёры, конечно, дроны тоже возят, но мне тут подсказали, что, если всё правильно оформить, можно и от Родины их получить.

— Интересно, — Ветер взял заявку и стал вчитываться. — Сто штук? Полагаешь, дадут? Не перебор?

— Проси больше — дадут больше. Командир тысяча сорок восьмого полка Спутник подавал через армию такую заявку на шестьдесят дронов, ему через неделю дали тридцать. Я решил написать сто, посмотрим, что получится.

— Добро, потревожу, — кивнул командир и передал заявку начальнику штаба.

Когда Тайфун сел на место, комбриг продолжил.

— В интересах разведки бригады будут действовать два расчёта БПЛА — начальнику разведки организовать взаимодействие и получение информации с разведкой армии.

— Есть, — кивнул поднявшийся со стула Хасан.

— Так, — комбриг внимательно посмотрел на стоящего перед ним разведчика. — Хасан, от тебя очень много будет зависеть, особенно в первый период, когда нам будет крайне важно видеть реакцию противника. Не проморгай!

— Справимся, товарищ полковник, — кивнул разведчик. — Не первый раз. Разрешите внести предложение?

— Вноси.

— Предлагаю организовать взаимодействие с бригадой радиоразведки Главного управления, при положительном решении мы будем знать о противнике практически всё.

— Организовывай, — кивнул комбриг.

— Не хватает полномочий, товарищ полковник, — признался Хасан. — Я бы попросил вас съездить со мной в гости к командиру радиоразведчиков. Поговорите с ним как комбриг с комбригом.

— Если надо — съездим, — кивнул Ветер. — Когда предлагаешь?

— После совещания.

— Добро.

Хасан, закончив диалог с командиром, сел на свой стул.

— Командирам батальонов предлагаю доложить свои решения по ранее озвученному замыслу действий бригады, — сказал Ветер. — Давайте по очередности, с первого батальона начнём...

Слушая своих подчинённых, Ветер ловил себя на мысли, что по некоторым офицерам он не может для себя определиться — стоит ли доверять тому или иному командиру, или перед началом боевой работы нужно будет усилить какого-нибудь комбата офицером штаба, который по мере своих сил вселял бы уверенность, или хотя бы своим советом мог подсказать верные решения в быстроменяющейся боевой обстановке. Ветер не знал многих своих подчинённых, а тех, кого знал, не мог до конца «прочитать», так как под его руководством бригада ещё не участвовала в серьёзных мероприятиях. А то, что было раньше, он не знал.

— Товарищ полковник, — Корсар указкой подсветил лесополосу «Кама». — Ранее контроль за «Камой» возлагался на один взвод моей третьей роты, сейчас вы довели, что это направление полностью переходит первому батальону. Разрешите уточнить задачу.

— Вся «Кама» передаётся первому батальону, — подтвердил Ветер. — Ранее поставленную задачу считайте ошибочной и отменённой.

— Принял, — кивнул комбат. — Считаю такое решение рациональным, так как второй батальон в таком случае сохраняет структурную целостность.

Принимая доклады комбатов и начальников служб, Ветер мысленно давал им оценки по тактической грамотности, выделяя тех, чьи доклады были лаконичными

и информативными, а запросы требуемого подразделения усиления — обоснованы и подкреплены расчётами. Так у командира бригады складывалось мнение о подчинённых ему командирах, с которыми ему предстояло идти в бой.

Гордеев пришёл на должность комбрига всего три недели назад из офицерского резерва. Год назад он был тяжело ранен при попытке лично поднять в атаку передовую штурмовую группу подчинённого ему мотострелкового полка. Взрыв гранаты, сброшенной с дрона, осыпал его осколками, надолго отправив на госпитальную койку. После излечения, в ГУКе ему предложили стать слушателем академических курсов Генерального Штаба, по окончании которых он и был назначен на должность командира семьдесят шестой бригады.

Бригада ему досталась с нехорошим «портфолио», сложившимся по результатам боевой работы в течении двух лет войны. Ветер стал уже пятым комбригом — после очереди ушедших в Вальхаллу командиров мотострелкового соединения. Первый был убит ещё в феврале двадцать второго, так и не успев понять, что мирное время уже прошло, и отныне командир бригады должен научиться принимать страшные по своей сути решения, отправляющие людей в бой, и порой, даже на заведомый убой. Он не смог, и пошёл сам — с разведывательным взводом, в передовом дозоре, где и сгорел в «Тигре» при попадании в него противотанковой ракеты.

На долю второго командира бригады пришёлся штурм крупного промышленного города, в ходе которого соединение потеряло восемьдесят процентов списочного состава. За успешное овладение населённым пунктом, офицер был представлен к Герою, но не смог морально вынести тяжёлое осознание столь огромных потерь,

вызванных, как он считал, лично его решениями, повлёкшими гибель, в том числе, и его близких друзей. Оставив записку, в которой он просил прощения у родственников погибших подчинённых и объяснял, почему сам не имеет право на дальнейшую жизнь, офицер застрелился, положив конец мукам своей совести.

Третий командир бригады оказался более устойчивым в моральном плане — он абсолютно не рефлексировал по поводу погибших, и не считаясь с огромными потерями в мобилизованном личном составе, за полгода боевых действий смог достичь «неслыханных успехов» в деле освобождения от украинских нацистов лесных полос в бескрайних полях Донбасса. За это со стороны вышестоящего руководства он был отмечен большой звездой на погоны, а со стороны подчинённых — прозвищем «людоед», так как под его «грамотным руководством» бригада сменила четыре состава. Погиб герой в результате действий украинской диверсионной группы, проникшей в наш тыл и расстрелявшей его машину... по крайней мере, эта версия удовлетворила следственные органы, изучавшие обстоятельства происшествия.

Четвёртый комбриг учёл ошибки своих предшественников, «мясных» штурмов старался не устраивать, активно взаимодействовал со своими подчинёнными, внедряя в бригаде новые формы и способы ведения боевых действий, вызванные необходимостью следования в ногу с научно-техническим прогрессом. Так в соединении появились команды ударных и разведывательных БпЛА, было налажено чёткое взаимодействие разведки и артиллерии, а сами артиллеристы полностью перешли на новое программное обеспечение, кратно сократившее время расчёта данных для стрельбы. Также в бригаде появилась закрытая цифровая связь, которую поставляли

и налаживали обычные граждане, не пожелавшие оставаться в стороне в тяжёлую для страны минуту. Появился «окопный интернет» и «частный» РЭБ, которые закрывали потребности в данном виде боевого обеспечения. Личный состав бригады стал называть комбрига Батей — а он горячо болел за каждое дело, которое могло сократить свои потери и нанести врагу больший урон. Однако, сложившееся положение длилось недолго — к великому горю всей бригады, Батю внезапно хватил сердечный приступ, который оказался фатальным.

К моменту назначения Гордеева командиром бригады, здесь уже сложился достаточно крепкий коллектив старших офицеров, собранных ещё Батей, и новому комбригу стоило больших трудов, чтобы распознать в этом коллективе минусы и плюсы. Люди к нему относились настороженно, и Ветер, надо признать, давал для этого повод.

Так, две недели назад, после совещания с командующим армией, проведённом в тесном кругу, Ветер поставил второму батальону задачу проводить ежедневные штурмовые действия в направлении северо-восточной оконечности лесополосы «Зея». Нет, в задаче не звучали слова «не считаясь с потерями» и «во что бы то ни стало», но они исходили из самой постановки. Корсар в штыки воспринял саму идею ежедневных штурмов, но был вынужден выполнять этот, на его взгляд, бессмысленный, приказ. За две недели потери второй роты второго батальона, на кого была возложена штурмовая задача, составили восемь человек — убитыми и пропавшими без вести. Офицеры штаба бригады несколько раз в резкой форме выразили командиру своё недовольство по поводу «беспричинно» погибших, мнимо ориентируясь на стандарты поведения, заложенные Батей, и Ветер был вынужден от-

вечать — так же резко, при этом не пытаясь обосновывать необходимость этих «бессмысленных» атак, не пытаясь каяться за погибших. Это ещё больше накаляло ситуацию, и все понимали, что в ближайшие дни должна произойти какая-то развязка.

— Начальник штаба, — завершив выслушивание докладов, Ветер поднял своего заместителя: — Доложите, пожалуйста, о состоянии дисциплины в бригаде за последние две недели.

Из-за стола поднялся Мастер, высокий молодой подполковник. Полистав блокнот, он монотонным голосом стал цитировать свои записи:

— Во втором батальоне в результате взрыва гранаты погибли рядовые... четыре человека... в реактивном дивизионе рядовой Гаврилов, употребив... на почве личных неприязненных отношений, застрелил из автомата собутыльника, рядового Мухаметшина... в батальоне связи лейтенант Леонтьев, находясь в состоянии наркотического опьянения, подорвал себя гранатой... это смертельные случаи. Не смертельные имели место быть во всех подразделениях соединения, кроме управления бригады...

— Товарищ майор, то есть, всего в бригаде за прошедшие две недели, погибло шесть человек не в результате воздействия противника? — Ветер остановил монолог, обещающий быть бесконечным.

— Всего восемь, товарищ полковник, — ответил начальник штаба через минуту. — Вот ещё были случаи неосторожного обращения с боеприпасами и нарушение техники безопасности при работе с электрооборудованием.

— Сколько людей за это же время погибло от обстрелов?

— От обстрелов за прошедшие две недели погибших не было, — ответил Мастер. — Все боевые потери, восемь

двухсотых, случились только во втором батальоне на лесополке «Зея».

— Хорошо, — кивнул комбриг. — Вопросительный, товарищи офицеры! Как вы считаете, какую практическую помощь оказали... или нет, скажу иначе, какие боевые результаты были достигнуты, «благодаря» вот этим всем погибшим не в бою? Вы все знаете старую военную поговорку, что на войне ценен даже самый бесполезный, самый необучаемый боец, потому что и на него тоже противник будет вынужден расходовать боеприпасы, снижая свои запасы. А ради чего погибли все эти восемь человек? Как они приблизили нашу победу над врагом?

Комбриг сделал несколько шагов вдоль висящей на стойке большой «плазмы». Коллектив хранил молчание.

— Ну, смелее! Высказывайтесь, товарищи офицеры! — Ветер посмотрел на Корсара. — Вот вы, командир второго батальона, как считаете?

— Да какая от них польза, товарищ полковник? — Корсар встал. — Это же ясно, как божий день. Бессмысленные смерти, чего уж говорить.

— Вам их жалко? — спросил комбриг.

— А за что их жалеть? — хмыкнул майор. — Они этот путь сами выбрали. Если бы не бухали, были бы, наверное, живы.

— Верно, — кивнул Ветер. — А теперь скажите мне, вот эти восемь человек, которые погибли на «Зее» — их смерти бессмысленны? Как считаете?

— Считаю, что да, — кивнул Корсар. — Это ничем не обеспеченные попытки овладеть посадкой с заранее известным результатом. Тем более, что обладание лесополосой само по себе привлекает внимание противника, заставляя его уничтожать наших солдат на совершенно не выгодной позиции. И немцы охотно это делают. Весь

смысл, как в той поговорке — своей гибелью они снизили у противника запасы боеприпасов.

— Так точно, товарищ майор, — кивнул комбриг. — Вы абсолютно правы. Это есть ничем не обеспеченные попытки овладеть посадкой с заранее известным результатом.

— И для чего? — спросил Корсар.

— Я слышал, — сказал Ветер. — Здесь многие не довольны этим решением — атаковать «Зею». Так?

— Так точно, товарищ полковник, — дерзко ответил Корсар.

— Хорошо, — Ветер махнул рукой. — Объясняю. Наши двухнедельные попытки атаковать «Зею», наряду с некоторыми другими демонстрационными действиями, сформировали у противника убеждение, что наша бригада готовит на данном направлении крупное наступление, прощупывая вражескую оборону. На сегодняшний день противник отказывается от решения перебросить сорок четвёртую бригаду из Орловки на Лихоманское направление, где командование нашей группировки войск «Авангард» готовит основной удар по противнику. Нашей Четвёртой армии, как вы понимаете, выпала роль второстепенного, отвлекающего удара, который должен сковать силы Сталегорской группировки врага, не допустив вывода отсюда «свободных» сил на усиление обороны Лихоманска. Да, не наша бригада будет брать крупнейший и важнейший город, но все мы делаем одно большое и общее дело, в котором каждому винтику определена конкретная роль. Своими действиями мы обеспечим Седьмой армии прорыв в Лихоманск, а взятие этого крупного промышленного центра, как вы понимаете, коренным образом отразится на всей войне. Вопросы есть?

Офицеры штаба бригады, и уж тем более командиры батальонов и отдельных рот, никогда прежде не оповещались о замыслах командования армии и тем более о планах командования группировки войск, и сейчас сидели, молча переваривая услышанное. Нет, многие понимали, или хотя бы чувствовали, что в войсках зреет какое-то большое дело, но секретность подготовки фронтовой операции исключала доведение замыслов на такой низкий уровень, как бригада и тем более батальон.

Впрочем, Ветер не раскрывал никакого секрета — конечно, никто ему не докладывал о замыслах Эльбруса — командующего группировкой войск «Авангард», в состав которой входила Четвёртая общевойсковая армия под командованием Каскада. Однако, будучи командиром грамотным, получившим на академических курсах хорошую оперативно-тактическую подготовку, Ветер довольно быстро смог просчитать возможные варианты действий войск группировки. Масштаб и значимость намечавшихся на фронте событий воодушевили его, как ничто другое, заставили восторгаться грандиозностью зарождающихся действий, которые должны были завершиться разгромом значительных сил противника. И именно свои догадки, а не фактическую информацию, он довёл до офицеров бригады, стремясь заразить их таким же воодушевлением, какое испытал сам.

Однако, офицерский коллектив, перегруженный повседневными заботами, стоящими бесконечно далеко от услышанного, никаких вопросов сформулировать не смог. Молчал даже начальник штаба, который, как уже успел убедиться комбриг, обладал недюжинными способностями в военном деле.

— Я считаю, что командир бригады сделал большое и правильное дело, разъяснив нам значимость мероприятия, в котором предстоит участвовать подразделениям бригады, — выждав театральную паузу, сказал замполит соединения, носящий позывной Комиссар. — Одно дело, когда люди выполняют свою работу «потому что так приказали», совершенно не представляя её ценность в общей системе боевой деятельности всего фронта, и совсем другое, когда каждый будет осознавать вес и значимость своих задач, а значит, работать осознанно, а не «из-под палки».

«Инженер человеческих душ» оглянулся на присутствующих, ища выражение поддержки своим словам. Кто-то согласно кивнул, кто-то показал большой палец, кто-то старался сохранить каменное выражение лица, соответствующее моменту.

— В общем, товарищи офицеры, — Ветер благодарно подмигнул Комиссару, — как правильно заметил замполит, я жду от вас осознанной вовлечённости, а не только бездумного выполнения моих приказов. Я жду от вас разумной инициативы на поле боя. А ещё я жду ответственности за принимаемые решения. Ведь правильно сказано: упрёка заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг своей цели, а тот, кто проявил бездеятельность, нерешительность и не использовал всех возможностей для выполнения поставленной задачи. Нас ждёт большая работа, и я хочу, чтобы мы прошли её достойно.

— И с честью, — подсказал Комиссар.

— И с честью, конечно, — кивнул комбриг. — Совещение окончено. Постановка конкретных задач — завтра утром. Если кому-то нужно пообщаться лично, я готов вас выслушать прямо сейчас.

— Товарищи офицеры! — первым поднялся Мастер.

Присутствующие встали и начали расходиться. Несколько человек оставались в палатке, намереваясь решить с комбригом какие-то свои вопросы.

— Товарищ полковник, — первым подошёл Тайфун, начальник артиллерии бригады. — Подразделения жалуются, что из-за вашего приказа сдавать тару из-под снарядов, они лишились дров и стройматериалов. Разрешите оставлять часть ящиков на батареях?

— Нет, — не раздумывая ответил Ветер. — Даже не подходи ко мне больше с этим вопросом. Сказал сдавать все ящики — значит — сдавать все ящики! Ясно?

— Не ясно, но... понятно, товарищ полковник, — кивнул Тайфун.

— Проследите лично, чтобы пустые ящики своевременно вывозились в Травное и Лисовку, в места, определённые моим приказом.

— Есть, — ответил Тайфун, и поспешил удалиться из палатки пункта управления.

— Катран, на месте стой, раз-два, — командир бригады увидел, как командир танкового батальона, вслед за артиллеристом, попытался покинуть палатку. — Сюда иди.

Танкист подошёл к полковнику и вопросительно взглянул тому в глаза.

— Что у тебя с техникой? Мангалы готовы?

— Товарищ полковник, два танка полностью готовы, обшиты стальными листами, станции РЭБ установлены, всё подключено, всё работает. Третий танк по обшивке будет готов через два дня, по РЭБу дня через четыре, так как станция ещё в пути.

— Ускорьтесь, пожалуйста, — предложил Ветер. — Третий танк должен быть готов завтра. Пусть без РЭБа, но обшитый. Если нужны люди, снимайте с других направлений, ставьте в помощь рембату.

- Сделаем, товарищ полковник, — кивнул Катран.
- Остальные машины?
- В полной готовности пять танков, с частичным отказом вооружения и приборов наблюдения — ещё два танка. На одном из них перебит ствол пушки, на другом вытек накатник, то есть, танки теперь — чисто пулемётные. Четыре подбитых танка пытаемся восстановить, но точные сроки завершения работ я назвать не могу. Неделя, не меньше.
- Итого боеготовых — восемь и частично боеготовых — два? Я правильно вас понял?
- Так точно.
- А что если частично боеготовые танки использовать в качестве тральщиков с противоминными тралами и сокращённым до одного-двух человек экипажем? Они будут без боеукладки, соответственно, их поражение станет более проблематичным.
- Это идея, товарищ комбриг, — кивнул командир танкового батальона.
- Сколько у нас есть тралов?
- Два, товарищ полковник, — ответил Катран.
- И оба на мангалах?
- Так точно.
- Снимайте один трал с мангала, ставьте на танк без пушки, посмотрим, насколько это будет эффективно.
- Сделаем.
- Сегодня же.
- Сегодня, — кивнул Катран.
- Что с заправкой?
- Ноль пять заправки в каждом танке.
- Люди готовы?
- Люди... — комбат приумолк на мгновение. — Думаю, что готовы.

— Вы не уверены в своих подчинённых? — комбриг придал своему голосу напущенной строгости.

— Товарищ командир, — Катран поиграл желваками. — Считаю, что я сделал всё, что мог. А бой... бой покажет, что получилось из этих добровольцев.

— Я вас понял, — кивнул Ветер.

— Если надо, — заверил комбат, — сам за рычаги сяду, или в башню, но задачу батальона выполню.

— Я это учту, — кивнул комбриг.

После танкиста к командиру бригады подошёл контрразведчик.

— Товарищ полковник, разрешите... в сторонку.

— Что у тебя? — Ветер отошёл за чекистом в угол палатки.

С первых дней своего пребывания на посту командира бригады, Ветер оценил работоспособность офицеров войсковой оперативной группы военной контрразведки, которая обеспечивала соединение, и будучи посвящённым в некоторые их дела, всегда шёл навстречу предложениям чекистов, тем более, что они были нацелены на повышение боеспособности бригады. Так вышло, что с Чингисом, старшим этой группы, он сразу перешёл на «ты», то ли в силу одинакового возраста и звания, то ли в силу дружеского расположения друг к другу.

— Будем доигрывать радиоигру, — Чингис протянул комбригу несколько листов бумаги. — Я здесь указал, каким подразделениям, на какой частоте, в какое время и какой текст нужно произнести в эфир с помощью радиостанций «Баофенг». Это обязательно должны быть «Баофенги», чтобы была гарантия перехвата противником данных сообщений.

— Сделаем, — кивнул Ветер. — Объекты в Травном и Лисовке практически готовы. Мои «бездушные» сегодня

днём там летали, смотрели, как это всё выглядит сверху, получается очень похоже.

— Замечательно, — кивнул Чингис. — А вот двести вторая бригада нас слышать не хочет...

— Ну, — Ветер развёл руками. — Не всем Бог дал разум.

— Это да, — согласился Чингис. — Я заходил к Каскаду, предлагал организовать нечто подобное на уровне армии, генерал кивает, но дело так и не сдвинулось. Работать получается только с вами, Михаил Иванович.

Комбриг не воспринял это за лесть — это действительно была искренняя похвала от человека, который ежедневно пытался пробивать заскорузлое и примитивное мышление некоторых полководцев, не понять, для чего занимающих свои ответственные должности.

— Чингис, — комбриг решил воспользоваться случаем. — У нас во втором батальоне был один боец, на котором держалась вся техника...

— Дизель? — чекист проявил осведомлённость, — да я в курсе.

— Можем как-то его вытащить из «Шторма» обратно в бригаду? Без него у нас по технике будет просто катастрофа.

— Я подумаю, как это сделать, — кивнул Чингис. — Ничего не обещаю, сам понимаешь, дело такое... мы не всемогущи.

— Да я всё понимаю, — вздохнул Ветер. — С правилами «игры» ознакомлен...

— Я подумаю, — повторил Чингис. — Разрешите идти?

Офицеры пожали друг другу руки, и контрразведчик покинул помещение пункта управления.

Глянув на сидящего за столом Хасана, Ветер кивнул ему и направился к выходу, начальник разведки последо-

вал за ним. Пройдя по замаскированному коридору, офицеры вышли из крайнего ангара, где их тут же подхватил бронированный «Патриот», подаренный комбригу губернатором области, в которой находился пункт постоянной дислокации семьдесят шестой мотострелковой бригады.

— Куда едем? — спросил комбриг, повернувшись назад, где разместился начальник разведки.

— На комбинат огнеупоров, — Хасан махнул рукой в сторону Знаменки. — «Осназовцы» там обитают.

За «Патриотом» двинулся «Хай-люкс» с бойцами личной охраны.

— Ну, скажи, Хасан, — комбриг снова обернулся к разведчику, — какое у тебя складывается мнение по поводу предстоящего наступления?

Машина быстро шла по разбитой дороге, и водитель на скорости объезжал подозрительные ямки и предметы, отчего всех сидящих внутри машины, кидало из стороны в сторону.

— Товарищ полковник, на глубину задач батальонов, обстановку я вижу всю. Моя группа анализа и обработки информации подготовила доклады по полосам наступления каждого взвода. Мы понимаем, где у противника стоит пулемёт, в каком окопе лежит гранатомёт, в опорниках по головам их всех посчитали, но я не вижу, что делается дальше полётов «мавиков» и нашего единственного «матриса», я не знаю, о чём говорит противник в эфире. Да, штатно у меня есть целый разведывательный батальон, но технически он не способен решать актуальные задачи и вся его ценность только в контексте использования в качестве войсковой разведки. РЭР у нас нет. Аэроразведка в зачаточном состоянии, и хорошо, что армия на период наступления дала нам расчёт «Суперкамов», но хотелось бы такие штучки иметь в собственном распоряжении.

— Хасан, ты всё правильно говоришь, — согласился Ветер. — Вопрос только в обеспечении. У нас этого нет, и не предвидится, как я понимаю. Или есть варианты?

— Есть вариант взять с экспериментального производства пару БПЛА самолётного типа. Официально и формально — для проведения испытаний. По сути — для боевой работы.

— Что мешает?

— Нужен официальный запрос от командира части.

— Готовь, подпишу, — кивнул Ветер.

— Ну, и нужны спонсоры, которые могли бы оплатить выпуск этих самолётиков.

— С этим сложнее, — ответил командир бригады. — У меня таких друзей нет. Могу, конечно, попросить губернатора, может быть он чем-нибудь поможет.

— Попросите пожалуйста, товарищ полковник, — предложил Хасан.

В этот момент сзади раздались выстрелы из автоматов, после чего бухнул близкий взрыв. Водитель метнул испуганный взгляд по сторонам и резко прибавил газу. Машина на высокой скорости прыгнула через яму, где после приземления её понесло юзом и в какой-то момент развернуло на просёлочной дороге.

— Держитесь! — успел крикнуть водитель.

«Патриот» грузно упал на правый бок и спустя мгновение перевернулся на крышу, застыв посреди дороги в таком положении.

— Приехали, — сострил рулевой. — Выходим.

Оправившись от первого испуга, водитель и пассажиры, которые не были пристёгнуты и поэтому завалились на крышу бронированной капсулы, стали пытаться открыть двери и выбраться из машины.

Из остановившегося «Хай-люкса» выскочили бойцы, стали помогать и спустя несколько секунд двери были открыты.

— Вы целы, товарищ полковник? — спросил сержант, старший группы охраны.

— Что это было? — спросил Ветер, поправляя на себе снаряжение.

— Мы «истеричку» сбили, — сообщил сержант. — Заходил на нас сзади.

— Какую ещё «истеричку»? — усомнился комбриг. — Здесь до фронта двенадцать километров! Они на такую дальность не летают!

— Я клянусь, — заверил сержант. — Я же дрон лично сбил. Он прямо в воздухе взорвался, метрах в десяти от нас.

— Ладно, верю, — кивнул комбриг. — Давайте трос! Надо поставить «Патрика» на колёса! И следите за воздухом! Вдруг ещё один прилетит!

Спустя пару минут «Патриот» вернулся в «штатное» положение. Двигатель завёлся сразу. Из внешних повреждений были только помятые антенны комплекса радиоэлектронной борьбы и замятый багажник на крыше.

— Можем двигаться дальше, — сказал водитель.

Как только небольшая колонна продолжила движение, Ветер набрал Чингиса.

— Дружище, — комбриг ещё продолжал надрывно дышать, выдавая собеседнику своё состояние. — Ставлю тебя в известность. Только что, на въезде в Знаменку на нас зашёл дрон-камикадзе. Охрана его сбila огнём из автоматов, но я полагаю, что факт появления дрона в двенадцати километрах от фронта будет тебе интересен.

— Интересно, — согласился чекист. — Предполагаешь работу диверсионной группы?

— Не исключая.

— Я понял, попробую отработать, — ответил Чингис. Как только контрразведчик отключился, Ветер толкнул водителя в плечо:

— Лёха, давай в комендатуру.

Капитан Муслимов, заведя в окно комбрига, с которым его связывали не совсем приятные воспоминания, сразу вызвал коменданта, и когда Ветер переступил порог здания, Ермолов уже встречал его в коридоре.

— Всех уже увезли, — сказал комендант вместо приветствия.

— Коля, я не за бойцом, — Ветер пожал коменданту руку. — Надо пообщаться.

— Что случилось? — спросил Ермолов, когда они вошли в кабинет.

— Меня на въезде в Знаменку атаковал дрон-камикадзе.

— Так, — комендант быстро глянул на карту района, висевшую на стене. — Интересно.

— Считаю нужным поставить тебя в известность.

— Правильно считаешь, — кивнул Ермолов. — Когда это случилось?

— Двенадцать минут назад, — ответил Ветер, взглянув на часы.

— Надо чекистам сообщить, — Ермолов достал из кармана телефон.

— Я уже позвонил Чингису, — сказал Ветер. — Тебя оповещаю для ускорения процесса — чекисты всё равно будут решать эту задачу с помощью военной полиции.

— Ну, в общем, да, — кивнул Ермолов и позвал дежурного.

На пороге появился Муслимов.

— Смотри, срочно. Нужно довести до всех постов ориентировку — при досмотре проезжающих машин обращать внимание на пульта управления дронами и сами дроны. При обнаружении таковых — всех находящихся в машине задерживать, доставлять в комендатуру, вызывать чекистов. Выполняй.

— Есть, — капитан козырнул и исчез.

— Ты, Миша, — Ермолов изменился в лице. — Не держи на меня зла. Каждый выполняет свою работу...

— Ты за бойца моего говоришь?

— За историю с бойцом, — кивнул комендант. — И комбат твой не прав, что хамил тут всем, с кулаками кидался.

— Ну, прав или нет, извиняться он сюда не поедет, — Ветер хлопнул коменданта по плечу: — Давай, Коля, я поехал. Найдите этих операторов. Они где-то недалеко. Дрон дальше трёх-четырёх километров не летает.

— Если они здесь, то мы их найдём, — кивнул Ермолов.

Выйдя из здания комендатуры, Ветер непроизвольно осмотрел небо — привычка контролировать «воздух» уже прочно обосновалась в его сознании, заставляя вздрагивать каждый раз, когда мимо пролетала ворона.

Когда машины подъезжали к комбинату огнеупорных материалов, Хасан созвонился с командиром бригады радиоразведки, и тот встретил гостей в лабиринтах промышленного предприятия, указав, куда загнать машины, чтобы они не были видны с воздуха.

— Ветер, — мотострелковый комбриг протянул руку.

— Горец, — «осназовский» комбриг крепко пожал ладонь. — Чаю?

— Не откажемся.

— Идите за мной...

Поздоровавшись с Хасаном, Горец повёл прибывших офицеров в глубокий подвал.

— Аккуратнее, а то у нас тут без евроремонта, — предупредил Горец, указав на частично разрушенную временем лестницу, — ноги не переломайте.

Когда они спустились в подвал и вошли в одно из помещений, Ветер буквально обомлел от увиденного: на стенах висели большие экраны, на которых отражалась текущая обстановка, за несколькими столами с рабочими ноутбуками сидели операторы.

— Пункт управления радиоэлектронной разведки, — пояснил Горец. — Отсюда я вижу и слышу всё, что происходит в полосе группировки «Авангард» — и у противника, и у нас. По линии соприкосновения у меня есть посты радиотехнической разведки, посты радиоперехвата, в тыл противника летают «бездушные» с различной целевой нагрузкой, включая станции радиоэлектронной разведки. Вот, к примеру, — командир бригады радиоразведки обратил внимание офицеров на один из экранов, — в нескольких местах Кузнечного и Ябловки мы наблюдаем за сосредоточением сотовых телефонов, видите?

На экране, отражающем карту тыла противника, Ветер увидел несколько групп скоплений ярких точек, сливающихся до небольших пятен.

— О чём это говорит? — спросил Горец и тут же сам ответил: — Правильно, это не куча телефонов в одном месте лежит, это скопление людей, носящих телефоны. То есть, места сосредоточения личного состава.

— Обалдеть, — удивлению командира мотострелковой бригады не было предела. — Получается, они тоже нас так видят? Наши скопления?

— Конечно, — кивнул Горец. — Они, так же, как и мы, видят IMSI и IMEI включенных сотовых телефонов, а обладая

базами данных и специальными учётами, прекрасно понимают, кому эти телефоны могут принадлежать. Мы, например, позавчера в Орловке наблюдали появление телефона, который, предположительно, может принадлежать заместителю главкома ВСУ.

— Не может быть, — пехотному комбригу казалось, что он утрачивает связь с реальностью, настолько полученная информация ломала ему шаблон восприятия. — Надо же было немедленно бить!

— Ну, во-первых, принадлежность телефона была установлена только спустя несколько часов специалистами нашей службы в Москве, а во-вторых, я всего лишь разведчик, — усмехнулся Горец. — О полученной информации мы докладываем своему руководству, а руководство уже само принимает решения. Мы делаем то, что можем, что в наших силах. Информацию нашу, конечно, оценивают, иногда даже очень хорошо, но всё же...

— А вы видите, где находятся, например, командные пункты бригад, что стоят напротив нас? — спросил Ветер, разглядывая экраны с радиоэлектронной обстановкой.

— Конечно, — кивнул Горец. — Вот, смотри... пункт управления бригады терробороны размещается в административном здании шахты номер три... пункт управления сто десятой бригады — в здании школы номер двенадцать на северной окраине Сталегорска, запасной пункт управления в административном здании сталелитейного завода... пункт управления сорок четвёртой бригады в здании техникума в Орловке, там же группа управления третьей танковой бригады, которая руководит действиями первого танкового батальона...

— Почему мы не бьём всё это по мере выявления? — Ветер задал животрепещущий вопрос. — Они же бьют нас! Мне уже дважды выносили «Хаймерсами» пункт управ-

ления. Первый раз прилетело прямо в нужный ангар, людей убило, компы, ноутбуки, плазмы — всё сгорело. Потом мы сместились в другой ангар, создав ложный пункт на противоположном ряду ангаров, и туда тоже прилетело.

— Если у противника не последние балбесы в РЭР сидят, то думаю, что они знают, где у тебя настоящий, а не ложный пункт управления, и вынесут его, как только начнётся наступление. А по ложному ударили, чтобы расслабить тебя, — предположил Горец. — Я бы так же сделал. Чтобы уничтожить твой штаб в самый нужный момент — когда обстановка потребует его немедленного обнуления. А мы по ним не бьём потому, что выявить расположение их штабов армейская разведка одним только наблюдением с воздуха и перехватами «Баофенгов» не может, следовательно, эти цели в план огневого поражения не попадают... а наша информация сверху вниз почему-то не течёт. Наверное, потому что у нас разные вертикали управления. Другого мнения у меня нет.

— Ну, про мой штаб не очень приятный ответ, — сказал Ветер. — В остальном — согласен. Война уже третий год идёт, а работать ради одной общей цели у нас никто не хочет.

— Поправлю, — улыбнулся Горец. — Не «никто не хочет», многие просто не умеют. Может и хотели бы, да не знают, как. Вот ты, например. Много ты знаешь про возможности радиоэлектронной разведки? Не много, а то и совсем не знаешь. Я тебе совсем чуть-чуть показал, а ты уже по-другому мыслить будешь, так?

— Так, — кивнул Ветер. — Познавательное очень.

— Я согласен с тобой, что большинство просто не хочет учиться. Эти люди не желают познавать для себя что-то новое, особенно, если они в возрасте, при больших погонах, и самому вроде бы уже и ничего нового знать не

надо, типа, подчинённые на это есть. Но у такого полководца его нежелание быть в курсе различных новинок, приводит к искажению правильного понимания современного боя, что в итоге приводит к неоправданным потерям ресурсов — людей, вооружения, боеприпасов, топлива. Но, слава Богу, есть и другие полководцы. Ты же пришёл сюда зачем-то.

— Мне надо, — ответил Ветер. — Вот и пришёл.

— Значит, хотя бы ты — работаешь. Я работаю. Беспилотчики из роты армейского спецназа ко мне приходили, они тоже работают — ищут способы, как максимально навредить противнику. Не всё ещё потеряно.

— Это частности, — сказал пехотный комбриг. — Исключения из правил, которые как раз и показывают, насколько всё печально.

— Да вот смотри, живой пример, — не унимался возбуждённый Горец. — Я уже месяц прошу Каскада уничтожить в полосе Четвёртой армии вышки сотовой связи. Месяц. Сколько уничтожено? Правильно — ни одной.

— Так, — Ветер глянул на внимательно слушающего Хасана, потом снова вернул свой взгляд на Горца. — Поясни.

— Смотри, — комбриг радиоразведчиков сел за ноутбук и стал курсором водить по карте: — Вышки, то есть, базовые станции «Киевстара» и «Водафона» расположены здесь, здесь, здесь и здесь. — Как минимум две — в полосе твоей бригады. Одна в Еремеево, на возвышенности, другая в совхозе Берёзовый. Если у вас есть возможность поразить их, смело бейте, окажете нам неоценимую услугу.

— А у них что, служебно-боевая связь на сотовые вышки замыкается?

— Отчасти да, — ответил Горец. — Подавив вышки, вы вынудите противника отказаться от сотовой связи

и перейти на работу в эфире с помощью радиостанций — аналоговых и цифровых — для нас это будет хорошим подарком.

— Я много слышал про Интернет Илона Маска, — Ветер предложил новую тему для полезных разъяснений.

— Да, у них есть ещё «Старлинки», которые обеспечивают Интернет, благодаря чему у немцев хорошо работает взаимодействие, например, пехоты и артиллерии через программный комплекс «Крапива» — именно из-за него они так быстро открывают огонь по выявленным целям. Кроме того, у них везде расставлены роутеры, позволяющие выстраивать Интернет вплоть до окопов. На каждой возвышенности, чуть ли не на каждом столбе, а уж на вышках сотовой связи так обязательно, у них висят камеры уличного наблюдения, в том числе достаточно мощные — это всё позволяет хохлу получать практически абсолютную осведомлённость об оперативной обстановке как на ЛБС, так и в наших ближних тылах. Вот остановись, как-нибудь, посмотри в бинокль в сторону противника — если видишь вышку сотовой связи, считай, что и враг тебя видит — настолько мощные там висят камеры наблюдения.

Чувствовалось, что Горец получает удовольствие, шокируя собеседников своими рассказами о реальных возможностях хорошо налаженной системы разведки.

— Фактически, — продолжил радиоразведчик, — мы контролируем все виды излучения, наблюдаем все возможные источники — рации, телефоны, каналы управления дронами, радиолокационные станции, станции радиоэлектронного подавления — на основании чего складываем картину текущей радиоэлектронной обстановки. Вот ещё пример, гляньте...

Ветер и Хасан посмотрели на экран, где светилось два пятна.

— Что это? — спросил Ветер.

— Это работа двух станций РЭБ противника, — пояснил Горец. — Сейчас они прикрывают опорник «Берёзовый», позиции в лесополосах «Вятка» и «Двина». Но между пятнами образуется как бы коридор, по которому они запускают свои дроны в нашу сторону. Сейчас их РЭБ работает, потому что с позиций по рации доложили о пролёте дрона неустановленной принадлежности. Подстраховались, включили излучатели. Минут через пять выключат... потому что такие станции потребляют очень много энергии и быстро перегреваются.

Словно в подтверждение слов командира бригады радиоразведки, пятна исчезли.

— Вот, — сказал Горец. — Видите? Выключились. Работают они мобильными станциями, на базе американских машин «Хамви», поэтому засечь точное местоположение, для удара по ним, очень сложно — они быстро меняют своё место, причём, совершенно непредсказуемо. В таком случае я бы рекомендовал глушить их «Градом» или «Ураганом». Просто накрывать район для надёжного поражения. Желательно кассета.

— Интересно, обо всём этом Каскад знает? — Ветер задал вполне уместный в данной ситуации вопрос. — В армии же должны быть свои средства радиоразведки?

— В армии есть свой радиотехнический батальон особого назначения, но он... как бы вам это сказать помягче... был эффективен ровно до того момента, пока немцы не перешли на цифру и Интернет Илона Маска — то есть, до начала войны на Украине. Конечно, армейский батальон может наблюдать радиосети с аналоговыми радиостанциями типа Р-159 и «Баофенг», но не более того... поэтому я сильно сомневаюсь, что Каскад в курсе возможностей моей бригады.

— И взаимодействия у вас нет?

— Мы подчиняемся не Каскаду, — ответил Горец. — И даже не Эльбрусу. А сильно выше. Вот туда мы и отправляем анализ обстановки и получаемую информацию о противнике. О взаимодействии на местном уровне нас никто не просит.

— Но вы получаете такой огромный пласт оперативно-значимой информации, и странно, что она тут же не идёт на реализацию на армейский или окружной уровень, — сказал Ветер.

— Мы сами информацию никак не реализовываем, — Горец развёл руками. — У меня нет своих средств поражения.

— Но всё это есть в армии, в группировке!

— Есть, — кивнул разведчик. — И я даже выходил на командование и армии и группировки, так, не формально и не официально, но там такие перестраховщики сидят, боятся, что их ругать будут за связи со мной... я сделал вывод, что они в наших услугах пока не нуждаются.

— Это же глупо — не использовать получаемую информацию... — Ветер по-настоящему был возмущён. — Вот этот случай с замом главкома ВСУ! В Орловке его легко можно было накрыть «Искандером» или бомбами с УМПК. Почему нет?

— Полагаю, что решение на уничтожение столь высокопоставленного лица должно приниматься не армией, и не группировкой, — парировал Горец. — А вдруг он наш агент и играет на благо России? Мы же на нашем уровне этого не знаем...

— Но всё же.

— Так, — Горец обернулся. — Серёга, сделай гостям по кружке чая!

Один из операторов поднялся из-за стола и отошёл в угол, где на столике стоял чайник и бутылка с водой.

— Вот, кстати, Серёга работает по маломощным радиостанциям, гляньте, — комбриг указал на экран ноутбука и пары настольных мониторов, на которых отражались карта наблюдаемого района и графическая визуализация эфира по частотам и мощности источников. — Решаем три основные задачи, которые подлежат анализу: фиксируем исчезновение ранее наблюдаемых источников, фиксируем повторное появление ранее известных нам источников, фиксируем появление ранее неизвестных нам источников. Нас интересует местонахождение и территориальная плотность размещения источников сигналов. На основании обработки полученной информации, и определённой статистики, делаем выводы оперативно-го характера, которые могут иметь огромную важность. Какой район интересует?

— «Зея», — сразу ответил Ветер. — Северо-восточная часть. Не оперативный, конечно, уровень, но всё же.

— Так... — Горец сел за этот ноутбук. — «Зея»... вот, пожалуйста. Крайний выход в эфир в восемь-тридцать, цифровая УКВ-станция, частота четыреста-двести, шифрование AES-256, это противник. Разговор не расшифрован. До этого был выход в эфир в шесть ноль-одна, аналоговая УКВ-станция, частота четыреста тридцать — четыреста тридцать, позывной «Ганс», служебный обмен с позывным «Каштан». Вот семантика переговоров: «Ганс» просит «Каштана» эвакуировать раненого «Аватара», тот ему отвечает, что эвакуации не будет, пусть терпит.

— А что враг говорит по цифровым станциям вы не слышите, получается? — спросил Ветер.

— Мы видим, где они работают, на какой частоте, понимаем, разговор это идёт, или пакет с сообщением

или медиафайлом, но если ключей к расшифровке нет, то семантику, то есть, содержание разговора, мы понять не можем. Но, — Горец заострил внимание, — если в ходе боя ваши подразделения будут захватывать станции противника, и вы будете оперативно передавать их мне, тогда мы легко сможем вскрыть ключи к шифрам и сможем какое-то время понимать, о чём они говорят — пока немцы в своих радиосетях не сменяют ключи шифрования.

— Я понял, — кивнул Ветер. — дам указания в подразделения, чтобы захваченные радиостанции сразу сдавали командирам, а там уже вам передадим.

— Хорошо, — ответил Горец. — И наведите дисциплину связи в своих сетях. У вас практически везде аналог, его слушать проще простого, а бойцы такое иногда говорят, просто ужас. Языки поотрывал бы им за это. А потом мы удивляемся, почему хохлы наши склады с боеприпасами выносят.

— А подробнее, — лицо пехотного комбрига преобразилось. — Что именно говорят?

— Несколько раз мои операторы слышали сообщения, подсказывающие как ехать за боеприпасами, какие именно получать, сколько, кто там на складе главный, и мои аналитики однозначно указали на два пункта — в Травном и в Лисовке. Я направлял туда «Суперкам», оператор подтвердил, что с воздуха наблюдает слабо замаскированные склады. Было видно много ящиков со снарядами, а также постоянно подъезжающие и отъезжающие машины. Ваши ведь склады?

— Наши, — улыбнулся Ветер.

— Переносите их в другое место, — посоветовал Горец. — Или немец их вам вынесет.

— Ну, — Ветер замаялся. — Это не совсем склады.

Горец сразу смекнул, о чём идёт речь.

— Тогда включенные сотовые телефоны там разместите — для достоверности. А то я смотрю, вроде всё говорит за то, что там склады, но телефоны там не светятся — любой аналитик сразу скажет, что реально людей там нет. Придайте большей достоверности своим складам.

— Хорошо, — Ветер кивнул. — Спасибо за совет.

— Товарищ полковник, чай готов, — к столу вернулся оператор, намекая на то, чтобы командир освободил рабочее место.

— А, спасибо, — Горец встал из-за стола и пригласил офицеров пройти к «чайному» столу.

Сев за стол и отпив горячего чая, Ветер глянул на Хасана:

— Это у нас во втором батальоне раненого не могут вытащить?

— Видимо, да, — кивнул Хасан. — «Зея» же под вторым батальоном.

— Корсару фары протру, чтобы эвакуацию организовал, — заключил Ветер.

— Над тем районом очень плотно «мавики» висят, — сказал Горец. — Сегодня мы даже фиксировали работу ретранслятора, установленного на «Бабе-Яге». Это позволяет увеличивать дальность полёта дронов-камикадзе в три-четыре раза.

Ветер и Хасан переглянулись.

— Слушай, а нас часа два назад камикадзе догнал на въезде в Знаменку. Мы на «Патриоте» даже перевернулись — водитель газанул, как взрыв сзади услышал, и машину юзом понесло. Благо, что бойцы успели расстрелять этот дрон, — сказал Ветер. — А я тут всех поднял, комендантов, чекистов, военную полицию, чтобы диверсантов в тылу искали.

— Да брось ты, какие диверсанты, — усмехнулся Горец. — Наши оппоненты из Ябловки работают. Очень грамотные специалисты, нам до них, как пешком до Луны. Они знаешь, что придумали? Привозят ночью на «Бабе-Яге» в наш тыл несколько «истеричек», на крышах высоких домов или сооружений их оставляют, а как рассветает, прилетает «Баба-Яга» с ретриком, оператор из Ябловки армит «истерички», потом по одному их поднимает и бьёт машины на трассе, или ещё что. Мы эту работу уже несколько дней наблюдаем. Я связываю это с тем, что в Ябловку у них зашла очень профессиональная группа беспилотных ударных систем. Среди появившихся там телефонов, есть IMEI одного очень крутого в ВСУ оператора, ты не в теме, его позывной тебе ни о чём не скажет.

— Как же мы воевать собираемся? — Ветер покачал головой. — Они же нам любое наступление остановят!

— Традиционно, — улыбка пропала с лица Горца. — Танковыми колоннами. Пехотными цепями. Морем крови.

— Ну, мы, собственно, по этому поводу и приехали, — сказал Ветер после некоторой паузы, ушедшей на чай. — Тут у моего начальника разведки есть предложение...

— Товарищ полковник, — заговорил Хасан. — А как бы нам организовать с вами боевое взаимодействие?

— Чего конкретно ты хочешь? — спросил Горец, опускающая обсуждение разрешения или запрета, тем самым демонстрируя готовность идти навстречу озвученному предложению.

— Допустим, вы, по возможности, будете информировать нас об активности вражеских сетей в полосе бригады, давать нам координаты целей, а мы будем накрывать их артой. Это возможно?

— Вполне, — кивнул Горец. — И это хорошо, что вы пришли с таким вопросом. Я такое уже и сам предлагал

шестьдесят шестой дивизии, двести второй бригаде, но Минск и Диксон сказали, что им это не надо. По-моему, они вообще меня боятся, и просто не хотят связываться.

— Почему же? — спросил Ветер.

— Ну, потому что я единственный, кто объективно слышит их доклады о «боевых успехах», и видит реальное положение дел. Как вы понимаете, доклады и реальность чуть-чуть не совпадают. Иногда даже очень чуть-чуть.

— Так может они не врут, — предположил Ветер, усмехнувшись, — а ошибаются?

— Слишком часто у них это происходит, — ответил командир бригады радиоразведки. — И ведь я ежедневно подаю наверх информацию о положении противника, а раз Минск и Диксон до сих пор на своих должностях, то я делаю вывод, что мою информацию никто там не читает. Или не сопоставляет. Или считают такое положение дел приемлемым. Исходя из этого я очень рад, что вы проявили инициативу и идёте со мной на контакт — вместе мы наладим нормальное взаимодействие, и работа всех моих расчётов и экипажей наконец-то будет выражена конкретным результатом.

— Я не сторонник ложных докладов, — сказал Ветер. — Хотя да, признаюсь, мне уже аккуратно намекнули, что с началом наступательных действий ждут от меня «хороших новостей», которые будут вознаграждены большими премиями и героическими наградами. Но я за реальный результат.

— Значит, сработаемся, — Горец закрепил свой вывод крепким рукопожатием. — А по делу поступим так: я со своей стороны назначу ответственного за работу с вашей бригадой, вы со своей стороны тоже. Создаём секретный чат, и как только мне поступает что-то интересное, я это кидаю вам. Реагирование — максимум

три-четыре минуты. Ну, или если вас резко заинтересует какой-то район — называете мне координаты, и я вам выдаю результат.

— Замечательно, — кивнул Ветер. — С нашей стороны ответственным будет... — комбриг многозначительно посмотрел на Хасана.

— Есть, — ответил Хасан.

Горец глянул в зал, где работали его операторы.

— Сугроб! Подойди пожалуйста! — Когда к ним подошёл невысокого роста майор, комбриг представил его: — Мой начальник разведки. Будет работать с вами напрямую.

Офицеры обменялись рукопожатиями и контактами.

Провожая, Горец и Сугроб сопровождали гостей до цеха, в котором стояли «Патриот» и «Хай-люкс» охраны. Разглядев на «Патриоте» примятую антенну станции радиоэлектронного подавления, Горец повернулся к пехотному комбригу:

— Так у тебя же РЭБ на машине стоит! И ты говоришь, что дрон в упор к вам подошёл...

— Вот я тоже это заметил, — ответил Ветер.

— А включи-ка станцию, — попросил Горец. — А ты, Сугроб, принеси прибор. Сейчас проверим.

Водитель завёл двигатель, включил станцию РЭБ. Через пару минут Сугроб вернулся с анализатором спектра и сразу показал экран, на котором отражались подавляемые частоты.

— Глушит привычный спектр, — прокомментировал Сугроб. — Восемьсот пятьдесят — девятьсот мегагерц.

— Ну вот, — сказал Ветер. — А дрон, тем не менее, к нам подошёл.

— Всё правильно, — сказал Горец. — Потому что хохлы на нашем направлении уже три недели используют

камикадзе, у которых поток идёт на шестистах мегагерцах. Ваша станция РЭБ для этих дронов работает мимо кассы. Да, она излучает мощно, но это всё равно, что выставить оборону на одной улице, а противник пройдёт по другой. Да и враг работу вашей станции, при должном уровне организации своей разведки, видит за десятки километров.

— Горец, ты мне сегодня день открытий устроил, — сказал Ветер. — И что нам с этой станцией теперь делать?

— Ничего, — ответил радиоразведчик. — Пусть на месте стоит. Вдруг противник вернётся к прежним частотам, а у тебя уже всё готово. А так противник видит у нас десятки таких же станций, так что не парься — вероятность, что тебя сделают целью номер один — не сильно велика.

— У меня в бригаде есть двенадцать мобильных станций РЭБ, полученных по линии гуманитарной помощи, — сказал Ветер. — Я так понимаю, что, скорее всего, все они сейчас работают в пустоту?

— Если они не излучают на шестьсот мегагерц, то да, все они бесполезны, — подтвердил Горец. — Надо менять.

— Поможете их проверить?

— Поможем, — кивнул Горец. — Я на своей командирской машине три станции РЭБ вожу, они мне закрывают все основные рабочие частоты вражеских дронов.

— Помогает?

— Помогает, — кивнул Горец. — За последние пару месяцев я лично наблюдал падения шести дронов, водитель ещё про два случая рассказывал, когда без меня ездил. Но и внимание радиоразведки противника привлекает.

— А где такие станции берёте? — Ветер решил набраться наглости.

— Как все, — Горец пожал плечами. — Волонтёры

привозят. Надо только им специально указывать, какие частоты должна давить станция, иначе купят и привезут совсем не то, что нужно.

— А это... лишней станции у вас не найдётся? — спросил пехотный комбриг. — Мы добро отработаем...

Горец переглянулся с Сугробом.

— Да была одна где-то, — уклончиво ответил Сугроб, — не знаю, рабочая она сейчас, или нет...

— Неси, — велел комбриг радиоразведчиков, разрешив подчинённому «найти» «рабочую» станцию.

Когда через двадцать минут монтаж станции был завершён, анализатор спектра показал закрытие более широкой полосы, гарантирующей проблемы управления дронами, летающих как на «старых», так и на «новых» частотах.

— Лишь бы на пользу, — резюмировал Горец. — Давайте, мужики! Поработаем!

— Поработаем! — ответил Ветер.

Комбриги пожали друг другу руки.

ГЛАВА 4

Вернувшись на пункт управления, Ветер собрал на совещание в своём «кабинете» начальника штаба, начальника артиллерии, начальника связи, замполита и разведчика.

— Его благодарите, — Ветер кивнул в сторону Хасана. — Он мне сейчас такую экскурсию устроил, я бы никаких понятий не имел бы о настоящей разведке. В общем, план наступления будем менять.

Мастер, Тайфун, Волна и Комиссар сохраняли вопрошительные взгляды, взгляд Хасана торжествовал.

— Начарт, можешь свой прежний план огневого поражения свернуть в трубочку и... — улыбнулся комбриг.

— Товарищ полковник! — возмутился артиллерист.

— Хасан тебе расскажет, какие есть цели в пределах досягаемости бригадной и приданной артиллерии. Нормальные цели, а не те, которые мы такими считали до последнего времени.

— А что с ними не так? — Тайфун встал в стойку, намереваясь отстаивать свой авторитет.

— Ты успокойся, — усмехнулся комбриг. — Нам сейчас с Хасаном радиоразведка особого назначения показала всю реальную картинку в нашей полосе. Очень много интересного из того, чего мы не знали. Ты в районе Еремеево и Берёзового вышки сотовой связи наблюдал?

— Наблюдал, — кивнул начарт.

— На них враг размещает мощные камеры наблюдения, с помощью которых они видят все наши передвижения, их нужно выключить. Чем сможешь дотянуться?

— Если по камерам, то во втором батальоне Корсара в группе «бездушных» есть направленная антенна, они смогут дроном-камикадзе дотянуться до Берёзового, тем более,

что вышка высокая, управление не нарушится при снижении. А в Еремеево, ну, можно попробовать так же, дроном. Там самое близкое, километров шесть, на пределе можно.

— «Корнетом» никак?

— Он в камеру не попадёт, — заверил Тайфун. — Если нам ракет не жалко, то можно ради этой камеры ракет двадцать потратить.

— Пробуйте дронами, — решил Ветер. — Сегодня же.

— Есть, принял, — кивнул артиллерист.

— Волна, — комбриг обратил своё внимание на начальника связи. — У меня к тебе очень много вопросов возникло.

— Виноват! — на всякий случай признался Волна.

— У нас что, кроме волонтёрских «Баофенгов» других станций нет?

— Штатные «Азарты», товарищ полковник. Правда...

— Говори, как есть.

— Считайте, что их тоже нет, — признался Волна.

— А как я буду управлять бригадой, как только начнётся наступление? — спросил Ветер. — Немцы: «а» — будут слушать и «б» — будут давить. Что прикажете делать?

— Товарищ полковник, — Волна развёл руками. — Работаем тем, что есть.

— Волонтёры недавно привозили, помню, несколько десятков цифровых станций, сказал Ветер. — Где они? Вы их осваиваете?

— Так точно, — кивнул Волна. — Осваиваем.

— Вот я сейчас встаю и иду с тобой, и ты показываешь, как вы их освоили, да? — спросил полковник.

— А что показать надо? — у начальника связи заметно дрогнул голос, и стало ясно, что он слегка «ошибается» в своём докладе об освоении волонтёрских цифровых радиостанций.

— Илья, — комбриг глянул собеседнику в глаза: — Если ты не можешь построить радиосети бригады и батальонов с использованием цифровых станций, так мне и скажи, я найду толкового мобика, который сделает это за тебя. Только вопрос — зачем ты мне такой нужен? А, знаю где — в штурмовой группе, которая пойдёт «Двину» брать.

Начальник связи встал.

— Товарищ полковник, через три часа готов буду доложить о проделанной работе, — в глазах офицера мелькнул испуг. — Разрешите уточнить замысел.

— Садись, — предложил Ветер. — Я хочу, чтобы ты распределил имеющиеся цифровые станции по командам рот и батальонов, чтобы разобрался с шифрованием. Если не понятно ничего самому, поезжай на комбинат огнеупоров, там есть такой Сугроб, он тебе всё расскажет и покажет. Я хочу, чтобы с началом наступления все командиры рот и батальонов перешли на цифровую зашифрованную связь. Немцы хотя бы временно не будут понимать, о чём мы говорим на уровне рота-батальон и батальон-бригада. Тестирование связи проводишь вдали от расположения бригады, чтобы радиоразведка противника не срастила эти рации с бригадной радиосетью.

— Я понял, товарищ полковник, — кивнул Волна.

— И второе. Нужно организовать семь-восемь работающих сотовых телефонов на каждом из наших объектов в Травном и Лисовке.

— Разрешить уточнить — для чего?

— Для достоверности, — ответил комбриг. — Ещё вопросы есть?

— Никак нет, — ответил Волна, хотя не смог понять, что Ветер имел ввиду.

— И последнее. Хасан тебе расскажет, что нужно сделать со всеми станциями РЭБ, какие мы устанавливаем на боевую технику.

— Хорошо, — кивнул Волна.

— Так, начальник штаба, — полковник посмотрел на своего первого заместителя. — Готовьте основной и резервный пункты управления в домах Знаменки. Коменданту доведите, что дома нужны для размещения служб, о размещении там пунктов управления знать не должен никто. Начальнику связи обеспечить пункты управления связью и Интернетом. Срок готовности связи — сутки. Людей и оборудование перевозите уже сегодня.

— А как же наш защищённый пункт? — спросил Мастер. — Завтра — послезавтра он будет готов!

— Забудьте про него — он нам больше не нужен. Все силы — на оборудование пунктов управления в Знаменке!

— Есть, — кивнул начальник штаба.

Обговорив ещё ряд задач, Ветер распустил подчинённых и забрался в машину.

— Осмотрел машину? Нормально всё? — спросил он у водителя.

— Ездить может, — кивнул водитель.

— Раз так, тогда погнали, Лёха, в Ударник. В армию.

— Есть! — водитель завёл двигатель, включил обе станции РЭБ и махнул водителю машины охраны, чтобы тот двигался следом.

Из машины Ветер набрал номер губернатора области, в которой дислоцировалась семьдесят шестая бригада. Никогда ранее главу региона он в глаза не видел, разговаривал лишь пару раз по телефону, когда тот интересовался потребностями соединения. В отличие от первого комбрига, погибшего в первые дни войны, Гордеева ничего не объединяло с губернатором, ни дружба,

ни знакомство, но всё же он решил, что пришла пора познакомиться поближе.

— Сергей Андреевич, добрый день! — невольно Ветер сверился по часам, сколько времени сейчас было в области, расположенной в нескольких часовых поясах от Знаменского района. — Полковник Михаил Гордеев, назначен командир семьдесят шестой бригады. Найдётся пять минут для разговора?

— Да, добрый день, — ответил губернатор. — Михаил... как вас по отчеству?

— Иванович, — сказал комбриг.

— Михаил Иванович, область отправляет на днях три фуры с гуманитарной помощью. Это от жителей региона, от предпринимателей. Надеюсь, пригодится вам в вашей нелёгкой работе.

— Примем, Сергей Андреевич!

— Отлично, отлично, — радостно ответил губернатор. — У вас есть ко мне вопросы?

— Есть просьба.

— Слушаю.

— Сергей Андреевич, у нас возникла потребность в разведывательных дронах... есть одно экспериментальное производство, и мы бы хотели приобрести у них несколько аппаратов. Сможете оказать нам финансовую помощь?

— Сформулируйте конкретно и направьте предложение в приёмную. Решим этот вопрос, — ответил глава региона. — Что-то ещё?

— Спасибо, — поблагодарил Ветер. — За поддержку спасибо!

— Удачи вам, — пожелал губернатор и отключился.

— На войне желают успехов, а не удачи... — машинально сказал Ветер, убедившись, что губернатор отключился и не может его услышать.

Затем комбриг набрал номер командира второго батальона.

— На связи, — ответил Корсар.

— Олег, скажи мне пожалуйста, почему мне радиоразведка сообщает о том, что ты не можешь какого-то трёхсотого вытащить с «Зеи»? Позывной у него, вроде бы, «Аватар».

— Товарищ полковник, разрешите, уточню ситуацию и доложу.

— Давай, — согласился Ветер.

Командир батальона набрал номер командира второй роты.

— Урал, кто там у тебя на «Зее» затрёхсотился, и орёт в эфир, что его не могут оттуда эвакуировать?

— Товарищ майор, одну малую, уточню ситуацию, — ответил командир роты.

— Быстрее, — согласился комбат.

Урал по радиации вызвал командира второго взвода.

— Каштан — Уралу!

— На связи, — ответил командир взвода.

— Кто там у тебя с «Зеи» эвакуации требует?

— Никто не требует, — ответил Каштан. — Там есть раненый Аватар, но его ранение не тяжелое, до конца смены просидит, ничего с ним не случится. Мы ему нефопам «мавиком» закинули.

— Куда он ранен?

— В руку, кажется. Или в ногу. Неразборчиво было, когда докладывали.

— Кто там старший?

— Ганс.

— Пусть на меня выйдет!

— У него, товарищ старший лейтенант, рация на одной волне, он не сможет в ротную сеть выйти.

— Свяжись тогда с ним, пусть ситуацию с трёхсотым точно обрисует! Живее! Комбат требует.

Услышав фразу «комбат требует» у Каштана чуть не подкосились ноги. Он схватил другую рацию, настроенную на частоту для связи с отделениями и стал вызывать Ганса, но тот не отвечал, так как его станция была выключена для экономии энергии. Чувствуя, как мокнет спина, Каштан вызвал командира роты.

— Урал, ответь Каштану!

— На связи, докладывай! — сразу отозвался Урал.

— Там... — мысли летели в голове со скоростью вихря, — с Аватаром всё нормально, — в последний момент лейтенант решил, что ложь во благо, впрочем, даже не ложь, а предположение — это правильно.

— У него большая кровопотеря? — спросил Урал.

— Средняя... — быстро ответил Каштан, не видя в таком ответе ничего зазорного.

— Есть, принял, — сказал Урал и отключился.

Набрав номер командира батальона, Урал сообщил:

— Товарищ майор, кровопотеря у бойца средняя, на «мавике» ему закинули дополнительный нефопам.

— Средняя? Куда он ранен?

— В ногу!

— В ногу? Он же там сдохнет! Вытечет весь и сдохнет! Ему там жгут хоть наложили?

— Так точно, товарищ майор, наложили!

— В общем так, старлей. Организовать эвакуацию, немедленно!

— Товарищ комбат, его получится вытащить только ночью!

— Урал, ты меня не расслышал? Немедленно! Мне сейчас Ветер звонил, а ему радиоразведчики довели, что у нас в батальоне на «Зее» раненый Аватар,

который требует эвакуации! Если это до Каскада дойдёт, считай себя командиром штурмовой группы. Хорошо принимаешь?

— Принимаю на «хорошо», — подтвердил Урал.

— Ты «бэху» свою заправил? Вот и гони на ней за Аватаром. Через час ты мне докладываешь об эвакуации трёхсотого. Хорошо принимаешь?

— Так точно, — ответил Урал.

Схватив рацию, Урал вышел на командира взвода.

— Каштан, я тебе даю «бэху», собирай эвакуационную группу и немедленно гони за Аватаром. Через сорок минут докладываешь мне, что трёхсотый находится в медпункте батальона. Хорошо принимаешь?

— Урал, там же нас сожгут вместе с «бэхой». Туда сейчас ехать — это путь в один конец! Там везде «истерички» летают!

— Каштан, я так понял, что ты в «штурма» захотел?

— Никак нет.

— А в чём проблема? Или мне прикажешь самому за твоим раненым ехать?

— Нет, — ответил Каштан.

— Тогда собрался и погнал! На броню посади четырёх человек, чтобы по сторонам глядели и стреляли по дронам. Выполняй!

— Есть... — Каштан вложил рацию в карман разгрузки и с тоской посмотрел в сторону лесополок, где сейчас находился раненый Аватар.

Тем временем Корсар уже набирал номер комбрига.

— Товарищ полковник, разрешите доложить?

— Докладывай.

— Командиром второй роты организована эвакуация раненого. Через час-полтора раненый будет доставлен в медпункт батальона.

— Ты ротному передай, чтобы людьми не рисковал, — посоветовал Ветер. — Если нет возможности вытащить его сейчас, пусть ночью пробуют. Конец связи.

Комбриг отключился.

Комбат подумал было снова набрать ротного и перенести эвакуацию на ночное время, но прогнал от себя эту мысль, полагая, что, если сейчас начать менять поставленную задачу, это не приведёт ни к чему хорошему — подчинённые увидят метания командира, что самым негативным образом может отразиться на командирском авторитете, ибо по сложившейся военной традиции, закреплённой уставами, однажды принятое командиром решение должно быть твёрдым и непреклонно доведено до конца.

***

Командный пункт Четвёртой общевойсковой армии располагался в бомбоубежище советской постройки, находящемся возле здания средней школы, где размещались различные службы штаба армии и подразделения охраны и обеспечения.

— Держи, — Ветер передал водителю свой телефон, пистолет и складной нож, которые были запрещены к проносу в штаб и на командный пункт приказом командующего. — Я не сильно зарос?

Водитель осмотрел командира бригады.

— Товарищ полковник, побриться бы не мешало, — сказал Лёха, снимая с себя ответственность, если кто-то укажет комбригу на его недостойный офицерского звания внешний вид.

— Ладно, — Ветер махнул рукой. — Надеюсь, не заметят.

На входе в бомбоубежище он показал специальный пропуск, после чего по лестнице спустился вниз. Здесь ему предложили снять бушлат и привести себя в порядок, указав направление на туалет и умывальник — что было очень кстати с дороги.

Вскоре Ветер оказался в помещении, служившем «предбанником» перед залом, где командующий армией проводил совещания. Здесь уже ожидали приглашения командир шестьдесят шестой мотострелковой дивизии, командир двести второй мотострелковой бригады, командиры двух стрелковых полков, артиллерийской, зенитно-ракетной, ракетной бригад, бригады материально-технического обеспечения, инженерно-сапёрного полка и ряда других армейских частей, с большинством из которых Ветер ещё знаком не был по причине своего относительно недавнего прибытия в Четвёртую армию.

— Здравия желаю, — Гордеев поздоровался со всеми и присел на свободный стул.

Однако, долго ждать не пришлось — из соседнего помещения выглянул розовощёкий подполковник:

— Товарищи офицеры, прошу входить.

Все встали и толпясь, начали заходить в зал совещаний. Ветер вошёл последним и пристроился в последнем ряду. Впереди, за столом, обращённым в зал, сидело несколько офицеров, занимавших должности заместителей командующего и начальников служб. За их спинами на стене висела огромная карта районов ответственности армии, в углу — большой экран. Ещё несколько экранов было укреплено на стенах слева и справа.

— Товарищи офицеры! — начальник штаба армии подал команду, увидев, как через отдельную дверь в зал входит командующий.

Все встали. Каскад прошёл на своё место за столом, и сел возле трибуны.

— Прошу садиться, — разрешил Каскад. — Приступим, товарищи офицеры, к отработке операции на карте. Командир двести второй, доложите о готовности соединения!

Диксон встал.

— Товарищ генерал-лейтенант, бригада получила пополнение в количестве тысячи шестисот человек, дополнительно поставлена боевая техника — тридцать единиц БМП-3, десять танков Т-90М, восемь орудий калибра сто пятьдесят два миллиметра, шесть миномётов калибра сто двадцать миллиметров, на проведение наступательной операции бригаде выделено восемьсот тонн дизельного топлива, пятьсот тонн бензина, тысяча двести тонн боеприпасов...

— Стоп, — Каскад поднял ладонь, призывая Диксона замолчать. — Сколько тонн боеприпасов вы уже забрали с армейских складов и разместили в оперативной близости от огневых позиций бригадной артиллерии?

— Почти всё, товарищ генерал! — с гордостью за свою расторопность заявил Диксон.

— Сколько всего у вас организовано полевых складов?

— Два, товарищ генерал!

— Насколько далеко от линии фронта?

— Максимально близко к огневым позициям, чтобы можно было оперативно восполнять запасы снарядов артиллерии и боевых машин.

— В километрах сколько? — уточнил Каскад.

— Километров пятнадцать — двадцать, товарищ генерал.

— Не слишком ли близко к противнику?

— Согласен, что близко, но мы таким образом обеспечиваем оперативный подвоз.

— Чем прикрыты склады от разведки и атак с воздуха?

— Маскировочными сетками, товарищ генерал! — бодро ответил Диксон.

Десять лет назад Сашка был обычным продавцом аккумуляторов в одном из многочисленных СТО города Ударник, пил по вечерам пиво и ясно осознавал бесперспективность своего существования — горизонт планирования своей жизни не уходил дальше завтрашнего дня, а там всё было точно такое-же, как в дне вчерашнем. У него не было семьи, потому что он даже не представлял себе, как на свою зарплату содержать жену, да не дай бог ещё и детей, и предпочитал не задаваться вопросами продления рода — ровно так же, как делали многие его дворовые друзья, заполняющие алкоголем и наркотиками свою жизнь. Всё изменил Майдан, который пообещал перемен, где ясно звучали нотки Интернационала — «кто был ничем, тот станет всем». Однако, туда Саня попасть не успел — зато в самом Ударнике начался Антимайдан, где перспективы «стать всем» оказались ничуть не меньшими. Разум возмущённо вскипел, бросив своего хозяина в смертный бой за своё будущее — так он оказался в «отряде самообороны», первый командир которого говорил с удивительным рязанским акцентом, был коротко стрижен и физически очень хорошо подтянут. Здесь выдали автомат, каску, подсумок с тремя магазинами и перевязочный пакет. Первый бой, в котором участвовал Сашка, для командира оказался последним, он погиб в попытках поднять бойцов на штурм военного поста, откуда прямо по живому стреляли два автомата. Следующим командиром отряда самоназначился Фингал — местный

криминальный авторитет, который в бой не рвался, а предпочёл под предлогом политического переустройства народившейся новой республики облегчать кошельки местных предпринимателей. Такая форма обеспечения своего будущего Сашке понравилась больше, и он стал проявлять в этом деле недюжинное рвение. Когда он лично, с двумя помощниками, опустошил кассу ресторана «Диксон», Фингал обратил на него пристальное внимание и присвоил соответствующий позывной, ознаменовавший становление Сашки как бойца. Вскоре Диксон понял, что в вихрях политической турбулентности сможет выжить лишь тот, кто станет обладать острыми зубами и крепкими клыками, и обратил все свои силы на формирование целого отряда, параллельно дерзко поставив под свой контроль одну из угольных шахт — что приносило ему неслыханные ранее доходы. Повинуясь новомодным течениям, Диксон стал называть свою банду «гвардейским диверсионно-разведывательно-штурмовым батальоном имени Нестора Махно». Когда Фингал обоснованно предложил передать ему контроль за угольной шахтой на основании того, что он «старше по положению», Диксон просто расстрелял его машину, приехавшую на разговор. Республика с почестями похоронила «погибшего от рук СБУ», где в похоронной процессии Диксон нёс венок одним из первых. После этого случая его пригласили в высокие кабинеты, где после короткой, но убедительной беседы отдать шахту, попутно предложили вместе со всем «батальоном» войти в состав республиканской армии с присвоением воинского звания подполковник. Сашке, который когда-то откосил от армии, это сильно польстило, и спустя несколько дней он уже красовался перед зеркалом в новеньких погонах. Впрочем, батальону, который быстро разросся по численности почти до полка, пришлось поучаствовать в нескольких сраже-

ниях, где Диксон управлял боем, не выходя с командного пункта, а БЧС уменьшился вдвое — зато Саня получил все возможные республиканские награды. С этого момента жизнь у него, можно сказать, удалась. Хозяина СТО, где он работал до революции, ради окончательного закрытия висящего на душе гештальта, Диксон сгноил «на подвале», естественно, отобрав у того бизнес и изнасиловав аппетитную супругу. Идиллия длилась несколько лет, в течение которых Диксон обрёл большой дом, модель в качестве жены, модный внедорожник, а сам он стал полковником, сформировав на базе своего «батальона» полноценный полк. После начала специальной военной операции полк, как и вся республика, вошли в состав большой страны, а Диксону «легализовали» воинское звание, для чего он занёс в нужный кабинет озвученную сумму. Лицо, принимавшее решение о звании, хорошо знало, что высшее образование, формально влияющее на сохранение звания, было куплено поверх восьми классов, которые Сашка честно закончил много лет назад. Ценой гибели большей части полка, Диксон взял Знаменку, после чего полк развернули в бригаду и укомплектовали мобилизованными. Так Диксон стал комбригом.

— Полковник, — Каскад стал наливаясь злостью. — Я спрашиваю о прикрытии от ударов с воздуха! От дронов и ракет!

— Ну, у меня там есть зенитки, — ответил командир бригады. — Там две ЗУ-23 стоит.

— Вы понимаете, что, если противник вам вынесет склады, вам нечем будет воевать? — спросил командующий. — Я тогда вас под трибунал отправлю!

— Не вынесет, товарищ генерал-полковник, — уверенно заявил Диксон, — не за что меня под трибунал отправлять.

— Задача бригады, — Каскад обернулся в пол оборота и лазерной указкой провёл ко карте. — Наступая по двум маршрутам, через Еремеево и Светлый, а также через Сухой Дол и Шахту номер один, к исходу первых суток наступления, сломив сопротивление противника, достигнуть рубежа Шахта номер один — южная окраина дач Сталегорска, приданный тысяча сорок восьмой полк закрепляется в Еремеево. В течение вторых суток следует овладеть терриконом южнее Сталегорска, дачным посёлком, Шахтой номер четыре, тысяча сорок восьмой полк движается, закрепляется в Сухом Доле, Светлом. В течение третьих суток бригада выходит на юго-западную, южную и юго-восточную окраины Сталегорска, завязывает городские бои. Вы проработали полосы наступления штурмовых отрядов в городской застройке?

— Так точно, товарищ генерал, — бодро ответил Диксон.

— Эшелонирование боевых порядков?

— Так точно!

— Эвакуацию раненых?

— Так точно!

— Радиоэлектронная борьба?

— Всё есть!

— Обеспечение подразделений боеприпасами?

— Так точно!

— Детально доложить можете?

— Детально может доложить начальник штаба бригады!

— Где он?

— Как где? В штабе бригады, — удивлению Диксона не было предела. — Работает.

— Почему вы его не взяли с собой?

— Указаний не было, — Диксон развёл руками.

— Смотрите, полковник, — генерал решил заняться воспитанием своего подчинённого. — Когда вы едете в штаб армии, вы или сами готовы доложить по всем вопросам, которые меня могут заинтересовать, или везёте с собой человека, который на эти вопросы ответить сможет. Вы меня хорошо поняли?

— Так точно, — ответил Диксон.

— Семьдесят шестая, — Каскад прошёл взглядом по первому ряду, но не увидев там Ветра, повысил голос: — Семьдесят шестая мотострелковая бригада!

— Я, — Ветер подскочил.

— Что вы сели на Камчатке? Идите ближе, здесь есть места.

Комбриг прошёл вперёд, ловя на себе взгляды офицеров, многие из которых видели его в первый раз.

— Разрешите доложить о готовности? — спросил Ветер, встав возле свободного стула.

— Докладывайте.

— На период проведения наступательной операции бригада получила двести тонн дизельного топлива, восемьдесят тонн бензина, четыреста тонн боеприпасов, в качестве пополнения бригада получила четыреста тридцать шесть человек личного состава. Боеготовы два танка с мангалами, ещё один будет готов через сутки, пять танков без мангалов, все танки со станциями РЭБ, двенадцать БМП, в том числе шесть во втором батальоне, который будет выполнять основную задачу. Боеприпасы складированы на восьми полевых складах — два основных на удалении тридцать километров от линии фронта, три промежуточных на удалении пятнадцать километров и три оперативных в шаговой доступности от основных огневых позиций. Также организованы ложные склады и ложные огневые позиции. На начало наступательных

действий начальником связи предусмотрен переход радиосетей звена рота-батальон и батальон-бригада на цифровую зашифрованную связь. В первый день наступления бригада перерезает дорогу Еремеево — Осиновка, блокирует опорный пункт «Берёзовый», являющийся ключевым рубежом обороны района, выходит на рубеж лесополоса «Двина», выстраивает оборону в сторону Ябловки и Осиновки. На второй день наступления бригада действует в направлении Кузнечное, Ябловка, правым флангом выстраивая оборону вдоль ручья Овражный, препятствуя действиям противника, направленным на сохранение транспортного сообщения между Сталегорском и Орловкой. В целях парализации органов управления противника в момент начала наступления, прошу в общий план огневого поражения внести командный пункт бригады территориальной обороны на Шахте номер три, пункт управления сто десятой механизированной бригады в школе номер двенадцать на севере Сталегорска, запасной командный пункт на сталелитейном заводе, пункты управления сорок четвёртой механизированной и третьей танковой бригад в здании техникума в Орловке.

— Стоп! — командующий пристально посмотрел в лицо комбрига: — Откуда информация по пунктам управления?

— Разведка донесла, — нейтрально ответил Ветер.

— Ты слышал? — Каскад посмотрел на своего начальника штаба, сидящего рядом.

— У нас нет такой информации, — Томск развёл руками. — О Шахте номер три есть подозрения, что там находятся органы управления, но какой именно части, пока не установлено.

— А почему он знает? — командующий кивнул в сторону застывшего комбрига.

— Как вы это установили? — Томск впился взглядом в полковника, который уже старался не дышать перед суровым вниманием двух генералов.

— Товарищ генерал, — Ветер перевёл свой взгляд на начальника штаба армии. — Выстраивая взаимодействие с органами разведки, я был ознакомлен с обстановкой командиром бригады радиоэлектронной разведки Главного Управления, которая работает в полосе группировки «Авангард».

— Так, — Каскад демонстративно оглядел присутствующих. — Через голову прыгаем, товарищ полковник? Хорошо же вы начали свой боевой путь в нашей армии...

— Виноват, — кивнул Ветер. — Дополнительно могу сообщить информацию особой важности, которая будет полезна всем командирам частей и соединений. Разрешите?

Генералы переглянулись, после чего Каскад, усмехнувшись, сказал:

— Уж потрудитесь, если «особой важности».

— Сегодня на въезде в Знаменку меня атаковал дрон-камикадзе, после чего выяснилось, что станция РЭБ, установленная на моей машине, не закрывает частоты, которые в последнее время используются противником для управления новыми FPV-дронами. Прошу обратить внимание командиров, что сейчас дроны летают на частоте шестьсот мегагерц, следовательно, РЭБ должны закрывать и этот диапазон.

— Это вам тоже радиоразведка донесла? — спросил Томск.

— Так точно, — кивнул Ветер.

— Все слышали? — спросил начальник штаба у присутствующих. — Организуйте в своих подразделениях изучение данного вопроса. Результаты включить в вечерний доклад!

После того, как были заслушаны все командиры действовавших частей, Каскад попросил Ветра остаться. Когда все вышли, и в помещении остались только командующий, начальник штаба и Ветер, Каскад пригласил комбрига пересесть за «командирский» стол и спросил:

— Полковник, вижу, ты соображаешь, что делаешь. Давай вот без лишних ушей и глаз, как реально ты оцениваешь свою задачу? Хватит ресурсов на её выполнение?

— У меня задача вполне выполнимая, — кивнул Ветер. — Армия, — он кивнул на начальника штаба, — очень грамотно подошла к расстановке сил и средств. Всё логично — с одной стороны я обеспечиваю правый фланг двести второй бригаде, назначенной на штурм Сталегорска, с другой стороны держу левый фланг шестьдесят шестой дивизии, которая глубоким охватом выходит на Красново и Степной, создавая условия для последующего окружения Орловки и обеспечивая действия Седьмой армии по взятию Лихоманска...

— Кто тебе сказал про Седьмую армию и Лихоманск? — нервно спросил Каскад.

— Никто, товарищ генерал. Я смотрел на карту... и представлял, что бы я делал на месте командующего группировкой, если бы у меня были соответствующие ресурсы... — тихо ответил Ветер, словно опасаясь за свои слова получить взыскание.

— Информация о наступлении на Лихоманск не доводилась никому, — сказал Каскад. — Но... это действительно так. Штаб «Авангарда» разрабатывает фронтową операцию на всю зимнюю кампанию, результатом которой должно стать овладение крупным промышленным районом. Наше место в этой операции — не только взять Сталегорск, Орловку и Степной, но и сковать находящиеся здесь силы противника, а в лучшем случае — вытащить

на себя ещё две-три бригады ВСУ. Замысел рассчитан до весны.

— Тогда почему бригадам и дивизии ставятся изначально невыполнимые сроки? — Ветер набрался храбрости, чтобы задать этот вопрос. — В первые сутки занять такой-то рубеж, на вторые — такой-то. Понятно же, что никто с такими темпами сейчас двигаться не сможет. Простите, товарищ генерал, а у Минска или Диксона вообще есть РЭБ? Или танки с мангалами? Или мотоциклы в штурмовых группах? Я такого в их докладах не услышал...

— Полковник, а ты далеко не дурак, — с восхищением сказал Каскад. — И вопросы правильные задаёшь.

— И всё же?

— Ну, по РЭБу у Минска что-то имеется. У Диксона тоже должно быть — совсем недавно тыл армии передавал в его бригаду много новых комплектов — для установки на боевой технике. Мангалы и мотоциклы есть только в одной бригаде... — Каскад вдруг подмигнул полковнику. — А про невыполнимые сроки... ты и сам должен знать, что если ставишь подчинённым задачу сразу очень жёстко, то хотя бы что-то, может быть, будет выполнено...

— То есть, часть нашей армии фактически не БэГэ? — снова осмелился полковник.

— Достичь полной боеготовности невозможно ни к какому сроку, — Каскад развёл руками. — Всегда будут причины, этому препятствующие, всегда чего-то будет не хватать. А начинать сражение когда-то надо. Поэтому всегда нужно чем-то поступаться. Что ещё посоветуешь со своей колокольни?

— Предлагаю положить железнодорожный и автомобильный мосты через реку Дончанку сразу за Орловкой, — оживился Ветер, вдруг увидевший в предложении

генерала простор для творчества. — Это резко ограничит противника в манёвре силами и средствами, убьёт логику...

— Нет, полковник. Мосты мы сейчас бить не будем, — ответил Каскад. — Можем, но не будем.

— Разрешите узнать — почему? — спросил Ветер, и в его вопросе почувствовалась печаль — вот только перед тобой открыли широкий простор, и тут же его захлопнули.

— А вот подумай сам, — усмехнулся Каскад. — Это тебе экзамен на сообразительность.

— Вспомни, какая перед армией стоит задача, — подсказал Томск.

Ветер окинул взглядом карту района предстоящей операции. После минутного молчания он признался:

— Товарищ генерал, у меня нет объяснения этому решению. Считаю его неправильным и не обоснованным оперативной необходимостью.

— Полагаю, что вы, товарищ полковник, будете нас, двух генералов, считать недалёковидными командирами, — сказал Каскад, неожиданно перейдя на официальное «вы». — Но это наше взвешенное и продуманное решение, опирающееся на строгие оперативно-тактические расчёты. Я вам дам ответ, но для начала скажите мне, что вам известно об оперативных резервах первой и второй очереди, которыми располагает противник на нашем направлении?

— Бригады могут располагать резервами до роты, — ответил Ветер. — Это прописано в уставах, и в нашем, и у противника.

— Не путайте тактические резервы с оперативными, которые расположены в Зареченске и далее, на удалении до трёхсот километров от фронта.

— Мне об этом, товарищ генерал, ничего не известно, — признался комбриг.

— А что вам известно о планах по восстановлению боеспособности, скажем, вашей, семьдесят шестой бригады?

— О таких планах мне также ничего не известно. Вероятно, это будет зависеть от потерь... — осторожно ответил Ветер.

— А потери будут зависеть...

— От интенсивности боевых действий, — продолжил мысль комбриг. — От объёма применяемых противником средств поражения, от эффективности их применения...

— Правильно, — кивнул генерал. — Допустим, вам достоверно известно, когда и в каком объёме будет восстанавливаться боеспособность вашей бригады, скажем, в плановом порядке. Что вам необходимо будет знать о противнике, чтобы гарантированно понимать, сможете вы его разбить, или нет?

— Ресурсы, которыми располагает противник, — ответил Ветер. — Превышают они мои возможности, или нет.

— Правильно, — генерал даже улыбнулся. — Таким образом, можно сделать вывод о том, что...

— Возможные потери сторон в предстоящей операции подлежат расчётам, — сказал полковник.

— Это курс академии, — кивнул Каскад. — Теперь вспоминаем задачу армии на предстоящие действия — там есть такой пункт — «сковывание сил противника». Так?

— Мосты нужны для того, чтобы... — Ветер осторожно начал приближаться к истине, — чтобы противник, соблазняясь сохраняющейся возможностью переброски войск в Сталегорск, был вынужден тратить на нашем, второсте-

пенном направлении свой оперативный резерв, вместо того, чтобы полностью отдать его на оборону Лихоманска...

— Тепло, — кивнул Томск.

— И как только эти резервы будут исчерпаны, или противник откажется от их дальнейшего использования на нашем направлении в пользу Лихоманска, разгадав наш замысел, мы эти мосты положим, после чего завершим разгром противостоящих нам сил, — вывел свой ответ командир бригады.

— Так точно. Но, есть нюанс, — сказал Каскад.

— Я даже догадываюсь, какой, — произнёс Ветер.

— Излагайте, — предложил командующий. — Очень интересен ход ваших мыслей.

— Если вдруг противник примет решение отказаться от обороны Сталегорска и Орловки, расположенных в крайне невыгодной для этого местности, и задумает перебросить войска на оборону Лихоманска, тогда мы должны ударить по мостам немедленно, чтобы затруднить им такую переброску сил, закупорив в образовавшемся «мешке» пять бригад, — предположил Ветер.

— Похвально, — кивнул Каскад.

— В таком случае повышаются требования к добываемым разведкой данным о противнике, — сказал Ветер. — Чтобы успеть выявить факт вывода войск из Сталегорска.

— Эти данные вполне сможет получить разведка армии, — сказал Томск, — сопоставляя данные разведывательных органов дивизии и бригад, а также собственных — радиобатальона особого назначения, разведывательного отряда БПЛА и отдельной роты специального назначения. Как я понимаю, вы вошли в контакт с командиром бригады разведки Главного Управления и очарованы их возможностями?

— Так точно, — кивнул Ветер.
— И удивляетесь, почему мы не взаимодействуем с ними?

— Удивляюсь, — кивнул комбриг.

— А у нас нет такой необходимости, — сказал Томск. — Возможности органов разведки армии достаточны, чтобы штаб армии мог планировать и корректировать ход боевых действий. Я соглашусь с вами — никогда нельзя говорить, что получаемых сведений о противнике «достаточно», и всегда нужно стремиться расширить свой разведывательный потенциал, но в данном случае, концептуально, в рамках задач, стоящих перед армией, получаемых сведений нам вполне хватает, чтобы реагировать на изменения обстановки. Однако, если бригада Главного Управления вдруг получает сведения, которые могут представлять интерес для нашей армии, эти сведения Генштаб немедленно спускает на группировку, а группировка на нас. Чтобы вы понимали, только за последний месяц такие сообщения приходили к нам дважды. Причём, обычно такие сведения носят характер уведомления о возможных крупных событиях в ближайшем будущем, имеют большой срок устаревания, что позволяет реализовать их в полном объёме. Сведений оперативного или тактического характера, из-за быстрого их устаревания, мы не получаем, так как их реализация оказывается бессмысленной.

— Так это по вертикали, — возразил Ветер. — А если установить с Горцем горизонтальную связь?

— Бригада Главного Управления, — сказал Каскад, — это другая структура. А как вы, товарищ полковник понимаете, в армии не принято скакать через головы начальников, — это прозвучало с упрёком в адрес командира мотострелковой бригады, посмеявшегося самостоятельно

выйти на командование бригады радиоразведки. — Иначе будет не армия, а бардак.

— Вы запрещаете мне с ними контактировать? — прямо спросил Ветер.

— Отчего же? — усмехнулся командующий. — Контактируйте, ради Бога. Лишь бы на пользу шло. И кстати, за командные пункты противника — отдельное спасибо. Однако, разведка в полосе действий бригад — это задача разведки бригад и армии, иначе зачем нам будет нужна своя разведка, если все будут полагаться на бригаду Главного Управления?

— Как вы понимаете, — сказал Томск, — по командным пунктам мы, как и по мостам, бить не будем. В противном случае враг может вывести из Сталегорска и Орловки свои обезглавленные соединения с последующей передачей батальонов в распоряжение командиров бригад, обороняющих Лихоманск. А нам этого как раз допустить и нельзя. Соединения и части ВСУ должны остаться здесь, и остаться под управлением своих штабов — как бы это глупо не звучало!

— И всё же, товарищ генерал, — Ветер чувствовал, что сегодня его день — день смелости перед вышестоящим командованием, — если противник раскусит замысел действий группировки, и выведет войска из нашего района в Лихоманск, наше наступление там провалится?

— Если это произойдёт, тогда нажмём мы, а ответственности будет объявлено, что целью зимней кампании были Сталегорск и Орловка, — улыбнулся Каскад. — Но если объективно, то нет, скорее всего не выведут.

— Откуда у вас, товарищ генерал, такая уверенность? — Ветер и сам не ожидал от себя такой наглости.

— А это самое простое, — сказал командующий. — Генштаб предполагает, и это было доведено команду-

ющему группировки «Авангард», а Эльбрус уже дошёл нам, что прорыв вашей семьдесят шестой бригады в направлении Ябловки раскроет перед противником наш очевидный замысел на окружение Сталегорска. Вокруг этого события отработают наши органы информационной борьбы и военкоры, придавая взятию города и его двух крупных заводов сильно преувеличенное значение. Зная маниакальную тягу Зеленского к обороне городов, Генштаб предполагает, что он немедленноотреагирует, и не считаясь с мнением своего главкома, возведёт Сталегорск в статус очередной «фортеци», что в будущем не позволит ему отказаться от обороны этого города, несмотря на проблемы вокруг Лихоманска. Таким образом, болезненная мнительность и самоуверенность украинского клоуна должны будут поработать против самого киевского режима.

Ветер некоторое время молчал, потрясённый масштабами задач, которыми оперировало командование армии.

— Позвольте узнать, на какое пополнение я могу рассчитывать, — наконец обрёл он дар речи.

— А вот этого, товарищ полковник, я вам довести не могу, — усмехнулся Каскад. — Это противоречит правилам. Вы должны планировать и проводить операции исходя из располагаемых сил, и не думать, что вас будут бесконечно пополнять людьми, техникой и боеприпасами, как делают некоторые. Иначе никаких ресурсов не напасёшься даже на самую простую задачу, так как это будет очень сильно расслаблять командиров соединений, толкать их к бессмысленным потерям.

— Я вас понял, — кивнул Ветер. — Когда ожидается начало наступления?

— Мы вам об этом сообщим, — сказал Каскад. — И ещё, товарищ полковник... не бойтесь принимать решения, которые могут показаться вам неправильными. Чем больше нашей активности, тем противнику хуже — он не сможет выделить главное, и будет вынужден распылять свои силы на второстепенные или ложные направления. Я буду карать командиров за проявленные бездеятельность и нерешительность, даже если они будут оправдывать это сохранением людей и ресурсов. И я буду поддерживать тех, кто вопреки всему будет способен постоянно навязывать врагу свою волю, кто будет проявлять инициативу и диктовать врагу свои условия, даже если это будет приводить к потерям. Не враг, а мы должны владеть инициативой, тогда победа будет за нами.

— Я вас понял, — кивнул Ветер.

— Так, товарищи офицеры, — Каскад встал. — Расходимся работать, время, в отличие от остальных ресурсов, невосполнимо.

Пожав генералам руки, комбриг вышел в «предбанник», где сидели несколько задержавшихся командиров. Проходя мимо них, Ветер снова почувствовал на себе взгляды, но на этот раз они выражали не любопытство, а удивление и презрение — почему так вышло, что генералы оставили для разговора тет-а-тет именно командира семьдесят шестой бригады, а не других соединений, и почему этот полковник пробыл на аудиенции так долго — более часа...

Забравшись в свой бронированный «Патриот», Ветер попросил у водителя воды.

— Куда, командир? — спросил Лёха.

— На базу, — испив воды, ответил комбриг.

***

БМП-2, своими гусеницами разбрасывая в стороны грязь, въехала на окраину Востриково, где её уже встречал Жук из второго взвода.

Запрыгнув на броню, он указал механику-водителю направление дальнейшего движения, и вскоре «бэха» подкатила к сараю, у которого её ждала группа Бизона. Втроем они забрались на БМП.

Каштан был здесь же. Он продолжал тщетные попытки связаться с Гансом, одновременно с этим напутствуя Бизона.

— Смотри, — взводный указал рацией в сторону «Десны» и «Зеи», — быстро подъезжаете, забираете Аватара, аккуратно укладываете его на ребристый, и дуете обратно. Глядите, не потеряйте раненого, придерживайте его на броне, чтобы не свалился. Всё понятно?

— Прощай, лейтенант, — сказал Бизон. — Если мы погибнем, сдохни и ты в штурмах.

Механик газанул, и последние слова потонули в рёве двигателя. Машина развернулась и бодро побежала в сторону «Амура».

Каштан смотрел вослед уходящей «бэхи», в глубине души понимая, что всё происходящее — какой-то сюрр, что не следовало бы в дневное время направлять машину за раненым Аватаром, который вполне мог потерпеть и до наступления темноты, если уж так кому-то захотелось вытащить его с переднего края. Тем более, что его обезболили, и запасы нефопама позволяли полагаться на длительное их действие.

Однако, висящий над Каштаном Дамоклов меч угрозы отправки в штурмовое подразделение, перевешивал

угрозу гибели группы эвакуации. Так-то это же могло случиться не с ним лично, а с другими людьми, а это совсем не больно. При том, что всегда можно сказать, что он выполнял задачу, поставленную свыше, а раз так, то за все последствия, которые могли наступить в результате принятого решения на эвакуацию в дневное время, должен будет нести вышестоящий командир.

Бизон был на «Десне» уже несколько раз, чудесным образом избегая гибели и ранений, и конечно, он прекрасно понимал, куда направляет его командир взвода. Бизон пришёл в бригаду в самом начале войны, после того, как семьдесят шестая вышла с Киевского направления и пару недель зализывала раны, готовясь к новым боям. Бизон был добровольцем, который искал себе применения в тяжёлый для страны период — он не требовал себе выгоды, или больших денег (которых тогда не давали), он искал врага — чтобы разбить его. Когда-то давно он воевал в Чечне, вначале срочником, затем по контракту, дослужившись до заместителя командира взвода и воинского звания сержант. За спасение погибавших товарищей он был награждён медалью «За отвагу», которую ценил по-особенному — именно такой же медалью, только с надписью СССР под изображением танка, был награждён его отец, принимавший участие в боевых действиях в самом начале Афганской войны командиром отделения в «полтиннике», и точно такой же медалью был награждён его дед, который застал войну на Дальнем Востоке, хлебнув лиха во время морского десанта в корейский порт Сейсин. Однако, попав на новую войну, Бизон был крайне изумлён изменениям, произошедшим в армии — и ему пришлось со скрипом подстраиваться под царившую в подразделении безответственность, тактическую неграмотность командиров, умеющих лишь делать кра-

сивые фотоотчёты о проделанной работе, которую не успевали делать, так как фотоотчёт находился в большем приоритете, чем сама работа. Но попытки опытного Бизона объяснить молодым командирам как работает война, разбивались о глупейшие фразы типа «ты что, самый тут умный?», и только его напористость и уравновешенный характер постепенно смогли заставить прислушиваться к его мнению. Однако, даже при жесточайшей нехватке командиров, никто поднимать его не собирался, так как все прекрасно понимали, что стоит только дать Бизону первичное офицерское звание младшего лейтенанта, он тут же станет командиром роты, а то и гляди, заместителем командира батальона, и тогда подчинённые ему командиры уже не смогут рассчитывать на пощаду за постоянно допускаемые ошибки, недочёты и откровенное разгильдяйство. В итоге Бизон молча тянул лямку командира отделения, спокойно и размеренно решая поставленные перед ним задачи.

Механ вёл машину, придерживаясь накатанной дороги правее лесополосы «Амур», разогнавшись до полусотни километров в час. Удерживая штурвал, он высунул голову в люк, чтобы лучше было видно дорогу. Рядом с ним сидел Муха — доброволец, проявлявший интерес к военному делу, успевший за полгода своей боевой работы освоить много смежных военных специальностей, что делало его «универсальным солдатом», способным решать любые задачи. Сейчас он играл роль санитарного инструктора и таскал с собой небольшой рюкзачок, наполненный «тактической медициной».

На башне сидел Скотч, молодой состоявшийся мужчина, ушедший на войну добровольцем после гибели своего брата — пошёл мстить. В крупной корпорации он занимал должность эйчара, любил дорогие машины,

заграничные путешествия и бездушных красоток с накаченными частями тела, которых враз поменял на подвалы с мышами, вшей, холод, голод, бессонницу и ежеминутное ожидание смерти. Здесь Скотч понял, что назад уже дороги нет, и потому полностью отдался судьбе, не минуты ни жалея о принятом когда-то эмоциональном решении. Он быстро сошёлся с Бизоном, товарищем по духу, и вдвоём они составили костяк отделения.

Сзади, на верхних десантных люках вместе с Бизоном сидел Жук, который был ценен своей потрясающей способностью стрелять навскидку, что оказалось крайне востребовано с появлением у противника различного рода дронов. Жук когда-то был чемпионом Южного федерального округа по стендовой стрельбе, но участвовать в СВО не планировал — о чём, конечно, не подозревали в военкомате, составляя списки на мобилизацию при получении соответствующего указа. Так он попал в семьдесят шестую бригаду обычным стрелком. Дома его ждали две близняшки, поступившие в первый класс и супруга, ухаживающая как за своей, так и за его парализованными мамами.

Доехав до остова сгоревшей БМП, механик-водитель сбавил газ, переключаясь на нижнюю скорость и выкрутил штурвал вправо, заставляя притормозить правую гусеницу, чтобы машина смогла повернуть. В этот момент под левой гусеницей полыхнул огонь, машина мгновенно вздыбилась, сбрасывая с себя тех, кто сидел на броне, и рухнула обратно, объята дымом и пламенем. Ребристый лист, прикрывающий в носу моторное отделение, взлетел метров на тридцать вверх, несколько раз кувыркнувшись в воздухе.

Услышав раскатистое эхо взрыва, Каштан выбрался из окопа, чтобы было удобнее рассмотреть, что там происходит. Вдали поднимался дымный гриб.

— Твою-ж мать... — ноги его подкосились, и он осел на землю. — Как же так... как же так...

— Походу, «бэха» наша всё, — сказал подвернувшийся под руку Потряс.

Каштан нашёл в себе силы встать и сделал несколько шагов, не понимая, куда и зачем он идёт.

— Каштан, я Ганс, приём, — раздалось из рации.

— На связи, Каштан, — машинально ответил командир взвода.

— Наблюдал взрыв на «Амуре» в вашу сторону.

— Я в курсе, — ответил Каштан — его начало трясти. — Там видно, живые остались?

— Да откуда же мне видно? — ответил Ганс.

— Что с Аватаром?

— Успокоился, — сообщил Ганс. — Нефопам вкололи, полегчало. Кажется, даже спит.

— Отправь человека посмотреть, что там, — предложил Каштан. — Или лучше сам сходи, глянь...

— А «Десну» держать кто будет, товарищ Каштан? — отозвался Ганс. — У меня все карандаши наперечёт, только одному отойти, немцы сразу попрут. Они же слышат, о чём мы сейчас говорим.

— Тогда конец связи, — сказал Каштан.

С минуту поразмыслив в борьбе противоречий между необходимостью доложить командиру о происшествии и страхом получить за это назначение в «Шторм», Каштан всё же взял рацию ротной сети.

— Урал, я Каштан, на связь.

— На связи, — ответил Урал через какое-то время.

— Наблюдал взрыв на «Амуре», полагаю подрыв «бэхи», ушедшей за трёхсотым, — доложил взводный, набравшись смелости.

— Что, «бэха» двести? — спросил Урал.

— Так точно, — ответил Каштан. — Полагаю, двести.
— Ты полагаешь, или точно?
— Наблюдал взрыв.
— Иди, посмотри и доложи, — приказал ротный. — На всё про всё тебе полчаса. Выполняй.

— Может, птичку поднимете? — с надеждой в голосе спросил взводный.

— Я, кажется, посылал тебя туда лично, не так ли, Каштан? — спросил Урал. — А сейчас ты мне докладываешь, что «наблюдал взрыв». Не выполняем приказы командира? Я правильно понял?

— Есть идти и доложить, — ответил Каштан, понимая, что дальнейший разговор может только усугубить его положение.

Он глянул на Потряса, стоявшего рядом и слышавшего весь разговор.

— Готов?

— Товарищ лейтенант, — Потряс попятился. — Я на посту стою, мне нельзя пост покидать.

— Я вам приказываю! — лейтенант повысил голос. — Следовать со мной!

Потряс стал снимать с плеча автомат, но Каштан опередил его, быстро достав пистолет из кобуры и направив его на солдата.

— Автомат отдай мне, — приказал взводный.

Потряс протянул ему своё оружие, неотрывно глядя в дуло пистолета. Каштан повесил автомат на плечо.

— Иди вперёд.

Потряс молча повиновался и через пять минут они уже шли вдоль лесополосы «Амур», прислушиваясь и следя за воздухом.

***

Открыв глаза, Бизон увидел быстро летящие облака. Его пронзило облегчение, что наконец-то всё закончилось, и он в раю, но сбоку раздавался жуткий треск и невыносимо жгло открытые части рук и лица, что на мгновение заставило подумать про ад. Он повернулся — это горела БМП-2.

Собрав все силы, он несколько раз перекатился, пока огонь не перестал допекать его. Попытался встать на ноги. Голова кружилась, и как только он принял вертикальное положение, его тут же вырвало.

— Скотч! — позвал он.

Машина горела всё сильнее, внутри рвались пулёмётные патроны и снаряды к автоматической пушке.

«Механу и башенному точно хана», — мелькнула мысль.

— Жук, Муха! — крикнул он.

Бизон наконец-то смог подняться. Жука он увидел возле распахнутых кормовых десантных люков «бэхи» — одежда горела на нём, а сам боец лежал в неестественной позе, что говорило только об одном — звать его было уже бесполезно.

Муха лежал чуть дальше, а вот Скотча видно не было. Бизон дошёл до Мухи, ухватил его за лямки разгрузочного жилета и потащил к посадке. Падая и поднимаясь, он доволоч его до первых кустов и пытаюсь отдышаться, снова осмотрелся.

— Скотч! — снова позвал он своего товарища.

Муха шевельнулся, проявляя признаки жизни.

— Что случилось? — спросил он разбитыми губами.

— Кажется, на мину наехали, — сказал Бизон. — Скотча не видел?

Муха не ответил.

Бизон встал и делая большой круг, начал обходить горящую машину, раскидывающую вокруг себя взрывающимися и разлетающимися боеприпасами и их осколками. Скотча он нашёл в поле, среди неубранного подсолнуха, метрах в двадцати от горящей «бэхи». Тот сидел на коленях и молча мотал головой.

— Ты жив? — спросил Бизон, подойдя ближе.

— Не знаю, — глухо ответил товарищ. — Ног не чую, руку, кажется, сломал. Это нас мина так?

— Похоже.

— Помоги подняться.

Встав на ноги, Скотч скорчил подобие улыбки:

— Вроде целы мои ноги.

— Идти можешь?

Скотч сделал пару шагов.

— Идти могу, только рука вот... — он показал правую руку, сломанную в предплечье, — надо шину наложить.

— Пошли, там Муха в посадке. Жук всё. Механ и башенный тоже.

Они обошли «бэху», по пути подобрав чей-то автомат. Муха сидел под кустом в прежней позе.

— О, Скотч, ты жив, — улыбнулся он. — Ты не можешь погибнуть, пока не отдашь мне пятёрку.

— Муха, не ссы, я отдам тебе долг, — ответил Скотч.

— Какой долг? — безразлично спросил Бизон.

— Да я ему в карты проиграл вчера, — ответил Скотч. — Думал, сегодня отыграюсь, а он вон — требует.

— Рация пропала, — сказал Бизон. — Помощи не будет.

— Мы сами — помощь, — сострил Скотч, пытаясь левой рукой зафиксировать правое предплечье, морщась при этом от нестерпимой боли.

— Сейчас, отдохнём пару минут, — сказал Бизон. — И пойдём. Раненого забирать.

— Я тоже иду, — сказал Муха. — Без меня не уходите. Он встал, пошатнулся.

— Я норм, ходить могу, — сказал Муха.

В горящей БМП-2 рванули осколочные гранаты.

— Это мы ещё хорошо отделались, — сказал Муха. — А где Жук? Жука нашли?

— Жук двести, — ответил Бизон. — Всё, хорош сидеть, — он посмотрел на часы. — Встаём, идём на «Десну».

Мужики встали, Муха отряхнулся, увидел у Бизона автомат:

— О, мой «калаш»! Где он был?

— Что упало, то пропало, — мрачно пошутил командир отделения. — Было ваше — стало наше.

— Ладно, — согласился Муха. — Неси. Мне всяко полегче будет.

Они двинулись в сторону «Десны».

***

Запах горячей «бэхи» Каштан учуял за километр. Машина чадила чёрным дымом, доносился треск разрывающихся патронов. Подойдя ближе, стал различим дух горелого мяса и вскоре лейтенант увидел у кормовых люков догорающий труп. Обойдя машину, никаких других тел он не обнаружил и достал рацию.

— Урал, Каштану!

— На связи, — ответил командир роты.

— Я дошёл до коробочки, живых не вижу. Похоже, что все — двести, — доложил Каштан.

— Машину можно восстановить? — спросил Урал.

— Нет, — ответил взводный. — Уничтожена полностью.

— Возвращайся, — приказал Урал.

— Есть...

Каштан махнул рукой Потрясу, мол, идём обратно. Дорога назад не заняла много времени. На «фишке» они встретили Гриню.

— Ты почему нас не остановил? — спросил Каштан. — Ты на посту, или где?

— Так это, — растерялся Грина. — Я же вижу, что это вы идёте.

— Живых там больше нет, — сказал Каштан. — Если кто будет идти — считай, что это немцы, открывай огонь на поражение.

— А Ганс? Тоже всё?

— Группа Ганса сменяется только послезавтра.

— Я понял, товарищ лейтенант, — кивнул Гриня.

Отдав Потрясу автомат, лейтенант спустился в блиндаж боевого охранения и попросил сделать ему чаю. С кружкой в руках он долго сидел, уставившись в одну точку.

***

Метров за двести до пересечения «Амура» с «Десной», Бизон остановился, чтобы отдышаться.

— Надо Гансу знак подать, что мы идём, — сказал он. — А то перебьют нас, как диверсантов.

— Ганс! — крикнул Скотч и закашлялся.

— Ганс! — попытался крикнуть Муха и тут же скривился от боли — после падения с высоты у него наверняка были переломаны рёбра.

Однако, их услышали. Из лесополки появился боец, который замахал рукой.

— Идите сюда!

Добравшись до окопов, группа эвакуации, ничего не объясняя, завалилась отдыхать.

— Ганса позови, — сказал лишь Бизон.

Вскоре появился Ганс, и взглянув на прибывших, тут же поинтересовался, нужна ли им помощь.

— Не, — помотал головой Бизон. — Где у тебя тут раненый? Мы за ним.

— Да вас самих эвакуировать надо, — сказал Ганс.

— Да ерунда, — улыбнулся Бизон. — До развода заживёт. Ран вроде нет, только контузии и переломы.

Подошли Гоча и Аватар.

— Ты раненый? — Бизон встал, увидев у подошедшего бойца перевязанную руку.

— Я, — кивнул Аватар.

— Пошли.

— Куда?

— Приказано доставить тебя в медпункт батальона.

— Сейчас? — Аватар выразительно посмотрел на небо.

— Сейчас, — кивнул Бизон.

— Я сейчас не пойду, — запротестовал раненый. — Надо дожждаться сумерек.

— Приказано сейчас, — сказал Бизон.

— Да вы что? — Аватар округлил глаза. — Нам же по пути хана будет! Тут каждые пять минут дроны летают.

— Слышь, чудовище, — глаза Бизона стали наливать-ся злостью. — Мы из-за тебя потеряли Жука, механа, башенного, сгорела БМП, мы все получили контузии, Скотч руку сломал, а ты отказываешься идти? Я сейчас тебя здесь пристрелю, и доложу, что ты сдох, пока мы шли за тобой! Всё понял?

Аватар попятился, но сзади его подпёр Ганс, который в разговоре с Каштаном уже понял, что дело по эвакуации раненого каким-то образом было «поставлено на самый высокий контроль».

— Давай, Аватар, двигай в тыл, — сказал Ганс. — Бо-еприпасы оставь, курево и вали на больничку.

— Я рацию где-то возле БМП потерял, — сказал Бизон. — Сообщи Каштану, что мы до вас дошли, раненого забираем.

— А всё, — Ганс достал свою рацию и покрутил её в воздухе. — Села. Аккумулятор старый, удивительно, что вообще так долго продержался.

— Хорошо, — кивнул Бизон. — Скажу Каштану, когда вернёмся, чтобы вам на «мавике» заряженный аккумулятор привезли.

— Это дело, спасибо, — поблагодарил Ганс.

Гоча помог выпотрошить у Аватара карманы, после чего группа эвакуации вместе с раненым двинулась в обратный путь.

Аватар шёл, постоянно озираясь, остальные же не проявляли к небу интереса — люди были измотаны, контужены, и шли лишь на последних остатках силы воли. Когда в небе всё же раздался визг дрона, что-то предпринимать сил уже не было.

Бизон втянул голову в плечи и зажмурился, ожидая удара и взрыва, однако, дрон пролетел мимо.

— Пронесло, — сказал Аватар.

Однако, он ошибся. FPV-машина выполнила разворот, и набирая скорость понеслась навстречу идущим.

Бизон, видя, как дрон летит прямо ему в лицо, успел сдёрнуть с плеча автомат и из последних сил бросить его, как битую в городках. Кувыряясь, автомат столкнулся с коптером, замкнув на нём электродетонатор. Взрыв хлопнул буквально в двух метрах от Бизона, свалив его с ног.

Остальные остановились.

— Бизон! — Муха наклонился над упавшим. — Жив?

Голос соратника доносился словно издалека.

— Да вроде, — ответил боец. — Помоги подняться.

Оказавшись на ногах, Бизон ощупал себя — несколько мелких осколков впились в лицо и рукава бушлата.

— Всё, пацаны, приехали, — сказал Бизон.

— Не-не, — запротестовал Скотч. — Идём дальше.

Злило даже не полученное ранение, а абсолютная беспомощность перед дронами-камикадзе, оператор которых сидел где-то далеко, развлекаясь дистанционным безнаказанным убийством, попивая кофе или, может быть, энергетик. И никак его было не достать, не остановить, не предотвратить полёт этих механических птиц, несущих смерть.

— Вон ещё одна «истеричка», — спокойно сказал Муха.

Следующий коптер подлетал на скорости, и в последний момент, выполнив манёвр, с жутким визгом ударил Мухе прямо в грудь.

— Я же говорил, — безразличным голосом сказал Аватар, — что нельзя идти днём, нас тут сейчас всех закапывают.

Муху буквально разорвало на части, раскидав кровавые ошмётки на несколько метров от места взрыва. Разыскав на его поясе отрывную аптечку, Бизон забрал её, нашёл там жидкий пластырь, брызнул себе на раны, вскрикнув от боли.

— Надо идти, — сказал он, когда боль слегка утихла.

— Нам хана, — нервно повторял Аватар. — Нам хана. Нам хана.

Останавливать истерику смысла не было. Бизон и Скотч прибавили шаг. Аватар засеменял за ними.

Возле всё ещё горящей БМП остановились отдохнуть. Дроны больше не досаждали. Бизон боялся

допустить мысль, что они смогут отсюда дойти до позиций боевого дозора невредимыми — он уже мысленно распрощался с жизнью и оттого обрёл душевное спокойствие. Зачем переживать о предстоящей смерти, если ты уже умер?

Аватар выговорился и теперь молчал. Чувство вины за погибший экипаж «бэхи», за погибшего Муху, заставляло его быть сейчас тише воды и ниже травы. Он был шокирован, во что вылился крохотный осколок, попавший ему в плечо.

Отдышавшись, Бизон поднялся и обошёл БМП в попытках найти рацию. Тщетно, её нигде не было видно.

— Идём дальше.

Путь в несколько километров окончательно истощил путников, и когда они в наступающих сумерках уже выходили на позиции взводного опорного пункта, никто из них, контуженных, не услышал оклика Грини, бдительно несущего службу и предупреждённого Каштаном, что никто из своих здесь ходить не должен.

Не услышав ответа, Гриня приложился к автомату, и тщательно прицелившись, выпустил длинную очередь.

Невредимым оказался только Аватар. Бизону пуля попала в живот, ниже плиты бронежилета, а Скотчу прилетело в голову, на месте лишив его жизни.

— Не стреляйте! — крикнул Аватар. — Это мы — свои!

— Кто «свои»? — громко спросил Гриня, продолжая прицеливаться.

— Я Аватар из второго взвода!

— А ты что тут делаешь?

— Меня эвакуировали с «Десны»! Помоги, тут раненые!

У Грини похолодело в груди. Ещё не хватало завалить своих же соратников. Оставив автомат на бруствере, он бросился в блиндаж, где должен был находиться Потряс.

Тот уже бежал навстречу, услышав выстрелы.

— Что? — глаза его были округлены от страха. — В кого стрелял? Немцы попёрли?

— Кажется, в наших, — выдохнул Гриня.

Они вернулись на позицию, Потряс высунулся, пытаясь рассмотреть, что творится впереди.

— Быстрее! — заорал Аватар. — Помогите!

— Иди, — Потряс толкнул Гриню. — Помоги! Я пока летёху вызову!

Гриня перевалил через бруствер окопа и побежал к зовущему на помощь Аватару. Потряс вынул из разгрузки рацию.

— Каштан, я Потряс, на связи!

— На связи, Каштан. Что там у вас за стрельба?

— Гриня своих положил, — первыми же словами Потряс снял с себя ответственность за произошедшее. — Там Аватар вышел, и ещё двое с ним.

— Зачем Гриня в них стрелял?

— Я не знаю. Я был на правом фланге, когда услышал очередь.

— Я понял, — сказал Каштан. — Сейчас буду.

К моменту, когда Каштан прибежал на позицию, Аватар, Гриня и Потряс уже приволокли раненого Бизона на опорник, сняли с него бронежилет, разрезали одежду и примотали к ране бандаж. Что делать дальше — никто не знал.

— Ну что вылупились, идиоты? — Каштан не стеснялся в выражениях. — На плащ-палатку его, и несём в деревню. Живо!

Пока Потряс бегал в блиндаж за плащ-палаткой, Каштан вышел по связи на командира роты.

— Докладываю, — сбившимся голосом начал взволнованный. — На позиции опорного пункта вышли Бизон, Скотч и Аватар. На оклик часового они не ответили, Гриня от-

крыл огонь на поражение. Скотч — двести, Бизон — триста. Оказываем помощь Бизону, прошу эвакуацию в медпункт батальона.

— Каштан... — ротный некоторое время молчал, собираясь с мыслями после получения такой новости. — Я не знаю, как тебя «благодарить» за такие вести. Ты же мне доложил, что Бизон и вся его эвакуационная группа погибли в «бэхе».

— Я не видел их тел, подумал, что они сгорели внутри машины...

— Ты доложил мне, что «живых не вижу», что «все погибли». «Не видеть живых» и «все погибли» — это немного разные вещи. Что прикажешь мне доложить командиру батальона?

— Я не знаю, товарищ старший лейтенант. Докладывайте, что посчитаете нужным. Я сейчас прошу эвакуацию раненых в медпункт.

— Где раненые сейчас?

— На опорнике.

— До расположения донести их сможете?

— Сможем, — ответил Каштан.

— Несите. Сейчас запрошу помощь в батальоне. Но ты, Каштан... ты должен понимать, что слишком много у тебя косяков за последнее время. Где и как исправляться собираешься?

— Мне уже без разницы, — дерзко ответил взводный.

— Я учту ваши пожелания, — сказал Урал. — Конец связи.

Из Востриково Каштан вызвал оставшихся там бойцов, а сам, с Аватаром, Гриней и Потрясом, на плащ-палатке потащил Бизона. Вскоре его подхватили бойцы, прибывшие с деревни, а Потряса и Гриню Каштан отправил обратно на опорник.

В селе Бизона заволокли в дом, Каштан вколол ему промедол и поправил повязку. Бизон был в сознании, надрывно дышал.

— Лейтенант, — позвал он.

— Я здесь, — Каштан положил свою ладонь на плечо сержанта, искренне стараясь проявить своё участие.

— Я сдохну, — сказал Бизон. — Я знаю. Я это чувствую. Ответь мне, пожалуйста...

— Что?

— Зачем это было нужно? — Бизон нашёл в себе силы скосить взгляд на находящегося рядом Аватара. — Он же мог потерпеть два дня. А из-за него ты просто так убил половину взвода. Я сейчас умру, а ты найди себе оправдание.

Бизон закрыл глаза, показывая нежелание дальнейшего общения.

К моменту, когда из батальона на ГАЗ-66 приехал фельдшер, чтобы забрать раненых, Бизон уже не дышал. Когда машина удалилась в ночи, Каштан зашёл в сарай и сел на плаху.

«Я сейчас умру, а ты найди себе оправдание», — вертелось в голове. «Из-за него ты просто так убил половину взвода».

Молодой выпускник высшего военного училища, не в силах преодолеть предъявленные ему обвинения, порывисто достал из кобуры пистолет и приставил его к своему виску.

— Бизон, прости меня, — сказал он. — Ради Бога... но честь дороже жизни.

Лейтенант зажмурился, выдавливая последние в своей жизни слёзы, и потянул спусковой крючок.

***

Бросив мотоцикл, Урал направился к дому, возле которого уже стоял Костёр и с ним несколько бойцов.

— Здесь, — сказал старшина роты. — В сарае.

— Кто об этом знает? — спросил ротный.

— Никому пока не докладывали, — Костёр развёл руками.

Урал вошёл в сарай и увидел лежащее на полу тело лейтенанта. В его правой руке был зажат пистолет, а из простреленной головы на землю текла большая лужа крови.

Несколько секунд посмотрев на убитого, Урал вышел из сарая и набрал командира батальона.

— У нас «чепок», товарищ майор.

— Что на этот раз? — едва ли не безразличным тоном спросил комбат.

— Каштан застрелился.

— Где?

— В сарае возле дома своего взвода.

— Так... — Корсар несколько мгновений размышлял. — Он же не выдвигался на эвакуацию?

— Нет. Он оставался на опорнике. Эвакуация почти вся двести, выжил только Скотч. «Бэхи» тоже больше нет.

— Аватара-то хоть, уroda этого, вытащили?

— Да он-то цел, его вытащили. Вернее, он сам вышел.

— Смотри, Урал, надо сделать так, будто Каштан погиб в составе группы эвакуации. Ну, или как-то рядом, например, на опорнике. Но не в селе.

— Я понял, товарищ майор. Сделаем по старой схеме — от дрона-камикадзе.

— Я ничего об этом не знаю, Урал. Давай, действуй! Командир роты выключил телефон и подозвал старшину.

— Смотри... дело такое... пистолет вложи ему обратно в кобуру, — командир роты заметно нервничал, и ему, очевидно, было трудно произносить то, что он задумал. — Его надо дотащить до опорника, затем у него на голове нужно будет взорвать гранату, чтобы я потом мог подать вверх рапорт о его гибели во время удара вражеским дроном. Представим его к ордену...

— Я понял, — кивнул старшина. — Сейчас всё организирую...

— Всех, кто видел труп, соберёшь, я проведу с ними беседу.

— Хорошо.

— Выполняй.

Костёр секунду помедлил, затем развернулся и направился к сараю.

В этот момент у Урала зазвонил телефон.

— На связи, — по привычке ответил он на незнакомый номер.

— Меня зовут Чингис, — сказал трубка. — Моё воинское звание — полковник, я начальник оперативной группы военной контрразведки. Мне сообщили, что час назад у вас застрелился лейтенант Дубровин. До прибытия следственно-оперативной группы предлагаю обеспечить сохранность положения тела и окружающей обстановки.

— Товарищ полковник, — Урал замялся, не зная, что сказать.

— Я требую сохранить всё, как было в момент суицида, товарищ старший лейтенант! В сарае в Востриково.

Урал наблюдал, как Костёр заходит в сарай.

— Так точно, товарищ полковник...

— Старлей, я знаю, что ты задумал. Если с телом что-то случится, ты через два часа уже будешь рядовым штурмовиком. Я всё ясно обозначил?

— Так точно, — растерянно ответил Урал, и прикрыв трубку, крикнул: — Костёр! Стой!

— Мы скоро будем, — сказал Чингис, — а вас я попрошу больше не пользоваться телефоном и не пытаться другим способом связываться со своим командованием, чтобы согласовать версию гибели лейтенанта Дубровина. Вы меня хорошо поняли?

— Так точно, — упавшим голосом ответил командир роты.

— Вот и отлично, — абонент отключился.

Старшина выглянул из сарая.

— Костёр, отставить, — Урал махнул рукой. — Всё, не надо.

— Есть отставить. Что-то случилось?

— Сейчас приедут следователи и контрразведка.

— Ничего себе, — удивился старшина. — Отродясь такого не было, чтобы они так близко к нулю приезжали...

— Я тоже удивлён, — успокоил старшину командир роты. — Интересно, кто ему доложил?

— Не я — точно, — сказал старшина.

— Кто-то из них? — спросил Урал, показав на группу рядовых, стоявших поодаль.

— Может быть, — ответил Костёр. — Все новенькие, недавно прибывшие, может, кто-то из них и стучит кон-трикам.

— Хороший в роте коллектив, — саркастически сказал Урал.

— Не в роте, а во рту, — мрачно пошутил старшина.

— Сегодня шутка не зашла, — ответил ротный.

— Виноват! — Костёр вытянулся перед командиром.

— Поставь бойца возле сарая, — приказал Урал. — Никого не пускать. Пистолет его где?

— В кобуре уже.

— Верни в руку.

— Есть.

— Выполняй.

Ротный вернулся к своему мотоциклу и заведя его с «толкача», направился на хутор Гнилой.

***

Появление командира бригады на пункте управления второго мотострелкового батальона в Стратьевке вызвало небольшой переполох.

— Внимание на пункте! — подал команду боец, находившийся ближе всех ко входу, увидев комбрига.

— Хорошо устроились, — Ветер осмотрел помещение и глянул на встретившего его молодого военного: — Ты кто?

— Оператор беспилотных средств разведки рядовой Котов.

— Ты сейчас в процессе?

— Так точно! Принимаю картинку с дрона.

— Где летаешь?

— Контроль подступов к лесополосе «Десна» со стороны противника.

— Обстановку доложить сможешь?

— Обстановка, товарищ полковник, за прошедшие сутки существенных изменений не претерпела, за исключением зафиксированного перемещения грузового автотранспорта противника по шоссе от совхоза Березовый к Осиновке и Ябловке. Характер грузов установить не представляется возможным, предполагаю боеприпасы.

Всего наблюдал восемь машин. Также наблюдал перемещение автомобиля типа «Хамви», предполагаю мобильную станцию РЭБ. В точке с координатами икс... игрек... наблюдал работу миномёта противника. Доклад закончил.

Ветер повернулся на следовавшего с ним начальника штаба бригады.

— Мастер, ты слышал?

— Так точно, товарищ полковник, — усмехнулся начальник штаба. — В штабе армии некоторые так чётко доложить не могут, а тут — всего только батальон.

— Корсар! — позвал комбриг.

— Я, товарищ командир! — комбат предстал перед полковником.

— Откуда у тебя этот боец?

— Не отдам, товарищ полковник, — сразу сказал командир батальона.

— Ладно, об этом позже поговорим, — Ветер изменил тон. — Доложите о происшествии!

— Сегодня, — комбат посмотрел на часы, — в ... часов ... минут, согласно докладу командира второй роты, на опорном пункте второго взвода в результате атаки дрона-камикадзе, погиб командир второго мотострелкового взвода лейтенант Дубровин, позывной «Каштан». Дубровин прибыл в роту недавно, приобрести у личного состава авторитет не успел, допускал панибратские отношения с подчинёнными, порученные задания выполнял без должной инициативы, нуждался в постоянном контроле, ставил под сомнение правильность приказов вышестоящего руководства, отказывался выполнять задачи, связанные с риском.

— Это в его взводе раненый боец оставался в посадке? Как его? Я говорил...

— Аватар, — напомнил Корсар. — Да, в его взводе. Когда вы, товарищ полковник, спрашивали меня про Аватара, в это же время командир второй роты Урал уже поставил задачу Каштану, то есть, командиру второго взвода лейтенанту Дубровину, организовать эвакуацию раненого.

— Я же вам говорил, что нужно дождаться темного времени...

— Товарищ полковник, — Корсар предательски почесал нос, — в это время Каштан уже направил за Аватаром эвакуационную группу на БМП, очевидно, Урал не стал отзывать их. Или не смог.

— Вызовите сюда командира второй роты, — предложил Ветер. — Немедленно.

— Есть, — ответил Корсар и по телефону вызвонил Урала: — Немедленно в батальон. Комбриг здесь.

В этот момент на пункт управления прибыли начальник оперативной группы военной контрразведки со своим заместителем и военный следователь, а командир роты военной полиции и несколько бойцов охраны остались снаружи.

— Недобрый сегодня день, — поздоровался Чингис с командиром бригады.

— Обычный, — Ветер развёл руками. — Чем могу помочь?

— Обеспечьте нам, насколько это возможно, присутствие на месте происшествия. Будем разбираться в том, что произошло.

— Как скажете, — кивнул Ветер. — Только вам придётся добираться до Востриково на наших машинах, чтобы не возбудить противника и не вызвать с его стороны артиллерийский обстрел, — комбриг посмотрел на командира батальона: — Товарищ майор, распорядитесь.

— Есть, — Корсар тут же отошёл в сторону, выполняя просьбу командира бригады.

— Товарищ полковник, — перед комбригом появился молодой следователь военно-следственного отдела. — Капитан Юмашев, разрешите, задам вам несколько вопросов?

— Пройдёмте к столу, — кивнул Ветер, предлагая зайти в закуток, где можно было бы провести беседу без посторонних.

Когда они расположились, следователь раскрыл папку, вынул чистый лист и быстро настрочив «шапку», посмотрел на командира бригады.

— Я обязан опросить вас, как полагается по закону.

— Опрашивайте, — кивнул комбриг.

— Что вам известно о факте гибели лейтенанта Дубровина?

— Пока — только из доклада командира батальона — мне известно, что лейтенант Дубровин погиб на опорном пункте второго взвода второй роты в результате удара вражеского дрона-камикадзе.

— Какую задачу выполнял лейтенант Дубровин в момент своей гибели?

— Согласно боевого распоряжения, взвод Дубровина занимал оборону в назначенном районе, нёс сторожевую службу.

— Что вам известно об эвакуации раненого из состава боевого дозора, выставленного на лесополосе «Десна»?

— Мне известно, что в боевом дозоре был раненый, но его эвакуация — это полномочия командира батальона, а не бригады. Подробности мне не известны.

— Вы давали распоряжение о его эвакуации? — следователь уточнил вопрос.

— Нет, — честно ответил командир бригады.

— Вам известно, что лейтенант Дубровин застрелился?

— Нет, — ответил Ветер. — Мне известно, что он погиб в результате боевого воздействия противника. Ещё вопросы есть?

— Никак нет, товарищ полковник, — ответил следователь. — Разрешите опросить ваших подчинённых?

— Опрашивайте, — Ветер встал. — Кто вам ещё нужен?

— Командир батальона.

— Я его сейчас приглашу, — кивнул Ветер и вышел.

В оперативном зале он указал пальцем на комбата и тот подошёл к нему.

— Где ротный? Почему мне говорят, что Дубровин застрелился?

— Товарищ полковник, сам пока не понимаю, — Корсар пожал плечами.

— Не ври мне, — комбриг посмотрел майору в глаза. — Что там произошло?

— Я не знаю, — ответил комбат. — Но, похоже, что он действительно застрелился.

— Зачем?

— Не могу знать.

— А я, кажется, знаю. И если мои предположения подтвердятся, тебе не поздоровится. А теперь иди к следователю и рассказывай, как всё было.

— Есть, — кивнул Корсар.

Сев за стол перед следователем, майор постарался придать своему лицу вид боевого командира, которого кто-то решил подёргать по совершенно никчемным вопросам, отвлекающим от важных дел. Капитан военносудственного отдела такие лица видел каждый день, и потому никак на этот фарс не отреагировал.

— Скажите, товарищ майор, кто несёт ответственность за организацию эвакуации раненых с поля боя?

— В полосе батальона за всё отвечаю я, — сухо ответил Корсар.

— Скажите, каким образом у вас организована эвакуация раненых с лесополосы «Десна»?

— Обычно раненые эвакуируются оттуда пешим порядком или на носилках вдоль лесополосы «Амур» до её пересечения с лесополосой «Дон», далее до опорного пункта второго взвода и затем до окраины населённого пункта Востриково, где находится пункт сбора и дальнейшей эвакуации, откуда транспортом раненые доставляются в медицинский пункт батальона, расположенный в населённом пункте Стратьевка, то есть, здесь.

— Эвакуация выполняется в дневное или ночное время?

— Обычно в ночное.

— Чем это вызвано?

— Желанием выжить, товарищ следователь. У нас, видите ли, дроны-камикадзе летают, вражеская артиллерия работает, — Корсар явно уколол своего собеседника.

Капитан поднял свой взгляд, но не отреагировал на выходку боевого офицера.

— Скажите, а чем было вызвано решение организовать срочную эвакуацию раненого в дневное время? Насколько мне известно, у него не было медицинских показаний к срочной эвакуации, которые могли бы оправдать риск выезда за ним боевой машины пехоты в светлое время суток?

— Я приказа на эвакуацию не отдавал, — ответил майор.

— А кто в батальоне мог отдать такой приказ?

— Такой приказ мог быть отдан в роте, или даже во взводе. Видите ли, я привык к проявлениям разумной инициативы со стороны своих подчинённых, а война, это такое дело, которое никогда не будет полностью очевидным и понятным, всегда остаётся элемент неожиданности, просчитать который невозможно. Что, очевидно, и произошло сегодня в случае с эвакуацией.

— Какие у вас сложились отношения с командиром взвода лейтенантом Дубровиным?

— Служебные, товарищ следователь.

— Как вы можете охарактеризовать этого офицера?

— Исполнительный, инициативный, ответственный, способный, грамотный и перспективный командир, среди подчинённых и старших начальников пользовался авторитетом, несмотря на то, что только недавно прибыл в бригаду из военного училища... — не моргнув глазом выговорил комбат.

— Вам известно, при каких обстоятельствах погиб лейтенант Дубровин?

— Согласно первоначальному докладу командира второй роты, лейтенант Дубровин погиб при атаке дрона-камикадзе на опорный пункт взвода. В дальнейшем командир роты, лично прибыв на место, доложил, что лейтенант, возможно, покончил жизнь самоубийством. Утверждать не могу, так как лично на место происшествия ещё не выезжал.

— Спасибо, — кивнул следователь. — Пригласите, пожалуйста, командира второй роты.

— Если он прибыл, — Корсар встал и вышел.

В общем помещении он встретил перепуганного ротного, который уже стоял перед комбригом и что-то рассказывал.

— Товарищ полковник, — комбат подошёл к командиру бригады. — Следователь просит Урала к себе.

— Ты меня понял, да? — Ветер смотрел на ротного с очевидной угрозой.

— Так точно, — кивнул Урал. — Разрешите идти?

— Иди, — разрешил Ветер.

Урал зашёл в закуток, где сидел следователь.

— Я командир второй роты, — представился он. — У вас ко мне есть вопросы?

— Присаживайтесь, — кивнул Юмашев. — Первый вопрос — кто отдал приказ на выезд за раненым?

— Конкретно это решение было принято командиром второго взвода лейтенантом Дубровиным самостоятельно, — ответил Урал. — Командиром батальона было высказано пожелание по возможности скорее забрать раненого из посадки, мною это мнение было доведено до командира второго взвода, чей взвод обеспечивал присутствие боевого дозора на «Десне»...

— Пойдите, — следователь поднял взгляд. — «Пожелание», «мнение», разве такие слова предусмотрены Боевым Уставом?

— Нет, не предусмотрены, — ответил Урал. — Мы только обсуждали саму возможность эвакуации раненого, конкретно никакие приказы или распоряжения никому не доводились. Дубровин был проинформирован о необходимости быть в готовности с наступлением темного времени суток выдвинуться на БМП на «Десну».

— Как вы считаете, офицер обязан выполнять не высказанный чётко приказ старшего начальника, доведённый ему в виде «мнения» или «пожелания»?

— Я не понимаю вашего вопроса, — Урал развёл руками. — Офицер обязан выполнять приказ — в любом случае. А в какой форме он будет доведён, это уже другое...

— То есть, я вас правильно понимаю — приказ на эвакуацию раненого был доведён Дубровину, хоть он

и имел форму «пожелания»? Так?

— Ах, вот вы о чём... — Урал покачал головой. — Нет, с моей стороны, или со стороны командира батальона такой приказ ему не доводился.

— То есть, вы хотите сказать, что лейтенант Дубровин, чётко понимая, что по пути на «Десну» в светлое время суток он подвергнется многочисленным атакам дронов-камикадзе или ударам артиллерии, так как днём выдвижение будет хорошо видно противнику, всё же принял самостоятельное решение выехать за раненым?

— Ну, это же очевидно, — кивнул ротный. — Лейтенант Дубровин о начале движения группы эвакуации мне не докладывал. О том, что группа выехала я узнал во время его доклада о подрыве БМП на mine.

— А вам не кажется это нелогичным?

— В каком смысле?

— В здравом смысле. Какой нормальный офицер, а комбат характеризует Дубровина как грамотного и ответственного командира, станет подставляться под противника в условиях, когда раненому не требовалась срочная эвакуация? Может, товарищ старший лейтенант, всё же имел место быть чей-то приказ о срочной эвакуации? В противном случае виновным в происшествии оказываетесь вы, как непосредственный командир лейтенанта Дубровина, утративший контроль за действиями подчинённых. Подумайте, прежде, чем что-либо отвечать.

— Я уже всё сказал.

— вспомните, может быть, и вы получили приказ провести срочную эвакуацию в не явно выраженной форме, и далее, повинувшись чувству субординации, этот приказ довели до исполнителя — командиру второго взвода лейтенанту Дубровину? А Дубровин, осознав последствия, понимая, что виновным за гибель людей назначат его,

не смог вынести тяжесть содеянного и застрелился? Правильно я говорю? — Юмашев отставил ручку в сторону от листа и внимательно смотрел на командира роты.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — сказал Урал. — Если у вас всё, разрешите идти? У меня сейчас много работы возникло в связи с гибелью экипажа, группы эвакуации и командира взвода.

— Хорошо, — кивнул следователь. — Единственно, я вас попрошу сопроводить следственно-оперативную группу к месту гибели лейтенанта Дубровина. Вы же сейчас всё равно в Востриково едете?

— Как скажете, — кивнул Урал.

Комбриг сидел в углу и разговаривал с контрразведчиками, когда появился следователь и заявил о готовности убыть в село — к месту происшествия.

— Я попросил бы у вас командира роты, — сказал Юмашев. — Если не возражаете.

— Возражаю, — быстро ответил Ветер. — Если вы его не задерживаете, как преступника, то ему нечего с вами делать — работы у него сейчас по горло.

Когда следственно-оперативная группа убыла в Востриково в сопровождении нескольких бойцов военной полиции, комбриг уединился с участниками разыгравшейся драмы.

— Корсар, — Ветер говорил тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Объясни мне, как мой ни к чему тебя не обязывающий вопрос о раненом бойце, так быстро трансформировался в произошедшую катастрофу?

— Товарищ полковник, я его понял, как указание к действию, — ответил Корсар.

— Допустим, это так, — кивнул Ветер. — Но я что, не предупреждал тебя, что не надо ехать туда в светлое время суток?

— Так точно, товарищ командир, — комбат выбрал точку на груди полковника, и смотрел в неё, боясь поднять свой взгляд. — Предупреждали.

— Так, а ты? — комбриг перевёл свой взгляд на командира роты. — Что скажешь?

— Товарищ полковник, — Урал изучал своим взглядом ботинки командира бригады. — Ну, вы же понимаете...

— Нет, товарищи офицеры, я не понимаю, зачем вы загнали БМП днём под удар дронов. Я не понимаю, зачем вы, фактически, заставили лейтенанта принять на себя всю ответственность за гибель людей! Вы что, хотели передо мной выслужиться таким образом? Показать, какие вы стремительные в своих решениях и что вы понимаете меня с полуслова? Вы мне хотели показать, что вам «и море по колено и все горы по плечу», и что «любые задачи в любом месте и в любое время», так? Не слышу ответа.

— Никак нет, — сказал Корсар.

— Никак нет, товарищ полковник, — сказал Урал.

— А как мне тогда понимать вот эту вашу чрезмерную исполнительность?

Офицеры молчали.

— Значит так, товарищи командиры. Уясните себе на будущее простую истину. Я пришёл сюда на должность командира бригады, чтобы воевать, а не выслуживаться перед вышестоящими. Я пришёл сюда, чтобы воевать с головой, чтобы беречь русского мужика, конкретно тебя и тебя, каждого офицера, каждого сержанта, каждого рядового. Я буду спрашивать за каждого погибшего, и, если гибель людей не будет оправдана необходимостью или станет следствием непредвиденных обстоятельств, буду наказывать тех, кто допускает бессмысленные потери. Это понятно?

— Так точно, — хором ответили Корсар и Урал.

— Точно такого же отношения к боевой работе я жду и от вас. Если не умеете, по каким-то причинам не можете, или не хотите, скажите сразу, и я вам предоставляю возможность продолжить службу на других должностях. Если же вы хотя бы как-то разделяете мою точку зрения, тогда мы сработаемся. Тем более, что впереди у нас, у бригады, много работы. Так что, вы со мной?

— Так точно, — кивнули офицеры.

— Пусть история с лейтенантом Дубровиным послужит для вас уроком, как не надо делать. Инициатива должна быть, но не такая, какую вы проявили, а разумная и объяснимая. Я рад, что вы действовали, а не избегали действий, это всегда будет лучше, чем отстояться в стороне, но любое действие должно быть обосновано необходимостью, а не стремлением угодить начальству. Прошу учесть это в своей работе.

— Учтём, — снова хором ответили офицеры.

— Теперь к делу, — Ветер посмотрел на Урала. — Скорее всего следствие назначит командира роты виновным в гибели лейтенанта и эвакуационной группы. Будем смотреть правде в лицо — такое развитие событий более чем возможно. Урал поедет под арест на следствие. Поэтому, предлагаю сразу определиться, кто встанет на место ротного, и кого вы предложите назначить командиром второго взвода.

— На место ротного предлагаю Кургана, — сказал Корсар. — Он в теме по всем задачам, личный состав знает, пользуется авторитетом.

— Хорошо, — кивнул комбриг. — Кого на место взводного?

— У Каштана во взводе есть Ганс — толковый командир отделения с лидерскими качествами. Я бы его смело ставил командиром взвода. Он справится, — сказал Урал.

— Принимаю, — кивнул Ветер. — Оформляйте Ганса приказом. Делайте это немедленно, скоро нам всем будет не до бумаг.

Выйдя из пункта управления, командир бригады достал телефон и набрал номер.

— Спасибо за информацию, Горец! Кого надо я взбодрил, кого надо — предупредил на будущее, чекисты и следствие тоже хорошо подыграли...

ГЛАВА 5

Оперативный отдел Четвёртой общевойсковой армии размещался в одном из классов средней школы, здание которой было полностью отдано под службы объединения. Окна помещения были зашиты фанерой, в двух углах стояли газовые отопители, на стенах висели два больших экрана, на которых отражались электронные карты и спутниковые снимки местности с нанесённой на них оперативной обстановкой. В центре класса были составлены несколько столов, на которых были развёрнуты карты, навалены различные документы, таблицы и перечни. В помещении работало несколько человек. Начальник оперативного отдела армии сидел в углу и составлял запрос на проведение аэроразведки в лесном массиве южнее Орловки, тут же находился Пегас — начальник тыла армии, который увязывал свои вопросы. В класс вошёл Томск.

— Товарищи офицеры, — громко сказал один из операторов, увидев генерал-майора.

— Работайте, — отмахнулся начальник штаба армии. — Пегас, давай по нашим резервам...

Начальник тыла предложил генералу сесть на стул и попросил одного из операторов вывести информацию со своего компьютера на большой экран.

— Товарищ генерал, — Пегас открыл соответствующую таблицу. — Согласно докладам органов тыла, со складов округа получено семьдесят процентов топлива, выделенного для проведения операции, тридцать процентов потребного количества сухпайков, пятнадцать процентов недостающего по нормам вещевого имущества. Если говорить за службу РАВ, получено шестьдесят

шесть процентов расчётных боеприпасов для артиллерии и реактивных систем, до половины боеприпасов стрелкового вооружения и противотанковых средств ближнего боя, меньше пяти процентов от запрошенного количества ударных дронов-камикадзе...

— Почему так мало? — перебил начальник штаба армии. — В чём причина отсутствия поставок?

— Согласование, товарищ генерал, в управлении РАВ проходит медленнее, чем по артиллерийским или стрелковым боеприпасам. Там, похоже, люди ещё не до конца понимают, для чего нужны дроны. Пока согласовали одну заявку, сегодня должны согласовать ещё одну, завтра ещё одну.

— Я вас услышал, — кивнул генерал.

— Я за другое переживаю, — вмешался в разговор начальник оперативного отдела. — У нас заявка на дроны была оформлена только командирами семьдесят шестой бригады и тысяча сорок восьмого полка, который стоит вторым эшелоном за двести второй бригадой. Другие командиры частей и соединений таких заявок не подавали.

— Вы с ними говорили на эту тему? — Томск развернулся на стуле к Граниту.

— Говорил, товарищ генерал. Они заявляют, что не нуждаются в дронах. Просят больше снарядов и танков. Я попросил нашего начальника артиллерии оформить заявку на пятьсот дронов, которые в дальнейшем передадим в ударные группы семьдесят шестой бригады и тысяча сорок восьмого полка. В общем, «кто везёт — того и грузим».

— Добро. Что с высокоточными и барражирующими боеприпасами? — вопрос был адресован обоим ответчикам.

— Триста двадцать третья артиллерийская бригада на операцию получает сорок снарядов «Краснополь», также получаем «Ланцеты» в количестве ста штук — их распределяем по бригадам и роте специального назначения. Разведка дополнительно получает девять разведывательных «Орланов» и «Суперкамов» — сможем почти полностью обеспечить потребности артиллерийской и ракетной бригад, — доложил Пегас.

— Не густо.

— Хорошо, хоть это дали.

— «Искандеры»?

— Согласно разработанному плану огневого поражения наиболее важных целей, нам нужно не менее двенадцати ракет, — сказал Гранит. — Принимая во внимание работу ПВО противника, потребность увеличивается до двадцати четырёх ракет. Но нам дают только десять. Зато авиация готова работать в полном объёме, предоставляя нам до восьми вылетов фронтовых бомбардировщиков в сутки в течение первой недели операции. Каждый вылет — это четыре управляемые бомбы, товарищ генерал.

— Этого всего катастрофически мало, — произнёс начальник штаба. — Исходя из количества целей в полосе армии, перед нами стоит задача, невыполнимая предлагаемыми для её решения ресурсами.

Оператор развёл руками, мол, ничего поделат не можем.

— В чём у вас проблема по своевременным поставкам? — спросил Томск у тыловики.

— Автослужба не справляется, — ответил Пегас. — У нас тридцать процентов от штатного количества грузового транспорта. Водители работают на износ, было три случая засыпания за рулём...

— Не можете организовать бесперебойную работу и отдых? — спросил Томск. — Прикажете этим мне заняться, или Каскаду?

— Товарищ генерал, — Пегас подскочил. — Все тыловые подразделения работают на пределе своих сил, а где-то и за пределом! У нас физически не хватает исправных машин! К тому же вчера, как вы знаете, во время ракетного удара по центральному складу, мы потеряли четыре длинномера и семь «Уралов», это резко сократило наши логистические возможности и увеличило нагрузку на оставшийся транспорт и водителей.

— Какие-то другие варианты доставки грузов вы прорабатывали?

— Есть вариант, но...

— Докладывайте.

— Предлагаю привлечь гражданские транспортные организации. Своими большегрузными длинномерами они нам за сутки все требуемые грузы доставят.

— И кто банкует?

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

— Финслужба армии не это не пойдёт, — ответил Томск. — Я в этом почти уверен.

— А если, — Пегас указал пальцем в потолок. — Наш командующий предложит такой вариант Эльбрусу?

— А вот это мы попробуем, — кивнул Томск. — Идея зачётная, товарищ полковник. Подготовьте расчёты, которыми я смог бы сопроводить это предложение.

— Вот, товарищ генерал, держите, — Пегас тут же передал Томску несколько листов. — Я всё подготовил.

— Хорошо, — кивнул генерал.

***

Спустя полчаса, выслушав доклады различных служб объединения, Томск спустился в бомбоубежище, где располагался командный пункт армии. Сегодня командующий должен был утверждать окончательный план операции, но ни один предложенный вариант не позволял уверенно говорить об успехе. Препятствием тому было понимание невозможности разгромить противника при том объёме ресурсов, которые выделялись Четвёртой армии для проведения предстоящей операции.

Разложенная на большом столе карта, вернее будет сказать — боевой графический документ — отражала текущую обстановку в полосе армии, здесь же лежала «простынь» плановой таблицы взаимодействия, в которой уже были заполнены все ячейки — каждому подразделению было определено конкретное место в боевом порядке, назначены задачи, цели и рубежи, а также указаны сроки их выполнения и достижения. С точки зрения штабной культуры, всё было оформлено красиво, но не хватало главного — уверенности в том, что враг будет разбит. Потому что за цифрами, которыми оперировал штаб, скрывалась другая реальность. И эту другую реальность, в силу сложившихся «военных традиций», не принято было демонстрировать тем, кто сверху ставил задачи нижестоящим. Нижестоящие как-то сами должны были компенсировать разницу, возникающую между двумя мирами — в одном из которых жили начальники, а другой мир суровой действительностью окружал подчинённых.

Человек всегда стремится в глазах других людей выглядеть лучше, чем он есть на самом деле — такова человеческая природа, против которой сложно что-либо

предпринимать. Усложнение этой конструкции произошло, когда у человеческого сообщества появилось многоступенчатое иерархическое разделение на начальников и подчинённых, где лидер уже не имеет возможности лично судить о положении дел несколькими ступенями ниже. В такой конструкции высшее руководство вынуждено доверяться докладам нижестоящих руководителей, которые, естественно, согласно вышеупомянутой человеческой природе, заинтересованы в приукрашивании реальности, надеясь снискать от вышестоящих похвалу и преференции (а чаще — избавить себя от наказания), но уже не только в отношении себя лично, но и за весь возглавляемый им коллектив. Естественно, в такой конструкции будут скрываться недостатки и выпячиваться успехи, и горе тому руководителю, кто будет безоговорочно верить всему, что ему будут докладывать подчинённые.

Разрыв между докладами и реальностью усугубляется естественным желанием многих людей уклониться от конфликта с вышестоящим по причине разности взглядов на те, или иные события и явления, что выражается в стремлении следовать исключительно в русле мыслей вышестоящего руководителя, подгоняя свои доклады под то, что начальник хочет услышать от подчинённого. Подобное искажение действительности присутствует сплошь и рядом в любом человеческом коллективе, включая, конечно, и военные объединения. Отчего сплошь и рядом порождаются решения, фактически не соответствующие складывающейся обстановке — и тем более это печально в условиях войны, когда ошибки влекут увеличение числа потерь.

Можно бесконечно долго обсуждать, хорошо это, или плохо, но реальность говорит за то, что такое положение дел искоренить практически невозможно. Человек

слаб, и часто никакие коллективные (общественные или государственные) нужды не способны затмить его личные интересы. Опытные руководители это хорошо знают и понимают, и там, где они действительно хотят владеть реальной обстановкой, доклады подчинённых воспринимаются со скидкой вот на такую человеческую слабость...

Томску не пришлось идти на доклад к командующему — Каскад вдруг сам появился на рабочем месте начальника штаба за час до назначенного совещания.

— Показывай, что у тебя, — предложил он с порога, закрыв за собой дверь.

— Не получается, Сергей Николаевич, обеспечить решение по плану, который нам спустил Эльбрус, — Томск постучал карандашом по столу, — группировка ставит нам взаимоисключающие замыслы — с одной стороны требуется взять Сталегорск, Орловку и Степной, с другой стороны Эльбрус настаивает на том, чтобы мы как можно дольше связывали боем резервы противника, пока Седьмая армия будет брать Лихоманск и промышленный район. При взятии трёх городов, расчётно, мы потеряем до пятидесяти процентов личного состава своих боевых подразделений в первую неделю, затем, если противник сохранит взятые темпы нанесения по нам ударов, то мы, под прикрытием городской застройки, потеряем ещё двадцать процентов за три месяца — то есть, семьдесят процентов личного состава боевых подразделений мы утратим в течение трёх месяцев и одной недели и станем полностью небоеспособными. Если взять города сразу не получится, а я уверен, что не получится, продолжение боевых действий на открытой местности в полях и лесопосадках обернётся для нас потерей семидесяти процентов личного состава боевых подразделений в течение от трёх недель до месяца. В таком случае, если противник

подтянет свои стратегические резервы, то через месяц он уже сам сможет сдвинуть нас с достигнутых рубежей, и в течение недели отбросить нас до Ударника. И нам нечем будет остановить этот прорыв. Я уже молчу про нашу пользу для штурма Лихоманска. Мне кажется, что там, в группировке, не до конца понимают складывающуюся ситуацию и поэтому ставят нам невыполнимые задачи.

Начальник штаба не сказал в конце «я не знаю, что нам делать» только потому, что давно отучил себя говорить вещи, которые могли бы поставить его полководческий авторитет под сомнение. Но, чтобы это понять, Каскаду не нужны были слова.

— Нам нужно принять и представить командующему сразу два решения, — сказал Каскад. — Как это и обсуждалось на совещании в группировке. Согласно первому решению, мы берём города, согласно второму — сковываем силы противника. Первые два-три дня сражения покажут, каким решением руководствоваться в дальнейшем. Таким образом, Эльбрус будет знать, сколько времени есть у Седьмой армии, чтобы взять Лихоманск.

— У меня есть одно кардинально иное решение, — Томск сдвинул пальцами несколько листов с таблицами, — но, боюсь, Эльбрус нам его не согласует.

— Докладывай, — кивнул генерал-лейтенант.

— В общем, — Томск освободил на карте требуемый участок, — выполнив перестроение боевых порядков и отказавшись от штурма Степного, силами двух бригад, двух полков закрепления и взятого у дивизии мотострелкового полка, мы гарантированно сможем взять Сталегорск и поджать противника к Орловке, выстроив линию обороны по рубежу Шахта номер два — Шахта номер три — Кузнечное — Ябловка — ручей Овражный. Противник окажется в невыгодном для себя положении, будучи зажатым

в Орловке между рекой Дончанкой и ручьём Овражным, через которые идут только два моста, а заболоченность участка сильно осложнит противнику наведение понтонных переправ...

Каскад молча и неотрывно следил за карандашом начальника штаба, который бегал по карте вслед за объяснениями.

— Таким образом, мы решаем задачу взятия Сталегорска и заводов, а также, сохранив противнику плацдарм на нашей стороне Дончанки, вовлекаем его в игру на истощение резервов, как того от нас и требует Эльбрус, но только на более выгодных для нас позициях. — Торжествуя, Томск обвёл карандашом «поднятое» красным цветом название города и выдохнул: — Как-то так, товарищ генерал-лейтенант!

— Этот замысел мне нравится больше, — произнёс Каскад. — Два полка шестьдесят шестой дивизии мы оставляем в обороне двумя эшелонами, они вполне обеспечат удержание рубежей, на случай, если противник попытается организовать контрудар... а группировкой из двух бригад, мотострелкового полка и двух полков контроля территории мы, пожалуй, вполне решим задачу по овладению Сталегорском и его заводами. Там же в городе у них одна бригада?

— Так точно, — кивнул Томск. — Сто десятая механизированная бригада. Кроме того, на подступах к городу присутствуют батальоны сто двадцать седьмой бригады территориальной обороны, часть сил двадцать шестой артиллерийской бригады и подразделения беспилотной авиации.

— Значит, Диксон идёт, как и ранее задумывали, двумя маршрутами — через Сухой Дол и через Еремеево, правильно?

— Так точно, — кивнул Томск. — Диксон выходит в Сталегорск с юга, а Ветер решает свою прежнюю задачу с выходом на рубеж Кузнечное — Ябловка с целью предупреждения возможного удара по фланг двести второй бригады с северо-восточной стороны. Как только бригада Диксона заходит в город, мы усиливаем её четыреста четвёртым полком...

— Добро, — кивнул командарм. — В целом считаю этот план более реалистичным. Оформляйте замысел. Но... — генерал чуть прищурился, — предлагаю иметь на руках все три плана. На всякий случай.

— Есть, — ответил Томск. — Разрешите ещё вопрос. Кадровый.

— Слушаю, — Каскад выдвинул стул и сел на него.

— У меня, скажу прямо, нет сомнений в адекватности командира шестьдесят шестой дивизии. Нет сомнений в отношении командира семьдесят шестой бригады. Но Диксон...

— А что Диксон? — командарм слегка откинулся на стуле, но почувствовав, что тот может предательски сломаться, вернулся в прежнее положение.

— На мой субъективный взгляд, Диксон не дотягивает до уровня командира бригады. Обстановку он не знает, каждый раз ссылается на своего начальника штаба, технические вопросы он игнорирует...

— Ну, ты же понимаешь, что у меня нет полномочий снимать его с должности, тем более, перед началом наступления. Более того, у Эльбруса он на хорошем счету, так как Диксон — один из немногих, кто даже в самой критической обстановке, способен поднимать войска в атаку. А такие командиры, пусть бы даже они и не обладали великим умом, ценятся там, наверху, — Каскад на мгновение поднял взгляд к потолку, указывая, где ценятся такие,

как Диксон. — Тем более, что весь мой опыт говорит о том, что оперативное искусство, ставшее результатом творческого труда полководца, начинает проявляться только с уровня армии или фронта, вот, например, твоё предложение, меняющее ход сражения, но никак не на уровне батальона, полка или бригады — у них практически нет поля для манёвра, но есть обязанность выполнить всё то, что мы им прикажем. На их уровне всё решается не хитрым замыслом, а только количеством солдат, танков, снарядов, топлива, связью и радиоэлектронной борьбой. Если всё это есть, то при перевесе своих сил над силами противника — победа может быть достигнута. Если этого нет и противник сильнее тебя — говорить о победе бессмысленно. Но иметь это всё мало — нужно ещё уметь заставить людей идти в атаку, а это, как не крути, не может быть оперативным искусством. Это воля, сила, беспощадное отношение к личному составу, безразличие к их жизням, наконец, но только не оперативное искусство. У Диксона сейчас самая сильная в армии бригада! Укомплектованный танковый батальон, два укомплектованных мотострелковых батальона, два стрелковых батальона... у него танков больше, чем во всей шестьдесят шестой дивизии! У него в руках мощнейший таран! На него будет работать основная часть артиллерии армии... и командование должно быть уверенно, что всё это будет задействовано смело и решительно. А вот семьдесят шестая бригада мне покоя не даёт. Техникой практически не укомплектована! Ну что это — всего восемь танков, двенадцать БМП...

— Одиннадцать, — поправил Томск. — Сегодня одна машина сгорела при попытке вывезти раненого.

— Ну вот, — командарм раскрыл ладони, — Ветер, конечно, толковый командир с задатками полководца, и мы

в этом убедились в недавней с ним беседе, но будь ты хоть семи пядей во лбу, если у тебя нет танков, нет БМП, тогда о чём можно с тобой разговаривать? О разведке? Ну, хорошо, поговорили мы с ним о разведке, дальше то что? А дальше чугунная действительность, в которой Ветер в сравнении с Диксоном, не имеет никаких шансов на полный успех в предстоящей операции! Потому семьдесят шестой бригаде мы и поручили второстепенное направление.

— По моему мнению, если бы была такая возможность, командиром двести второй бригады я бы лучше его поставил, — сказал начальник штаба. — А вот Диксону я бы и батальон не доверил — есть в нём что-то такое... что не позволяет ему доверять.

— Да ладно, Дмитрий Павлович, так уж не расходишь, — командарм улыбнулся. — Ты же не хочешь сказать, что решение о его назначении неверное... может и моё назначение ты считаешь ошибочным?

Начало специальной военной операции полковник Иванцов, носивший позывной «Каскад», встретил в должности заместителя командира шестьдесят шестой дивизии и на этом посту в полный рост хлебнул февральские и мартовские сражения юго-восточнее Харькова. Так получилось, что прекрасный в мирное время командир дивизии генерал-майор Липатов после первого выстрела в настоящей войне изменился до неузнаваемости и проявив малодушие, самоустранился от исполнения своих обязанностей. Сергей Иванцов в сложной обстановке принял на себя командование дивизией, не позволив противнику разгромить мотострелковое соединение, временно утратившее твёрдое руководство.

Решительными мерами, удивляясь самому себе, Каскад восстановил управляемость над полками

и батальонами. Своими действиями, зачастую глубоко неверными в складывающейся тактической обстановке, полковник Иванцов стал ломать планы врага, навязывая ему свою волю, одновременно с этим вселяя в своих комбатов и командиров полков уверенность в своих силах. Около месяца дивизия действовала вне каких-то указаний со стороны вышестоящего командования, которое в это время тоже терпело сильные изменения и кадровые перестроения.

К середине весны дивизия очистила от противника значительную территорию и вышла к реке Дончанка, построив здесь непробиваемый оборонительный рубеж. Отсюда полковника Иванцова забрали в Четвёртую армию, в состав которой входила дивизия, доверив ему должность заместителя командующего по боевой подготовке и поручив ему вопрос восстановления боеспособности соединений, сильно поредевших в прошедших боях. После того, как прошла мобилизация, Сергей был направлен на академические курсы Генерального Штаба, по завершению которых он вернулся в армию, где после ранения командарма, был назначен временно исполняющим обязанности. Спустя полгода, отмечая его организаторские способности, вместе со званием генерал-майора он уже официально стал командармом, а спустя год, он уже получил следующее генеральское звание — за успешно проведённую оборонительную операцию. Путь от заместителя командира мотострелковой дивизии до командующего общевойсковым объединением Сергей прошёл за полтора года, тогда как в обычное, мирное время, этот путь мог занять десять и более лет, а с учётом большого количества претендентов, имеющих «волосатую» руку, и вообще, путь мог оказаться недостижимым. А вот критерии, предъявляемые к командарму в военное

время, оказались совсем другими... отчего желающих занять этот пост сильно поубавилось. Те же, кто остался, своими характерами были совсем не похожи на генералов «мирного времени».

Вопрос об ошибочности назначения, который Каскад адресовал своему заместителю, был совсем не праздный. Когда Иванцов скакал по карьерной лестнице, Томск всё это время находился на одной должности — начальника штаба армии, заняв её ещё за два года до начала войны.

Дмитрий Павлович был типичным представителем армейской интеллигенции, отличающейся хватким умом, бесконечной памятью, потрясающей работоспособностью и высокой штабной культурой. Никто и никогда не слышал от него нецензурных слов — Томск и без них умудрялся доносить свои мысли широкой военной аудитории. Каскаду импонировало то, что его начальник штаба умел держать в голове огромное количество информации, требующейся для оценки обстановки и принятия командирского решения. Иногда ему даже казалось, что своим вниманием Томск охватывает настолько много задач оперативного характера, что их число просто физически не могло бы уложиться в голове одного человека. Однако, Томск справлялся, и все решения, предлагаемые командарму, всегда были глубоко проработаны и исключительно точно обоснованы оперативными расчётами.

Так сложилось, что всегда и везде всё внимание уделяется командиру, тогда как титаническая интеллектуальная работа начальника штаба практически никогда не видна. Печаль ситуации заключается ещё и в том, что отлично подготовленное и проработанное решение воспринимается как само собой разумеющееся, не выпячивающее героизм его исполнителя, сравнивающая этот

труд с обыденной рутинной, не требующей награждения. Даже если в результате подготовленных штабом решений проведена блестящая войсковая операция, в которой общевойсковое объединение достигло выдающегося боевого успеха — добром вспомнят всех, кроме тех, кто это решение подготовил (и конечно, кто его исполнял на самом низовом уровне — том самом «пехотном Ваньке»). Но, если вдруг, в ходе сражения будет выявлена ошибка в расчётах, или сведения о замыслах противника не подтвердятся, или же будет нарушено взаимодействие между своими войсками — виноват будет не командир, а конечно же, начальник штаба.

И вот именно поэтому Томск, глубоко погружённый в напряжённую штабную работу, в глубине души, естественно, недолюбливал Каскада, за то, что все организаторские дела по подготовке объединения к бою и сражению, лежали на его плечах, тогда как Каскаду, как считал Томск, оставалось лишь утвердить решение, а потом всего лишь орать в эфир, подгоняя бригады и полки.

— Вы правы, Сергей Николаевич, я не могу подвергать сомнению решения кадровых органов в отношении своего непосредственного начальника, — ответил Томск. — Тем не менее, я полагаю, что Диксон нам ещё аукнется.

***

В целях контроля проработки штабами объединений порядка действий на период предстоящего наступления, командующий группировкой войск «Авангард» генерал-полковник Шаталов с несколькими офицерами своего штаба появился на командном пункте Четвёртой общевойсковой армии.

— Товарищ генерал-полковник, — Каскад заблаговременно был оповещён о приближении Эльбруса, и успел привести помещения командного пункта в относительный порядок. — Управление армии занимается подготовкой к мероприятиям согласно поступившей оперативной директиве. Командующий Четвёртой общевойсковой армией генерал-лейтенант Иванцов.

— Зажрались здесь? — Эльбрус обвёл помещение пункта свирепым взглядом. — Осталось только евроремонт сделать!

Стены бомбоубежища были обшиты фанерой, как это стало модно делать на подобных объектах. Каскад не знал, как реагировать, потому что «предъява» со стороны командующего группировкой, как ни крути, не соответствовала масштабу решаемых им задач, поэтому он сразу перешёл к делу:

— Разрешите доложить обстановку?

— У нас мало времени, — сказал Эльбрус. — Поэтому, говори только по делу.

— Прошу, — Каскад сделал шаг в сторону, предлагая командующему пройти вперед, ближе к подготовленной для доклада карте района предстоящих действий. — Согласно полученной оперативной директиве, штабом армии разработаны планы действий — наступательный и оборонительный, направленные на достижение поставленных задач...

Каскад взял деревянную указку и подойдя к карте, висевшей на стене, стал указывать рубежи, занимаемые войсками противника, разграничительные полосы вражеских соединений, предполагаемый их численный и боевой состав. Затем он коснулся положения своих войск, дал оценку боеготовности боевых соединений, после чего перешёл к изложению порядка действий в наступлении и обороне.

— Таким образом, товарищ генерал-полковник, решая задачи наступательного характера, армия исчерпает свой ресурс в течение четырёх недель при худшем прогнозе и в течение трёх месяцев при благоприятном стечении обстоятельств. За указанное время, расчётно, армия сможет разгромить до степени полной небоеспособности три бригады противника. Говорить об уверенном взятии городов Сталегорск, Орловка и Степной я не могу. Разрешите принять замечания?

Эльбрус некоторое время молчал, стоя перед картой практически не шелохнувшись. За ним стоящие сопровождающие начали переговариваться.

— Иванцов, начальник штаба, генерал Тарасов остались, остальным покинуть помещение! — не повернув головы, громко произнёс Эльбрус.

Когда практически все присутствующие, толкаясь, оставили генералов наедине, Шаталов стал буквально сверлить глазами Каскада.

— Иванцов! Я не для того рекомендовал тебя на должность командующего армией, не для того ходатайствовал за присвоение тебе генеральских званий, чтобы ты сейчас рассказывал мне сказки о своей «неуверенности» и потере армией боеспособности в течение четырёх недель! — Эльбрус практически не повышал голоса, но его слова в замкнутом помещении были сродни молниям громовержца. — Ты понимаешь, насколько важны действия твоей армии в рамках предстоящей операции?

— Так точно, товарищ генерал-полковник, — ответил Иванцов, — понимаю.

— Да ничего ты не понимаешь! — было видно, что Эльбрус едва сдерживается, чтобы не начать орать. — От исхода этой операции зависит успех всей кампании! Взятие Лихоманска определяет дальнейшие перспекти-

вы войны, а, следовательно, достижения всех военнополитических целей, поставленных Верховным! Ты понимаешь, что в предстоящей битве будет решаться, не побоюсь этого слова, судьба страны?

— Понимаю, товарищ генерал-полковник, — кивнул Каскад.

— А если понимаешь, — Эльбрус приблизился настолько близко к своему подчинённому, что Иванцов невольно постарался отодвинуться, чему мешала стена, на которой висела карта с обстановкой, — тогда не надо мне тут говорить про потерю боеспособности! Тебя обеспечили огромными ресурсами, предоставили снаряды, людей, топливо, а ты — «не уверен»!

— Товарищ генерал-полковник, — Каскад сжал кулаки, прежде, чем приступить к активной обороне, — я вам не с пустого места докладываю! Всё это обосновано расчётами, которые мы с начальником штаба перепроверили несколько раз! Я, как командующий объединением, обязан доложить вам о неготовности вверенных мне частей и соединений успешно решить задачи, определённые оперативной директивой.

— Он ещё и кулаки сжал! — возмущённо воскликнул Эльбрус.

— Да, товарищ генерал-полковник, мне дали танки, пушки, снаряды! — сказал Каскад. — Но они сейчас не определяют перевес в сражении!

— Неужели? — Эльбрус вскинул брови. — Вчера определяли, а сегодня уже нет?

На несколько секунд повисла напряжённая тишина.

— Обоснуйте ваше заявление, — вдруг вмешался генерал-лейтенант, прибывший вместе с командующим.

Эльбрус, услышав предложение коллеги, своим молчанием словно дал согласие. Каскад впервые в жизни

видел этого генерала, и уже собирался было поинтересоваться, с кем имеет дело, как Томск опередил его.

— Разрешите? — вмешался начальник штаба, и увидев кивок головы командующего группировкой, повернулся к незнакомому генералу: — Артур Викторович, — Томск, очевидно, был с ним знаком. — Сергей Николаевич имеет ввиду, что в силу быстрых изменений в тактике использования новых средств вооружённой борьбы, что мы наблюдаем на поле боя, в текущем моменте стало невозможно оперировать старыми уставными требованиями, регламентирующими организацию таких видов боя, как наступление или оборона. В современных условиях, один оператор ударных беспилотных летательных аппаратов способен за полчаса уничтожить танковую роту, оставаясь вне досягаемости огня танков. А в полосе армии, по данным разведки, мы имеем у противника два отряда ударных беспилотных систем. Они не позволят нам не то, что прорвать оборону, но даже провести сосредоточение сил перед атакой.

— Да, я понимаю, о чём вы говорите, кивнул генерал Тарасов. — Продолжайте.

— Стоп, — Шаталов поднял руку. — Дмитрий Павлович, ты хочешь сказать, что танки, которые мы дали вам в бригаду Диксона, не позволят решить поставленные задачи?

— Позволят, — кивнул Томск.

— Тогда в чём проблема?

— Позволят, — повторил начальник штаба армии и продолжил: — Если будут обеспечены надёжным радиоэлектронным прикрытием. А современные элементы радиоэлектронной борьбы в армии находятся в зачаточном состоянии, и то, во многом благодаря волонтерской помощи.

— Не вешайте мне лапшу на уши, товарищи офицеры! Вы же мне докладываете, что в соединениях армии средства РЭБ в наличии и исправны!

— Товарищ генерал-полковник, — осмелился Каскад. — Это — другое.

— Что значит «другое»?

— Другие частоты, другая мобильность, — доложил командарм, — фактически, сейчас мы должны прикрывать РЭБом каждый танк, каждую БМП, каждую машину, каждого человека.

— Когда Диксон в позапрошлом году брал Знаменку, ему никакое прикрытие не требовалось, — Эльбрус попытался привести пример минувших дней. — Под его руководством войска решили все поставленные задачи!

— Два года назад, товарищ генерал-полковник, противник не располагал таким количеством ударных дров, каким располагает сейчас, — заметил Томск. — Тем более, что все мы знаем, какой человеческой ценой Диксон взял Знаменку, — начальник штаба не удержался, чтобы не ввернуть наболевшее.

— Диксон отличный командир, — мгновенно вспыхнул Эльбрус. — Не имеет никакого значения, какой ценой он взял город! Главное, что он решил поставленную перед ним задачу! Поэтому, давайте прекратим эти упаднические разговоры об изменении тактики войны! Поверьте мне, офицеру с сорокалетним опытом, что в столь крупной наступательной операции все эти ваши новомодные штучки никакого значения иметь не будут! Вы представляете масштаб действий? И, если вы свои расчёты каким-то образом увязывали со всем тем, о чём мы сейчас говорили, грош вам цена как полководцам! — Шаталов ткнул пальцем в карту: — Что вы здесь видите? Города, реки, дороги, заводы, линии электропередач, правильно?

Правильно! А людей здесь, на карте видите? Нет, не видите. Так что, не надо мне тут про человеческую цену говорить! Главное — взять город, взять завод, взять рубеж! И сделать это нужно выделенными вам ресурсами! Да, каждый из вас будет мне рассказывать, что никаких ему ресурсов не хватит сделать то, или это. Конечно, не хватит, если вы, товарищи офицеры, не начнёте думать, как решить задачу ограниченными ресурсами! Как вы понимаете, страна сейчас, находясь под западными санкциями, пребывает в тяжелейшем экономическом положении. Производство вооружения и боеприпасов только-только перешло на военные рельсы. Снабжение войск начинает улучшаться. Может, оно будет гораздо лучше, чем сейчас, но это будет потом, а решать задачи нужно уже сегодня! Так что, подберите свои сопли, и начинайте думать, что и как нужно сделать, чтобы я был уверен за действия Четвёртой армии!

Когда командующий выдохся, Каскад, привлекая внимание, несколько раз стукнул указкой по карте.

— Товарищ генерал-полковник...

— Что ещё?

— Разрешите доложить ещё одно решение.

— Докладывай!

— Мы с начальником штаба, — Каскад кивнул в сторону напрягшегося Томска, — оценив обстановку, предлагаем выполнить следующее...

Для пущего эффекта командарм взял со стола карту, на которой было отражено предлагаемое решение и прикрепил её поверх карты с первоначальными вариантами действий. Боковым зрением Иванцов увидел, как оживился генерал, прибывший с Эльбрусом.

— Вместо широких наступательных действий в полосах двести второй, семьдесят шестой бригад и шестьдесят

шестой дивизии, предлагаю ограничиться борьбой за Сталегорск и промзону, одновременно с этим выстроив линию обороны на рубеже Шахта номер два — Кузнечное — Ябловка, — Каскад стал водить указкой по указанным рубежам.

Однако, Эльбрус даже не дал Каскаду договорить, оборвав его на полуслове:

— Ты мне что здесь предлагаешь? Частную армейскую операцию в отрыве от направления сосредоточения основных усилий?

— В рамках общего наступления, — ответил командарм.

— Четвёртая армия должна наступать по всем выделенным полосам! Мне твой Сталегорск безразличен! Ты мне должен сковать резервы противника! Ты должен убивать их об свои войска! Главная цель всей операции — это Лихоманск! Не будет Лихоманска — не будет ничего, даже если ты каким-то образом возьмёшь и Степной, и Орловку и промзону Сталегорска! Твоя задача, повторяю ещё раз, убить об себя все оперативные резервы противника! Не дать врагу использовать их на Лихоманском направлении! И не дать противнику возможности использовать район Орловка — Степной — Красново для удара во фланг Седьмой армии! Вот это вот, — Эльбрус ткнул пальцем в карту, — убрать и больше чтобы я это никогда не видел! Тебе всё понятно, командарм? Или ты хочешь поговорить об этом?

— Так точно, — кивнул Каскад. — Есть убрать.

— Что по вопросам тыла? — Эльбрус сменил тему.

— Есть отдельные недостатки, — признался Каскад. — При ударе по центральному складу, мы потеряли значительное количество транспортных машин, из-за чего в настоящее время не успеваем к назначенному сроку

осуществить доставку боеприпасов на оперативные склады. Оценочно, задержка составит до четырёх суток. Если есть возможность, товарищ генерал-полковник, помогите нам с логистикой.

— Что именно надо? — неожиданно Эльбрус решил проявить участие.

— Длинномеры, тралы и бензовозы.

— Я вас услышал, тем более, что не вы одни у меня такие.

Завершив работу в штабе армии, командующий с сопровождающими лицами убыл восвояси.

— Сергей Николаевич, — Томск подмигнул Каскаду, — не вешай голову.

— Как не вешать, — Каскад сидел за столом и пальцами крутил красно-синий карандаш. — Наш план полетел к чёрту.

— Ну, на то она и война, — сказал начальник штаба, — на ней никогда ничего не идёт по плану.

— Спасибо, что утешил, — кивнул Каскад. — Только мне от этого ничуть не легче. А кто такой, этот Тарасов?

— Мой однокашник по Академии, — ответил Томск. — Теперь он в ГэШа.

***

В наступивших сумерках автоматные очереди, прозвучавшие со стороны позиций второго взвода, никого в боевом охранении не встревожили. Мало ли, кто там во что, или в кого, стреляет. Война же кругом.

Ганс повертел в руках бесполезную радиостанцию, на которой аккумулятор сдох раньше времени, хотя Каштан уверял, что батарея новая и протянет трое суток. Отныне не было никакой возможности установить связь

с Каштаном, следовательно, в дальнейшем трудно было рассчитывать на какое-то взаимодействие, в том числе на оказание помощи.

В его голове не укладывалось, зачем Каштан организовал эвакуацию легкораненого Аватара, который вполне мог просидеть с группой до завершения смены. Ушедший Аватар уменьшил количество «штыков» в группе до четырёх, что теперь уже не позволяло полностью контролировать занимаемую позицию, и уж конечно, никакой речи не могло идти о наступлении на «Зею».

Одно радовало — пулемёт Аватара остался на позиции, и его огневые возможности вселяли в сознание Ганса надежду, что в случае атаки немцев со стороны «Зеи», ему удастся отбиться, ну, или, что было более вероятным, подороже продать свою жизнь.

— О чём задумался? — спросил подошедший Гоча.

— Достало всё, — ответил Ганс. — Тебе ставят изначально невыполнимые задачи, дают в подчинение откровенных мудаков, ни на что не способных, ничем тебя не обеспечивают. Вот скажи, как воевать? О чём они там, наверху, думают?

— Ганс, да забей. Ты будто первый день на войне, — усмехнулся Гоча. — Мы сдохнем скоро, и ты это знаешь, чего тогда лишний раз напрягаться, о чём-то размышлять? Всё равно мы никак не сможем изменить ход событий. Расслабься. Это судьба.

— Ты как бы прав, — вздохнул Ганс. — Но я не планирую пока погибать. Я буду бороться, насколько хватит сил.

— Ну, вот оставят тебя силы, и ты придёшь ровно к тому, о чём мы сейчас говорим — к безразличию.

— Мне безразлично, Гоча, но иногда становится невыносимо обидно, что кто-то там, сверху, я не знаю, может в штабе батальона, или бригады, сидит такой весь

красивый, чистый, помытый, сытый, и решает, жить тебе или умирать. Причём решает, даже не зная тебя лично. Ты для него — просто строчка в ШДК. Заполненная строчка, которая быстро может стать пустой. И что самое печальное, он ведь тоже является участником войны, а пройдёт время, и он будет своим внукам рассказывать, как водил полки в атаку, и эти полки умывались кровью, а он вот, такой везунчик, выжил.

— Кому суждено — будет рассказывать, — согласился Гоча. — А среди нас, штурмовиков, таких будет очень немного. О войне рассказывать будут в основном тыловые крысы, которые не нюхали передовой, которые не знают, что такое бой... но им это и не надо. Всё равно те, кто их будут слушать, этого тоже не знают, и будут готовы верить в любые сказки.

— Тихо, — предостерёг Ганс. — Слышишь?

Гоча замолчал. Где-то далеко в небе звучала «Баба-Яга».

— Летит, — кивнул Гоча.

— Нет, — Ганс покачал головой. — На «Зее» какие-то шорохи.

— Как ты слышишь? — удивился Гоча. — Я вообще ничего не разбираю.

С «Зеи» совершенно отчётливо раздался хруст ломаемой ветки.

— Вот, слышал?

— Слышал, — кивнул Гоча. — Идут.

— Иди, подними пацанов, — сказал Ганс. — А я пока посмотрю за ними.

Гоча уполз по ходу сообщения в глубину посадки.

Ганс ухватил за ручку пулемёт, стоящий в окопе, и выставил его в разрыв бруствера. Стараясь не шуметь, оттянул назад затворную раму и навалившись грудью

на край окопа, занял удобное для себя положение. Для контроля поводил стволом, проверяя, какой сектор он сможет перекрыть.

В этот момент рядом с ним в бруствер шлёпнула пуля. Ганс присел, лихорадочно соображая, что сейчас по нему работал снайпер, у которого был тепловизионный прицел, а оружие было оснащено прибором бесшумной и беспламенной стрельбы.

Ганс тихо взвыл от осознания беспомощности своего положения — пусть первый выстрел и не попал в него, один из следующих точно достигнет цели, при том, что стрелок останется для него невидимым.

— У них тепляк с банкой! — крикнул Ганс, пытаясь успеть предупредить своих товарищей, пока они не попали в прицел противника.

— Я слышал, — отозвался Гоча, который успел отползти метров на двадцать.

Ганс стащил пулемёт обратно в ячейку и пополз по ходу сообщения в сторону, благо, днём его смогли немного углубить единственной лопатой, случайно дожившей на позициях до этой ночи.

Сердце выскакивало из груди от физической нагрузки, а душа кричала и требовала сейчас встать и бежать — подальше от этого страшного места, где в любую минуту можно было поймать свою смертельную пулю, даже не зная, откуда она прилетит.

В какой-то момент Ганс остановился, и перевернувшись на спину, пытался отдышаться. Со стороны, куда уполз Гоча, слышалось движение.

— Стойте, пацаны, не ползите сюда, — сказал Ганс. — Занимайте позиции там, где находитесь.

Он рассудил так: тот, кто стрелял в него из бесшумного оружия, сейчас не мог увидеть, куда уползла «жертва»,

а если стрелок пойдёт вперёд вместе со штурмовиками, то обнаружить лежащего в окопе Ганса он сможет только в последний момент — когда шансы будут примерно равны.

Ганс весь обратился в слух — и он отчётливо слышал, как к нему приближаются люди. Они не разговаривали, шли молча, шли уверенно — и только ветки хрустели у них под ногами.

Зная тактику окопного боя, Ганс понимал, что часть людей будет идти по окопу, а часть вдоль него, с обеих сторон, не давая обороняющемуся высунуть голову. Он упёр приклад пулемёта в стенку окопа на повороте, установив его на сошку таким образом, чтобы можно было вести огонь вдоль хода сообщения, быстро достал из кармана верёвку, просунул её через спусковую скобу так, чтобы она охватывала спусковой крючок, привязал к рукоятке и протянул за поворот окопа — чтобы привести в действие пулемёт, достаточно было потянуть верёвку, и она бы прижала спусковой крючок, срывая затворную раму.

Удалившись на несколько метров за поворот, Ганс чуть высунулся, и на фоне ночного неба смог рассмотреть человека, находящегося в пяти метрах от него. Это означало и то, что другой человек мог уже находиться в окопе на линии огня.

— Держите, — произнёс Ганс и потянул за верёвку.

Однако, выстрела не произошло. Он дёрнул сильнее, и ночное небо озарилось короткой пулемётной очередью. Натяжение верёвки ослабло, и стрельба прекратилась.

— А-а-а, — совсем рядом раздался дикий крик.

«Попал» — подумал Ганс. Он тут же привстал, и едва ли не по-сомалийски, веером выпустил весь автоматный магазин прямо перед собой, где должен был находиться

вражеский штурмовик. Спустя пару секунд, одну за другой, Ганс бросил две гранаты на другую сторону от окопа, где, как он понимал, мог находиться третий.

Перезарядив автомат, он снова высунулся — совсем рядом на земле бился человек, пытающийся сбросить с себя бронежилет. Вероятно, противник был ранен — он выл и звал на помощь. Ганс пустил в него длинную очередь.

— Уходим! — крикнул кто-то в темноте.

— Бегите, твари! — в исступлении заорал Ганс. — Бегите!

Он шагнул за угол, двинулся по ходу сообщения — на мокром дне шевелился ещё один человек. Проконтролив его, остатки магазина Ганс выпустил во след бегущим.

— Ты чего тут орёшь? — сзади подошёл Гоча.

— Со страху, — ответил Ганс и улыбнулся: — Два — ноль!

Гоча метнул в сторону ушедшего противника гранату, и когда в ночи полыхнула вспышка разрыва, присел в окопе рядом с убитым.

В этот момент подтянулся Максуд.

— Ганс, да ты Рэмбо, — усмехнулся «кашник».

— Я старался, — Ганс пнул тело. — А они — нет.

***

— Пригласите, — Эльбрус кивнул своему порученцу. Подполковник приоткрыл дверь кабинета и, обращаясь в глубину приёмной, сказал:

— Вы можете пройти.

В помещение вошёл грузный мужчина представительного вида и представился:

— Дорошенко.

Командующий группировкой «Авангард» вышел из-за своего стола и поздоровался с гостем за руку.

— Присаживайтесь, — Эльбрус кивнул на стул. — Чай, кофе, коньяк?

— Пожалуй, кофе с коньяком, — согласился гость.

Командующий выразительно посмотрел на порученца и тот выскочил из кабинета.

— Чем могу? — генерал-полковник Шаталов вернулся за свой стол.

— Тут такое дело, Владимир Сергеевич. Я являюсь долевым собственником «Стальзавода», и мне стало известно, что в ближайшие дни вы планируете начать операцию по захвату... простите, по освобождению Сталегорска...

— Интересно, — нахмурился генерал. — Продолжайте.

— Я и ещё ряд человек инвестировали в предприятие огромные средства, взятые в европейских банках. Речь идёт о десятках миллионов евро.

— Допустим, — кивнул генерал, не выражая абсолютно никаких эмоций.

— Было закуплено новейшее оборудование, часть которого было введено в строй перед самым началом СВО...

— Неплохо, — сказал генерал.

— Я бы хотел попросить вас, — Дорошенко прекрасно осознавал, что собеседник его понимает полностью, но погоны на плечах генерала не позволяли гостю просто так взять и сказать то, что хотелось... а генерал не спешил озвучивать своё понимание. — Все мы помним, что осталось от «Азовстали»...

— Помним, — кивнул Шаталов. — Я там был. Жалкое зрелище.

— Мы, собственники «Стальзавода», готовы рассмотреть ваши предложения...

- Мои предложения? — спросил генерал.
- В ответ на нашу просьбу не стрелять по предприятию во время операции по освобождению Сталегорска.
- Очень интересно, — сказал Шаталов. — Очень. Дорошенко улыбнулся.
- Вижу, вы хорошо понимаете, о чём я говорю.
- Более чем, — ответил генерал. — Ко мне вы пришли, потому что посчитали, что сохранение завода дешевле решить с командующим группировки, чем с министром обороны?
- В том числе, — кивнул долевым собственник. — Тем более, что вы, Владимир Сергеевич, ситуацию на месте контролируете лучше, чем кто-то другой.
- А почему вы не обратились к командующему армии, которая будет брать Сталегорск? Это было бы ещё дешевле.
- Потому что он подчинён вам, — обосновал собеседник. — И сам ничего не решает.
- Ну, тоже верно, — кивнул генерал. — И каково же ваше предложение?
- Миллион евро и вы не стреляете по заводу.
- Смешно, — сказал Шаталов. — Ваше предложение не сможет сдержать порыв войск.
- Что запросите вы? — лицо собеседника не выражало никакой печали, словно он был готов услышать подобный ответ.
- А какие, помимо денег, у вас есть другие возможности?
- Что вы имеете ввиду?
- Допустим, как вы смотрите на помощь в организации вопросов логистики? Например, даёте мне сотню большегрузных длинномеров, автоцистерн, тралов? Оплачиваете им топливо, зарплату водителей, ремонт, погрузочно-разгрузочные работы?

— Так сразу я не отвечу, — Дорошенко явно был удивлён предложением генерала. — Но, я готов обсудить с акционерами ваше предложение.

— А чего тут обсуждать, — усмехнулся Эльбрус. — У меня уже сегодня в плановой таблице стоят десять планирующих бомб по вашему заводу, а ночью — ещё шесть «Искандеров», — генерал, конечно, блефовал, но для убедительности приподнял над столом кипу листов с какими-то таблицами. — Знаете, что такое «Искандер»? Одна ракета складывает девятиэтажку.

— Разумеется, я согласен, — Дорошенко поспешил с ответом. — С коллегами обсужу только детали.

— Замечательно, — улыбнулся Эльбрус. — Как вас зовут, я не расслышал, когда вы вошли...

— Станислав Антонович, — ответил гость, вспоминая, что представлялся он только фамилией.

— Так вот, Станислав Антонович, — генерал встал из-за стола. — Я понимаю, что на организацию этого процесса может уйти много времени, поэтому спешить особо не будем, помните, даже пословица такая есть — «поспешишь — людей насмешишь»?

— Да, есть такая пословица, — рассеянно улыбнулся Дорошенко.

— Ну вот, знаете, поэтому через два часа «дальнобойщики» должны стоять в готовности к загрузке... — он подошел к стене, на которой висела большая карта юго-востока Украины и стал называть населённые пункты, где следовало забирать грузы, — здесь, здесь, здесь и здесь.

— Ну, это нереально, — Дорошенко побледнел. — Слишком мало времени для того, чтобы всё организовать.

— Вполне реально, — ответил генерал, и глядя на входящего порученца с подносом, на котором стояли

чашки с кофе, дополнил: — если не кофейничать, а сразу приниматься за работу.

— Разрешите? — уточнил порученец.

— Уже не надо, — генерал подмигнул порученцу, и тот покинул кабинет вместе с кофе.

— Но... — гость поднялся.

— Или вариант с «Искандерами» вас больше устраивает? — генерал придал своему лицу больше суровости.

— Я вас понял, — кивнул гость.

— Действуйте, — сказал Эльбрус. — Мой порученец будет с вами на связи. Можете идти.

— Да, — Дорошенко попятился к выходу из кабинета.

Когда он вышел, Эльбрус снял трубку телефона закрытой связи:

— У тебя найдётся толковый оперативник на Сталегорском направлении? Есть тут у меня одна мысль, покрутить бы...

***

Поездка генерал-лейтенанта Тарасова в расположение штаба группировки «Авангард» носила не только инспекционный характер. Решение на предстоящую операцию на уровне группировки хоть и было более общим, не выражающим частности тактического звена, но, тем не менее, Генштаб должен был убедиться, что командование оперативного уровня досконально уяснило цели предстоящей операции и правильно распределило задачи подчинённым объединениям. Если же такой уверенности не возникало, Тарасову было предоставлено право своей властью подкорректировать Эльбруса и армейских начальников в нужную сторону.

Общий замысел действий исходил из военнополитических целей предстоящей кампании, озвученных руководством страны военному ведомству и предполагал в ходе стратегической наступательной операции овладеть ключевыми экономическими районами, утрата которых могла привести противника и его союзников к пониманию бессмысленности дальнейшего сопротивления. Из трёх возможных направлений, Таврического, Сталегорского и Лихоманского было выбрано последнее, которое определялось как наиболее перспективное, хотя в принципе, взятие любого из этих районов представлялось вполне достаточным результатом для грядущей кампании.

Оценка возможности проведения операции такого масштаба проводилась оперативным управлением в течение нескольких суток, в ходе которых грубо «подбивались» примерные возможности промышленности по обеспечению группировки войск вооружением, военной техникой, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продуктами питания, снаряжением и имуществом. Также оценивалась возможность набора в войска требуемого количества личного состава, сроков проведения с ним боевой подготовки. После объединения всех факторов, из которых складывалась общая картина, выяснялась перспектива разгрома сил противника, возможности которого, в то же время, оценивались на основе анализа разведывательных данных. Получив при грубом приближении положительную перспективу разгрома сил врага, Тарасов нацелил подчинённые ему штабные структуры на разработку общего замысла стратегической наступательной операции. Исходя из этого замысла, в котором операторами Генштаба было определено направление главного удара

и грубо рассчитаны требуемые ресурсы, штаб группировки и штабы армий разработали свои решения со своим уровнем детализации. В свою очередь эти решения послужили основой для выработки командирских решений на проведение наступательных действий штабами дивизий и бригад, которые ещё более детализировали планы предстоящей боевой работы. Штабы батальонов, самые нижестоящие в военной иерархии, разработали порядок своих действий, доведя детализацию до рот и отдельных взводов. Командиры рот обозначили задачи взводам и некоторым отделениям, а уже командиры взводов и отделений довели задачи до каждого конкретного военнослужащего.

Разработка стратегической операции заняла у Генштаба несколько недель, решение Эльбруса зрело больше недели, штаб Каскада под руководством Томска справился за пять дней, Ветер утвердил Мастеру операцию за три дня, Корсар с Сургутом отработали решение за сутки, Уралу на выработку решения на бой потребовалось три часа, Парижу на оценку и принятие решения потребовалось двадцать минут.

Никакое военное решение изначально не привязывается к текущему времени — и в этом есть особый смысл — чтобы в случае переноса сроков начала операции не пришлось переписывать все планы. Поэтому во всех военных планах время начала операции указывается как «время Ч» — оно соответствует нулевой точки отчёта. Всё последующее время обозначается как «плюс столько-то часов», или «минус столько-то». Минус означает время до «времени Ч», плюс — то, что будет после начала. Очень удобно, так как остаётся только довести всем исполнителям, какому истинному времени будет соответствовать «время Ч».

Генерал Тарасов сидел в самолёте, который вёз его в столицу. На столике перед ним была разложена карта района предстоящей операции, лежали листы с таблицами, отражающими наличие ресурсов, порядок действий, сроки готовности. Всё это ему, уже через несколько часов, предстояло доложить начальнику Генерального Штаба, а возможно, спустя ещё некоторое время, и самому Верховному.

Самолёт только взлетел, и лететь предстояло около двух часов. Тарасов почувствовал, как его неудержимо клонит ко сну. Он попытался вспомнить, когда спал последний раз — выходило, трое суток назад. Работа по организации предстоящего масштабного военного события отнимала всё имеющееся в распоряжении генерала время, не оставляя ему ни минуты на отдых, и ни секунды на личную жизнь.

Подошёл стюард.

— Артур Викторович, коньяк с лимоном.

— Спасибо, Олег, — генерал взял бокал и залпом выпил. — Разбудите меня за пять минут до посадки.

Тарасов откинулся в кресле и закрыл глаза.

— Артур Викторович, — стюард тронул генерала за плечо.

— Что ещё? Дайте мне поспать!

— Так, посадка уже, товарищ генерал! Вы просили разбудить за пять минут.

— Извините, — Тарасов удивился, как поразительно быстро пролетело время — организму явно не хватало этих часов, чтобы отдохнуть — кажется, только закрыл глаза, а уже минуло два часа. — Спасибо, — он кивнул стюарду и поднявшись с кресла, направился в санузел, чтобы привести себя в бодрое состояние.

Холодная вода привела его в чувство. Он вытер полотенцем лицо и вернулся в салон. Самолёт уже выравнивался над полосой — ещё мгновение, и он коснётся пнев-

матиками бетонной полосы. Генерал успел до момента посадки сесть в кресло.

Как только Тарасов оказался в служебной машине, встретившей его на аэродроме, по закрытой связи ему тут же позвонил референт начальника Генштаба, безапелляционно предложив немедленно прибыть на доклад.

Начальник Генштаба окинул взглядом прибывшего Тарасова:

— Ситуация изменилась, — сообщил генерал армии Петров. — Едем сразу на доклад к Самому... готов?

— Так точно, — ответил Тарасов.

— Ты мне одно скажи, что с подготовкой войск? Если Верховный скажет начать операцию прямо сейчас, успеваем завершить ввод пополнения первой очереди?

— Если прямо сейчас, то начать операцию есть кем, — кивнул Тарасов. — Остальных подготовим, если урежем сроки с трёх недель до двух, исключив групповую подготовку.

— Урезайте, — кивнул начальник Генерального Штаба. — Дайте указание армиям и корпусам организовать доподготовку поступающего пополнения уже в боевых подразделениях.

— Есть, — кивнул Тарасов.

Снова служебные машины, короткий переезд с мигалками по Москве, звёзды на башнях, проверка на въезде, переход по коридорам.

— Прошу снять верхнюю одежду, — генералам предложили услуги гардероба.

Двухминутное ожидание.

— Прошу проходить, — перед ними открыли двери.

Тарасов был здесь впервые, и оттого испытывал некоторое волнение. Увидев его состояние, Петров приободрил:

— Докладывать только по существу! Заходим!

Генерал армии вошёл в зал совещаний, где уже находились несколько человек, представлявших различные ведомства. Тарасов вошёл следом. Им указали места, и они разместились за длинным столом — Петров ближе к тому торцу, где находилось место Верховного Главнокомандующего, Тарасов — ближе к противоположному торцу стола.

Буквально через пару минут через отдельную дверь в кабинет стремительно вошёл Президент.

— Добрый день, — он махнул ладонью, мол, садитесь, товарищи и сам занял своё место. — Времени сегодня у нас мало. Вначале по утверждённой повестке рассмотрим военно-политическое положение вокруг Российской Федерации, выслушаем предложение Генерального Штаба, затем перейдём к острым вопросам экономики и финансов, посмотрим, что у нас с энергетикой, затем обсудим стратегию привлечения потенциальных союзников в БРИКС и форматы взаимодействия с ними, и завершим наше совещание вопросами импортозамещения, повышения производительности труда и социального обеспечения населения. Так, прошу начальника Генштаба перед членами Совбеза довести текущую военно-политическую обстановку. Василий Юрьевич, — Верховный глянул на Петрова. — Начинайте!

Генерал армии раскрыл папку и прокашлялся.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, товарищи члены Совета Безопасности, товарищи приглашённые, обстановка вокруг Российской Федерации остаётся крайне напряжённой. Страны Запада усиливают меры санкционного и военного давления, принуждая к тому же своих европейских и азиатских союзников. По нашим оценкам, командование НАТО финализирует планы по

созданию стратегических войсковых группировок, формально предназначенных для ввода на территорию западной Украины под видом «миротворческих миссий», в действительности — для войны с Россией. Подтверждены планы захвата западных территорий Белоруссии и размещения на территории стран Прибалтики и Скандинавии оперативно-тактических ракетных комплексов, подразделений беспилотных ударных систем и механизированных соединений. Также мы наблюдаем и другие признаки подготовки к войне НАТО с Россией. Отмечается увеличение военных бюджетов стран — членов Североатлантического альянса до трёх, а в перспективе и до пяти процентов, что в обозримом будущем позволит им перевести промышленность на военные рельсы и обеспечит кратное увеличение выпуска продукции военного назначения, — Петров на секунду прервался, чтобы сделать глоток воды. — Страны альянса продолжают наращивать военное присутствие у российских границ, а также разворачивают кампанию по блокированию российского судоходства. Так, в акваторию Балтийского моря, в рамках операции «Страж Балтики» вошла корабельная ударная группа НАТО в составе трёх ракетных эсминцев с комплексами дальнобойного управляемого оружия, развёрнуты группы морских безэкипажных ударных систем, что не только создаёт угрозы нанесения ракетных ударов по территории России, но и может гарантированно остановить движение нашего гражданского флота, и в первую очередь танкерного. Поступает информация о подготовке провокаций и диверсий в отношении российских судов, находящихся в нейтральных водах, — генерал армии обвёл взглядом присутствующих: — По данным разведки Катар, через Турцию, осуществляет финансирование подготовки переворота в Сирийской Арабской Республике,

что в ближней перспективе создаст угрозу находящимся в Сирии нашим воинским контингентам, а также остановит воздушное снабжение подразделений Африканского корпуса. Одновременно с этим обостряется ситуация в Мали, Ливии, Центральноафриканской республике, власти Судана встали на путь отказа от ранее достигнутых договорённостей по строительству пункта базирования наших военно-морских сил в Порт-Судане. Проявляется угроза полного блокирования сил Африканского корпуса, что при самом неблагоприятном развитии ситуации может привести к невозможности нашего дальнейшего присутствия в Африке и исполнения принятых на себя обязательств. Чем это чревато, думаю вам, коллеги, объяснять не надо. Что касается обстановки по ядерным силам, по нашей информации противник продолжает накапливать ядерные боеголовки на базах хранения в Европе. Так, в течение недели с континентальной части США на авиабазы «Бюхель» в Германии и «Кляйне Брогель» в Бельгии доставлено порядка двенадцати ядерных боеголовок для авиационных бомб Б-61, которые размещаются вместе с носителями таким образом, что заблаговременно отследить подготовку их к применению, практически невозможно. Проверяется сообщение о создании запасов ядерных бомб на американских авиабазах, расположенных на территории Южной Кореи. Командование НАТО запланировало проведение учений по применению ядерного оружия с неядерными странами Альянса. В Мировом океане, оценочно, на боевой службе находится шесть американских ракетных атомных подводных лодок стратегического назначения, что вдвое превышает усреднённое напряжение сил. Также на боевой службе находятся по одной ракетной подводной лодке Франции и Британии. Стратегическая авиация США продолжает

ротационное присутствие на базах Андерсен, Эйелсон, Файрфорд и Диега-Гарсия, имея на борту крылатые ракеты. В самих США выделены значительные средства на обновление запасов ядерных боеголовок, что создаёт для нас дополнительные угрозы. В этой связи Генштаб предлагает Совету Безопасности рассмотреть вопрос прекращения поставок в США ядерных материалов, — Петров снова остановился, чтобы сделать глоток воды и посмотреть на присутствующих, оценивая их реакцию на предложение, после чего продолжил доклад. — Противник наращивает спутниковую группировку средств разведки, связи и навигации, мы фиксируем неуклонный рост внимания космических разведывательных аппаратов к различным российским военным объектам. Подразделения кибернетической войны стран НАТО продолжают осуществлять атаки на критически важную инфраструктуру, включающую в себя системообразующие государственные компании, предприятия и организации промышленности, транспорта, энергетики, связи, экономики и финансов. За отчётный период зафиксировано более трёх тысяч таких атак. Также продолжают попытки командования НАТО, под видом действий ВСУ, наносить ограниченные удары по объектам военной и энергетической инфраструктуры на территории западных областей Российской Федерации с использованием ракет «АТАКМС», «Скальп» и «Шторм Шэдоу». Под их руководством вооружённые силы Украины наращивают производство беспилотных систем, увеличивая число массированных ударов по военным и гражданским объектам на территории России. Что касается ситуации в зоне проведения специальной военной операции, — генерал армии сделал паузу, чтобы заострить внимание присутствующих. — В настоящее время противник приближается к исчерпанию

людских ресурсов, в войсках значительно упал моральный дух, возможности военной промышленности в значительной мере сокращены, поставки оружия и боеприпасов из Европы и США приостановлены из-за перехода стран Запада к накоплению вооружения и боеприпасов для войны с Российской Федерацией. В наступившей на Украине оперативной паузе Генеральным штабом разработана стратегическая наступательная операция, целью которой является освобождение основного промышленного и горнорудного района, в результате чего мы получим контроль над ресурсами, крайне необходимыми нам в преддверии возможной войны с Западом, а также окончательно истощим вооружённые силы Украины, что вернёт к жизни обсуждение вопросов коллективной безопасности в Европе, поднятых Российской Федерацией в 2021 году. Полагаю, что Запад нас услышит, если в предстоящей военной кампании мы добьёмся стратегического разгрома ВСУ, чем под угрозой такого же разгрома предотвратим размещение на территории Украины западных военных контингентов. А нашему дипломатическому блоку только останется с достигнутых позиций добиться на переговорном треке выгодных для нас политических результатов, — Петров глянул на главу МИДа, сидящего напротив него.

— Полагаете, операция позволит предотвратить прямой военный конфликт с альянсом? — спросил Президент.

— Как минимум позволит сдвинуть конфликт вправо на полтора-два года, товарищ Верховный Главнокомандующий! — ответил генерал армии.

— Ну, что же... это интересно.

— Более подробно о предстоящей операции может доложить начальник оперативного управления генерал-лейтенант Тарасов.

Петров замолчал, глядя на участников заседания. Верховный положил ладони на стол, подался немного вперёд и посмотрел на Тарасова.

— Товарищ генерал-лейтенант, расскажите нам об операции.

Тарасов встал.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий... — начал он, но Президент его остановил.

— Можете присесть, — разрешил Верховный. — У нас на совете не принято докладывать стоя.

Тарасов поспешно сел, подвинул микрофон.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, товарищи члены Совета Безопасности! На основании принятого политического решения, Генеральным Штабом разработана стратегическая наступательная операция, имеющая целью разгром сил противника и освобождение Лихоманского промышленного района. В операции будут задействованы силы трёх группировок войск. На главном направлении будет действовать группировка «Авангард» в составе Четвёртой и Седьмой общевойсковых армий и Пятого армейского корпуса в качестве резерва. Южнее будут действовать войска группировки «Дон», севернее будет действовать часть сил группировки «Кубань». К настоящему времени в основном завершено сосредоточение сил и средств, назначенных для проведения наступательной операции. Всего будет задействовано до ста тысяч человек личного состава, в том числе тридцать тысяч из числа вновь прибывших в вооружённые силы и двадцать тысяч в резерве. Срок проведения операции до исчерпания ресурсов составляет, расчётно, до трёх месяцев. За это время привлекаемые войска, суммарно, смогут разгромить до двенадцати бригад противника, что для ВСУ означает критические потери, невозполнимые

в ближайшие полгода-год. Также будет взят под наш контроль важный экономический и промышленный район.

Тарасов замолчал, не представляя, следует ли детализировать свой доклад более подробно. Петров быстро заполнил паузу:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, товарищи члены Совбеза, если есть вопросы к докладчику, мы готовы совместно на них ответить.

— Как мы все понимаем, — начал говорить один из членов совета, — в настоящее время на фронте установилось некоторое затишье. Может быть, вместо предлагаемой эскалации, стоит сразу выйти с инициативой мирного урегулирования конфликта, начать переговоры, опираясь на ранее достигнутые Стамбульские соглашения?

Услышав это заявление, глава МИДа горько усмехнулся, закрыл ладонью глаза и что-то прошептал сам себе. Петров укоризненно взглянул на собеседника, который представлял финансовый блок и, конечно же, в первую очередь оценивал любую ситуацию с точки зрения ужесточения Западом экономических санкций.

— А что, Стамбульские соглашения уже выполняются? — спросил у него начальник Генерального Штаба.

— Нет, но...

— Тогда о чём можно с ними разговаривать?

— Василий Юрьевич, — вмешался Верховный. — Вы гарантируете успех операции?

— Гарантируем, — ответил начальник Генерального Штаба.

— Новая мобилизация вам не потребуется? — спросил другой член Совбеза.

— В настоящее время численность Вооружённых Сил соответствует существующим вызовам и угрозам, — ответил Петров. — Темпы набора добровольцев на службу

по контракту вполне закрывают расчётные потребности на ближайшую перспективу, в связи с чем, в рамках предстоящей кампании, я не вижу никакой необходимости проводить мобилизационные мероприятия.

— Полагаю, что принятая схема приёма граждан на военную службу, основанная на выплатах и снятии обвинений, в долгосрочной перспективе не является желательной, — заявил собеседник. — Рисуем ухудшением внутривнутриполитической ситуации.

— По внутривнутриполитической ситуации вы обратились не по адресу, — быстро ответил Петров. — Вопрос СВО мы решим в ближнесрочной перспективе. Если же внешнеполитическая обстановка внезапно ухудшится, мы можем вернуться к вопросу мобилизации населения, наряду с другими мерами оборонительного характера.

— Вопрос внутривнутриполитической обстановки находится под полным контролем, — заверил руководитель госбезопасности, сделав ударение на слове «внутри».

Верховный Главнокомандующий подвёл итог:

— Значит, нет никаких причин затягивать с началом мероприятия?

— Нет никаких, — подтвердил Петров.

— Начинайте операцию, Василий Юрьевич, — кивнул Президент. — О ходе наступления прошу докладывать мне в установленном порядке не реже двух раз в сутки. А теперь, товарищи, переходим к более важным вопросам государственного управления...

Тарасову дали понять, что ему на этом моменте следует покинуть зал заседаний. Ещё некоторое время в его голове гремели слова Президента «...переходим к более важным вопросам...», сильно резанувшие его сознание, привыкшее полагать, что война — это то, чему должно быть подчинено в государстве всё, если оно

хочет выжить, ведя таковую, но тут вдруг оказалось, что есть что-то более важное. Или может так случиться, что... то, что он сейчас делает — и не война вовсе?

Садясь в служебную машину, генерал подумал, что всю свою сознательную жизнь он оперировал только военными или около военными знаниями, позволяющими решать вопросы служебно-боевого характера, и только сейчас, услышав слова Президента, которыми тот открывал совещание, Тарасов представил всю необычайно огромную зависимость протекающих в стране процессов — экономических, политических, правовых, природных, технологических — которые с одной стороны, как он считал, давали армии силу, а с другой стороны требовали от армии защиты от внешнего разрушающего воздействия. И чем угроза была сильнее, тем больше сил должно было давать общество своим военным. Однако, особого напряжения в обществе он сейчас пока не чувствовал, да и сам ход совещания не говорил за то, что тема конфликта на Украине была в особом приоритете, а значит...

Он представил себе, насколько велик реальный масштаб государства — десятков миллионов судеб сотен этносов, необъятного географического пространства в миллионы квадратных километров, бесценных природных ресурсов, огромной финансово-экономической системы, всей энергетической, промышленной, транспортной, коммунальной инфраструктуры и необозримого внешнеполитического трека — на фоне чего вся эта суэта вокруг двух общевойсковых армий, вокруг людей, одетых в военную форму, половина из которых в течение трёх месяцев будет или убита, или ранена — на самом деле — всего лишь незначительная часть происходящих в стране событий.

И вдруг он со всей очевидностью осознал простую

истину: проводимая на Украине специальная военная операция в текущем моменте является для страны не более чем частной задачей, однако, цель которой как раз в том и состоит, чтобы не началась... настоящая война со всей огромной военной машиной Запада. За сохранение мира сейчас воюют и умирают люди в военной форме — мобилизованные, кадровые, добровольцы и бывшие заключённые, но сама страна живёт и радуется мирной жизни, в массе своей не осознавая, что может быть уже совсем скоро, если начнётся большая война, всё изменится. Большая война быстро поглотит и подчинит себе все сферы жизни страны... она будет, если военные не удушат её сейчас — на территории некогда братской Украины.

ГЛАВА 6

Отдав последние распоряжения, Каскад слегка откинулся в своём «командирском» кресле и вытянув ноги, прикрыл глаза. Приказ на начало операции пришёл четыре часа назад, и всё это время он приводил войска своей армии в состояние готовности к наступлению. Время «Ч» было назначено на пять часов утра, и сейчас огромная военная машина под названием «Четвёртая общевойсковая армия», уже выполняла мероприятия, отмеченные в плане со знаком минус, что означало их проведение до указанного времени.

Каскад прекрасно понимал, что на сон, в эти несколько предстоящих дней, у него не будет никакого времени. Наступление будет требовать напряжения всех сил, будет ставить перед ним неразрешимые задачи, которые, тем не менее, нужно будет решать. Нужно будет реагировать на действия противника и постоянно принимать не только контрмеры, но и действовать на опережение, лишая врага инициативы и заставляя его заниматься купированием возникающих угроз, забыв об активности. Цена ошибки принятых во всём этом процессе решений выражается в жизнях людей, которые доверены командующему для проведения операции, выражается в расходе ресурсов, большая часть которых сгинет в огне сражения без всякой пользы, выражается в утрате инициативы на поле боя, что в будущем может привести к собственному поражению.

И чтобы такого не произошло, устав требует от командиров всех рангов постоянной активности, даже если на это нет распоряжений свыше — враг должен постоянно ощущать на себе влияние, постоянно должен упираться в тупик в попытках разгадать наш замысел. Именно поэтому в военном деле существует правило, которое категорически не приемлемо ни в какой гражданской структуре — командиру дано

право принимать и добиваться исполнения даже ошибочных решений. Это неминуемо будет обрекать командира на осуждение со стороны подчинённых, вероятно, видящих другие варианты развития событий, и часто будет встречать следующие упрёки со стороны вышестоящих руководителей, но с этим нужно смириться, так как следствием принятия даже ошибочных решений на фоне отсутствия вообще каких-либо реакций, всегда будет гарантированный ущерб врагу.

Обоснование этого права следует из необходимости постоянной активности войск, влекущей навязывание противнику своей воли, разрушающей планы врага. Ведь понятно, что, если ты нерешительно стоишь на месте, бездействуешь, медлишь с применением имеющихся у тебя средств вооружённой борьбы, значит, ты предсказуем и твои действия противнику совершенно понятны, и враг непременно воспользуется этим и нанесёт по тебе сокрушительный удар, который приведёт тебя к поражению. И совершенно иначе выглядит тот полководец, который, даже не обладая полным пониманием обстановки, проявляет боевую активность, уже сам факт которой не позволяет противнику понимать, что задумал такой командир, а это, согласитесь, уже плюс в копилку победы. Даже если решение на такую активность будет ошибочным, при любом раскладе оно будет лучше, чем бездействие. А прояснив для себя обстановку, своё ошибочное решение можно корректировать, увязывая его с оформившимся замыслом.

— Товарищ командующий, — начальник разведки армии с позывным Прибой тронул Каскада за плечо. — Противник зашевелился. Мы фиксируем поднятие по тревоге всех частей в нашей полосе наступления.

— Мы так долго готовились к наступлению, что было бы удивительно, если бы враг об этом не знал, — Каскад открыл глаза.

По закрытому телефону он связался с командиром двести второй бригады.

— Доложите обстановку.

— Работаем по плану, товарищ командующий, — ответил Диксон. — Формируем штурмовые колонны.

— Что противник?

— Активности не наблюдаем.

— Принял... — Каскад отключился и посмотрел на начальника разведки: — Диксон «активности не наблюдает».

— Да он у себя под носом ничего не видит, — развёл руками Прибой.

— Близорукость носорога — это проблема окружающих, — усмехнулся Каскад, подумав о количестве танков в бригаде Диксона.

В этот момент на связь вышел командующий группировки «Авангард».

— Доложите обстановку!

— Товарищ командующий, соединения армии выходят на исходные рубежи. Разведка докладывает, что противник вскрыл подготовку к наступлению и поднимает свои войска по тревоге.

— Нашу подготовку только слепой бы не увидел, — сказал Эльбрус. — Действуйте, генерал. Жду от вас хороших новостей.

— Есть, — ответил Каскад.

***

— Товарищ полковник, — на пункте управления появился начальник связи, — со штабом третьего батальона пропала связь.

— Причина? — Ветер быстро развернулся на своём офисном стуле.

— Предположительно, противник ударил «истеричкой» по антенне.

Ветер взглянул на часы — до начала наступления оставалось два часа.

— Предложения?

— У нас ещё есть два комплекта. Беру один и еду в расположение третьего батальона!

— Сколько нужно времени на установку нового комплекта и возвращение обратно?

— Часа три, товарищ полковник, — ответил Волна.

— Кроме тебя кто-то умеет это делать?

— В третьем батальоне начальник связи толковый, думаю, справится!

— Отправляй комплект с офицером из батальона связи, а сам остаёшься со мной. Будешь нужен.

— Есть, — кивнул Волна.

— У тебя всё готово к переходу на «цифру»?

— Так точно, — ответил начальник связи.

— Смотри у меня, — пригрозил Ветер. — Не будет в бою связи — пойдёшь в пехоту командиром взвода, я не шучу.

По лицу подчинённого комбриг понял, что тот уверен за свою работу.

В этот момент по закрытой связи с ним связался Чингис.

— Товарищ полковник, информация особой важности от нашей группы радиоконтрразведки «Финист».

— Слушаю.

— Противник намерен нанести удар по вашему командному пункту. Немедленно уходите, у вас считанные минуты.

— Информация достоверная?

— Более чем, — подтвердил Чингис.

— Так, — положив трубку, Ветер встал со стула. — Начальник штаба!

— Я, — отозвался Мастер, сидевший за своим рабочим местом в паре метров от командира.

— Уходим на ЗКП! Быстро!

Управление бригады — дюжина офицеров, да примерно столько же бойцов — в течение нескольких минут погрузились на машины и понеслись в Знаменку, где в большом цокольном этаже одного из брошенных частных домов Волна уже подвёл все коммуникации, позволяющие управлять действиями подразделений.

Все машины были расставлены под навесами и замаскированы — инженерно-сапёрная рота потрудилась на славу.

Ветер спустился в подвал, где уже находилось несколько офицеров и начальник артиллерии, на которого Ветер, на случай своей гибели или ранения, загодя возложил обязанности возглавить бригаду в период предстоящего сражения.

— Товарищ полковник, пункт управления к работе готов, — доложил Тайфун.

Ветер снова глянул на часы — до времени «Ч» оставалось сорок минут.

— Волна, что со связью в третьем батальоне?

— Новый комплект установлен, идёт настройка, — доложил начальник связи.

— Хасан, ты готов? — Иванцов поискал глазами своего начальника разведки.

— Так точно, — сбоку ответил разведчик. — Пять секунд, товарищ полковник.

На одном из висящих на стене больших экранов появилось изображение, передаваемое с разведывательного БПЛА, парящего где-то в районе Кузнечного.

— Вот, товарищ командир, — Хасан лазерной указкой подсветил участок наблюдаемой застройки. — В этом доме сидит один расчёт, в этом — другой. Антенны, с целью маскировки своих позиций, они вывели на соседние дома.

— Артиллерия готова? — Ветер нашёл глазами начальника «богов войны».

— Так точно, — кивнул Тайфун. — Расчёт в готовности к открытию огня.

Ветер снова посмотрел на наручные часы, хотя на стене имелись настенные, которые показывали то же самое время. Видимо, сказывалось напряжение, заставляющее машинально выполнять привычные действия. Минутная стрелка подошла к отметке, с которой, по плану, следовал переход на боевой режим связи — посредством цифровых радиостанций, работающих в закодированном режиме.

— Начинаем, — сказал комбриг. — С Богом, мужики!

На часах было половина пятого. До рассвета было ещё далеко. Начальник артиллерии взял в руку цифровую радиостанцию.

— Третий стой, цель номер триста пять, навестись, зарядить, доложить о готовности.

— Заряжено, — доложили с позиции.

Хасан связался с операторами разведывательного беспилотника.

— Цель триста пять. Работаем.

— Цель триста пять захвачена. Работать готовы, — доложил расчёт дрона.

На большом экране продолжала плыть местность. На втором экране появилась картинка со второго разведывательного БПЛА, который вёл трансляцию под другим ракурсом.

Специальная аппаратура приняла управление процессом наведения. С огневой позиции, расположенной в одной из посадок неподалёку от Знаменки, был произведён выстрел корректируемым снарядом «Краснополь», который через минуту уже был на подлёте к Кузнечному. Приняв отражение лазерного луча, которым оператор БПЛА подсвечивал цель, снаряд, слегка изменив траекторию своего полёта, точно вошёл в окно одноэтажного дома.

На обоих экранах было видно, как взрывом подняло крышу здания, как упали в стороны стены.

— Третий стой, цель триста семь... — сразу проговорил начальник артиллерии, убедившись, что для наблюдаемой цели второй снаряд не нужен.

Через пару минут второй «Краснополь» похожим образом сложил второе здание.

— Третий стой... цель...

Поразив наиболее важные цели управляемыми снарядами, артиллерия бригады перешла на стрельбу обычными осколочно-фугасными снарядами по выявленным местам сосредоточенья артиллерии противника. По достоверно установленному месту нахождения сразу двух гаубиц М-777 полным пакетом отработал «Ураган». Ствольная артиллерия била по разведанным местам проживания вражеских военнослужащих в Кузнечном, Ябловке и Осиновке.

***

На командном пункте второго мотострелкового батальона утомительному ожиданию начала наступления пришёл конец — от командира бригады поступил сигнал к началу выдвижения. Корсар по закрытой связи передал

приказ командирам своих рот — Хабару, Молоту и Уралу, которого, к счастью, ещё не успели отправить под следствие, как предполагал комбат.

Бронегруппы, сосредоточенные в окрестностях Стратьевки, приняв пехоту, начали выдвижение. Вдоль «Невы» первым двигался танк с противоминным тралом, в котором находились только механик-водитель и командир танка, имевшие задачу разминировать путь для прорыва бронегруппы. Так как на этом танке орудие не работало, стрелять он мог только из спаренного пулемёта, для которого загрузили двойной боекомплект патронов. За ним двигался танк с «мангалом» — наваренными стальными листами, которые могли обеспечить ему некоторую защиту от дронов-камикадзе и под которыми находилось восемь человек из состава штурмовой группы. Следом шла БМП-2, которая везла ещё четверых штурмовиков.

Атаку предварил удар, нанесённый Репером по перекрёстку «Невы» и «Зеи», а также по ранее выявленным огневым позициям противника по «Зее» влево и вправо от перекрёстка. Удар, корректируемый с квадрокоптера, пришёлся ровно по намеченной цели, однако, отследить его результативность пока не представлялось возможным.

Пижон, в последний момент поставленный управлять боем на главном направлении, вместе с двумя операторами квадрокоптеров занял позицию на передовом взводном опорном пункте. Операторы работали «каруселью» — пока один дрон находился в воздухе, другой летел на замену батареи. Под рукой было с десятков запасных аккумуляторов, а в нише тарахтел бензогенератор, питающий зарядную станцию — чего вполне должно было хватить на самую важную часть наступления — первые несколько часов.

Радиоэлектронная обстановка пока позволяла спокойно работать, и в течение ночи операторам, с помощью сбросов гранат, удалось в намеченном районе уничтожить семь противотанковых мин, перекрывавших грунтовую дорогу, идущую вдоль лесополосы «Нева». Это, предположительно, был основной противотанковый рубеж, пройдя который, техника бронегруппы могла чувствовать себя свободнее.

Закончив с разминированием, операторы стали летать к «Зее», где противник, после первых ударов миномётными минами, занял позиции и уже ждал атаку.

— Сильвер, чего стоим? — Пижон вышел по связи на командира штурмовой группы, который в этот момент сидел на броне ревущего танка, под стальными листами, образующими корпус «мангала».

Впереди Сильвер видел ползущий танк, своими гусеницами отбрасывающий в стороны комья мокрой земли. Рядом с ним сидел штурмовик, сосредоточенно через щели в стальных листах всматривающийся в мелькающую слева лесопосадку. Выхлопные газы мощного танкового дизеля скапливались под обшивкой, заставляя находившихся там людей искать возможность, чтобы глотнуть свежего воздуха. Больше всего страдали те, кто сидел за башней.

— Движемся, — ответил Сильвер. — Прошли «Двойку»...

Так как связь на уровне взвод-рота оставалась открытой, нешифрованной, «Двойкой» было обусловлено называть лесополосу «Десна», «Пятёркой» была названа «Зея», «Девяткой» решили называть «Двину», которую и предстояло захватить группе Сильвера, если к этому сложатся обстоятельства. Естественно, стойкость такого «шифра» была не долгой, противнику стоило всего лишь

сопоставить эфир с картинкой, но всё же, какое-то запутывание противника имело место быть.

— Давай, не останавливайся! Рви вперёд! — крикнул в рацию Пижон.

Он выбрался из окопа и встал в полный рост, чтобы попытаться рассмотреть то, что происходило в нескольких километрах впереди. Взводный опорный пункт, обустроенный на лесополосе «Дон», находился в низине, «Десна» шла по небольшой возвышенности, за которой в низине была «Зея», и далее снова шла небольшая возвышенность, по которой проходила лесополоса «Двина». Бронегруппа перевалила первую возвышенность, и увидеть её Пижон уже не мог, но и усидеть на месте он тоже не мог — деятельная натура не находила себе покоя.

— Урал, ответь Пижону!

— На связи, — ответил командир роты. — Докладывай!

— Прошли «Двойку».

— Принял!

***

— Сообщение от Сугроба, — начальник разведки развернулся к командиру бригады.

— Читай, — кивнул Ветер.

— Противник везёт к «Двине» противотанковый расчёт. Передано указание встретить расчёт в точке с координатами... ожидаемое время встречи — пять часов тридцать минут. Работа радиостанций групп ударных дронов в сети не фиксируется!

Ветер глянул в планшет — переданным координатам соответствовал Т-образный перекрёсток дорог, где сходились дороги с Ябловки, Берёзового и Осиновки.

— Тайфун, принимай координаты! — предложил комбриг. — Открыто расположенная живая сила. Пять осколочно-фугасных. Огонь открыть в пять часов тридцать минут!

— Принял, — ответил начальник артиллерии, начиная работу по определению порядка выполнения огневой задачи.

— Товарищ командир, — Хасан улыбался. — Мы их всё же накрыли, раз они в эфир не выходят!

— Бой покажет, — хмуро ответил Ветер, хотя в душе он тоже радовался удачному началу операции, когда с помощью двух корректируемых снарядов удалось поразить места размещения групп вражеских операторов ударных дронов. Прямо в тёпленьких кроватках.

Спустя несколько минут Хасан доложил, что противник, практически повсеместно, стал включать станции радиоэлектронной борьбы, прикрывая свои позиции от ударов БПЛА, и нарушая работу разведывательных «крыльев».

— Корсар, — Ветер по связи вышел на командира батальона. — Где доклады о продвижении?

— Идём по плану, — ответил комбат. — Хабар вышел на «Оку», Урал прошёл «Десну», Молот вышел на назначенный рубеж! Небо чистое. Земля молчит.

Комбриг глянул в планшет, затем на таблицу взаимодействия, толкнул начальника артиллерии:

— Тайфун, плановая цель триста два, укрытая пехота, работаем!

Начальник артиллерии заглянул в свой планшет, где он видел онлайн-карту, переместил взгляд на смартфон, в котором была открыта «АртГруппа» — программа, позволяющая выполнять расчёты для стрельбы различными видами артиллерийских систем, различными видами боеприпасов — схватился за рацию:

— Третий стой, цель триста два...

Спустя несколько минут по опорному пункту противника, расположенному в совхозе Берёзовый, был нанесён удар двумя пакетами «Града», после чего две «Акации» стали накидывать по опорнику, каждая по одному снаряду в три минуты, создавая в стане врага неразбериху.

Удар по перекрёстку, запланированный на пять тридцать утра, потребовал привлечения двух гаубиц, однако, визуально подтвердить его результативность не представилось возможным — из-за сильных радиоэлектронных помех, поставленных противником, в район удара не удалось прорваться никому — ни коптерам, ни «крыльям». Зато результат подтвердила радиоразведка — буквально через несколько минут после завершения артиллерией огневой задачи, Сугроб передал, что в радиосети противника прошёл доклад о ранении двух номеров расчётов противотанковых ракетных комплексов — прямо на указанном перекрёстке.

***

В семь часов утра по командному пункту семьдесят шестой бригады был нанесён удар четырьмя ракетами «Хаймерс», которые, пробив крышу ангара, разворотили палатки, стоявшие внутри, уничтожив находящееся там имущество и вызвав пожар. Спустя двадцать минут туда же прилетели два «Хаймерса» с кассетными боевыми частями, смысл удара которыми заключался в уничтожении людей, которые бы к этому времени начали спасательные работы на месте разрушения.

После доклада о поражении пункта управления, Ветер почувствовал, как его спина покрылась холодной испариной. Если бы не сообщение от специалистов

группы радиоконтрразведки «Финист», копошащихся в телефонах и компьютерах противника, командование бригады в настоящий момент было бы уже уничтожено, а сама бригада лишилась бы управления, превратившись из структурированного организма в неуправляемую массу нескольких тысяч человек, одетых в военную форму.

Ветер посмотрел на своего начальника штаба:

— А ты ещё уезжать оттуда не хотел.

— Кто же знал, — Мастер пожал плечами.

— Я знал, — ответил командир бригады. — Я верил!

— Хорошая интуиция у вас, товарищ полковник, — сказал Мастер.

— Интуиция и горизонтальные связи, — усмехнулся командир и по специальной связи вышел на командующего армией: — Товарищ генерал-лейтенант, докладываю: противник нанёс ракетный удар по командному пункту бригады. Командный пункт полностью уничтожен.

— А ты сам где? — не понял Каскад.

— Товарищ командующий, я перед началом наступления перешёл на запасной пункт управления. Противник ударил по пустому месту. Потерь нет. Управление бригадой не нарушено.

— Принял, — ответил Каскад.

Командующий не стал доводить командиру бригады информацию о том, что только что расчёт зенитного ракетно-пушечного комплекса «Панцирь», буквально уже над командным пунктом армии сбил восемь «Хаймеров», обломки которых осыпались по окрестностям. Выходило, что если устойчивость пункта управления бригады достигалась маневренностью и скрытностью, то командование армии прикрывалось активной обороной.

***

Под катковым тралом впереди идущего танка вдруг полыхнул взрыв, поднимающий массу земли. Едва земля осыпалась, Сильвер увидел, как из лесополосы, вдоль которой они двигались, по танку-тральщику ударил гранатомёт. Выстрел был произведён практически в упор, отчего граната, не успевшая встать на боевой взвод, срикошетила от башни и улетела куда-то в поле.

— Вон он! — заорал Сильвер и стал одиночными стрелять по месту, где мог находиться гранатомётчик.

Идущая за ними БМП, механик-водитель которой старался удерживать машину в протраленной колее, остановилась и разразилась выстрелами автоматической пушки. Наводчик-оператор целил туда же, куда прилетали трассера Сильвера, как и было договорено перед боем.

В кустах стали рваться снаряды автоматической пушки. Танк, на котором ехал Сильвер, помочь ничем не мог — его орудие было зажато листами железа и имело узкий сектор обстрела, не позволяя вести огонь влево-вперёд, а выходить из колеи механик-водитель «Мангала» не собирался. На впереди идущем танке орудие было неисправно, и поэтому наводчик имел возможность работать только пулемётом — но, зато, его ПКТ не стихал, бил длинными очередями.

— Пижон, Пижон, я Сильвер, — командир группы схватил рацию. — Первый утюг подорвался, продолжает движение. Противник ведёт огонь из РПГ.

— На месте не стоять! — ответил командир взвода. — Только вперёд!

— Да мы идём, Пижон, идём, — крикнул Сильвер.

Впереди замаячила «Зея», фронтом стоящая к направлению движения. Оттуда стал бить пулемёт, который легко пробивал стальные листы «Мангала». Тем, кто сидел сейчас за башней, прикрываясь массивом брони, было немного комфортнее, несмотря на то, что они едва ли не задыхались от выхлопных газов. Сильвер стал бить трассерами по «Зее», и шедшая следом БМП сразу подхватила его целеуказание. Ко всему прочему наконец-то ожил и сам «Мангал», так как танк-тральщик ему сейчас не мешал, а цель находилась в секторе стрельбы.

Сильвер услышал, как взвизгнули привода башни, и она провернулась на несколько градусов, увидел, как опускается ствол пушки.

— Сейчас будет выстрел! — крикнул он своим бойцам.

Впереди полыхнуло, жуткий грохот вызвал звон в ушах, за башней выскочила гильза-поддон, ударив кого-то из штурмовиков. В лесополосе полыхнул разрыв осколочно-фугасного снаряда, мгновенно заткнувший пулемётную стрелкотню.

Через минуту танк-тральщик въехал в лесополку, ломая редкие деревья, сохранившиеся после многочисленных артиллерийских и миномётных обстрелов. За ним в образовавшийся пролом заполз «Мангал», из которого посыпался десант — шесть человек, которые должны были провести зачистку «Зеи» и закрепиться здесь до подхода основных сил роты.

Проводив глазами спешившихся штурмовиков, Сильвер взял в руки рацию:

— Пижон, я Сильвер, работаю на «пятёрочку», работаю на «пятёрочку»!

— Сильвер, принял, работаешь на «пятёрочку»! Давай дальше, не стой!

— Работаю дальше!

Высадившиеся штурмовики в основном были из вновь прибывшего пополнения, и это был их первый бой. С ними был Сват, уже ходивший ранее на «Зею» и считавшийся опытным — на фронте он провёл уже две недели. Сват сразу бросился в ход сообщения, уходящий по лесополосе вправо, двое бойцов двинулись через кусты, прикрывая его сверху. Таким же способом вторая тройка пошла влево.

«Мангал» переехал «Зею», БМП тоже. Бронегруппа вышла на финишную прямую — решать свою основную боевую задачу, которая выражалась во взятии перекрёстка лесополос «Нева», вдоль которой они сейчас шли, и «Двины», откуда можно было перекрыть движение через перекрёсток, соединяющий Березовый, Ябловку и Осиновку.

***

— Что там происходит? — спросил Якут, указывая в сторону «Невы».

Гоча тоже прекрасно слышал рёв двигателей танков и БМП, перемежающийся со стрельбой и взрывами.

— Война...

— Наши что, в наступление пошли? — бывший зек начал строить предположения.

— Иди, разбуди Ганса, — предложил Гоча.

Якут, не ответив, удалился в темноту. Гоча обернулся, словно в этот момент враг должен был уже броситься на него со стороны «Зеи», но оттуда никаких звуков не доносилось — после того, как Ганс и Максуд несколько часов назад отбили атаку, противник никаких действий больше не предпринимал.

— Ганс, — Якут тронул товарища за плечо. — Прогниись...

— А? — Ганс подскочил. — Чтo? Немцы?

— А ты не слышишь?

— Чего?

Со стороны отчётливо раздавались звуки боя.

— Чтo этo? — спросил Ганс.

— Кажется, наши в атаку пошли.

Ганс высунулсЯ из блиндажа и прислушалсЯ.

— Серьёзными силами пошли, — произнёс он. — Танки, бэхи...

— Нас не предупредили, — посетовал Максуд. — А могли бы.

— Как? — спросил Ганс. — Рация отвалилась... как связь со взводом держать?

И вдруг он понял — как.

Выбравшись из хода сообщения, он повесил на плечо автомат и сверху посмотрел на Якута.

— Так, смотри... я пошёл за рацией. Оставайтесь здесь, никуда не уходите. Если немцы попрут — стойте насмерть. Если побежите — они в поле вас быстро всех сложат, а в обороне, в окопе, ещё есть шанс продержаться. Я вернусь часа через два, может, раньше. Сразу не стреляйте, если шаги услышите.

— Ты на опорник?

— Нет, рация ближе есть, — ответил Ганс и направилсЯ по кустам к дороге.

Выйдя на грунтовку, идущую вдоль «Амура», он ускoрил шаг, хоть и накопившаяся усталость одoлевала его, но желание согретьсЯ было выше — дремать пришлось в борьбе с морозом, к чему, впрочем, он уже почти привык.

Пока Ганс шёл по дороге, за спиной забрезжили утренние сумерки и темнота стала отступать, открывая

окружающую картину. Где-то не так далеко гремел бой, вспышки разрывов мелькали одна за другой, морозец забирался под мокрую одежду, а под ногами время от времени хрустел лёд — ночью случились ранние заморозки.

Вскоре перед собой Ганс увидел силуэты двух сгоревших БМП и тут же чуть поскользнулся на противотанковой мине.

— Ах ты ж...

Ганс, конечно, знал, что мина, рассчитанная на вес танка, практически безопасна, если на неё наступает человек, но противник порой снабжал мины дополнительными датчиками типа «джоник», которые могли срабатывать, если обнаруживали приближение человека по изменению магнитного поля.

Стараясь в стремлении выжить ступать аккуратнее, Ганс обошёл корпуса сгоревших БМП, ощущая острый запах горелого — резины, пластика, масла и мяса. Что-то искать в самих машинах смысла не было, огонь уничтожил всё.

Рация Бизона лежала метрах в пятнадцати от машин. Она была включена на приём, уровень заряда приближался к нулю. Ганс очистил её от грязи.

В этот момент со стороны передовых позиций опорного пункта взвода послышался звук работы двигателя, заставивший Ганс стремительно метнуться к лесополосе. Свалившись на землю в какое-то углубление, он надавил кнопку передачи:

— Каштан, я Ганс, ответь!

Каштан не отвечал. Ганс повторил вызов.

— Ганс, я Пижон! Доложи обстановку!

— Отбили атаку, держим рубеж.

— Принимай коробочку.

— Оpozнание!

— Да никакого, — ответил Пижон. — На месте решайте.

— Пижон, они же нас перебьют!

— На месте решайте! — повторил Пижон и добавил: — Поздравляю, Ганс! Теперь ты — командир второго взвода! Всё это Пижон сказал в открытый эфир.

— А Каштан?

— Каштан — двести. Принимай карандашей.

— Кто на броне? С кем связаться? — спросил Ганс, но в этот момент рация выдала прощальный писк и погасла.

Судя по звуку, к нему приближался бронированный тягач МТ-ЛБ. Ганс приподнялся, чтобы рассмотреть его получше — на броне сидело несколько человек. Выждав, когда машина прошла мимо, сильно опасаясь попасть под пули своих, Ганс вышел из лесополосы на дорогу и стал махать автоматом.

— Стой!

Сидящие на броне люди его увидели, и слава Богу, опознали как своего. Через несколько метров тягач остановился. Ганс прибавил шаг.

— Кто старший? — спросил он, подойдя к машине.

С брони прыгнул один из бойцов.

— А ты кто?

— Я — Ганс, командир второго взвода!

— Я Марс, — представился боец. — Командир отделения. Пижон предупредил, что на «Десне» сидит группа.

— Есть что пожрать и попить? — спросил Ганс.

Марс молча вытащил из разгрузки шоколадный батончик. Ганс мгновенно вскрыл его и проглотил, не прожёвывая.

— Дай рацию! — сказал он, оказавшись на броне. — Надо доложить Пижону.

— Держи, — Марс протянул ему «Баофенг».

— Пижон, я Ганс, на связь!
— На связи, — ответил Пижон.
— Карандашей встретил, в командование вступил, — доложил Ганс.

— Ганс, я Урал, — раздалось из рации. — Ответь! — командир роты хорошо слышал все переговоры взводов.

— На связи, — ответил Ганс.

— Задача прежняя — взять «Зею», закрепиться, держать оборону. Цели для арты принимаю я, как понял?

— Я понял, Урал, — ответил Ганс.

Вскоре впереди показался перекрёсток лесополос «Амур», вдоль которой шёл тягач с бойцами и «Десна», где сидели остатки боевого дозора.

— Тормозни, — предложил Ганс, и когда рёв двигателя притих, крикнул, сложив ладони рупором: — Гоча!

Среди жиденьких остатков растительности показался боец.

— Свои! — крикнул Ганс.

Тот в ответ помахал автоматом. Со стороны «Зеи» раздалось несколько очередей и пули просвистели над головой.

На броне приехало семь человек, которые привезли автоматический гранатомёт и несколько реактивных штурмовых гранат. АГС сразу установили на позицию и буквально через пару минут смогли накинуть по «Зее», убедительно доказав, что расклад сил изменился.

— Сейчас идём в атаку, — сказал Ганс Марсу и ещё двум бойцам, выглядевшим заинтересованными в исходе штурма. — Смотреть в воздух, у них тут птички-истерички летают, сразу огонь по ним! В посадке у них три-четыре человека, есть пулемёт. Балет! — Ганс посмотрел на механика-водителя, — идёшь на второй скорости. Доходишь до посадки, разворачиваешь и сразу назад — до опорного пункта. Ты мне больше не будешь нужен!

— Понял, — кивнул Балет.
— Обратно едешь строго по старой колее! — предупредил Ганс. — Ну что, погнались, мужики!

Расчёт автоматического гранатомёта накрыл край «Зеи».

МТ-ЛБ, разбрасывая грязь, пересекла «Десну» и вышла в поле, за тягачом, стараясь ступать по следу от широких гусениц, цепочкой вытянулись бойцы штурмовой группы.

— Давно на фронте? — спросил Ганс, толкнув Марса.
— Неделью, — ответил боец.
— В бою был?
— Первый бой.
— У тебя все такие?
— Ага...

— Группа, внимание! — Ганс повысил голос. — Как только доходим до лесополки, все, кто справа, начинают штурм вправо, команду я. Все, кто слева, идут влево. Командует, — Ганс указал рукой на идущего рядом с ним своего друга, — Гоча! Проходим сто метров и закрепляемся! Остальные задачи поставлю позже! — видя состояние бойцов, Ганс добавил: — Мужики, не бойтесь! Раз вы здесь, то хуже уже не будет!

Со стороны «Зеи» раздалась очередь, но Гоча, слегка высунувшись из-за борта бронированного тягача, дал очередь в ответ.

Спустя пару минут штурмовики вошли в посадку, и расстреливая всё на своём пути, стали расширять «освобождаемую территорию». Тягач ушёл домой.

***

— Товарищ полковник, «Зея» на всех трёх направлениях атаки взята, идёт закрепление, — Корсар говорил сдержанно, боясь сглазить намечающийся успех.

— Принял, — ответил Ветер. — Аккуратнее там, противник, по нашим данным, пришёл в чувство и начинает выдвижение резервов.

— Учтём, товарищ полковник, — ответил Корсар.

— Обеспечьте противотанковую оборону правого фланга! Корсар! Это сейчас в приоритете у тебя!

— Работаем, товарищ полковник!

— Сколько у тебя там карандашей на правом фланге?

— Одиннадцать.

— ПТРК?

— Пока только «морковки», «корнетчики» будут там через час.

— Я тебе даю ещё один танк, обеспечить ему работу на правом фланге роты Урала с исходной позицией на хуторе. Конец связи.

Корсар глянул в планшет, где он отмечал обстановку — танк на правом фланге «Зеи» совершенно не помещает — можно будет уверенно контролировать мост через ручей Овражный.

Только что штурмовая группа, наступающая по «Неве», столкнулась с серьёзным сопротивлением — противник, используя противотанковые гранатомёты, смог поразить танк-тральщик, убив командира танка. Полного уничтожения танка не произошло из-за отсутствия в танке боекомплекта, а начавшийся на борту пожар, механик-водитель, превозмогая сильнейшую контузию, смог потушить ручным огнетушителем.

Видя, что механик-водитель подбитого танка уже не может вести машину, и никакие угрозы не могут заставить его вернуться в танк, Сильвер сам сел за рычаги и протралил путь до «Двины», несмотря на ещё два подрыва и пару гранатомётных выстрелов. «Мангал» в это

время расстрелял несколько огневых точек, обеспечив дальнейший успех действий штурмовиков, доехавших до «Двины» на БМП.

После захвата позиций на «Двине», бронегруппа по своим же следам на максимальной скорости двинулась обратно, сопровождаемая прилётами из всего, что только могло сейчас стрелять со стороны противника. Позиция напротив перекрёстка дорог была захвачена.

Оценив обстановку, вторым заходом бронегруппы Урал высадил на «Зею» закрепление, а штурмовиков Сва-та перебросили на «Десну».

На втором заходе Сильвер поймал под трал ещё одну мину, и когда вернулся на исходный рубеж на хуторе Гнилой, он не мог даже говорить. Из носа и ушей у него текла кровь, а руки дрожали так, что фастексы бронези-лета оказались ему неподвластны.

Взвод Парижа, наступая по «Оке», успешно преодолел «Зею», однако, сосредоточенным огнём опорного пункта «Берёзовый», который был обустроен противником возле МТФ одноимённого совхоза, был остановлен. Дальнейшее наступление забуксовало.

— Кусок, — орал в рацию командир взвода. — Я тебя для чего от расстрела спас? Чтобы ты мне сейчас рассказывал какие-то небылицы? Нет непреодолимых рубежей! Давай, действуй! Только вперед!

Кусок лежал вместе с остальным отделением в посадке, простреливаемой пулемётным огнём со стороны «Двины» и миномётным — со стороны Берёзового. Казалось, не было никаких сил, чтобы заставить себя встать. Он чувствовал, что ещё немного, и животный ужас полностью отключит сознание, заставит разум покориться страху и панике, и тогда всё, неминуемая гибель.

Нужно было что-то делать, и делать немедленно, пока миномётчики не нащупали, в каком месте лесополосы залегла штурмовая группа.

Кусок обернулся и тут же встретился взглядом с молодым мальчишкой, только вчера прибывшим во взвод — доброволец, вчера ещё бравирующий своим крутым видом, стильной бородой и крутым «мультикамом», сейчас лежал в холодной луже, проломив тонкий лёд и страся от страха.

— Ты, — крикнул Кусок. — Как там тебя?

— Вася, — ответил модный мальчишка.

— Позывной?

— Не помню, — надрывно дыша, сказал Вася — от переживаемого потрясения он уже был не способен на адекватное восприятие действительности.

— Встал! — крикнул Кусок, интуитивно понимая, что только уверенность в голосе и чётко выраженные простые команды, способны будут преодолеть у «первоходов» нарастающий страх, — в атаку!

Тот начал подниматься на четвереньки, рядом зашевелились другие бойцы. Сам Кусок, борясь с собой, заставил себя подняться, слыша визги пролетающих мимо пуль.

— Группа! Вперёд бегом марш! — заорал Кусок.

Услышав свист падающей мины, он только огромным усилием воли заставил себя не броситься на землю. Где-то в глубине души даже мелькнула мысль «если убьёт, значит, судьба».

— В атаку, — он сделал несколько шагов и со всей силы пнул ногой в бок лежащего в луже бойца. — Если не поднимешься, я тебя прямо здесь расстреляю!

Для убедительности Кусок сделал пару выстрелов в грязь, рядом с головой солдата. Тот стал подниматься.

Только угроза более очевидной смерти сейчас гнала людей в бой, где риск погибнуть, конечно, был очень большой, но и можно было выжить. Здесь же Кусок не оставлял шансов на жизнь, и угрозы его было более чем реальны — перед атакой Париж разрешил ему использовать все доступные меры принуждения подчинённых к исполнению приказов, вплоть до расстрела на месте, и исчерпав остальные доступные варианты, командир группы уже приготовился к показательному наказанию отказника.

Однако, парень всё же нашёл в себе силы встать и отрешённо побрёл вперёд. За ним стали подниматься и другие. Спустя минуту, Кусок организовал огонь всей группы по огневой точке на «Двине», которая мешала продвижению, и вскоре пулемёт замолчал.

— Идём, не стоим! — подгонял он своих бойцов. — Покажите то, чему вас учили!

***

— Товарищ полковник, — одной рукой Корсар двигал изображение на планшете, другой держал цифровую радиостанцию. — Под наш контроль взяты по «Зее» квадраты один, два, восемь, девять, десять, семнадцать и восемнадцать. Промежутки зачистим в течение часа-двух, как только завезём закрепление. На «Двине» под нашим контролем квадраты один, два, восемь, девять, десять, идёт продвижение на северо-восток. Противник начал оказывать сопротивление эфпиви-дронами, постоянно идёт миномётный обстрел, прошу подавить цели... — Корсар стал перечислять районы, где «мавикисты» вскрыли месторасположение миномётов.

— Корсар, ты можешь работать ударными дронами? — спросил Ветер, передав координаты начальнику артиллерии.

— Сильные помехи, товарищ полковник! — ответил комбат. — Операторы долетают в район, и картинка пропадает. Поэтому и прошу удар артиллерии.

— Я тебя принял, сейчас решим вопрос, — ответил комбриг и повернулся к начальнику разведки: — Хасан! Запроси у Сугроба координаты станций РЭБ, которые закрывают частоты для ударных дронов!

— Сделаем! — отозвался комбриг и привлёк внимание начальника артиллерии: — Тайфун! Есть работа!

Начарт в это время работал по выявленным целям и был полностью погружен в процесс. Услышав оклик комбрига, Тайфун на миг оторвался от планшета:

— Я!

— Расчёты «Кубов» и «Ланцетов» готовы?

— Расчёты готовы, но «Кубы» лететь пока не могут, товарищ полковник! — ответил Тайфун и тут же отвернулся к планшету.

— Почему? — спросил комбриг.

— Спуфинг, — коротко ответил начарт, и тут же пояснил, — Противник давит навигацию, нужно подавить РЭБ. Без этого мы просто потеряем их без всякого результата!

— Хасан, — комбриг повернулся к начальнику разведки, — уточни у Сугроба места расположения станций РЭБ, которые наводят спуфинг!

— Есть, принял, — ответил Хасан, на миг оторвавшись от планшета, где он переписывался с Сугробом.

— Товарищ полковник, — Тайфун закончил расчёт по целям, переданным Корсаром. — Готов ударить «Гиацинтами» по запросу Корсара. Прошу уточнить расход.

— По пять на цель, — не задумываясь ответил Ветер — он представлял себе количество снарядов, выделенных на первый день операции, но так как день только начинался, следовало быть экономнее — никто не мог

сказать, насколько обстановка может обостриться в любой момент.

— Есть, — отозвался начарт и схватив радиостанцию, стал диктовать данные для стрельбы.

— Товарищ полковник, — позвал Хасан. — Сугроб даёт координаты станций РЭБ, которые давят дроны.

— Сколько их?

— Перед нами — четыре, ещё четыре в полосе Диксона и три в полосе Минска.

— Тайфун! — комбриг повернулся к начальнику артиллерии, — принимай координаты «наших» станций.

— Есть, — Тайфун на миг оторвался от радиостанции и планшета, чтобы взять карандаш и подвинуть поближе блокнот. — Записываю...

— Чем ударим? — спросил Ветер.

— Предлагаю кассетными «Ураганами» по три ракеты на цель, — мгновенно отозвался Тайфун. — Машина заряжена.

— Добро, — кивнул командир. — Исполнить немедленно, о готовности к стрельбе доложить.

— Командир, — Хасан снова привлёк к себе внимание, — Сугроб даёт координаты станции РЭБ, наводящей спуфинг!

— Одна?

— Так точно, координаты...

— Начарт, записывай!

— «Ураган» готов, — доложил Тайфун, одновременно с этим готовясь принять новые координаты.

— Работайте, — кивнул Ветер и связался с Корсаром: — Сейчас ударим кассетами по станциям РЭБ, наблюдайте разрывы!

— Есть, принял! — доложил комбат и добавил: — Наблюдаем движение танка и двух «Мардеров» от Ябловки в сторону перекрёстка.

- Время подхода к перекрёстку?
  - Пять малых.
  - Где твои «корнетчики»?
  - На подходе.
  - Держаться, Корсар! Посадку ты им отдать не можешь! Ты меня понял?
  - Понял, товарищ полковник, — отозвался комбат.
- Корсар по связи вышел на Урала, который со своего командно-наблюдательного пункта на хуторе Гнилой управлял боем трёх взводов:
- Урал, что с утюгами?
  - «Мангал» с карандашами поехал на «девятку», трал стоит в укрытии.
  - А немцы?
  - Сват докладывает, что наблюдает танк и две «бэхи», идут на перекрёсток.
  - «Корнетчики» где?
  - Должны были на «мангале» поехать.
  - Должны? Ты что, старлей, обстановкой не владеешь?
  - Товарищ майор, у меня нет с ними связи, потому что у них нет рации!
  - Спроси у танкистов, кого они везут!
  - Пять секунд, товарищ майор, — ответил Урал и схватив «Баофенг» вышел на Пижона: — Пижон, ты карандашей с большими трубами отправил на «девятку»?
  - Отправил, — ответил Пижон. — Три малых уехали как.
  - Точно?
  - Точнее некуда, я сам их сажил в «сарай»!
- Урал вернулся к «закрытой» связи:
- Товарищ майор, «корнетчики» убыли на «девятку».
  - Когда они там будут? — спросил Корсар.
  - Через пять малых.

- Принял.
- Корсар связался с командиром бригады:
- Товарищ полковник, «корнетчики» будут на «девятке» через пять малых.
- Они пешком идут?
- На «мангале» едут.
- Принял, — ответил Ветер и связался с командиром танкового батальона: — Катран, какие снаряды у тебя в «мангале»?
- В каком, товарищ полковник?
- Во втором батальоне.
- Восемь подкалиберных... — начал перечислять комбат, но Ветер остановил его.
- Катран, связь с танком!
- Он на связи!
- Задача: подняться на «девятку» и огнём пушки уничтожить на дороге танк и два «Мардера».
- Принял.
- Работайте!
- Комбриг повернулся к начальнику артиллерии:
- Тайфун!
- Ракеты ушли, товарищ полковник, заявленные цели накрыты, «орланисты» подтвердили поражение.
- Хасан, — Ветер глянул на начальника разведки. — Что Сугроб? Есть подтверждение?
- Жду, — ответил Хасан.
- Тайфун, миномёты убил?
- Одна цель поражена, товарищ полковник, — доложил начарт. — «Орланисты» наблюдали прямое попадание в окоп с миномётом. Работаем по второй цели.
- Ветер связался с комбатом:
- Корсар, один миномёт тебе убили, второй на подходе, имей ввиду.

— Принял!

— Товарищ полковник, — ожил Хасан. — Сугроб передаёт, что они фиксируют прекращение работы трёх станций РЭБ. В работе осталась одна, два километра восточнее Ябловки.

— Отлично, — повеселел Ветер. — «Кубы», «Ланцеты» — в работу!

— Есть! — отозвался Тайфун.

Ветер связался с Корсаром:

— Корсар, поднимай свои птички, РЭБ мы противнику практически весь потушили.

В таком напряженном режиме, когда, казалось бы, всё внимание должно быть сосредоточено на решении одной задачи, но жизнь заставляет одномоментно решать сразу их множество, требуя не ослаблять качество работы, где упущение мельчайшей детали может привести к серьёзным осложнениям на поле боя, работают офицеры пунктов управления — выдавая решения на те, или иные действия, на применение сил и средств, своей волей заставляя сотни и тысячи исполнителей идти к единой цели.

Разумеется, это не продолжается на всём протяжении войны, а только лишь в напряжённые моменты сражений, но именно ради этих часов, а зачастую и нескольких суток, проявляется полководческая сущность офицеров, единственная задача которых — так организовать процесс деятельности подчинённых им людей, направить их стремления по единому замыслу, к единой цели, в условиях, когда противник всеми доступными способами будет противодействовать, будет срывать планы, даже самые блестящие и выверенные планы, в которых, как часто кажется, учтено всё до мельчайших подробностей, но... к сожалению, жизнь всегда доказывает,

что события развиваются не по сценарию, и хорош только тот командир, который находит в себе способность быстро принимать новые решения, корректируя действия войск в целях достижения поставленных задач.

***

Сват, принявший командование штурмовиками после контузии Сильвера, с замиранием сердца наблюдал, как в простирающейся перед ним низине, по дороге, от видимого вдали населённого пункта, неслись танк и две боевые машины пехоты. Так как дорога просматривалась вдоль, оценить скорость движения было сложно, но визуальное увеличение силуэтов вражеской техники и сдуваемая вправо пыль от гусениц, убеждали в высокой скорости движения.

Сват знал, что собой представляет в бою танк, и не испытывал никакого желания встретиться с ним вплотную, однако, ничего не говорило за то, что вражеская бронегруппа будет остановлена.

В голове крутилась мысль, что его, практически безоружного (имеющийся в группе гранатомёт он не рассматривал как серьёзное противотанковое средство) буквально «бросили под танки», закрывая им «просчёты командования», которое, на его взгляд, не организовало здесь противотанковую оборону. Противник приближался, заставляя холодеть сердце и выбивая дрожь в руках. Может быть, полагал Сват, командование как-то предусмотрело поражение танков противника перед линией обороны взвода, но сейчас ничто не говорило за то, что будет именно так — по всему он понимал, что единственный, кто может сейчас остановить танк, был он, штурмовик с позывным «Сват», который совсем

недавно ещё работал трактористом в фермерском хозяйстве в глухой деревне под Оренбургом. Как же нужно было так извернуться судьбе, чтобы здесь и сейчас поставить его против танка... и совсем не понарошку.

Почему-то Сват вспомнил старый советский фильм «Аты-баты, шли солдаты», тот момент, где герой Леонида Быкова встал с гранатами против танка — и ценой своей жизни тот танк остановил.

Сват достал из портплекда выстрел, деловито вставил его в ствол гранатомёта, взвёл курок. Перебравшись к краю посадки, где ему не мешали бы ветки, Сват лёг удобнее, занимая более устойчивое положение.

Посадка находилась на возвышенности, и нависала над параллельно ей идущей дорогой метров на шесть, будучи разделённой склоном, имевшим ширину метров пятьдесят — пройти которые танку не составит никакого труда. Придорожный кювет, конечно, не станет для танка препятствием, но на какое-то время задержит его... вот это время Сват и решил использовать для точного выстрела.

Танк уже был в прицеле, неумолимо увеличиваясь. Конечно, танкисты увидят, откуда в них полетит граната, и немедленноотреагируют — нужно будет после выстрела сразу откатиться в сторону и перебежать в небольшой окопчик, вырытый здесь противником. Ещё несколько секунд и танк врага войдёт в зону поражения и тогда...

Сзади Сват услышал рёв двигателя, и обернувшись, увидел, как огромный «мангал» забирается в посадку, буквально, метрах в двадцати левее его позиции. Как только «мангал» остановился, вражеский танк выстрелил, и снаряд ударил по броне, пробив тонкий стальной лист, необходимый лишь для защиты от дронов. Из-под листа полыхнуло пламя, срывая эту импровизированную защиту, разбрасывая рваные куски по сторонам.

Сват вжался в землю, оглушенный ударной волной. «Конец», — подумал он.

Однако, спустя несколько секунд, орудие «мангала» чуть опустилось и тут же разразилось выстрелом, повторно оглушившим Свата настолько, что он полностью утратил способность слышать, ощущая лишь гул в ушах.

Впереди он увидел яркий разрыв — прямо на вражеском танке. опережая образовавшийся от взрыва дым и поднятое облако дорожной пыли, танк продолжил движение, демонстрируя стойкость своей брони.

Оба «Мардера» открыли огонь из автоматических пушек, и частые взрывы покрыли «мангал», окутывая его дымом. Взревав двигателем, танк-«мангал», качнувшись, стал сдавать назад, ломая остатки деревьев.

В этот момент по вражескому танку неожиданно ударил дрон-камикадзе, оснащённый кумулятивной гранатой. Удар пришёлся в верхнюю часть башни, прикрытой защитным экраном, после чего танк сильно сбавил скорость и стал забира́ть вправо, пока не съехал с дороги метрах в пятистах от перекрёстка.

«Мангал» остановился и спустя несколько секунд произвёл ещё один выстрел из пушки. Свату даже показалось, что он увидел снаряд в полёте — который вошёл в борт остановившегося вражеского танка. Вспышка была совсем небольшой, не как при первом попадании, однако, спустя мгновение, вдруг распахнулись башенные люки и из них забило яркое пламя, спустя секунду перешедшее в мощный взрыв, сорвавший башню. Судьба экипажа была вполне очевидна, и над позицией штурмовиков, многие из которых наблюдали за развитием событий, разнёсся победный клич.

«Мардеры» обошли горящий танк, прошли ещё сотню метров и остановились, снова открыв огонь по «ман-

галу», однако, их автоматические пушки никакой угрозы для лобовой брони танка не представляли, и экипаж «мангала» даже не пытался укрыться от их огня, хладнокровно прицеливаясь.

Следующий выстрел пришёлся по одному из «Мардеров» в момент, когда он высаживал свой десант.

Сват тщательно прицелился, даже выбрав снос, глазомерно определив его по скорости движения поднимаемой взрывами пыли, и выстрелил. Наблюдая, как по траектории граната приближается ко второму «Мардеру», Сват за долю секунды уже понял — попаданию быть!

Поражённая гранатой боевая машина съехала в поле. Пехота в это время, понимая безрассудность попыток достичь лесопосадки по чистому полю, беспорядочно стала уходить в сторону Ябловки.

— Взяли вы нас? — заорал в исступлении Сват. — Взяли?

По пехоте отработали одну улитку из автоматического гранатомёта и дальнейшую стрельбу прекратили, так как противник попрятался среди неубранного подсолнуха — не было видно, куда стрелять, а просто так тратить боезапас никто не хотел.

Вдруг Сват понял, почему, глядя на приближающийся танк, перед его глазами всплыл образ, сыгранный Леонидом Быковым — героя фильма называли Сватом — в напряжённый момент боя Сват не смог срастить эту взаимосвязь, о которой никогда раньше не думал.

***

Выдвижение двух штурмовых отрядов двести второй мотострелковой бригады началось точно в назначенное время — в пять часов утра. К этому моменту из

танкового и двух мотострелковых батальонов в тылу были сформированы две колонны, каждая из которых включала по пять танков Т-90М и пятнадцать боевых машин пехоты БМП-3, кроме которых в состав колонн были введены по десять пушечных бронетранспортёров БТР-82 и бронированных тягачей МТ-ЛБ, вооружённых автоматическими гранатомётами. Вся эта мощь минут за двадцать до начала движения стала заводиться и прогреваться.

Первыми, как положено, шли танки с катковыми минными трапами, прикрытые решётками от дронов-камикадзе.

— Давайте, — благословил батальоны командир бригады. — Заработайте мне, наконец, звезду Героя!

Диксон сидел на командном пункте, оборудованном в подвале заводского помещения на окраине Троицка и наблюдал за происходящим посредством трансляции картинки с разведывательного «Орлана» на большой экран. Вокруг него находились офицеры штаба бригады, готовые к действию.

Первая колонна двинулась по шоссейной дороге, соединяющей Троицк с Еремеево и далее простирающейся до Сталегорска. Артиллерия бригады, в этот момент, действуя тремя гаубичными батареями, нанесла мощнейший удар по взводному опорному пункту, прикрывающему проезд к Еремеево, обрушив на головы противника несколько сотен снарядов. Такой массированный огневой налёт предвещал первоначальный успех, так как выжить в этом море огня казалось просто невозможно — Диксон был уверен, что проблем со взводным опорным пунктом у колонны не возникнет.

— Товарищ полковник, — к комбригу обратился начальник артиллерии с позывным Запал, — пропала связь с командиром гаубичного дивизиона!

— Что значит «пропала связь»? — Диксон находился в приподнятом настроении от более чем успешного начала наступления, и это настроение менять не собирался.

— Я вызываю, а он не отвечает! — пояснил Запал.

— Позвони ему на мобильный, майор! Сам не можешь догадаться?

— Звонил, абонент не в сети!

— Звони командирам батарей! Неужели тебя всему надо учить?

— Товарищ полковник, никто не на связи, — ответил Запал, горя желанием напомнить командиру бригады, как тот всеми силами запрещал использование сотовых телефонов в служебной деятельности.

— Майор, решай эту проблему сам, не отвлекай меня от важных дел!

Начальник артиллерии встал, чтобы выйти.

— Ты куда собрался? — спросил Диксон. — Я тебя никуда не отпускал! Кто будет управлять артиллерией?

— Я поеду на позиции, — сказал Запал.

— Здесь сиди, — приказал комбриг.

Диксон протянул руку, вынул из подставки тангенту — радиостанция входила в радиосеть бригады и обеспечивала связь командования с подчинёнными частями. Накануне Диксон организовывал радиотренировку, чтобы удостовериться в работоспособности радиосети, и вчера никаких нареканий у него не было, однако, попытки связаться с Сибирью, командиром танкового батальона, который в настоящий момент вёл штурмовую колонну на Еремеево, не увенчались успехом.

— Сибирь! Сибирь! Ответь Диксону! — комбриг повторил в эфир несколько раз, и развернувшись, заорал на весь пункт управления: — Шнур! Сюда иди!

К нему подскочил начальник связи — немолодой капитан.

— Товарищ полковник, противник, наверное, глушит связь средствами РЭБ!

— Ты мне вчера доказывал, что у тебя всё работает! В чём проблема?

— Вчера они нам связь не глушили.

— Капитан, если не будет связи в течение пяти минут, я тебя здесь, на месте, расстреляю!

— А что я сделаю? — капитан с вызовом посмотрел в лицо командира бригады. — Я вам предлагал, как связь организовать, чтобы она работала в условиях противодействия, но вы меня послали...

— Ты сейчас на меня эту проблему повесить хочешь? — Диксон подскочил, и что было сил ударил Шнура в челюсть. — Быстро встал и наладил мне связь!

На пункте воцарилась тишина — присутствующие, затаив дыхание, следили за развитием событий. Шнур медленно поднимался, вытирая выступившую кровь. Выражение его глаз не предвещало командиру ничего хорошего, и только субординация удерживала капитана от немедленной расправы над обидчиком.

— Дайте мне конкретное указание, — произнёс Шнур, едва сдерживая эмоции. — Как вы любите.

Диксон тоже понимал, что, ударив офицера на глазах всего управления, сильно перегнул палку, и сейчас следовало бы найти достойный выход из сложившейся ситуации, но его натура, не привыкшая к отказам со стороны подчинённых, подавляла командирский разум.

— Немедленно дай мне связь с батальонами! — прошипел Диксон. — Немедленно!

— Как? — не унимался Шнур. — Всё, что вы хотели, вы получили! Новые волонтёрские радиостанции вы запретили мне забирать со склада... а их там и не было...

Шнур коснулся живого — в бригаде все знали, что комбриг через свою супругу приторговывает волонтёрской помощью, которую, по его указанию, никогда

не ставили на официальный учёт, но которая быстро исчезала в неизвестном направлении после своего прибытия в соединение. Все, кто задавал неудобные вопросы, оказывались в яме, где быстро осознавали пагубность излишнего любопытства, а с переходом к наступательным действиям, просто пропадали в штурмах.

Этого Диксон стерпеть не смог и снова кинулся с кулаками на начальника связи, но на его пути встал начальник штаба, загородивший Шнура.

— Остановитесь! — крикнул Пирс. — Нам ещё не хватало поубивать друг друга!

Пирс был на голову выше Диксона, обладал хорошим здоровьем, и ему не составило труда обездвигить командира, крепко обняв его.

— Смотрите, — крикнул кто-то из офицеров управления.

Все обернулись на экран, куда подавалась картинка с разведывательного «Орлана».

Не дойдя километра до вражеского опорного пункта, расположенного на окраине Еремеево, штурмовая колонна подверглась массированному удару дронами-камикадзе, которые прилетали с интервалом в полминуты. Вначале «истерички» ударили по головному танку, оснащённому минным тралом, затем принялись за остальных. Попытки экипажей развернуться в боевой порядок, неминуемо приводили к подрывам на противотанковых минах, которыми весьма обильно была усеяна обочина и прилегающие поля — в течение нескольких минут все пять танков были остановлены, также на минах подорвалось и несколько боевых машин. Одновременно с этим по колонне наносился мощный артиллерийский удар

осколочно-фугасными и кассетными снарядами, выкашивающими пехоту, сидевшую на боевых машинах. Одновременно в штурмовой колонне появилось огромное количество раненых, требовавших оказания медицинской помощи. Все, кто мог двигаться, ринулись обратно — назад вышло три БМП и один бронетранспортёр, вся остальная техника осталась на подступах к Еремеево.

Офицеры управления, потрясённые наблюдаемой картинкой, молчали.

— Есть связь, — вдруг сказал Шнур.

Диксон схватил тангенту:

— Сибирь! Я Диксон! На связь!

— На связи, — отозвался командир танкового батальона. — Нужна эвакуация. Много триста, много двести, — голос его был ровный, без эмоций.

— Почему остановились? — спросил Диксон. — Кто разрешил отступить?

— Диксон, нужна эвакуация, — повторил Сибирь. — Жду решения.

По плану, разработанному Пирсом, предусматривалась эвакуация раненых с помощью специального бронированного автомобиля «Линза», но получить одномоментно такое количество трёхсотых этот план не предусматривал.

— Эвакуация? — повысил голос командир бригады. — Эвакуация тебе будет только из Еремеево! Слышишь, Сибирь? Собирай тех, кто там по полям сейчас прячется, и вперёд! Через полчаса докладываешь мне о взятии опорного пункта! Давай, двигайся! Технику потерял — иди пешком!

— Мне нужна эвакуация, — повторил Сибирь. — Дальнейший бой невозможен.

***

Сибирь сидел у подбитой БМП, спиной упершись в каток. Двигатель ещё работал, но вести машину было некому — дрон-камикадзе ударил в водителя, взрывом разрушив органы управления, не вызвав пожара. Только что, комбат наконец-то смог затянуть турникет на правой ноге, затянуть до боли, от которой хотелось выть. Осколки попали ему по ноге, правой руке и в шлем — который смог защитить своего хозяина. Онемевшей рукой он достал из аптечки бандаж, вскрыл его, примерился, куда его наложить — раны скрывались одеждой, и было важно не ошибиться, так как резать рукав совсем не хотелось.

— Товарищ майор, — к нему подбежал молодой командир танкового взвода, — там... там...

— Помоги мне, — попросил комбат, увидев состояние лейтенанта, которое можно было исправить только каким-то занятием, за выполнением чего человек мог постепенно овладеть своими чувствами.

Лейтенант принял повязку и стал наворачивать её так, как учили — через специальные выпирающие рожки, позволяющие надавить на место ранения.

— Посильнее, — попросил комбат. — Что там у тебя?

— Раненые, шесть человек... — ответил взводный. — Я их собрал в одном месте, надо вызывать эвакуацию...

— Не будет никакой эвакуации, — «обрадовал» Сибирь. — Я сейчас связывался с комбригом, просил помощи...

— А он? — спросил лейтенант.

— Приказ — только вперёд, — усмехнулся комбат. — А здорово они нас размотали, да? Третий год воюем, а ума мы так и не нажили...

— Всё, готово, — лейтенант указал на бандаж.

Рядом хлопнул негромкий разрыв кассетного снаряда, и оба офицера вжались в землю. Вокруг стали взрываться суббоеприпасы, осыпая осколками всю округу.

— Ай, — вскрикнул лейтенант. — Я всё...

Он свалился на своего комбата, заливая его кровью из пробитой осколком сонной артерии. Сибирь столкнул тело лейтенанта в сторону и подхватил с земли рацию:

— Диксон, я Сибирь! Слышишь, ублюдок, вытаскивай нас! Давай эвакуацию!

— Сибирь, я сказал — только вперёд! — ответил командир бригады. — Поднимай людей в атаку!

— Да уже нет никого! — Сибирь ещё пытался апеллировать к разуму, но всё яснее прозревал, какая ему уготована судьба, и осознав это в полной мере, крикнул: — Кто меня слышит! Помогите! Вытащите пацанов!

— Нервничает, — словно оправдываясь перед офицерами управления, пояснил Диксон. — Так со всеми бывает в первом бою. Это просто надо пережить.

Все знали, что Сибирь воюет с самого начала, но желающих разъяснить это командиру бригады, не нашлось.

— Надо отводить людей, — сказал Пирс. — Дайте приказ, товарищ полковник. Иначе мы потеряем всех.

— Куда отводить? — у командира бригады тоже был свой резон и своя логика, понять которую людям, не командующим боевыми подразделениями, практически невозможно: — Они в полукилометре от опорного пункта. Им проще дойти до него пешком! Взять, закрепиться, ждать поддержки. А поддержку я сейчас организую...

Однако, командир тысяча сорок восьмого полка, находящегося в готовности к закреплению, наотрез отказался идти на штурм Еремеево вместо разгромленного штурмового отряда, мотивируя это отсутствием

бронетехники, прикрытия РЭБом и нормально организованного взаимодействия с артиллерией. Спутник был придан Диксону, и должен был выполнять его приказы, но это был старый воин, твёрдо усвоивший главное правило работы с приданными подразделениями — жечь их в первую очередь, а только потом своих — и поэтому остался при своём, не желая следовать этой кровавой «традиции». А чтобы не попасть под горячую руку Диксона, наотрез отказался покидать свой полковой командный пункт.

Впрочем, страдания двести второй бригады на этом не закончились. Параллельно с разгромом штурмового отряда Сибири, идущего на Еремеево, противник точно так же остановил и обратил в бегство отряд Фокуса, который шёл по второму маршруту — на Сухой Дол. Фокус быстрее отреагировал на резкое ухудшение обстановки, и не дожидаясь полного разгрома, потеряв «все-го» половину техники, вернулся на исходный рубеж. Не ожидая от командования бригады действенных эвакуационных мер, комбат первого мотострелкового батальона дважды отправлял к месту разгрома БТР, на котором удалось вывезти лишь полтора десятка раненых из не менее сотни таковых, однако, на третьей «ходке» в бронетранспортёр попал дрон-камикадзе, убив экипаж и спалив машину.

Диксон не знал, как быть. Такая мощь, находившаяся в его руках, непонятно почему вдруг рассыпалась, превратившись в пыль. Никогда прежде он и представить себе не мог, что вот так, не вступив в прямой бой с противником, можно потерять два штурмовых отряда, полсотни единиц боевой техники и три сотни «карандашей». Но это случилось. Это никак не укладывалось в формат его мышления.

***

Время подходило к полудню, и штаб армии должен был уже подводить первые итоги сражения. По закрытой линии связи Диксону позвонил Каскад.

— Докладывай! Взяли Сухой Дол и Еремеево?

— Товарищ генерал, — Диксон с тоской глянул на карту, лежащую перед ним. — Вверенными мне силами, действуя строго по утверждённому вами плану, в пять ноль-ноль подразделения бригады начали выдвижение по двум маршрутам...

— Диксон, не томи! — оборвал его Каскад. — Скажи прямо — вы взяли Еремеево и Сухой Дол?

— Товарищ генерал, — Диксон подыскивал слова, отчего медлил с ответом. — Противник поставил сильные помехи, заглушив связь, затруднено управление штурмовыми отрядами...

— Вы взяли Еремеево?

— Идёт штурм, товарищ генерал, — сказал Диксон.

— Сколько вам ещё нужно времени, чтобы овладеть населёнными пунктами?

— К вечеру управимся, товарищ генерал!

— Смотри, полковник, жду от тебя хороших новостей. И не только я. Ты меня хорошо понял?

— Так точно!

— А что у тебя с артдивизионом? — спросил генерал, когда Диксон уже намеревался отключиться.

— Работает, товарищ генерал, — на всякий случай ответил комбриг, вдруг вспомнив, что связь с дивизионом так и не наладилась.

— Да? А то мне тут твои соседи рассказывают не очень хорошее... — сказал Каскад. — Ну, если работает, тогда ладно.

Командующий армией отключился.

— Начарт! — позвал Диксон. — Что с дивизионом? Почему они молчат?

Запал пожал плечами.

— Не знаю, товарищ полковник. Вы же меня туда не отпускаете.

— Давай, поезжай на позиции. Они должны работать!

— Есть, — начальник артиллерии вышел из помещения командного пункта.

Диксон подвинул к себе блокнот, достал из кармана ручку и стал записывать свои мысли, упорядочивая процесс принятия решения. Время от времени он поглядывал на своих подчинённых, которые ждали какой-то развязки.

— Так, первый стрелковый батальон вводим на Еремеево, двигаться только вперёд, никаких остановок! Противник истратил на отряд Сибири огромное количество боеприпасов, и пока он восстанавливает их запасы на огневых позициях, нужно воспользоваться моментом и ударить — решительно и быстро! Шнур, связь с Пегасом!

В радиосети бригады Диксон поставил Пегасу, командиру первого стрелкового батальона, подробную задачу, повторяя одно и то же по несколько раз. Спустя час батальон начал выдвижение с исходного рубежа, и через пару часов головной бронетранспортёр добрался до первых остовов сгоревших машин, спустя ещё двадцать минут от стрелкового батальона осталось два бронированных тягача, которые шли в хвосте колонны и успели вовремя сообразить, где бы им уже следовало и развернуться...

Но подступах к Еремеево догорало несколько десятков единиц боевой техники. Противник продолжал активно обрабатывать этот район кассетными и осколочно-фугасными снарядами.

***

— Сообщение от Сугроба, — сказал Хасан, обращаясь к командиру бригады.

— Читай, — на миг Ветер отвлёкся от планшета.

— Противник развернул пункт управления беспилотных систем на северной окраине населённого пункта Светлый, откуда сейчас идут многочисленные вылеты дронов-камикадзе в район южнее Еремеево. Также получен перехват, в котором операторам дронов разрешён расход до четырёх штук на человека и до пятнадцати на единицу техники. Осназовцы предлагают ударить по пункту управление «Ураганом».

— Это в полосе двести второй бригады, — ответил Ветер. — Сам я не могу, но Каскаду информацию отправлю. — Он тут же связался с командующим армией: — Товарищ генерал, имею информацию о местонахождении в полосе Диксона пункта управления дронами-камикадзе, разрешите нанести удар «Ураганом»?

— Ветер, занимайся своими делами! У Диксона там всё хорошо — он уже завязал бой за Еремеево и Сухой Дол, вот-вот доложит о взятии населённых пунктов!

Ветер отключился, посмотрел на Хасана:

— Отказал. Чего и следовало ожидать.

— Товарищ полковник, смотрите, — предложил Хасан.

На большой экран была выведена картинка с беспилотного разведывательного аппарата, кружившего в районе Берёзового. На горизонте поднималось множество столбов дыма.

— Что это? — спросил Ветер.

— Это в районе Еремеево, — ответил начальник разведки.

— В полосе наступления двести второй бригады, — сказал комбриг. — Интересно. Можем подлететь поближе?

— Да, конечно, — кивнул Хасан и отдал распоряжение операторам группы беспилотных разведчиков. — Минут через пять всё увидим.

— Хорошо, — кивнул Ветер и связался с Корсаром: — Докладывай!

— «Зея» зачищена полностью, — ответил Корсар. — Добиваем северо-восток «Двины», товарищ полковник! По докладам — очень грязное небо. Противник действует дронами-камикадзе, отмечены прилёты кассетных снарядов, причём, в половине случаев, кассетами противник бил по своим позициям, наверное, считая, что мы уже там. Очень хорошо помогли, кстати.

— Принял. Начинайте работать по «Ясеню».

Ключом к успеху действий бригады была лесополоса «Ясень», протянувшаяся от перекрёстка в сторону Ябловки более чем на половину расстояния до села. По плану наступления данная посадка должна была обеспечить устойчивость штурмовых групп, которым предстояло в дальнейшем овладеть пересекающие её лесополосы — вначале «Берёза» и ближе к Ябловке — «Ольха», северо-восточные оконечности которых должны были составить костяк обороны в сторону Осиновки, что для бригады являлось одной из главных задач в начавшемся сражении.

В этот момент разведывательный дрон подлетел ближе к Еремеево, и стал виден масштаб трагедии, постигшей штурмовой отряд. На большом экране было видно несколько десятков догорающих танков, БМП и БТР, фигурки людей, копошащихся внизу, а большей частью уже неподвижно лежащих на холодной земле в разных позах.

Пока «Орлан» делал вираж над местом побоища, на командном пункте никто не проронил ни звука. Лишь когда беспилотник стал удаляться в сторону Берёзового, комбриг хрипло проговорил:

— Это катастрофа... — и добавил: — нашли кому доверять такую мощь... — в его словах сквозило бессилие перед решением вышестоящего командования, определивших Диксона «главной ударной силой» армии.

— Я что-то упустил? — внезапно в помещении появился Чингис.

— По телевизору или в работе своей службы по выявлению предателей? — грустно ухмыльнувшись, уточнил Ветер.

— Это где? — Чингис пропустил мимо ушей язвительный вопрос комбрига и указал на экран.

— Это штурмовой отряд из бригады Диксона на подступах к Еремеево, — ответил Ветер. — Вернее то, что от него осталось.

— Не может быть, — контрразведчик всматривался в экран, пока операторы ещё показывали то, что происходило сзади «Орлана».

— Немцы размотали батальон минут за двадцать, — произнёс Ветер, очень ясно представив себе, как могли развиваться события. Я не могу найти объяснение тому, как это произошло. На танках и БМП стоят комплексы радиоэлектронной борьбы... я же на совещании в штабе армии доводил всю информацию, Каскад всем командирам дал указание по оборудованию боевой техники защитой от дронов...

— Товарищ полковник, сообщение от Сугроба! — сказал Хасан.

— Читай, — ответил комбриг, глянув на чекиста.

— Сугроб доводит перехват контакта командира сто десятой бригады, оценочно, с узлом связи командования

группировки ВСУ, — пояснил Сугроб. — Информация особой важности...

— Читай, — повторил Ветер.

— Командир сто десятой бригады просит своё командование отменить намеченный ракетный удар по пункту управления двести второй бригады Диксона, расположенный в Троицке...

Пару секунд Ветер осмысливал услышанное.

— Я бы на его месте сделал то же самое.

Чингис вопросительно посмотрел на командира бригады:

— Обоснуй.

— Вы, товарищ полковник, только что видели «полководческие» результаты Диксона. Полагаю, что враг не против продолжать воевать с таким военным «гением», тогда как в результате удара по командному пункту Диксон может погибнуть, и на его место будет назначен другой командир, — объяснил Ветер и добавил: — Другим командиром может оказаться толковый командир. С которым будет тяжело сражаться... а этот их полностью устраивает. Поэтому они и берегут его.

Несколько мгновений Чингис смотрел на комбрига, переваривая услышанное.

— Мы докладывали по нему несколько раз, — наконец сказал он. — И по нашей линии, и командующему группировки, но нас никто не захотел слышать.

— Вам теперь и карты в руки, — Ветер посмотрел чекисту в глаза.

— Никто его сейчас, в начале сражения, не будет отстранять от должности, — сказал Чингис. — такая вот практика у нас... а вот сообщение радиоразведки... здесь нам уже стоит покопаться на предмет предательства — по крайней мере, формально.

***

Весь боевой опыт командира семьдесят шестой мотострелковой бригады и офицеров управления говорил за то, что боевая бронированная или автомобильная техника не должна находиться ближе семи-восьми километров к линии фронта, в противном случае она будет быстро выбита дронами-камикадзе, так как благодаря огромному количеству разведывательных беспилотных аппаратов, практически круглосуточно висящих в небе, ситуационная осведомлённость противоборствующих сторон приближалась к абсолютному значению.

Более того, по многим показателям Ветер чувствовал, что противник имеет в этом вопросе существенный перевес, и то, как получилось в первые минуты наступления с уничтожением домов, в которых компактно проживали вражеские расчёты ударных беспилотных систем, что позволило несколько часов работать практически без воздействия «истеричек», повторить подобный финт было уже невозможно — другие отряды БпЛА противника рассредоточились по различным позициям и включились в работу по полной. К полудню, как докладывали командиры рот, уже головы нельзя было поднять, чтобы тут же не увидеть летящий дрон и не услышать его душераздирающий визг.

Танки, не защищённые «мангалами», пришлось оттянуть на исходные позиции и замаскировать. Некоторое время вдоль «Невы» ещё курсировал один «мангал», которого спасали три станции РЭБ, установленные на нём, но всё же противнику удалось «удачно» долететь до танка на уже потерявшем управление дроне с проти-

вотанковой гранатой, что привело к подавлению работы приборов радиоэлектронного подавления. Экипаж, не знающий об отключении своей «крыши», с некоторым «удивлением» стал слышать взрывы по всему корпусу, но вскоре, сделав правильные выводы, предпочёл ретироваться к хутору Гнилому, где работали мощные «глушилки», не позволяющие дронам прорваться к местам укрытий танков и боевых машин. Время от времени по Гнилому прилетали снаряды вражеской артиллерии, в том числе кассетные, но люди были к этому готовы, сидели в укрытиях, отчего потери были сведены к минимуму.

До момента выхода из строя РЭБ на «мангале», в ходе нескольких рейсов, танкисты смогли забросить на «Двину» более тридцати штурмовиков, которые находились в готовности начать штурм «Ясеня». Также в посадке, в качестве прикрытия, были выставлены шесть переносных станций радиоэлектронной борьбы. Первая рота, действующая вдоль «Оки», закрепились на стыке с «Двиной», опередившись в открытое пространство перед опорным пунктом «Берёзовый». Сосед слева, третий мотострелковый батальон, стремительной атакой на «мангале» полностью овладел посадкой «Шилка» и стал распространяться в обе стороны «Вятки», однако, атака вдоль «Иртыша» увязла примерно на половине — здесь противник не пожалел двух кассетных «Хаймерсов», чтобы остановить продвижение штурмовиков. Большое количество раненых, не способных дальше выполнять задачу, поставило командира третьего батальона в тяжелое положение — все его помыслы сейчас были обращены на организацию эвакуации трёхсотых в пункт оказания первой помощи, который находился в Востриково, в десятке километрах от места боя.

Корсар связался с командиром бригады.

— Товарищ полковник, прошу «воздух» по «Берёзовому». Они мне очень мешают выйти на «Ясень»!

— Принял, — ответил Ветер. — Жди.

Командир бригады связался с командующим армией.

— Товарищ генерал, прошу удар ФАБами по опорному пункту «Берёзовый».

— Жди, — ответил Каскад и повернулся к представителю Воздушной армии, работающей в интересах группировки: — Опорный пункт «Берёзовый»... надо прямо сейчас.

Спустя двадцать минут два Су-34 освободились от четырёх ОДАБ-500, оснащённых крыльями универсального модуля планирования и коррекции, обеспечивающих управляемый полёт бомб на несколько десятков километров.

Корсар получил информацию о предстоящем прилёте тяжёлых авиабомб.

Однако, вместо опорного пункта, чудовищный по своей разрушительной силе удар объёмно-детонирующих бомб пришёлся в поле между «Двиной» и «Берёзой».

— Товарищ полковник, — Корсар вышел на командира бригады. — Ударом четырёх бомб поражено бандеровское поле с подсолнухами, потери в подсолнухах уточняются! Передайте пожалуйста лётчикам, если они положат бомбы на полкилометра к востоку, нам воевать будет нечем.

— Корсар! — Ветер хотел было отсчитать комбата за такую вольность в докладе, но, оценив юмор, проявленный в тяжёлый момент боя, говорящий о сохранении командиром батальона адекватного восприятия действительности, передумал и тоном, лишённым эмоций, дал обратную связь: — Принял.

Спустя некоторое время Каскад вышел на связь с бригадой и поинтересовался как результатом, так и необходимостью повторного удара.

— Отличный результат, им достаточно будет, больше не надо! — заявил Ветер, подумав о штурмовиках.

— Обращайтесь, — удовлетворённо ответил Каскад, довольный результатом применения столь мощного оружия.

ГЛАВА 7

— Не сидим, шевелимся! — повышенный тон Диксона гремел на весь пункт управления. — Собираем всех — тыловые службы, ремонтный батальон, батальон связи, всех бездельников в строй! Артиллеристов — тоже всех в пехоту — всё равно не работают, гасятся где-то, на связь не выходят! К вечеру Еремеево должно быть наше! Всем всё понятно?

В этот момент Диксон увидел своего начальника артиллерии, лицо которого было бело как лист и несло печать пережитого кошмара.

— О, Запал! Явился — не запылится! Что с дивизионом? Узнал?

— Дивизиона больше нет, товарищ полковник! — начарт сказал это тихо, но его услышали все.

— Как нет? — спросил Диксон. — А где он?

— Две волны пакетов кассетных «Хаймерсов». По огневым позициям.

— Что? — переспросил Диксон, но осёкся, начиная осознавать ситуацию.

— Убитых — не счесть, — произнёс Запал. — Трёхсотых — не счесть...

— Да вы охренели все тут? — заорал Диксон секунду спустя. — Ты понимаешь, что ты говоришь?

В этот момент звякнул закрытый телефон. Диксон снял трубку.

— Что у тебя происходит? — в трубке звучал голос Каскада.

— Работаем, товарищ генерал, — сделав над собой усилие, ответил Диксон.

— Время — пятнадцать ноль-ноль! Где доклады о продвижении? Твой сосед Ветер уже фактически вы-

полнил задачу дня! Дивизия тоже! Один ты топчешься на месте! У тебя самая мощная группировка, а ты стоишь!

— Товарищ генерал, идёт бой за Еремеево, — заявил комбриг. — Противник обороняется, мы его ломаем.

— Ломаем чем? — спросил Каскад, намекая на свою осведомлённость о реальном положении дел в бригаде. — Вы мне морочите голову, полковник! Почему я не от вас, а от других узнаю о том, что штурмовые колонны двести второй бригады остановились на подступах к Еремеево? Вы намеренно вводите меня в заблуждение? Что случилось?

— Идёт бой... — Диксон начал искать слова оправдания, но Каскад перебил его.

— Значит так, полковник. Если ты через час не будешь в Еремеево, я тебе всё припомню, все твои прошлые «заслуги». И я уже не смогу сдерживать желание ВКР повесить на тебя пару уголовных дел. У меня всё. Решай вопрос.

Пару минут поразмыслив, Диксон позвонил Эльбрусу.

— Владимир Сергеевич, я веду тяжелейший бой за Еремеево, а Каскад постоянно пытается вмешиваться в процесс управления, склоняет меня к действиям, не прописанным в утверждённом вами плане!

Диксон прекрасно знал, что не Эльбрус, не кто-то другой из вышестоящего руководства, в окончательном варианте плана не ставил свою подпись под размашистым «Утверждаю», но таким образом он попытался вызвать у командующего группировкой чувство сопричастности к идущему тяжелому бою, показывая командующего армией в виде препятствия, стоящего на пути к успеху сражения.

Но главной причиной этого звонка был тот факт, что Эльбрус являлся Диксону двоюродным дядей, и вот уже

несколько лет оказывал некоторое покровительство, что уже неоднократно выручало командира бригады от обоснованных претензий со стороны своего непосредственного командования.

— Как успехи, Саша? — по-родственному спросил Эльбрус.

— Работаем, Владимир Сергеевич! Скоро возьму это Еремеево!

— Так что там Каскад, сильно мешает?

— Сил уже никаких нет! Прошу — оградите меня от его пустых придинок!

— Хорошо, — согласился генерал-полковник. — Не беспокойся, он тебя больше не потревожит!

— И ещё просьба, Владимир Сергеевич...

— Что?

— У нас в резерве армии есть отряд «Шторм». Дайте его мне, пожалуйста! Прямо сейчас! Он мне позарез необходим.

— Хорошо, — ответил Эльбрус, для которого решение такого уровня практически не отражалось на общей картине оперативной обстановки, складывающейся сейчас на фронте — это был далеко не его формат.

— Благодарю, — сказал Диксон.

Эльбрус позвонил командующему армией.

— Скажи, Сергей Николаевич, как у тебя развивается наступление?

— Дивизия, товарищ генерал-полковник, и семьдесят шестая бригада фактически выполнили уже задачу дня, ведут разведку боем для дальнейшего движения... а вот двести вторая забуксовала пока. Надеюсь, к вечеру они выйдут на назначенный рубеж.

— Ты вот что, Сергей Николаевич, отдай-ка в двести вторую свой армейский «Шторм», причём, немедленно!

Нужно нарастить удар на направлении действий двести второй бригады!

— Товарищ генерал-полковник, «Шторм» предназначен для решения самой сложной задачи, по плану он будет действовать на первой линии обороны Сталегорска!

— Ты, Каскад, ещё дойди о этого Сталегорска! Мне что-то подсказывает, что без «Шторма» ты на этом Еремеево, и шагу не сделаешь!

— Я вас услышал, товарищ генерал-полковник! — ответил Каскад. — Разрешите выполнять?

— Действуй!

Отдав необходимые распоряжения относительно направления «Шторма» в двести вторую мотострелковую бригаду, Каскад связался с Диксоном.

— Полковник, чтобы ты там не топтался на месте, я даю тебе «Шторм». В двадцать ноль-ноль я жду от тебя доклада о взятии Еремеево. Если доклада не будет, ты у меня сам побежишь в это «бабка-село» с флагом в руках. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Так точно, — ответил Диксон, представив, как его двоюродный дядя нагнул командующего. — Ну что, — он повернулся к офицерам, находящимся на пункте управления. — Кто хочет воткнуть российский флаг в это село? — На глаза попался начальник артиллерии, — ты, Запал?

Майор молчал, молчали и другие.

— Ты что, не рад такой чести? — усмехнулся Диксон и убрав с лица улыбку, сказал: — В качестве моего представителя будешь действовать вместе с отрядом «Шторм». В боевых порядках. Связь будешь держать только со мной. Всё понятно?

— Так точно, — тихо ответил Запал.

— Не слышу, майор!

— Так точно, — чуть громче ответил начальник артиллерии.

— Вот так уже лучше, — удовлетворённо ответил командир бригады. — Поезжай, встречай «Шторм». Организуй всю работу.

***

После общей камеры в Знаменской комендатуре, Дизель вместе с остальными «преступниками», под конвоем был доставлен на окраину посёлка Травное, где базировался армейский отряд «Шторм». Расположение отряда было окутано колючей проволокой, словно это было местом лишения свободы, и все права за этой проволокой у прибывших сюда заканчивались. Кто был не согласен с таким утверждением, того быстро приводили в чувство резиновыми палками.

Командир отряда, которого все звали Зверем, на первом же построении всем прибывшим заявил, что его совершенно не волнуют причины, по которым военнотруженики «здесь собрались».

— Курил ты в неподобающем месте, или расстрелял по пьянке мирных жителей, исправительные процедуры у всех будут одинаковые — вы должны кровью смыть свой залёт! — говорил Зверь, прохаживаясь вдоль строя и внимательно заглядывая в глаза «залётчикам». — Если кто-то вдруг хочет мне сейчас сказать, что всё это незаконно, пусть говорит, но ничего от этого не изменится, — Зверь улыбнулся, ища поддержку своей шутке среди «штормов», — ну, разве что, место в боевом порядке — такие умники в бой пойдут первыми.

В разношёрстном строю вновь прибывших стояло полсотни человек из самых разных частей и соединений

Четвёртой армии, и вся эта масса людей практически безропотно внимала сейчас откровенному глумлению Зверя, который совершенно очевидно получал от своего положения большое удовольствие. Все прекрасно понимали, что вскоре их бросят в бой, откуда выйти живым удастся далеко не всем, и то, до следующего штурма, но никто не смел сейчас противиться разыгрываемому «шоу», обоснованно опасаясь расправы со стороны меньшей по численности, но хорошо организованной и слаженной группы «постоянного состава» отряда, во главе которого стоял Зверь. Не будь новые штурмовики сейчас разобщены и дезорганизованы, или будь среди них сильный лидер, способный повести людей за собой, Зверь бы не смог так паясничать, и скорее всего его бы просто растоптали за выраженное им отношение к стоящим в строю. И Зверь это тоже знал, а потому спешил — эти люди не будут представлять лично ему никакой опасности всего лишь пару дней, пока они не перезнакомятся и не самоорганизуются, и вот за эти пару дней ему нужно было их снарядить, немного потренировать, разбить на группы и отправить на линию фронта, на самый опасный участок — где, встретившись с противником, и приняв для себя новые угрозы и вызовы, штурмовики уже забудут про него, погрузившись в пекло войны. И даже если не забудут, то дотянуться до него, отомстить за унижения, уже не смогут никак.

Чтобы продлить срок разобщённости в коллективе, а значит обеспечить невозможность бунта, есть масса приёмов, наработанных человечеством за многие тысячелетия, и главный из которых — индивидуум должен быть всегда чем-то занят, что не будет позволять ему правильно оценить обстановку, сделать неутешительные для себя выводы и организовать сопротивление. Помните

классику — «солдат, не занятый ничем более пяти минут, является потенциальным преступником». Всё это Зверь знал и умел, и именно из-за такой своей компетенции, находился на посту командира отряда, где выполнял важную для военного времени функцию — отправлял людей в ад.

Каждый боевой командир, реально участвующий в организации боевой деятельности войск, знает, что может возникнуть ситуация, преодолеть которую без больших потерь невозможно. И здесь даже не вопрос рациональности использования войск, а вопрос ограниченности сроков на выполнение поставленной задачи, результат которой может быть увязан по плану боевого взаимодействия с множеством других зависимых решений. Либо стоит вопрос сокращения не прямого, а отложенного ущерба, например, немедленный штурм какого-то района потребует определённых жертв, но если промедлить с атакой, то противник нарастит свои силы и штурм проведённый позднее, может стоить наступающему десятикратных жертв. Поэтому опытные командиры, оперирующие подчинёнными не как живыми и смертными личностями, а как возобновляемым в перспективе ресурсом, спокойно идут на такие жертвы, побуждаемые стремлением сэкономить этот человеческий ресурс в будущем. Наверное, кому-то из читателей будет не легко осознать сказанное, но сама сущность войны не подразумевает иных взглядов на достижение победы — легендарная фраза времён Великой Отечественной войны «мы за ценой не постоим» — именно об этом — о чудовищной, с точки зрения человечности, цене победы.

Да, в окопах, среди людей, которых судьба бросила на острие войны, всегда будет зреть личное недовольство подобной постановкой вопроса (основная тема мировых

классиков военной литературы), но тысячелетиями отлаженный механизм принуждения к исполнению приказов, не позволит им избежать тяжелой доли, и в стремлении выжить, эти люди будут ломать врага. Слабые, морально смирившиеся со своим положением, скорее всего быстро погибнут, сильные же, в той активности, что позволяет убивать врага и создавать над ним перевес, найдут способ сохранить свои жизни — хотя бы на какое-то время.

Человечество пробовало разные способы мотивирования людей, желая загнать их в бой, и за прошедшие тысячелетия определились четыре главных, наиболее устойчивых фактора: личная месть, следование идее, зарабатывание денег и принуждение. И если в первом случае управлять процессом достаточно сложно, то три другие вполне себе подлежат нормальному организованному регулированию. Вот вам, пожалуйста, добровольцы, контрактники и мобилизованные, к которым локально можно приписать и тех, кто помимо своей воли попадает в специализированные штурмовые подразделения.

В атаках, где риск гибели более чем высок и даже абсолютно неизбежен, прагматизм диктует использовать тех, кого «не жалко» — как бы это не звучало. Естественно, добровольно желающих пойти в такой бой в природе не сыскать, даже если подобное желание кто-то и высказывает публично. Если покопаться в таком «добровольце», то всегда можно найти в его душе принуждающие мотивы, отличные от рационально-разумных. Однако, штурмовое подразделение должно работать, и как принято во всех армиях мира вот уже многие тысячелетия, их формируют из людей, преступивших закон, и таким образом выставивших себя за пределы правового поля — формального или неформального, это уже не важно. Важно то, что с принятой точки зрения они подлежат наказанию

за свои проступки, и это наказание им предлагается принять в виде участия в сражении, где у них будет крайне мало шансов на выживание.

Однако, настоящих преступников не так уж много, чтобы можно было использовать их бесконечно, и из этого порождается необходимое для войны следствие — поток преступников не должен иссякать. Здесь было бы уместным взять слово «преступники» в кавычки, ибо всем фронтовикам хорошо известно, по каким критериям наполнялись во время Великой Отечественной войны штрафные роты и батальоны, тому посвящено немало книг. Десятилетия спустя, уже на новой войне, ситуация кардинально не поменялась — а зачем что-то менять, если система работает?

Наряду с настоящими преступниками, штурмовые подразделения обильно пополнялись и теми, кто таковыми просто назначался. Таким образом в «Шторм» попал принципиальный трезвенник Дизель, от которого военная полиция учуяла запах спиртного, но вопреки закону не стала его освидетельствовать — этого оказалось достаточно, чтобы сделать его штурмовиком, в «Шторм» попал командир взвода Буран, который остановился в Ударнике и неосмотрительно вышел из КамАЗа в магазин купить сигареты, в «Шторм» попал командир подразделения разведывательных беспилотников Зенит, который повёз в мастерскую повреждённые «мавики», не имея при себе боевого распоряжения на передвижение по району, в «Шторм» попал командир миномётной батареи Шатой, которые после трёх месяцев переднего края заехал помыться в общественную баню в Ударнике, в «Шторм» попал водитель эвакуационной «таблетки» Лунаход, который, по мнению военной полиции, превысил скорость. В сущности, зайти на «Шторм» оказалось проще простого,

для этого, зачастую, даже не нужно было совершать ничего предосудительного, достаточно было просто попасться на глаза военной полиции «не в то время и не в том месте». Теперь всем этим людям предстояло продолжить воевать в роли обычного штурмовика, и никого не интересовало, что на своём месте они бы принесли больше пользы и нанесли бы врагу значительно больший вред, чем это они смогут сделать, штурмуя вражеский окоп.

«Преступниками» люди становились без суда, но «наказание» несли более чем жестокое, и зачастую более чем несправедливое.

Впрочем, Зверь не рассуждал настолько глубоко, ибо профессионально потянуть такие обязанности могут только люди с низким уровнем социального развития, не способным дать своему носителю то святое, что движет миром на земле. Но сейчас Зверь наслаждался своим положением ещё и потому, что до войны он был никем, а на войне ему дали возможность стать для «штормов» настоящим полубогом. Во времена тяжёлых испытаний, такие, как Зверь, принося горе конкретным людям, тем не менее, остаются нужны всей военной системе. Правда, есть нюанс — потребность в подобных персонажах сохраняется ровно до окончания войны. У Зверя даже не хватало ума понять, что после войны он имеет совсем не нулевые шансы встретиться с кем-то из своих бывших подчинённых — кто вдруг выживет в бою. И что эта встреча не будет предвещать Зверю ничего хорошего.

Но пока он стоял перед будущими штурмовиками в роли командира, а они — перед ним — в роли подчинённых.

— Мне совершенно безразлично, кем вы были до поступления в отряд, — Зверь намеренно повышал голос не столько для того, чтобы его все слышали, а сколько для

того, чтобы услышавшие почувствовали железо в его голосе: — Здесь вы все будете штурмовиками. Косые, больные и зависимые — всем найдётся место в боевом строю. Самые тупые станут одноразовыми сапёрами — это тоже почётная миссия — идти впереди всех! Самые толковые будут назначены командирами штурмовых групп. Времени на подготовку у вас мало, поэтому придётся ускориться за счёт времени на отдых — тренировки по штурму окопа будут проходить до двух часов ночи. Затем подъём в шесть утра, короткий завтрак и снова на полигон — штурмовать посадку. Про свои болячки можете смело забыть, они вам больше не пригодятся.

Зверь остановился напротив Зенита — молодого командира группы беспилотных разведчиков. Парень был чуть не в меру упитан, что, видимо, не мешало ему летать на всех видах БПЛА.

— Ты что такой жирный? — улыбаясь, спросил Зверь. — Тебе же не удобно будет по окопам бегать!

— Вы какой ответ хотите услышать? — спросил интеллигентный Зенит. — Что отожрался на тыловых харчах?

— А ты ещё и дерзкий, — Зверь на всякий случай сделал шаг назад. — Дерзость свою немцам показывать будешь.

— А я показывал, — сказал Зенит. — Пока к вам не попал. У вас сколько орденов? Нисколько, судя по всему... а у меня три. За каждую сотню убитых немцев. А лично вы сколько их убили?

Вопрос был не в бровь, а в глаз, так как командир отряда никогда не был в реальном бою, но Зверь был готов к таким диалогам и посмотрев на остальных, с напыщенным достоинством ответил:

— В яму. Будешь там тренироваться до отправки на передовую.

Зенита увели в яму, специально подготовленную для содержания в ней военнослужащих, подвергающих сомнению авторитет командира отряда. Остальных повели на полигон.

***

Где-то за трассой, на лесополосе «Ясень», противник установил мобильную станцию РЭБ, которая стала давить видеопоток дронов-камикадзе, в результате чего наступающие штурмовики лишились действенной поддержки. Попытки атаковать натыкались на организованное сопротивление и каждый раз штурмовикам приходилось откатываться, неся потери — в поле осталось лежать несколько человек.

Оценив по докладам командиров взводов обстановку, Урал собирался уже просить у Корсара организовать по «Ясеню» удар «Гиацинтами», но Репер, находившийся на командном пункте роты, остановил его.

— Давай ударим миномётом!

— Он же не достанет, — возразил Урал, вспоминая недавний разговор о дальности стрельбы.

— Если мы его туда перетащим, то достанет, — ответил Репер.

— На чём? — Урал заинтересовался, но пока он не видел для этого никакой возможности: — Там сейчас нам «истерички» такой ад устраивают, что мы туда просто ни на чём не прорвёмся, всё сожгут. И «Мангал» не вариант уже — на нём РЭБ отвалился. Восстановят только завтра.

— А мы пешком, — усмехнулся капитан. — Тихонечко, кустиками, глядишь, и проскочим! У меня же на каждый миномёт есть колёсный ход! Как на тачке его прокатим.

— Так, — Урал глянул в планшет. — Они у тебя сейчас здесь... до «Двины» получается... километров... — Он посмотрел на капитана: — Сколько нужно времени на перемещение туда миномёта и его привязку?

— Два, скорее три часа, не меньше.

— Три, это уже стемнеет, — размышлял Урал. — С неподготовленной позиции ночью стрелять сможешь?

— Если сам пойду, то смогу, — кивнул Репер.

— Сам пойдёшь? — Урал внимательно посмотрел в лицо командира батареи, надеясь найти там выражение согласия при том, что было совершенно не принято командирам такого ранга пребывать в фактически серой зоне — участке местности, статус которой ещё не был определён, за которую враг мог взяться очень серьёзно, и где предполагалось ночное сражение — потому что противник был выбит с весьма важного рубежа, оставлять который он явно не намеревался.

— Если надо — пойду, — кивнул Репер. — Офицер должен бывать на линии огня, — офицер старой формации улыбнулся.

— Товарищ майор, — Урал связался с командиром батальона. — На «Ясене» у нас полная... печаль. Мы тут решили затащить один «сто двадцатый» миномёт на «Десну», откуда сможем оказать поддержку пехоте при штурме «Ясеня».

— Что от меня надо? — Корсар мгновенно оценил такое смелое решение командиров рот и миномётной батареи.

— Что от комбата надо? — прикрыв рукой цифровую станцию, спросил Урал у капитана.

— Дальнобойные пороха, — мгновенно ответил Репер. — На перспективу...

— Дальнобойные пороха, — сказал Урал в рацию.

— Принял, — ответил Корсар. — И смотри, Урал, я там тебе отправил пулемёт с тепловизором, тащи его на «Двину», ночью немцы вас там «Бабой-Ягой» будут донимать. Пригодится.

— Спасибо, товарищ майор! — обрадовался Урал.

— Всё, давай старлей, действуй!

— С пулемётом это просто супер, — Репер улыбнулся. — Я его, пожалуй, заберу. А то из твоих пехотинцев стрелки ещё те...

— Хорошо, как его привезут, пришлю с гонцом к тебе, — ответил Урал.

Репер выскочил из подвала командного пункта роты и ускоренным шагом направился в сторону своих позиций. Идти ему предстояло не долго, но и то, пришлось несколько раз падать на землю при звуке подлетающего снаряда или искать спасения в кустах, заслышав истеричный визг дронов.

— Колун, задача! — Репер ворвался в блиндаж. — Выкатываем ход, ставим на него первый миномёт и руками катим его по «Неве» до «Двины».

— Товарищ капитан... — командир орудия попытался возразить, совершенно обоснованно не желая участвовать в столь физически затратном мероприятии, папахивающим авантюризмом высшей степени риска.

— Только не говори, что будет тяжело, — усмехнулся Репер. — Я это знаю. Давай, шевели копытами! Поднимаемся! — командир батареи повысил голос и стал хватать за одежду людей, лежащих на нарах и стаскивать их на пол. — Быстрее, быстрее!

Ствол миномёта вместе с опорной плитой установили на колёсный ход и стали выкатывать его из замаскированной огневой позиции.

— Забираем две новые маскировочные сетки, лопаты, топоры, — распоряжался Репер. — Так, Брабус и вы пятеро! Вы же все тут любите амбициозные задачи? Так вот — каждый берёт по две осколочно-фугасные мины и тащит их до «Десны».

— А это где, товарищ капитан? — Брабус простым вопросом вернул Ропера на землю.

Это командир, управляющий процессами, видит обстановку на планшете или карте, и поэтому представляет себе расположение объектов на местности, а простой солдат, зачастую лишённый телефона и вообще, связи с внешним миром, может не знать ничего, что расположено за пределом его личного наблюдения.

— Так, — Репер стал соображать, как объяснить подноскику боеприпасов, куда нужно носить мины. — Идёте до опорного пункта, там посадка «Дон», поворачиваете налево, идёте до лесополки «Нева», которая будет уходить направо, и по ней топаете вверх до пересечения с лесопосадкой «Десна». Там находите удобное место, кладёте и маскируете мины, на ближайший куст привязываете вот это, — Репер передал бойцу ярко-оранжевый капроновый шнур, — после чего топаете обратно, берёте ещё мины и снова несёте. И так, пока я не скажу, что хватит. Всё понятно?

— Так точно, — кивнул Брабус.

На батарее Брабус только и делал, что катал на тележке мины с оперативного склада в ближнем тылу на огневую позицию, то есть, с процессом был знаком хорошо.

— Ну, и отлично, — кивнул командир батареи. — Действуй. Ты — старший.

— А рацию дадите?

— Зачем она вам?

— Ну, мало ли... — Брабус посчитал бы за честь стать, хоть на время, обладателем рации, но, видимо, не судьба.

— Она вам не нужна.

— Хорошо, — буркнул немногословный Брабус.

Поставив задачу подносчикам, Репер вернулся к группе, которая должна была катить миномёт. Помучившись, вытаскивая его с огневой позиции, на накатанной дороге вздохнули свободнее — колёсный ход катился замечательно — четверо человек вполне справлялись с этой задачей. Двое тащили за буксировочный крюк, двое толкали сзади.

Сам Репер тащил рюкзак с порохами и короткий автомат — для стрельбы по дронам.

На опорном пункте Репер спросил у бойца, сидящего в окопе, вырытом в глубине лесопосадки «Дон»:

— Братух, шесть гавриков с минами давно прошли?

— Минут десять назад, — бодро ответил солдат.

— Отлично, — сам себе сказал капитан. — Молодцы, с опережением идут.

Далее дорога ухудшилась, и Репер время от времени впрягался помогать, то дёргая ход за крюк, то толкая миномёт сзади. Спустя полчаса они дошли до «Невы», по которой дорога шла с небольшим уклоном вверх, что сильно сбавляло скорость движения человеческой упряжки.

***

— Предлагаю нарастить усилия на «Иртыше», — сказал Мастер, оценивая с командиром текущее положение складывающейся обстановки. — Третий батальон смог взять только половину посадки, а надо идти вперёд, до «Вятки».

— Возражаю, — ответил Ветер. — Двести вторая бригада остановлена перед Еремеево. Смысл наших действий на «Иртыше» и «Вятке» сводился к фланговой поддержке Диксона при взятии опорника на перекрёстке к Светлому. Пока двести второй бригады там нет, нам на южной части «Вятки» ловить нечего.

— Своими действиями мы можем обеспечить успех бригаде Диксона, — сказал начальник штаба.

— Это было бы верным, — Ветер кивнул, но не выразил Мастеру согласия, — если бы Диксон дошёл до Еремеево и завязал там стрелковый бой за населённый пункт. Но его разгромили на подходе, и мы, следовательно, с занятых на юге «Вятки» рубежей, не окажем ему никакой действенной помощи.

— Ну, тоже верно, — поразмыслив, согласился Мастер. — Значит, развиваем дальнейшее наступление на опорный пункт «Березовый», продолжаем выстраивать оборону в направлении Осиновки и пытаемся зацепиться за «Ясень».

— Согласен, — кивнул Ветер.

В этот момент на связь с комбригом вышел командующий армией. Ветер вкратце доложил обстановку и принятые решения.

— Товарищ генерал, на данный момент задача дня мною не выполнена, — сообщил командир бригады. — Прилагаем все силы, чтобы...

— Твою работу, полковник, — Каскад перебил комбрига, — следует оценивать, как частичный успех. А это не полное поражение как у Диксона.

— Я видел разгром штурмовой бронеколонны на подходе к Еремеево, — сказал Ветер. — Я не могу понять, почему это случилось.

— Не ты один, — признался Каскад. — Диксону дали всё, лучшую технику, самое большое пополнение, и такой

разгром. Вот скажи, почему у тебя не сгорел ни один танк, ни одна БМП?

— Защита от дронов, товарищ генерал. Комплексы радиоэлектронной борьбы, сетки, экраны.

— Но у него тоже были сетки, экраны и... — в этот момент Каскад ненадолго замолчал. — Так, Ветер, тебе задача — сориентируй своих «мавикистов», пусть слетают к месту разгрома и сделают качественные фото разбитой техники с максимально близкого расстояния. Как получится, сразу присылай мне.

— Сделаем, товарищ генерал, — ответил Ветер и спросил. — Разрешите уточнить положение соседа справа?

— Дивизия задачу дня не выполнила, — сказал Каскад. — Четыреста четвёртый полк закрепился на «Каме», дальнейшее продвижение остановлено. Противник нанёс удар по командному пункту дивизии, Минск ранен, его начальник штаба убит.

— Товарищ генерал, — Ветер набрался смелости. — Я вам давал координаты пунктов управления бригад противника... вы их... не били?

— Нет, — вдруг признался Каскад. — И не спрашивай, почему. Но, мы сегодня хорошо поработали, врагу сегодня тоже было не очень комфортно.

Ветер уже собрался было довести до генерала перехват, относительно отмены удара по штабу двести второй бригады, но почему-то сдержался.

Поговорив с командующим, Ветер попросил сделать ему кофе, после чего откинулся в своём кресле и прикрыл глаза. Первый день наступления подходил к концу. Впереди была первая ночь, которая, он знал это точно, будет насыщена не менее активными событиями, в ходе которых обе стороны попытаются добиться хотя бы какого-то успеха.

***

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», — эту поговорку Репер вспомнил несколько раз, пока толкал миномёт, с ног до головы покрывшись грязью, вернее, липкой плодородной почвой, по которой пришлось катить колёсный ход. Несколько раз, слышав визг дронов-камикадзе, артиллеристы разбегались по кустам, но Бог миловал, и вражеские операторы или не замечали их, пролетая по маршруту в сторону Востриково и Стратьевки, или игнорировали, намереваясь найти в посёлках более жирные цели. Миномёт, укутанный брезентом и маскировочными сетками, с виду не казался чем-то опасным и, соответственно, достойным поражения. Возможно, враг принимал его за тележку, на которой вывозили убитых или раненых.

В преддверии сумерек, когда до «Десны» оставалось метров триста, Репер обратил внимание, что группа Брабуса должна уже была доставить мины в означенное место и попасться им навстречу, возвращаясь обратно, но этого до сих пор не случилось. Подозрения окрепли, когда он дошёл до перекрёстка лесополос, где их тоже не оказалось. Не было и никаких обозначений оранжевым шнуром на кустах.

— Где эти балбесы? — Репер достал рацию и связался со Зноем, оставшимся за старшего на батарее. — Зной, Брабус приходил?

— Так точно, товарищ капитан! — бодро ответил Зной. — Взяли ещё двенадцать мин и ушли.

— Давно?

— Тридцать малых.

— Когда вернутся, пусть меня ждут.

— Принял.

Поговорив со Зноем, Репер вернулся к миномёту, оставленному на некотором расстоянии до перекрёстка, оставаясь таким образом на обратном скате высоты, невидимый для противника, и принялся раздавать указания по установке.

— Мужики, работать будете всю ночь, — сразу предупредил командир батареи. — Копаем окоп здесь, — он указал место.

Сам же Репер приступил к «привязке» миномёта к местности. Зная, что в данном районе обе противоборствующие стороны подавляют сигналы спутниковой навигации, капитан даже не пытался с помощью спутников определить своё место — всё было гораздо проще — пересечение линейных объектов давало ему высокую точность топографической привязки, отсюда он отложил семьдесят метров, измеренные шагами от перекрёстка до места установки миномёта. На смартфоне, в открытой программе «Альпенквест», он выставил точку стояния по видимым ориентирам, после чего определил угломер на одну из мачт ЛЭП, проходящей неподалёку от Стратьевки и хорошо наблюдаемой с огневой позиции.

Когда через час яма для установки миномёта достигла достаточных размеров и туда с большим трудом удалось его установить, Репер прильнул к прицелу, добиваясь установки рассчитанных значений.

— Колун, смотри сюда, — Репер подозвал к себе командира миномёта. — Видишь мачту ЛЭП?

— Вижу, — кивнул Колун.

— Угломер на неё — восемнадцать — двенадцать. Запиши.

— Записал, — ответил Колун, записав названные цифры в свой специальный блокнот.

- Это будет точка наводки.
- Понял, — кивнул командир миномёта.
- Проверь рацию.

Колун достал свой «Баофенг» и нажал кнопку передачи, рация Репера зашипела.

— Хорошо, — кивнул капитан. — Теперь запомни, и для верности тоже запиши в блокнот: когда я буду диктовать тебе установки прицела, к услышанным парам цифр прибавляй два. Например, надо «восемнадцать — двенадцать», но по рации я буду говорить «шестнадцать — десять». Понял?

— Ну, понял. А зачем это, товарищ командир?

— Станции у нас с тобой открытые, их слышат все, кто хочет, и чтобы огневую позицию нам по обратному отчёту не засекли, будем шифроваться, как можем...

— А, — Колун улыбнулся. — Я понял.

— Только не забудь, пожалуйста. Если забудешь прибавить два, я тебе потом все руки выдерну через задний выход.

— Не забуду, — уверил Колун.

— Ну, отлично, я тогда пошёл. Копайте и маскируйте. Я скоро вернусь.

Репер налегке стал спускаться по «Неве», прислушиваясь к звукам. Пока он шёл, над ним не пролетело ни одной «истерички» — в темноте могли работать только системы, оснащённые тепловизорами — и они вскоре уже должны были появиться — как только остынут предметы, нагретые солнцем.

С установленного рубежа он посигналил фонариком дозору и назвав пароль, оказался на опорном пункте. Найдя солдата, который ему подтвердил проход Брабуса, Репер уточнил у него направление, куда ушли подноски боеприпасов.

— Так вон туда они и пошли, — простодушный боец указал на «Амур».

— А чего ты мне сразу не сказал? — вспыхнул Репер,

— Так вы не спрашивали, — наивно ответил боец.

— А ты сам не видел, что мы как бы в разные стороны шли?

— Ну, видел, — кивнул солдат. — Но мне почём знать, куда кому идти надо...

Боец был прав, и Репер, махнув рукой, двинулся на батарею. Брабус и его «команда» спали на нарах, выполняя приказ командира батареи ждать его появления.

— Слышь, балбес! — Репер сдерживал себя, чтобы не учинить расправу. — Ты куда мины отнёс?

Брабус спустился с нар на пол.

— Товарищ капитан, как вы и просили, на край лесополосы. Мы их там замаскировали. Двадцать четыре осколочно-фугасные мины. Всё, как вы приказали.

— А на край какой полосы, Брабус?

— Ну, вот той...

— Направо после опорника, да?

— Да.

— А я куда сказал нести? Налево?

— Направо вы сказали.

— Брабус, не делай из меня идиота. Я не мог сказать тебе «направо». Ты даже запомнить не можешь, где право, где лево... вот как с вами воевать? С такими раздолбаями?

Брабус опустил голову и смотрел в пол.

— Вот идите теперь, и... — Репер быстро прикинул в голове, как лучше поступить — берите ещё мины, не сите их по «Неве» на «Десну», а потом по «Десне» идёте к «Амуру» и забираете там свои мины.

— Это после опорника налево? — уточнил Брабус.

— Так, строиться! — не выдержал Репер.

Когда вся группа подносчиков выстроилась в тесном блиндаже, командир батареи, подсвечивая фонариком, на полу носком ботинка стал рисовать план:

— Вот мы, вот опорник второго взвода, здесь поворачиваете налево, запомните, налево, затем идёте до прилегающей справа лесополосы, и по ней поднимаетесь вверх, пока не дойдёте до Колуна, он там миномёт сейчас ставит. Оставляете мины у позиции, и идёте дальше, до следующей посадки. На ней поворачиваете направо и идёте до её окончания, где она смыкается с «Амуром». Там, куда вы два раза мины таскали. Там находите мины и переносите их к миномёту.

— К миномёту Колуна, или обратно сюда? — уточнил один из бойцов.

— Гениальнейший вопрос! — Репер потрепал солдата за ухо. — Какой ты молодец, бро! Конечно же, носим всё к миномёту Колуна. Как только всё перенесёте, возвращаетесь сюда, берёте ещё по две дымовые мины и снова несёте их к Колуну. Брабус, слышишь? По две дымовые мины! Всё понятно?

— Так точно, — вразброд ответили доблестные артиллеристы.

***

— На данный момент лучший результат показала бригада Ветра, — сказал Томск, подводя итоги первого дня наступления.

Штаб армии, принимая во внимание удары «Хаймерсами» по штабам семьдесят шестой бригады и шестьдесят шестой дивизии, переехал на запасной командный пункт, и вовремя — буквально спустя полчаса противник

снова попытался нанести ракетный удар. «Панцирь» сбил четыре ракеты, но из-за израсходования своих зенитных ракет, перехватить все «Хаймерсы» не смог. Две ракеты ударили по школе, вызвав пожар и обрушение одного перекрытия. Подвальная часть поражена не была, но это было слабым утешением для шести офицеров штаба армии, погибших при ударе.

— Бригаде удалось практически выйти на глубину задачи дня, созданы все предпосылки к дальнейшему продвижению.

— Ветер молодец, хорошо подготовился к наступлению, — кивнул Каскад. — Чего не скажешь о Диксоне, — с этими словами командующий положил на стол несколько листов формата А4 с распечатанными на лазерном принтере фотографиями. — Полюбуйся.

Томск взял листы в руки — там были изображены картины разгрома бригады — подбитые и уничтоженные танки, боевые машины пехоты, бронетранспортёры...

— Неприглядное зрелище, — сказал начальник штаба, рассматривая фото.

— Ничего не находишь необычного? — спросил Каскад. — Причину, так сказать, разгрома?

Томск некоторое время рассматривал фото танка, сделанное с высоты метров десять. Затем он вернулся к уже просмотренным фото, перелистнул ещё, и его лицо исказила гримаса.

— Ты хочешь сказать... — Томск глянул в глаза командующего. — Немцы так лихо их разобрали потому что...

— Потому что у них не было РЭБа, — кивнул генерал-лейтенант.

— Мы же передали двести второй бригаде полсотни комплектов, — сказал Томск. — Где тут хоть один? — он потряс листами. — Это же...

— Это предательство, Дима, — кивнул Каскад. — А Эльбрус его покрывает. Звонил мне, требовал, чтобы я не вмешивался в дела бригады.

Томск громко выдохнул.

Каскад связался с командиром двести второй бригады.

— Доложите обстановку, товарищ полковник, — нейтральным тоном приказал Каскад.

— Обстановка, товарищ генерал, сложная...

— Я... и без тебя знаю, что она сложная! — Каскад повысил голос, перейдя на «ты». — Ноги в руки и на запасной командный пункт армии — бегом марш! Докладывать здесь будешь!

— Я не могу оставить бригаду в напряжённый момент боя, — нагло заявил Диксон.

— Я сказал — немедленно! — рыкнул Каскад.

— Согласуйте мой приезд с Эльбрусом, — Диксон неожиданно тоже повысил голос. — Он приказал мне быть в бригаде неотлучно!

Каскад от нахлынувшего возмущения аж встал.

— Полковник, ты что себе позволяешь? У тебя полчаса, и ты стоишь передо мной и докладываешь об обстановке! Конец связи!

Томск, слышавший весь разговор, выругался. Каскад был красный, как помидор и не находил себе места.

— Он родственник Эльбруса, — сказал командующий. — Потому и смелый такой.

В этот момент в помещение вошли двое — если их пропустила охрана, значит, и сами важные, и пришли по важному делу.

— Товарищ генерал-лейтенант, — обратился один из них. — Начальник временной оперативной группы полковник...

— Я вас помню, — кивнул Каскад. — С чем пожаловали? — командующий глянул на Томска, как бы спрашивая «нет, ну ты видел, как совпало»?

— У нас есть оперативная информация особой важности в отношении командира двести второй бригады...

— У меня её тоже много, вот, смотрите, — Каскад передал офицерам контрразведки листы с фотографиями подбитой и уничтоженной техники, — найдите на фото хоть один комплекс РЭБ.

Просмотрев фото, Чингис передал их Поэту, который тут же, без спроса у командующего, вложил листы в свою папку.

— Мы получили радиоперехват, в котором командование группировки ВСУ запрещает наносить удар по пункту управления двести второй бригады. Предполагаем предательство Диксона. Просим вашего содействия.

— Хорошо же его противник ценит, — Каскад обменялся взглядами с Томском. — Что от меня требуется?

— Мы намерены его арестовать, но из-за его высокого статуса, будет лучше делать это в присутствии непосредственного командира.

— Я вызвал его сюда, он должен появиться, — Каскад глянул на наручные часы, — через десять-пятнадцать минут.

Чекисты радостно переглянулись. Однако, Диксон так и не приехал.

Отряд «Шторм», направленный в распоряжение командира двести второй бригады, к вечеру был сосредоточен в исходном районе, где штурмовики должны были получить оружие и боеприпасы. Уже на заходе солнца район был накрыт кассетными «Хаймерсами» — местные ждуны поработали на отлично. Половина отряда перестала существовать, даже не доехав до места боя.

***

— Товарищ командир, вострепнулся Хасан. — Сообщение от Сугроба с пометкой «особой важности»!

— Читай.

— Предположительно, установлено место выхода в эфир расчёта пусковой системы «Хаймерс». У машины заглох двигатель в точке с координатами... это за пределами наших возможностей.

— Отлично, — просиял Ветер. — Передай информацию начальнику разведки армии... хотя... постой. — Ветер подпрыгнул и схватил трубку специальной связи: — Товарищ командующий! Мы нашли один «Хаймерс», дайте «Искандер»!

— Это точно? — Каскад машинально взглянул на часы — было три часа ночи. — Откуда информация?

— Горец дал, товарищ генерал.

— Где эти координаты?

— Восточнее Зареченска, прямо на трассе. Мы сами не можем, вас прошу...

— Спасибо, полковник, — поблагодарил Каскад. — Сейчас отработаем.

Высланный аэроразведчик в указанном месте пусковую установку «Хаймерс» не обнаружил, о чём Прибой и доложил командующему.

— Он где-то там, — сказал Каскад. — Ищите по посадкам, по дорогам.

— Товарищ генерал, — начальник разведки армии попытался возразить. — Мы едва дотягиваемся туда, у машин практически нет времени на детальный поиск. Получается только долететь и сразу обратно.

— Если ты потеряешь пару своих «Орланов», но найдёшь «Хаймерс», это будет вполне достойный размен, — заметил командующий.

Отрабатывая район дальше, оператор всё же смог обнаружить вражескую систему залпового огня, которую в этот момент везли на трале. Перед Зареченском трал остановился возле круглосуточного придорожного кафе. По мнению оператора целевой нагрузки разведывательного «Орлана», основанному на наблюдении того, как водитель аккуратно выставлял свой длинномер на стоянке, и водитель и расчёт «Хаймерса» намеревались стоять здесь долго. Отсчёт до удара пошёл на минуты.

«Искандер» подоспел ровно в момент, когда сытые ракетчики вышли из кафе, и покурив, стали занимать в машине свои места. Ещё бы минута, и удар пришёлся бы в пустое место.

Каскад, желая порадовать Ветра успехом, сообщил ему о поражении «Хаймерса» и ещё раз поблагодарил за информацию, намекнув, что был бы не против установить с Горцем прямой контакт.

***

— Кто тут Репер? — спросил боец, вышедший ночью на миномётную позицию.

— Я, — отозвался капитан. — Ты кто?

— Я пулемёт принёс, — боец снял с плеча ПКМ, его напарник поставил на землю два короба по двести пятьдесят патронов.

— А что патронов так мало? — спросил Репер.

— Что было, то и дали, — ответил боец. — Ну, мы пошли...

— Стой, — Репер тормознул бойца. — А где тепловизор?

— Какой тепловизор? — спросил солдат.

— Боец, я тебя сейчас здесь прикопаю, — мягко сказал командир миномётной батареи. — Командир батальона отправил мне пулемёт с тепловизором. Куда спрятал прибор?

Боец попятился.

— Не было никакого тепловизора!

— Как же вы меня уже достали, — в сердцах сказал Репер, и с размаха залепил бойцу хорошую пощёчину. — Коммерсанты хреновы!

Боец завалился в кусты.

— Этого расстрелять, — приказал капитан своим бойцам. — А у этого я спрошу, где тепловизор...

Репер стал угрожающе приближаться ко второму бойцу.

— Денег захотели заработать? — капитан схватил бойца за шею. — А не получится! Говори, куда спрятали!

— В рюкзаке... — прошипел боец.

Из рюкзака был извлечён тепловизионный прицел, без которого пулемёт был ночью бесполезен.

— Какая прелесть, — усмехнулся Репер. — Ради личного обогащения вы хотели оставить полсотни пацанов без зашиты от ночных дронов... — тут у него мелькнул мысль, — а давайте-ка, топайте к Свату. Он вам там задачи быстро нарежет.

— Это куда? — уточнил «коммерсант».

— Туда, — Репер указал в сторону переднего края.

— Нам приказано вернуться, — возразил боец.

— Ничего не знаю, — сказал капитан. — Ты свою судьбу сам себе определил, когда решил пацанов кинуть. Иди, исправляйся. Пулемёт и патроны понесёте дальше.

Своим коротким автоматом Репер подтолкнул бойцов, и они нехотя двинулись в сторону «Зеи». Идя за ними, некоторое время он поглумился над их слабостью, проявленной в попытке умыкнуть дорогой прицел, потом понял, откуда она могла происходить.

— А вы что, солевые? — спросил он обоих, вспомнив, как они дёргались в момент допроса.

— Солевые, — буркнул тот, кто был ближе.

— А как в войска попали?

— Со следствия, — ответил тот же.

— Эй, передний, а ты? — Репер повысил голос.

— Я тоже со следствия, — ответил тот.

— И как вам на войне?

— Дома не страшнее было, — ответил ближний. — То бандиты трясут, то менты житья не дают. Здесь то же самое...

— А я для тебя кто — бандит или мент? — потешался Репер.

— Мент, — честно ответил боец.

— А кто бандит?

— Да есть у вас такие, с местными на созвоне, срачивают всё, что хочешь, но берут втридорога, в долги загоняют. Мы прицел-то не просто так дёрнуть хотели, а чтобы долг погасить.

— А кто это такой смелый, что бойцов в долги загоняет?

— Да вам-то какая разница, товарищ капитан. Вы — офицер, вас они не тронут, вы как из другого мира. Это нас, солдат они окучивают. И крыша у них сильная. Из местных. Вам не по зубам. Никому не по зубам.

Спустившись к «Зее», встретили первый дозор.

— «Баба-Яга» прилетала? — спросил Репер у возрастного бойца.

— Слышал вроде, — ответил боец. — Но не видел.

Поднимаясь к «Двине», когда до посадки оставалось менее километра, вдруг впереди ночная темень озарилась ярчайшим огнём, словно льющемся на землю с небольшой высоты. Огненная река словно вытекала из ничего, и ровной полосой покрывала лесопосадку, вызывая на земле большой пожар.

— Что это? — спросил тот, кто шёл первым.

Репер и сам видел это явление впервые, но уже знал, что это такое — друзья присылали подобное видео.

— Это на наши позиции прилетела «Баба-Яга» и огнём выжигает наших пацанов. А ну, давайте пулемёт.

Репер закрепил прицел на «ласточкин хвост», включил его. Пока прибор приходил в рабочее состояние, на «Двине» уже всё закончилось. Однако, поставив пулемёт на сошку и прильнув к прицелу, капитан всё же разглядел мультикоптер, парящий в ночи далеко от пылающей посадки.

Прицел был явно не пристрелянный — первая трасса легла сильно ниже, возможно, даже в посадку. Репер попытался прицелиться выносом, получилось уже лучше, однако, дальность всё же была великовата, чтобы можно было уверенно работать по дрону.

— Идём дальше! — Репер поднялся.

Однако, бойцов и дух простыл. Пока он стрелял из пулемёта, те, пользуясь бесконтрольностью, сбежали. Вскинув ПКМ к плечу, Репер глянул вперёд, потом назад по посадке — наркоманы убегали от него, что было сил. Мелькнула даже мысль положить их, но палец сам собой отскочил от спускового крючка — пожалуй, не стоило бы множить человеческое горе, даже несмотря на то, что эти наркозависимые люди были практически бесполезны в бою, и более того, как они это уже продемонстриро-

вали, могли подгадить в любой момент. Впрочем, Репер вспомнил правило, гласящее, что «на войне полезен даже самый бесполезный боец, ибо и на него тоже противник будет вынужден тратить дорогостоящие боеприпасы». На этом он и остановился — когда-нибудь они пригодятся по этой схеме, на большее их точно не хватит.

Закинув пулемёт за спину и взял коробки с лентами в обе руки, капитан направился к «Двине», где его уже ждали, будучи предупреждёнными по радиации, и видевшие его попытку поразить дрон с практически предельной дистанции.

Однако, дойти до «Двины» Репер не успел — над посадкой появился следующий коптер. Упав на землю и прицелившись, на дальности метров триста, длинной очередью капитан завалил «Бабу-Ягу» в тот момент, когда она только начала лить огнесмесь на головы штурмовиков.

Мультикоптер, разливая пламя, словно праздничный фейерверк, крутанувшись несколько раз в своём последнем полёте, рухнул в посадку, полыхнув огненным шаром. Над «Двиной» раздалось громкое и протяжное «Ура-а-а»!

***

Диксон, пытаясь взбодрить себя крепким кофе, слушал доклад начальника штаба, суть которого сводилась к стремлению сосредоточить основные наступательные усилия на Еремеево, отказавшись от действий в направлении Сухого Дола.

— Здесь мы имеем соседа справа, который смог добиться успеха, — аргументировал Пирс. — Нужно будет предложить Эльбрусу решение — пусть семьдесят шестая, раз она уже на «Иртыше», берёт опорник на перекрёстке

дорог на Светлый. Это создаст противнику угрозу окружения, и он выведет свои войска из Еремеево. И мы сможем войти туда без особого сопротивления.

— Отличная идея, — кивнул Диксон. — Пока они будут брать этот опорник, мы соберём новые штурмовые отряды из всех наших бездельников — тыловики, связисты, сапёры, оставшихся артиллеристов... нам сейчас главное — протянуть время...

После того, как Каскад в категорической форме потребовал от Диксона личного появления на командном пункте армии, командир двести второй бригады не находил себе места. Даже вмешательство Эльбруса не гарантировало отсутствие проблем, и сам Диксон чувствовал, что нарывается, и что все эти выходы добром точно не кончатся. Он с ностальгией вспоминал ушедшие времена, когда он был реальным царём и богом для своих подчинённых, тосковал по той вольнице, какая была у него до перехода в вооружённые силы России. И самое главное, в чём Диксон не хотел признаваться даже самому себе, он осознавал свою ущербность с точки зрения военного образования, зачастую слушая начальника штаба, или командиров батальонов, совершенно не понимая, о чём они ему говорят. Формирование плана выполнения боевой задачи в его голове происходило предельно примитивно: идите туда и убейте там кого-нибудь. Погоны полковника не сделали его умнее, а лишь добавили самодурства, которым он и прикрывал отсутствие тактического мышления. У него было время открыть боевой устав, чтобы ознакомиться хотя бы с основными принципами организации боевой работы, но даже этого он не сделал, полагая, что это будет ниже его достоинства. Он хоть и был наверху пирамиды целого военного организма, именуемого бригадой, но даже близко не представлял, как он работает

изнутри, в отличие, например, от Ветра, Спутника или Минска. По его мнению, всё работало как-то само, а умение управлять, то есть, заставлять людей идти в бой, базировалось на хамстве, физической силе и безнаказанности.

Впрочем, Диксону было на кого равняться — в самом начале войны управленцев, подобных себе, он видел много — свою безграмотность они прикрывали криками и кровавыми решениями, выполняя которые, бессмысленно гибли целые подразделения. Печаль ситуации состояла в том, что отдельные командующие, не желая вникать в вопросы тактического уровня, оценивали успешность командиров по числу потерь — что стало наиболее простым и понятным мерилom командирской лихости. Не количеством уничтоженного противника, не площадью занятой территории, не долей успешно выполненных задач, нет! Количество собственных потерь — только этот показатель стал основным критерием боевого успеха!

В подразделении большие потери? Значит командир активный, навязывает противнику свою волю, действует решительно и смело! В уставе же написано, что «упрёка заслуживает не тот, кто в стремлении разгромить врага не достиг своей цели, а тот, кто проявил бездеятельность, нерешительность и не использовал всех сил, средств и возможностей для выполнения поставленной задачи».

Деятельный? Да! Решительный? Да! Использовал все силы? Да! А то, что использовал всё это бездарно, так об этом ничего в конкретной фразе устава не сказано. Стремился разгромить врага? Конечно! А значит, что? Правильно, значит — герой! А вникать в частности, при такой постановке, никто не будет. Бросил все силы в атаку, задавил врага массой... или не задавил, но всё равно молодец. Тактика? Нет, не слышали. Вся тактика, когда нет мозгов, отда на откуп численности привлекаемых войск.

Диксон вспомнил, как он своим, тогда ещё полком, брал Знаменку. Полк практически прекратил своё существование, потери были огромные. Однако, победа эта была политически важна, и за понесённые потери Диксона никто не упрекнул, наоборот, наградили полководческим орденом и назначили командиром бригады, формируемой на основе погибшего полка.

Жечь людей в топке войны Диксону было не привыкать. Но в глубине души он понимал, что это ненормально, и когда-то придётся за это заплатить очень большую цену.

— Разрешите, — на командном пункте появился военный комендант Знаменского района, с которым Диксон поддерживал знакомство.

— Здорово, Николай! — поприветствовал Диксон, хотя в душе у него что-то ёкнуло.

— Товарищ полковник, собирайтесь, — сказал Ермолов. — Приказано доставить вас в штаб Четвёртой армии. Диксон отдёргнул руку, протянутую для рукопожатия.

— Я никуда не поеду, — глаза полковника вспыхнули в ярости. — Да кто он такой? Я сейчас позвоню Эльбрусу!

— Со мной взвод военной полиции, — предупредил Ермолов. — Ваша охрана нейтрализована. Попрошу без эксцессов, товарищ полковник. Мы оба знаем, что я вас доведу куда надо, как бы вы не сопротивлялись.

— Я вам это так не оставляю, — прошипел Диксон, смирившись с судьбой.

— Пенкин, Кузнецов, разоружите полковника, — приказал комендант, и сотрудники военной полиции сноровисто отобрали у Диксона вначале пистолет Ярыгина, а затем, из внутреннего кармана, пистолет Макарова.

На глазах у всего пункта управления Диксона вывели на улицу.

— Наконец-то, — тихо сказал Пирс.

***

— Ганс, вставай, — Гоча потряс своего друга, а теперь уже и целого командира взвода, за плечо: — Немцы идут.

— А? — Ганс подскочил, ещё находясь в полудрёме, когда соображать что-то было ещё очень сложно. — Где? Куда?

— Танк по дороге едет. Не видно, но слышно.

Вдвоём они перебежали к краю лесопосадки, откуда открывался вид на мост через ручей Овражный, дорогу, идущую в сторону Осиновки, и само село — всё это было бы видно днём, но облачность, закрывшая звёзды, сделала ночь абсолютно тёмной.

Со стороны дороги раздавался хорошо различимый рёв танкового дизеля.

— Идёт, — согласился Ганс. — Где наши «корнетчики»?

— Я послал за ними, — ответил Гоча. — Сейчас должны прийти.

Сутки назад Ганс был извещён о новой должности и обещанием присвоить ему звание младшего лейтенанта, но из-за безумной усталости он не смог возрадоваться этому событию, тем более, что оно влекло и новую задачу — взять штурмом не только «Зею», но и следом за ней идущую «Двину». Если «Зею» взять было теоретически возможно, так как «Зею» и «Десну», где он находился на момент получения новой задачи разделяло всего несколько десятков метров, то от «Зеи» до «Двины» было больше километра открытого пространства, миновать которое, не получив дрон, осколок или пулю, было практически невозможно.

Время лобовых атак осталось в 2022 году, и теперь штурм лесополос происходил только непосредственно

по ней самой — вдоль, а не поперёк. Даже оборона лесополос не строилась в сторону поля — так никто уже не рисковал наступать. Главное при штурме было зацепиться за посадку, и далее уже шла боевая работа непосредственно вдоль лесополосы. Окопы, огневые точки, минные заграждения — всё было поставлено только для войны вдоль полосы, а не поперёк неё.

Однако, Ганс был уже тёртым калачом, и умел оценивать обстановку. Он прошёл до ручья, затем вдоль него до моста, и накопив таким образом под мостом шесть человек, внезапной и стремительной атакой смог ворваться на торец «Двины», в коротком бою перебив вражеский дозор, в том числе благодаря тепловизионному прицелу, доставшемуся ему во время последнего боя на «Десне». Дальше было делом техники — продвигаясь по «Двине», Ганс гнал врага на Свата, чьё подразделение и перебило противника.

Потом начался ад — казалось, что в них, закрепившихся на лесополосе, летело всё, что могло лететь. Противник бил артиллерией, дважды накрывал кассетными «Хаймерсами», непрерывно атаковал дронами — как «истеричками», так и сбросами. Люди получали ранения, погибали. День не смог пережить Якут — его разорвало в клочья прилетевшим дроном. Максуд был тяжело ранен под ударом кассетной ракеты, но вытащить его не было никакой возможности и в полночь он уже не дышал. Сам Ганс и его друг Гоча получили лёгкие ранения, но продолжали работать... впрочем, не потому, что они были отчаянными героями, а потому, что у них не было никакого другого выбора, как это чаще всего и бывает.

— Ну где ваш танк? — в ночи показалось три человека, тащившие противотанковый ракетный комплекс.

— Что, не слышишь? — усмехнулся Гоча.

— Так это же «Леопард», — обрадованно вскрикнул Метис, командир противотанкового взвода. — Значит, не зря я сюда пошёл.

— Товарищ лейтенант, — в разговор влез один из пришедших ракетчиков. — А можно я первый по нему бахну?

— Молод ещё, — быстро ответил офицер. — Иди ещё за ракетами! Чую, будет сейчас весело.

Вместе со вторым номером, лейтенант сноровисто развернул станину и пусковое устройство, включил тепловизор.

— А чего вы все встали, ну-ка легли! — предупредил Метис. — На «Леопарде» очень мощный прицельный комплекс, он нас, может быть, уже видит. Поэтому лежите пока, не отвесчивайте!

За мощным нарастающим звуком работы немецкого дизеля стали слышны звуки других двигателей. Чем ближе становился враг, тем отчётливей приходило понимание, что одним танком дело не ограничится.

Когда тепловизор вошёл в режим, Метис прильнул к визиру и охнул.

— Да их тут тьма!

Он схватил цифровую радиостанцию:

— Корсар — Метису! Прошу на связь!

— Корсар на связи! — без промедления ответила рация.

— Наблюдаю движения большой группы техники со стороны Осиновки. Оценочно, танк «Леопард», три БМП «Мардер» и восемь «Макс-про». Прошу огня по дороге от моста включительно на километр, точнее не скажу, готовлюсь к бою.

— Принял, Метис, — ответил Корсар. — Держись.

В этот момент «Леопард» сделал первый выстрел, огромной вспышкой озарив ночь. Спустя полсекунды сна-

ряд упал метрах в пятидесяти перед позицией, взрывом выбросив массу земли.

— Ну всё, парни, — сказал Метис. — Не поминайте лихом. Будет веселее, чем ожидалось.

Ганс обернулся на своих бойцов, ткнул пальцем в одного, потом в другого:

— Ты и ты, бегом на «Зею», там в блиндаже есть реактивные гранаты, несите их сюда... — но представив, что эти люди просто не найдут ночью гранаты, повернулся к Гоче: — Давай, друг, иди с ними. Они же ничего там не найдут!

— Да пока мы будем бегать, тут уже всё закончится, — возразил Гоча.

— Не, эта бодяга надолго, — ответил Ганс. — Иди.

— Один за мной, — крикнул Гоча и выскочив из окопа побежал по открытому полю, возможно, даже привлекая к себе внимание вражеских танкистов, но никто стрелять по нему не стал — может быть, противник оценил это как бегство пехоты с занимаемого рубежа и не стал препятствовать.

— Выстрел! — громко крикнул Метис.

Вспышка огня ослепила тех, кто по неопытности не успел закрыть глаза, и оглушила тех, кто по неопытности не успел закрыть уши.

Ганс развернулся и что было сил побежал по ходу сообщения подальше от пусковой установки, четко зная, что пока летит до цели ракета, противник будет бить по месту старта из всего, что у него будет под рукой.

***

Каскад взглянул на часы — пять утра. События завертились — противник наконец-то стал оказывать организованное сопротивление.

— Тайфун, — комбриг крикнул на весь пункт управления: — Огневая задача!

— Готов принять, — начальник артиллерии активировал планшет. — Кого бьём, товарищ полковник?

— Работаешь «Гиацинтами» и «Ураганами». Цель — бронетехника на марше, открытая и укрытая пехота. Расход определяй по результатам поражения.

Начальник разведки направил в район моста «Орлан», который спустя десять минут стал транслировать картинку: на дороге уже что-то горело, было видно несколько единиц техники, рассыпавшуюся по полю пехоту, на лесополосе время от времени вспыхивали разрывы.

— Третий, стой. Цель... — начальник артиллерии приступил к работе.

Где-то далеко от командного пункта, старший офицер батареи «Гиацинтов» приступил к пристрелке цели.

— Первый пошёл, наблюдайте, — сообщил он по закрытой связи.

Через пару минут Тайфун увидел на большом экране разрыв, отличающийся размерами от остальных.

— Прими поправки, — Тайфун уткнулся в планшет и смартфон.

Вскоре первую ракету пустил «Ураган», а после корректировки, дал залп ещё пятью. Средняя точка прихода ракет оказалась смещена к востоку, но краем всё же удалось накрыть часть вражеской пехоты и техники.

— Катран, на связь, я Ветер, — комбриг вызвал командира танкового батальона.

— На связи, Катран, — ответил танкист.

— Необходимо двумя машинами выйти на северо-восточный край «Зеи» и оттуда оказать огневую поддержку второму батальону, обороняющему мост. Давай, сам

решай, как это сделать. Держи меня в курсе. Танки должны быть там через двадцать минут.

— Принял, — ответил Катран и связался с командиром первой танковой роты: — Петруха, через пятнадцать минут два твоих танка стоят на северо-востоке «Зеи» и убивают всех, кого увидят за мостом в сторону Осиновки. Задачи танкистам поставь сам, не маленький.

— Принял, — ответил танковый ротный.

— Я в тебя верю. Дерзай.

***

Метис не увидел попадания ПТУРа в «Леопард» — украинские танкисты отработали быстрее, чем «Корнет» долетел до них, может быть, на долю секунды опередив своим снарядом летящую ракету. Близким взрывом пусковую установку положило на бок, а командиру противотанкового взвода оторвало голову.

Летающая противотанковая ракета вошла между корпусом и башней танка, кумулятивным зарядом пробив крупновскую броню. Ворвавшаяся внутрь танка кумулятивная струя убила командира и резким скачком давления тяжело контузила остальной экипаж, оставив танк без управления. Он продолжал движение вперёд, но в нём уже некому было воевать. Пройдя таким образом метров сто, он съехал в кювет и остановился.

Увидев гибель «корнетчика», Ганс бросился обратно. Схватив в охапку пусковую установку вместе с пустым контейнером от ракеты, он побежал по ходу сообщения, надеясь попытаться использовать это мощное оружие с другой позиции.

Сердце вырывалось из груди, уже не хватало воздуха и приходилось делать короткие остановки, чтобы

хоть как-то дать организму надышаться. Вокруг рвались снаряды автоматических пушек «Мардеров», свистели пули и осколки, и к сознанию подступала привычная уже апатия — убьют, ну и чёрт с ним.

Отойдя метров на сто, Ганс завалился на землю вместе с пусковой установкой. От перегрузки его вырвало — водой и галетами.

— Вставай, — сам себе сказал он. — Надо работать.

Он вскинул автомат, через тепловизионный прицел рассматривая местность. Пехота противника приближалась. Вскоре они дойдут до моста, и тогда до края лесополосы им останется полсотни метров. Чтобы преодолеть это расстояние, нужна минута — и они будут на позиции.

Вдруг он понял, что нужно делать, и оставив пусковую установку на месте, побежал обратно, туда, откуда он только пришёл. На ходу он улыбнулся — почему ему всё время приходится искать рации?

Станция, по которой Метис связывался с командиром батальона, была у ракетчика в разгрузке. Чтобы её достать, Гансу пришлось перевернуть тело убитого лейтенанта. Рация была целёхонька.

— Корсар, я Ганс, командир второго взвода второй роты, ответь! Как меня слышно?

— Ганс, я Корсар. На связи! Что у тебя? — почти сразу ответил командир батальона.

— Я остался один. Все погибли. Метис погиб. Обороняться некому. Противник находится на дороге. Через пять минут пехота будет на мосту. Вызываю огонь артиллерии на себя!

У Ганса защемило сердце от сказанного, он уже прощался со своей жизнью, но Корсар его быстро осадил.

— Слышь, балбес, там сейчас и без тебя ударят. Укройся где-нибудь. Наблюдай и докладывай! Понял?

— Так точно, — ответил Ганс, возвращаясь к жизни. — Понял!

Корсар связался с Уралом:

— Там у тебя миномёт выставлен на «Десне», пусть помогут. Организуй работу...

Урал связался с Репером:

— Ты где?

— На «Девятке».

— Что ты там делаешь?

— Веду уничтожаю.

— Короче, работа есть... там Ганс тебе подскажет, свяжись с ним. Возьми частоту у пехоты...

Поняв, что от него требуется, Репер взял у Свата рацию и вызвал Ганса. Тот не отвечал. Выругавшись, капитан достал смартфон и присел в окопе. Пару минут ему потребовалось для расчёта данных для стрельбы, после чего по рации он вышел на своего наводчика — дальность позволяла.

— Колун — Реперу!

— На связи!

— Записывай!

— Есть, готов, — через несколько мгновений ответил Колун.

— Пятьдесят девять — сорок. Прицел пять-пять-один. Ко всем цифрам применяешь правило, о котором я тебе говорил.

— Э... товарищ капитан, я забыл, прибавляем два или отнимаем?

Попытка организовать скрытность в переговорах летела прахом.

— Колун, теперь даже противник знает, какой ты балбес! — с негодованием вырвалось у Ропера. — Не надо ничего отнимать, записывай снова! Старое — забудь, вычеркни! Готов?

— Готов, — ответила рация.

— Направление — ноль один — пятьдесят. Прицел семь-семь-три! Заряд четвёртый. Слышишь, балбес, четвёртый! Мина осколочно-фугасная. Навестись, доложить по готовности!

— Есть.

Репер вылез из окопа и выбрался из лесополосы. Около полутора километров вправо сейчас разыгрывалось сражение, куда нужно было накидать мин, чтобы затруднить противнику попытки атаковать торец «Двины». Сейчас у него не было с собой никаких инструментов, с помощью которых можно было бы эффективно корректировать огонь, но капитан надеялся на свой опыт.

— Готово, — доложил Колун минут через пять.

— Одной миной огонь, — скомандовал Репер и когда Колун в рацию крикнул «Выстрел!», включил секундомер.

Там, на месте боя, сейчас время от времени происходили небольшие всполохи огня, и на их фоне нужно было выделить «свои». Мина будет лететь тридцать семь секунд, и по истечении этого времени следует ждать «своего» разрыва. Как только секундомер отсчитал полминуты, Репер обнулil его в готовности начать новый отсчёт.

Спустя ещё несколько секунд он увидел вспышку, и снова запустил секундомер. Когда до его ушей долетел раскат взрыва, остановил секундомер и посмотрел на экран — тот показывал почти пять секунд, что дало Реперу примерно исчисленную дальность.

Не имея точных данных местонахождения цели, первой миной он просто убедился, что она легла «примерно где-то там», а не на свои позиции, что уже было не плохо само по себе.

— Колун, вызывай Брабуса, передай ему мой приказ — пускай идёт к нише, где у нас лежит неприкосновен-

ный запас, берёт оттуда осколочно-фугасные мины и тащит к тебе. Нечего спать, когда тут война! Пусть встаёт и работает! Так, теперь ты. Работаешь на этом прицеле, шесть мин, огонь. Каждый выстрел докладываешь!

— Принял, — ответил Колун и спустя несколько секунд добавил: — Выстрел!

***

Ганс открыл глаза, в ушах звенело — очередная контузия чуть не лишила его жизни. Голова словно раскалывалась. Первое, что он увидел — мерцание экрана тепловизионного прицела, установленного на его автомате, который валялся рядом с ним.

Ганс протянул руку и ухватился за автомат. Сделав несколько глубоких вдохов, он приподнялся на колени. Вокруг оглушительно разрывались снаряды автоматических пушек «Мардеров», продолжавших обрабатывать посадку, уничтожая в ней всё живое, готовя лесополосу к атаке своей пехоты.

Приподнявшись, он прислонил автомат к обрубку дерева и глянул в прицел — пехота противника шла по мосту. Немцы шли в полный рост, и никто их остановить не мог. Ганс наложил перекрестье прицела на середину наблюдаемой группы, человек пять-шесть, и дал длинную очередь. Не пытаясь выяснить результат, он тут же свалился на землю, откатился в сторону и на четвереньках пополз к ходу сообщения. Удалившись метров на десять, он снова привстал, и так же прислонив автомат к стволу дерева, снова посмотрел на мост — там уже никого не было.

— Куда вы пропали? — злобно спросил Ганс, шаря прицелом. — А, вот вы где...

Вся пехота проскочила мост и теперь их головы выглядывали из-за дорожного полотна, в сотне метрах от места, где находился Ганс. Руки тряслись, и говорить о точной стрельбе было бессмысленно.

«Сейчас выйдут на дорогу, и я их всех сложу», — мелькнула мысль.

Вдруг справа он увидел промелькнувший красный огонёк, который вдруг превратился в яркую вспышку, полыхнувшую на борту одного из «Мардеров». Тут же пролетел ещё один огонёк, и «Макс-про» блеснул ярким пламенем.

Ночь уже утрачивала свои права, и в утренних сумерках стали проступать силуэты боевых машин. Ганс видел, как они разворачиваются и на максимальной скорости уходят в сторону Осиновки.

Перевёл взгляд в прицел — группа пехоты выбралась на дорогу, но они не атаковали, а бежали обратно к мосту. Ганс потянул спуск и стрелял, пока не закончились патроны. Один человек упал, двое попытались было его поднять, но бросили и побежали дальше.

Пролетел ещё один огонёк и тут же вспыхнул взрывом «Леопард», бочком заваленный в кювете.

— А где Метис? — сзади раздался голос.

Ганс повернулся — перед ним, обнимая контейнер противотанковой ракеты, стоял номер расчёта ПТРК, которого Метис в самом начале боя отправлял за боеприпасами.

— Нет его больше, — ответил Ганс.

— А я вот, ракету принёс, — виновато сказал боец.

— Быстро ты, — похвалил Ганс.

— Я старался, — боец был рад, что его похвалили.

— Стрелять умеешь?

— Могу.

— Значит, стреляй!

Обернувшись, Ганс увидел два танка — они стояли в поле, между «Двиной» и «Зеей» и безостановочно, снаряд за снарядом, расстреливали уходящую вражескую технику.

Ганс сел, прислонился к обрубку дерева и молча наблюдал эту картину — вселяющую радость и упоение в душу русского воина. А там, на дороге, прибавлялось число горящих боевых машин противника.

Тех, которые не прошли этот мост.

***

— Вы уж извините, товарищ полковник, что пришлось за вами послать военную полицию, — начал говорить Каскад, но Диксон нутром почуял, что показное благодущие сейчас исчезнет, и он не ошибся, командующий повысил голос: — Или вы реально считаете, что можете посылать своего начальника?

Диксон собирался нахамить в ответ и напомнить о существовании Эльбруса, но он не учёл главного — если он, Диксон, звание полковника фактически купил, то Каскад свои генеральские звёзды начинал зарабатывать с курсантских погон, и опыта «приведения в чувство» тех, кто утратил понимание субординации, у него было неизмеримо больше.

— Вы как стоите перед начальником? Смирно! Руки по швам!

Рядом находились Ермолов и пара его бойцов, которые уже успели по-своему утихомирить полковника в процессе движения к Каскаду.

Диксон, как смог, вытянулся.

— Вы сейчас будете отвечать на мои вопросы — коротко и правдиво, — предупредил Каскад. — Договорились?

Диксон рассеянно кивнул. Самоуверенность и блажь с него ещё не слетели только потому, что он продолжал надеяться на скорую помощь со стороны Эльбруса.

— Кто отдал приказ сосредоточить весь дивизион, все восемь орудий, на одной площадке?

— Не знаю, — Диксон пожал плечами.

— Это не ответ. Ты, — Каскад перешёл на «ты», — командир бригады, и только ты за всё отвечаешь.

— Я такой команды не отдавал, — сказал Диксон. — Может, начарт приказал.

— Почему, получив от меня конкретное указание, ты не рассредоточил склады с боеприпасами?

— Не успели.

— Тебе известно, что они все уничтожены? Все запасы бригады на весь период наступления?

— Нет, — Диксон спокойно помотал головой. — Такую информацию мне не доводили. А в чём проблема? Нам же привезут ещё...

— То есть, ты даже не знаешь, что происходит у тебя в соединении...

— Я же сказал — я не успел. В чём моя вина?

— Армия передала бригаде пятьдесят с лишним комплектов РЭБ. Где они?

— Не знаю, — Диксон пожал плечами.

— Опять «не знаю»? Ты на совещании лично отчитывался об их получении!

— А, эти... на складе, наверное.

— На складе? Который уничтожен? А ты понимаешь, что ты потерял три батальона только потому, что вся твоя техника была без комплексов РЭБ?

— Не успели поставить, — простодушно ответил Диксон.

— Ветер успел, Минск успел, Спутник успел, Енот успел... все успели, а Диксон не успел. Ни одну станцию не успел поставить! И даже не пытался, да?

Диксон демонстративно развёл руками.

— А может, ты их уже продал кому-то?

Диксон опустил голову и молчал.

— Ты понимаешь, что всё это значит? — Каскад смотрел на комбрига уничтожающим взглядом, и окружающие остро чувствовали со стороны командующего острое желание расправиться с полковником по-мужски — здесь и сейчас.

— Ничего не значит, — тихо сказал Диксон. — Ну, потеряла бригада три батальона, с кем не бывает. Вы, наверное, и больше теряли. Завтра же нам дадут новых людей и дальше пойдём освобождать Украину от нацистов.

От этих слов Каскад вскипел, в голове неслись мысли, что сейчас нужно сказать в ответ — что-то такое, сравнительное, что одно дело потерять три батальона и добиться успеха, и что совсем другое, потерять три батальона вот так, совершенно бессмысленно, никак не подготовив бригаду к результативному бою. И вдруг генерал-лейтенант Иванцов словно прозрел — в голове мелькнуло — «если надо объяснять, то не надо объяснять».

— Да он не предатель, он просто барыга и идиот, не способный осознать простые вещи. — Каскад повернулся, ища глазами среди присутствующих начальника временной оперативной группы, с которым до прибытия Ермолова с Диксоном, имел долгую беседу. — Вон, в семьдесят шестой бригаде лейтенант застрелился, не вынес угрызений совести из-за гибели нескольких своих солдат, а этот угробил почём зря три батальона, и стоит, радуется. — Генерал повернулся к Диксону: — Ты же хочешь застрелиться, как офицер, утративший честь? Дать пистолет с одним патроном?

Диксон мотнул головой.

— Я на собираюсь стреляться.

— Конечно, — согласился Каскад. — У тебя же нет чести. Забирайте его.

Чингис шагнул к полковнику, в его руках были наручники.

— Руки покажи.

— Дайте позвонить Эльбрусу! — крикнул Диксон. — Вы не смеее!

— Руки, — повторил чекист.

— Я сам позвоню Эльбрусу, — сказал Каскад. — Очень скоро. И поверь, ему будет настолько стыдно за тебя, что ты даже не представляешь!

— Это ничего не изменит, — усмехнулся Диксон и сдавшись, протянул руки. — Ему не будет стыдно.

Чингис защёлкнул наручники на руках Диксона и подтолкнул его к выходу. Ермолов со своими бойцами вышли следом.

Несколько минут спустя Каскад, Томск, Гранит, Прибой и Титан нависли над огромной картой театра военных действий, где сейчас Четвёртая общевойсковая армия вела наступательные действия.

— Что мы имеем, — Томск указкой провёл по карте: — два полка дивизии смогли достигнуть рубежа по лесополосе «Кама», но дальнейшее наступление остановлено, пункт управления дивизии поражён, Минск хоть и продолжает управлять соединением, но он ранен, и посмотрим правде в глаза — мы не знаем, сколько он ещё протянет. Нужно искать на его место замену.

— Предложения? — спросил Каскад.

— Командир четырёхста четвёртого полка проявляет себя самым решительным образом, — сказал начальник

штаба армии. — Тактически грамотный, быстро ориентируется в обстановке...

— Согласуйте с Минском его кандидатуру на всякий случай, — кивнул командующий. — Действия противника в полосе дивизии?

— Противник вёл оборонительные бои, использовал артиллерию и дроны-камикадзе, потери дивизии в технике — три танка, шесть БМП. Наступательной активности враг не проявлял.

— Семьдесят шестая бригада?

— В полосе бригады практически выполнена задача дня, достигнут рубеж по лесополосе «Двина». По докладам командира бригады, противник дважды пытался контратаковать, вначале по дороге от Ябловки, затем, в утренние часы, со стороны Осинówki, с использованием танка «Леопард», боевых машин пехоты «Мардер» и бронемашин. Атаки противника отбиты, танк «Леопард» находится в серой зоне, там же — несколько БМП «Мардер».

— Кто его поразил?

— Как обычно, — усмехнулся Томск. — Претендентов много... операторы БпЛА, «корнетчики», танкисты, артиллеристы и даже миномётчики...

— Нужно организовать его эвакуацию, — в душе Каскада заиграло честолубие: — На «Фрунзе» должны запомнить, кто им «Леопард» добыл — Четвёртая армия!

— Сделаем, — кивнул Томск и продолжил. — Опорный пункт «Березовый» блокирован, также бригада частично взяла лесополосу «Вятка», частично — «Иртыш». Взяв «Березовый», мы закрепимся на данном направлении, а там возвышенность, с которой контролируется вся низина до Сталегорска и Орловки.

— Двести вторая?

— Разгром по всем направлениям. Потери по технике — более шестидесяти единиц безвозвратно. Двадцать три предварительно, подлежат восстановлению.

— Подводим итог, — сказал Каскад. — Противник правильно оценивает наш замысел на рассеяние в полосе семьдесят шестой бригады боевых порядков его группировки по линии «Нева» — «Ясень» — Ябловка — дачи — Орловка. Правильно он оценил и глубину наших боевых порядков на этом направлении и утром попытался, я в этом не сомневаюсь, совершить рейд на всю глубину построения семьдесят шестой бригады, окружить и уничтожить прорвавшиеся подразделения...

— Полагаете, Сергей Николаевич, это был не встречный бой? — спросил начальник штаба.

— Уверен. В противном случае, найдите объяснение тому, почему утром бронегруппа противника, доехав до моста, высадила только часть пехоты и не стала сразу откатываться назад, как это диктует логика и весь наш предыдущий опыт?

— Полагаете...

— Я уверен, противник не оттягивал назад силы только потому, что, преодолев мост, намеревался пойти в прорыв. Посмотрите, — Каскад взял карандаш и провёл им по карте, — миновав мост, они бы повернули налево, прошли напролом «Зею», «Десну», «Амур», вышли бы в тылы второго батальона семьдесят шестой бригады в Стратьевке, затем бы маршем дошли до Знаменки, а там у нас обороны как таковой нет, и затем им бы осталось рукой подать до Ударника.

— Такими небольшими силами?

— А чего удивляться? Вспомните Лиман! И мы бы сейчас не здесь сидели, а... — Каскад не договорил. — Но какой-то «пехотный Ваня» остановил их на том мосту.

Начальник штаба, найдите, кто там командовал, и напишите на него представление на Героя.

— Есть, — кивнул Томск.

— Во всех известных случаях, действия противника на бронетехнике сводятся только к доставке пехоты к объекту атаки, — подтвердил начальник разведки армии. — Как только десант высажен, техника немедленно отводится обратно во избежание потерь. Но сегодня утром немцы действовали не по принятому шаблону...

— Вот я об этом и говорю, — сказал Каскад и подмигнул Прибою. — И разведка подтверждает. Констатируем: наш первоначальный замысел, благодаря гению Диксона, пошёл прахом. Армия лишилась одной бригады и четверти наличного боезапаса. Потери в людях — на месяц вперёд. Объективно мы теперь не можем решить задачу, поставленную Эльбрусом. Поэтому, — командуя оглядел присутствующих, — предлагаю вернуться к рассмотрению замысла самостоятельной операции, с маленьким нюансом — у нас теперь нет одной бригады.

ГЛАВА 8

Вместе со своим назначением временно исполняющим обязанности командира бригады, Пирс получил и первую задачу — организовать, по возможности, эвакуацию повреждённой боевой техники, а также организовать розыск и эвакуацию раненых, если таковые ещё оставались на поле боя.

Ему в помощь из армейского ремонтно-эвакуационного батальона было выделено две БРЭМ, оснащённые средствами радиоэлектронного подавления, а также несколько МТ-ЛБ. Поиск раненых проводился с использованием коптеров, оснащённых тепловизионными камерами, что позволило обнаружить и эвакуировать более пятидесяти человек, половина из которых находилась в тяжелом состоянии... на остывшие тела коптер, конечно, не реагировал.

Минск, Спутник, Пирс и Ветер были вызваны в штаб армии, куда также попросили прибыть и Горца, на что командир бригады Особого назначения с готовностью согласился.

Пока Ветер ехал в Ударник, ему удалось немного подремать в машине, что слегка взбодрило после второй бессонной ночи. На въезде в город его встретил специально выделенный проводник, который указал, куда следует подъехать.

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Гордеев по вашему приказанию...

— Здорово, мужик! — Каскад протянул комбригу руку и крепко сжал его ладонь. — Спасибо тебе, полковник.

— За что, товарищ генерал-лейтенант? — удивился Ветер.

— За то, что ты есть, — усмехнулся Каскад. — За твоих бойцов, которые сегодня ночью не дали всей армии жидко обделаться...

— Да, — Ветер расплылся в улыбке. — Они у меня такие.

Когда прибыли все вызванные и приглашённые офицеры, Каскад указал на большой экран, где отражалась карта района боевых действий.

— Противник разгадал наш замысел и сегодня ночью попытался осуществить контратаку в полосе семьдесят шестой бригады. Оценив обстановку, учитывая понесённые вчера потери и стоящие перед армией задачи, предлагаю следующий вариант действий... — Каскад посмотрел в глаза Пирса, будто тот лично был виноват в разгроме двести второй мотострелковой бригады. — ...который позволит нам выправить сложившееся положение и достичь поставленных целей.

***

Ганс сидел на дне окопа и трясся от холода. В голове у него наступила полная апатия в отношении окружающей действительности, ему сейчас не хотелось ничего — ни спать, ни есть, ни согреться... он даже подумал, что будет лучше, если он сейчас просто умрёт.

Умрёт, чтобы вот этого, что окружало его, ничего не было — ни жуткой усталости, ни сводящего с ума недосыпа, ни звуков разрывов и визга «истеричек», ни постоянного голода, переносить который не было никаких сил — живот уже словно приклеился к позвоночнику.

Рядом лежали тела погибших, которым сегодня не повезло.

«Груз двести, мы вместе».

Или, всё же, повезло? Им уже всё равно, что происходит вокруг. Их не тревожит ничего, что тревожило его сейчас. Им сейчас просто всё безразлично, и они там, в Вальхалле, могут заниматься своими делами, не принуждаемые никем идти в бой, чтобы умереть.

«Они все умрут, а мы попадём в рай».

На востоке брезжил рассвет. Начинался новый день.

Где-то, совсем недалеко отсюда, спокойной мирной жизнью жила огромная страна, в которой абсолютному большинству населения было совершенно безразлично то, что сейчас чувствовал, что переживал, чего хотел и на что надеялся один её гражданин, волею судьбы попавший на фронт по мобилизации, принявший позывной «Ганс» и только что выдержавший тяжелейший бой, в котором он много раз мог умереть.

Ганс грустно усмехнулся — позывной стал его вторым именем, затмевая имя, данное ему при рождении, словно стремясь вычеркнуть из истории настоящее имя того, кто ценой своего здоровья и жизни отстаивал сейчас интересы... чего? Что могло так стоять, за что нужно расплачиваться своей жизнью, в полном понимании того, что, отдав эту цену, ты ничего не получишь взамен, так как тебя уже в этой жизни не будет?

Ганс, как и абсолютное большинство своих соратников, не владел информацией о военно-политических целях, преследуемых Россией на Украине, и смотрел на этот вопрос исключительно с позиции собственной личности, обладающей, к сожалению, всего лишь одной жизнью, которая больше никогда не повторится. Государство, в лице его командиров, расходовало эти жизни налево и направо, часто, получая какую-то отдачу, какой-то результат, но гораздо более часто тратя их совершенно бессмысленно, на том основании, что теперь делать это было... можно.

Через ветки он увидел первый луч солнца, пробившийся из-за горизонта и возвестивший о том, что день уже начался. Что принесёт ему этот новый день? Что он даст ничтожеству, жизнь которого для командиров — это всего лишь строчка в штатно-должностной книге, выполненная простым карандашом, которая скоро будет стёрта резиновым ластиком для того, чтобы вписать туда другую фамилию, а затем следующую, и так много раз?

Остро ощущая своё ничтожество в происходящих событиях, Ганс вдруг представил себя простой биологической клеткой. Клеткой, множественная общность которых образовывала огромный организм человека. Человека, живущего какой-то жизнью, у которого, наверное, была цель в жизни и даже смысл, неведомые маленькой клеточке. Клетка была настолько ничтожна для всего организма, что даже не имела имени, фамилии и личного номера, и выполняла какую-то совершенно малозначимую функцию. Что была жизнь этой клетки на фоне всего организма, сотканного из миллионов таких ничтожно малых частиц? Умер, и ты, наверное, как слетевшая с головы перхоть, как отжившие клетки кожи, покидающие организм — кто их пожалеет?

Это сравнение позабавило Ганса, и он даже перестал дрожать, расплываясь в своих фантазиях. Он очень ясно представил себе этот огромный организм — который жил, развивался, творил, потому что у него была душа, связывающая и организующая работу всех клеток, что и называлось жизнью. Вылети душа прочь, и организм станет безжизненным, несмотря на то, что многие его клетки ещё какое-то время будут расти и развиваться — как волосы и ногти, но они тоже обречены, потому что весь организм уже умер.

Организм — это как государство, — подумал бывший преподаватель филологии, — клетки — это как его население, а душа — это то, что связывает клетки воедино, заставляя их взаимодействовать друг с другом с одной единственной целью — жить. Душа — это идея, которой живёт население огромной страны, душа — это коллективный разум огромного этноса, душа — это пульс, который чувствует весь организм, то есть, всё государство. И не будь в государстве души, то есть идеи, то и волосам расти останется совсем недолго.

Но, что же такое душа? Может быть, это единство естественного стремления каждой клеточки продлить жизнь всего организма с целью продления жизни собственной? Когда множественное личное желание жить становится стержнем большой жизни?

Ганс улыбнулся: как оказывается просто, и в тоже время сложно, устроен мир. Он смотрел на поднимающееся солнце и думал о том, что теперь у него есть причина, чтобы жить — он, будучи всего лишь клеточкой, должен дать жизнь всему огромному организму — своей жизнью дать жизнь огромной стране. Даже если организме никто и не заметит гибели этой клеточки.

— Всё справедливо при условии, что я не сошёл с ума, — сам себе сказал Ганс.

— Что? — к нему подошёл Гоча. — Не расслышал, повтори!

— Да так, свою старую работу вспомнил, — ответил Ганс, чувствуя, как чётко сформулированные мысли вдруг начинают таять, словно сон — вот только что ты его помнил, минута, и он полностью выветрился из памяти.

— Два РШГ, — сказал Гоча, скидывая с плеча трубы реактивных гранат. — Мне кажется, там у нас три осталось. Не нашёл третий.

— Ты очень вовремя, — усмехнулся Ганс. — А где второй?

— Нас по пути «истеричка» догнала. Парня в щепки разобрало. Там, в поле лежит. А ты, — Гоча кивнул головой в сторону моста, — вижу, повеселился тут без меня!

— Ага, — кивнул Ганс. — Было очень весело. Чуть не поперхнулся от смеха. Жрать принёс?

— Принёс, — Гоча достал из-за пазухи банку тушёнки, которую они тут же открыли и съели.

***

С наступлением рассвета, оставив пулемёт с тепловизором контуженному Свату, Репер вернулся на «Десну», к позиции миномёта. Здесь все спали, и ему даже пришлось немного попотеть, пиная своих бойцов.

— Вы что делаете, балбесы! Кому спите? Хохлам? А если бы не я пришёл, а диверсанты?

Уставшие мужики хмуро смотрели на своего командира. Один, самый борзый, даже пытался выступить, но Репер, у которого когда-то был чёрный пояс по карате, быстро его успокоил, отправив в лёгкий нокдаун.

— Колун, — командир батареи «построил» командира миномёта. — Почему не работаем с личным составом, не прививаем ему понятие субординации, ответственности и чувства долга?

Репер, конечно, глумился сейчас над ними, потешаясь с этих угрюмых деревенских мужиков и прекрасно понимая природу повального сна, но и оставить это разгильдяйство, основанное на смертельной усталости, без своего командирского внимания он не мог.

Он давно заметил, что чем меньше у человека самолюбия, чем меньше он в коллективе обращает на себя

внимания, тем по итогу лучший из него получается солдат. Сколько уже в батальон приходило добровольцев в манерном и модном снаряжении, с барбершопными бородами и крутыми наколками, мастеров «тактической стрельбы» и знатоков «тактической медицины» — где они все? За крайне редким исключением, после первого же серьёзного испытания они уверенно записывались в ряды пятаисотых, или даже стрелялись, не выдержав своей тонкой психикой сильнейших моральных потрясений. В итоге основную лямку войны тянули обычные мужики, не забивающие свою голову сложными психическими реакциями и изящными психологическими конструкциями.

— Вот посмотри на себя, — Репер разошёлся. — На кого ты стал похож?

Колун огляделся — обычный пиксель, покрытый ровным слоем грязи, рваный бронежилет, стальная каска, съехавшая на правое ухо, порванные резиновые сапоги, наполненные холодной грязью — а в них ноги в носках, с надетыми целлофановыми пакетами в качестве безуспешной попытки защитить ноги от влаги.

— Давно так ходишь? — капитан указал на сапоги.

— Неделю, — ответил наводчик.

— Почему не доложил, что у тебя сапоги рваные?

— Вы бы заставили меня купить новые сапоги, из своего кармана. А мне и так хорошо.

— Зачёт, — кивнул командир батареи. — Когда начнётся ревматизм, не жалуйся, если денег жалко. Два наряда вне очереди!

На восемь часов утра, Реперу довели, что по лесополосе «Ясень» должен был начаться огневой налёт, на который было запланировано тридцать снарядов дальнобойных «Гиацинтов». Следом, в качестве поддержки атаки, должно было прозвучать его «миномётное соло».

В принципе, по тому, как Колун отработал ночью, Репер проникся к нему долей уважения, однако, боясь окончательно поверить в созревание своего подчинённого в качестве командира миномёта, терзался сомнениями, как поступить. Всё же доверие возобладало, и командир батареи, строго предупредив Колуна об ответственном отношении к порученному делу, направился на хутор Гнилой. По пути ему попала группа Брабуса, неспешно тащившая по однойmine.

- Устали очень, — оправдываясь, заявил Брабус.
- Идите уже, — Репер махнул рукой.

Следом встретился Курган с шестью бойцами. Бойцы тащили ящики с гранатами и патронами, а также два переносных комплекса радиоэлектронной борьбы. Сам Курган был вооружён охотничьим полуавтоматом двенадцатого калибра. Такой же полуавтомат был у одного из бойцов.

— Корсар отправил меня командовать штурмом «Ясеня», — сообщил он. — Тебя в пример поставил. Сказал, что боевой офицер должен быть не передке.

Прочитав в глазах офицера напряжение, Репер приободрил его, хлопнув по плечу:

- Всё будет хорошо.
- Да, — согласился Курган. — Развеюсь немного.

А то засиделся без дела.

На командном пункте второй роты Репер пристроился в углу, где находился оператор разведывательных «мавиков», транслирующих на экран обстановку в районе «Двины» и «Ясеня».

- Что у тебя?
- Противник, похоже, отвёл силы в глубину посадки, — сказал оператор.
- Насколько?

— В квадраты три и четыре.

— На двести-триста метров... — Репер глянул в планшет и по цифровой рации ротного вышел на связь с командиром батальона: — Товарищ майор, есть уточнение по предстоящему удару.

— Говори, — усталым голосом ответил Корсар.

— Нужно сместить прицел «Геноцидов» на двести-триста метров вверх по «Ясеню».

— Смысл?

— Противник туда оттянул живую силу. Чтобы не получилось ударить по пустому месту, а когда наши штурма зайдут в посадку, их там накроет арта противника, и немцы вернутся на свои позиции.

— На рации включи второй канал, это артиллерия, вызывай Тайфуна, объясняй ситуацию.

— Принял, — ответил Репер.

Урал показал, как переключить канал, и вскоре Репер доложил начальнику артиллерии бригады свои наблюдения.

— Я понял тебя, Репер, — ответил Тайфун. — Сейчас прикажу две трети снарядов дать выше по посадке. Наблюдай результат. Огонь открываем через десять минут.

Поговорив с начартом, капитан попросил «мавикиста» посмотреть, где идёт группа Брабуса — оказалось, что они ещё не дошли даже до Колуна, хотя по времени должны были уже вернуться.

— Гасились где-то, бездельники... — выговорил командир батареи. — Вернутся — выдам им на орехи.

Первые снаряды легли в торец посадки с достаточно высокой точностью — разлёт составил не более полсотни метров. Затем, как и просил Репер, «Гиацинты» устроили геноцид третьему и четвёртому квадрату «Ясеня». Попутно был нанесён удар по разведанным Горцем местам

нахождения операторов FPV-дронов, а пакет «Града» лёг по месту сосредоточенья механизированных сил противника в Ябловке — аэроразведка даже зафиксировала случайное прямое попадание ракеты в «Макс-про».

После обработки «Ясеня», «Гиацинты» перенесли огонь на опорный пункт «Березовый», куда было запланировано более сотни снарядов. В завершении артиллерийской подготовки атаки, по опорнику прилетел пакет кассетных ракет «Урагана».

В ходе начавшейся контрбатарейной борьбы операторы «Ланцетов» в течение первых двадцати минут боя смогли уничтожить колёсную самоходную артиллерийскую установку «Кайзер», а спустя ещё двадцать минут был обнаружен и уничтожен американский «Паладин», что вызвало бурю восторга на пункте управления бригады.

Репер находился в готовности открыть огонь по «Ясеню», однако, штурмовые группы, вошедшие в лесопосадку, сообщили, что противник не оказывает сопротивления, кроме как дронами, часть которых упала от воздействия РЭБ, а часть была сбита дробовиками. Таким образом, штурмовики смогли дойти до перекрёстка «Ясеня» с лесополосой «Берёза», где в ходе короткого боя смогли обратить противника в бегство. Однако, как только удалось закрепиться на перекрёстке, по нему прилетел кассетный «Хаймерс», убивший половину штурмовой группы. Вторая штурмовая группа, играющая роль второго эшелона, подойдя на перекрёсток через двадцать минут, встретила сопротивление, но забросав противника гранатами, снова смогла овладеть пересечением лесополос.

Курган, наблюдая за продвижением с «Двины», дал команду группе разделиться и двигаться в разные стороны по «Берёзе». Буквально через десять минут по перекрёстку снова прилетела кассета — но там уже никого

не было. Курган направил на «Берёзу» бойцов закрепления, которые должны были заполнить лесополосу своим присутствием.

Спустя пару часов штурмовики, ушедшие вправо, отрапортовали о взятии всей лесополки, те, кто ушёл влево, в сторону опорного пункта «Берёзовый», были остановлены метров за триста до пересечения с лесополосой «Липа» и примерно в километре от самого «Берёзового».

В то же время свежие силы третьего мотострелкового батальона с группами разведывательного батальона на двух «мангалах» и нескольких БМП и МТ-ЛБ, выдвинулись из района южнее Востриково, прошли по дороге вдоль лесополосы «Ока» и далее, находясь под непрерывными атаками дронов и ударов артиллерии, смогли добраться до МТФ совхоза Берёзовый и фактически на голову обороняющимся высадить десант штурмовиков. Успех атаки базировался на мощнейшей радиоэлектронной защите, какую только смог организовать командир бригады из располагаемых средств. Пехота зачистила опорный пункт за полчаса и принялась за самую молочно-товарную ферму, которая состояла из десятка полуразрушенных коровников. Отступающий противник бежал в лесополосу «Липа», по которой артиллерия бригады несколько раз наносила сосредоточенные удары.

К полудню подразделения бригады прочно закрепились на МТФ, зачистив ферму от противника. К этому времени количество раненых уже превысило две трети от общего числа заходивших на опорник «Берёзовый» и остро встал вопрос их эвакуации.

Решением командира бригады, согласованным с начальником медицинской службы соединения, на МТФ были доставлены два фельдшера с несколькими медицинскими рюкзаками «Хиллера», содержащими

необходимый инструментарий для стабилизации раненых, что могло позволить сохранить им жизнь до наступления ночного времени, когда появится возможность для их эвакуации.

***

— Товарищ майор, предлагаю выдвинуть один миномёт дальше, на «Зею», оттуда я смогу доставать до «Ольхи», — сообщил по радиации Репер.

Корсар прикинул выгоду и возможные угрозы.

— А если немцы нас обратно двинут? Миномёт успешь оттуда забрать?

— Вот чтобы они нас никуда не двинули, для того его туда и поставлю, — резонно заметил командир батареи.

Корсару на миг стало неудобно от того, что он вроде как бы выразил своему подчинённому пораженческие настроения, при том, что он знал, как Репер лично ходил ночью на передний край и даже сбил из пулемёта «Бабу-Ягу». Ситуация в некотором роде не красила командира батальона, и её можно было бы проигнорировать и забыть, но уязвлённое самолюбие майора ощутимо вскипело.

Капитан, почувствовавший через эфир возникшую напряженность, как более старший по возрасту и более мудрый товарищ, решил внести разрядку:

— И да, товарищ майор, спасибо вам за «дальнобой», не знаю, как вам удалось его найти, но сегодня он нам очень пригодится!

Пороха для миномётных мин, предназначенные для стрельбы на дальнюю дистанцию, только сегодня были получены бригадой и разосланы в миномётные батареи мотострелковых батальонов, при том, что комбаты не

приложили для этого никаких усилий. Однако, этот трюк удался — Корсар принял похвалу и успокоился.

— Пользуйся, — ответил комбат. — А миномёт да, тащи. Отличная идея!

Спустя несколько минут Корсар уже докладывал Мастеру о продвижении, а начальник штаба бригады фиксировал полученную информацию на общей карте. Спустя ещё некоторое время, командир бригады о достигнутых результатах доложил командующему армией.

На командном пункте армии шла постоянная фиксация результатов, проводилась оценка обстановки и командующий время от времени своей властью влиял на подчинённых командиров, корректируя их действия или обеспечивая «средствами старшего начальника» там, где проявлялась необходимость в нанесении более мощных ударов, чем могли обеспечить бригады и дивизия.

Двести второй бригаде, конечно, вернее будет сказать, тому, что от неё осталось, была поставлена задача вести наступление вдоль лесополосы «Енисей», проходящей с юга на север восточнее злосчастного Еремеево. Бригаде передали несколько комплексов РЭБ и дело стало ладиться — во второй половине дня Пирс доложил, что смог продвинуться по «Енисею» на три километра и выйти в район, где стояла подбитая и сгоревшая техника. Попутно в лесополосе было обнаружено много прятавшихся там бойцов и офицеров из разгромленных колонн, в том числе раненых. Из этих людей Пирс стал формировать штурмовой отряд, которым предполагал брать село. Пирс попросил Каскада назначить Зверя командиром этого отряда, понимая, что сложно будет найти других офицеров, потенциально способных привести в чувство людей, переживших жесточайшее потрясение.

К вечеру командующему Четвёртой армии позвонил Эльбрус:

— Обстановка меняется постоянно, — проинформировал генерал-полковник. — Мы вынуждены принимать очень сложные решения...

У Каскада ёкнуло сердце.

— Жду вас с начальником штаба и оперативными планами к двадцати тридцати. Попрошу не опаздывать.

— Ну что, Дмитрий Павлович, — Каскад глянул на своего начальника штаба. — Поехали сдаваться. Сейчас нам всё вспомнят. И катастрофу в Еремеево, и несчастного племянника Диксона... вот об одном жалею, что не снял его перед наступлением с должности, а ведь хотел, душа подсказывала, и руки чесались. Ведь видел, кого пригрили — чуть что, жаловаться бежит, через голову своего руководителя, палки нам в колёса вставлять пытался через своего родственника... — генерал-лейтенант разошёлся и не находил себе места. — Вот правильно мне старые советские генералы в академии говорили: хочешь спокойно работать — «вытаптывай вокруг себя поляну», увольняй, задвигай, дистанцируй всех, кто потенциально может или подсидеть тебя, или кто обладает возможностью влиять на твое вышестоящее руководство через твою голову! И не важно, каков его потенциал, насколько он умный и грамотный — есть ты, и ты принимаешь решения, ты отвечаешь за них, это твой «проект», и в нём нет места другому лидеру!

— Меня тоже вытаптывать будешь? — усмехнулся Томск.

— А тебя-то за що? — в ответ улыбнулся Каскад, применив в вопросе нотки украинского языка, как это в последнее время стало модным и глумливым мейнстримом среди участников специальной военной операции — пре-

имущественно работников штабов и сотрудников разведки и контрразведки, от которых в служебных разговорах часто незлабно и потужно звучали всякие перебои, зрады, пидроздилы, командувачи, захистники и ухилианты.

— Обстановка меняется постоянно, — повторил Эльбрус, как только Каскад и Томск появились в его кабинете.

— Мы что-то не знаем? — спросил Каскад, переглянувшись с Томском и в глубине души радуясь, что встреча с командующим группировки «Авангард» началась не с разбора ситуации с его племянником.

— Наступление на Лихоманск остановлено, — мрачно сказал генерал-полковник. — Двадцать восьмая и сто сорок пятая дивизии за двое суток наступления не выполнили даже задачу дня, продвижения нет, противнику удалось поразить тыловые объекты, лишив армию топлива и боеприпасов. У нас — катастрофа, докладывать наверх нечего.

Каскад не отреагировал никак — он не был удивлён услышанному. В углу кабинета, у приставного столика, сидел Орион — командующий Седьмой армией. Его опустошённое лицо говорило о чудовищной моральной нагрузке, которую он пережил за последние несколько суток. На столике стояла бутылка коньяка, два стакана и нарезанный лимон.

— Сергей Николаевич, — Эльбрус шагнул к стене, на которой висела карта района наступления. — Генеральный штаб не позволит нам отказаться от решения поставленной задачи, однако, как мы видим, её реализация в настоящий момент невозможна... сейчас мы наносим ракетные удары по местам сосредоточенья резервов противника, авиация работает КАБами по выявленным целям, но мы все понимаем, что противнику удалось...

В этот момент распахнулась входная дверь и стремительными шагами в кабинет ворвался начальник оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Тарасов.

— Разрешите?

— Заходи уже, раз вошёл, — кивнул Эльбрус.

— Ну что, мужики, наворотили делов... — он поздоровался с каждым, затем подошёл к столику, налил полный стакан коньяка и в несколько мощных глотков осушил его. — Что будем делать?

Стакан вернулся на столик.

— Артур Викторович, у Сергея Николаевича есть план... — сказал Эльбрус.

Каскад напрягся — он помнил, как предложенный командующему группировкой третий вариант действий армии был сразу отвергнут даже без детального рассмотрения. Взглянув на Эльбруса, генерал-лейтенант Иванцов понял, что время забытого плана пришло.

— Так, — Каскад повернулся к Томску, подмигнув ему, чтобы тот достал план операции, — нами было предложено решение отказаться от наступления широким фронтом в пользу действий, направленных на рассечение сил противника по линии... — к этому времени начальник штаба уже достал из портфеля плановые таблицы и развернулся на столе карту с нанесённой обстановкой, — мост через ручей Овражный — Ябловка — Кузнечное — Шахта номер два. Таким образом, мы блокируем гарнизон противника в Сталегорске, сто десятую механизированную бригаду, сто двадцать седьмую бригаду территориальной обороны, часть двадцать шестой артиллерийской бригады. С внешней стороны окружения имеем сорок четвёртую механизированную и третью танковые бригады, часть сил двадцать шестой артиллерийской бригады. Успех даль-

нейших действий будет определяться изоляцией района, которую можно достичь путём подрыва мостов через реку Дончанку и ручей Овражный в районе Орловки с последующим их контролем на предмет восстановления, а также постоянным напряжением со стороны Седьмой армии — чтобы там шли непрерывные налеты на позиции противника, настолько, насколько хватит на это людей. И, как я уже говорил в узком кругу, — Каскад глянул на Томска, — предлагаю провести информационную операцию, заставив противника признать Сталегорск очередной «фортецей», что создаст вокруг этого события мощный политический резонанс, преследующий две цели: отвлечь внимание с провала в Лихоманске и получить крупный медийный успех при взятии Сталегорска. Если мы делаем Сталегорск направлением основных усилий, перебросим сюда резервы, то мы его возьмём.

После некоторой паузы Тарасов кивнул:

— Наш командующий Четвёртой армии заговорил категориями Генштаба. Это похвально. Далеко пойдёте, Сергей Николаевич. После успешного завершения операции ждём вас в Академии Генштаба.

Эльбрус метнул в Каскада возмущённый и осуждающий взгляд — по сути, сейчас генерал-лейтенант Иванов допустил грубую аппаратную ошибку, выставив себя умнее и компетентнее своего непосредственного начальника — генерал-полковника Шаталова. Такое в военачиновничьей среде не прощается и не забывается.

Однако, Каскад чувствовал поддержку со стороны не просто представителя Генштаба генерал-лейтенанта Тарасова, но и в целом, в его лице — всей системы высших органов военного управления.

Тарасов тоже тонко уловил этот момент, и, разряжая ситуацию, спросил у Эльбруса:

— Товарищ генерал-полковник, какие резервы может предоставить группировка командующему Четвёртой армии?

— Полагаю, по одному полку из дивизий может выделить Седьмая армия, — Эльбрус глянул на сидящего в углу Ориона, — в условиях изменившейся задачи, удерживать рубежи Седьмая армия сможет оставшимися четырьмя полками и тридцать первой мотострелковой бригадой. Также из резерва группировки будет выделен пятьдесят пятый полк контроля территорий. Кроме того, на десятый день операции у нас предусмотрено получение свежего пополнения в размере двух тысяч человек. Все они, без исключения, будут распределены в пехоту, в штурмовые подразделения.

— Подводим итог, — сказал Тарасов. — Направление главного удара смещаем на Сталегорск. Все последующие действия подчиняем этой цели. Седьмая армия становится отвлекающим элементом, Четвёртая решает главную задачу. Предлагаю сделать небольшой перерыв, так как я с самой Москвы не ел, а потом займёмся разработкой детального плана. Товарищ генерал-полковник, разрешите отлучиться на приём пищи, а то моя язва на ваш коньяк уже даёт о себе знать...

— Да, конечно, — кивнул Эльбрус. — У нас хорошая столовая — прямо по коридору и направо.

— Разрешите идти?

— Идите... — разрешил командующий, как старший по званию и тут же попросил выйти из кабинета Ориона и Томска. — Сергей Николаевич, объясни мне, что происходит с Диксоном?

— Сложная история, товарищ генерал-полковник. — Чекисты его арестовали по подозрению в предательстве Родины, — этими словами Каскад сразу попытался обезоружить Эльбруса.

— Не может быть, — Шаталов мотнул головой. — Диксон — настоящий патриот своей Родины, преданный и грамотный офицер...

— Товарищ генерал-полковник, я знаю, кем он вам приходится, давайте говорить откровенно, — Каскад набрался смелости.

— Давай, — Эльбрус внимательно посмотрел в глаза Каскада, как бы говоря «ну, что ты тут будешь мне про него заливать?».

— По информации военной контрразведки, у Диксона купленный диплом об образовании одного из республиканских ВУЗов, и он не имел никаких оснований получать звание старшего офицера. Он — «полковник Никто». Это вскрылось только сейчас. Естественно, его безграмотность отразилась на планировании действий бригады, которая понесла огромные потери, потеряв практически всю новую технику, переданную в его распоряжение.

— Такое бывает, — возразил Эльбрус. — Это война.

— Такое у нас случилось только у Диксона. Он, прошу заострить на этом внимание, целенаправленно не укомплектовал боевую технику средствами радиоэлектронного подавления, в результате чего вся техника пострадала от атак дронов, чего можно было избежать. Другой момент, по его приказу весь артиллерийский дивизион, все восемь орудий, были сосредоточены на одной площадке, что привело к их быстрому уничтожению ударами «Хаймерсов» — бригада лишилась артиллерии в первый час операции. Кроме того, по решению Диксона, все запасы боеприпасов были компактно сосредоточены в пределах досягаемости артиллерийского огня противника и были уничтожены в течение шести часов с начала операции. Все, подчёркиваю, запасы бригады на предстоящее наступление.

— Ну, у нас тоже противник повыбивал массу складов, — возразил Эльбрус.

— А вот у Ветра почему-то такого не произошло. У Минска такого не произошло. У Спутника такого тоже не произошло, — сказал Каскад. — Потому что они создали ложные склады в Травном, в Лисовке, вместе с контрразведкой провели комплексную радиоигру, убедившую противника в том, что склады настоящие — и ракеты прилетели по ним, а не по реальным складам. А боеприпасы они разнесли на множество мелких складов, единичные потери которых никак не повлияли на боеспособность их соединений. И главное...

— Что ещё?

— Радиоразведка Главного Управления, получила перехват, уже доложенный в Москву, в котором командование ВСУ запретило своим ракетчикам наносить удар по пункту управления двести второй бригады, при том, что все командные пункты, включая и мой, они поразили. Я и Ветер успели их покинуть до удара, Минску не повезло, он ранен, его начальник штаба погиб. А по пункту управления Диксона удар был отменён. Догадываетесь почему?

Каскад понимал, что его уже очень сильно заносит, и что он ставит своего командующего не просто в неловкое положение, но уже фактически предъявляет ему обвинение, но остановиться он не мог.

— И почему же?

— Потому что, увидев, как он управляет боем, они поняли, несколько он им полезен. Я, товарищ генерал-полковник, уверен, что он не предатель, а как вы правильно сказали — он патриот, но в силу своей грубой некомпетентности, он хуже предателя. Если чекисты его отпустят, прошу забрать его из моей армии, если вы хотите, чтобы

армия сейчас дала результат.

Генерал-полковник Шаталов встал и подошёл к столу. Разлив по двум стаканам, один протянул вставшему Каскаду.

— Я вас услышал, — Эльбрус тяжело вздохнул. — Давай, за успех предстоящего дела. Мы должны взять Сталегорск.

Генералы чокнулись и выпили.

***

Несколько последующих дней разведка Четвёртой армии занималась вскрытием изменений в стане противника, операторы штаба готовили решения на проведение наступления, Титан, главный ракетно-артиллерийский начальник объединения, готовил свои планы огневого поражения противника.

Из-под носа у противника, ценой потери двух бронированных ремонтно-эвакуационных машин вместе с экипажами, удалось вытащить два относительно целых танка, шесть БМП-3 и две МТ-ЛБ. Техника была передана бригаде Ветра и сразу поступила в ремонтный батальон соединения. Ветер вызвал к себе Корсара.

— Смотри, я передаю тебе шесть «троек», некоторые потрёпаны, но в целом боеспособны. Из резерва армии ты получаешь сто двадцать человек личного состава. В основном это пехота, недавно подписавшие контракт и прошедшие обучение на полигонах, кто месяц, кто два, кто вообще — неделю, имей ввиду. Уровень подготовки так себе, но у тебя есть несколько дней подтянуть их немного. Дай им толкового взводного, вот этого, который у нас на «Двине» отличился, пусть тренирует людей.

— Когда наступление, товарищ командир?

— Всё зависит от погоды, — усмехнулся комбриг. — Есть одна замечательная задумка, но пока я тебе довести её не могу, жди. Всё узнаешь в нужный момент.

— Хорошо, — улыбнулся Корсар. — Разрешите вопрос?

— Давай.

— Помните, мы с комендатуры моего бойца забирали?

— Дизеля? Помню. Он там спирт с водой перепутал, за что и загремел в «Шторм», как не помнить?

— Он мне сейчас очень бы пригодился — технику ремонтировать. Может, получится его из «Шторма» вытащить, мы же теперь в почёте у Каскада?

— Хорошо, я узнаю за него. Если он ещё живой, то вытащим.

— Узнайте, пожалуйста!

— Постараюсь, — кивнул Ветер.

Занимаясь восстановлением боеспособности двести второй бригады, Каскад решительно вмешался в кадровый вопрос, меняя некоторых командиров, даже не потому, что они себя не проявили, а только для того, чтобы максимально ослабить наследие Диксона, прочно засевшее в умах некоторых его подчинённых, поднятых на высокие должности исключительно по принципу личной преданности или компетенции, которая не могла быть выше командирской, чтобы Диксону можно было, не обладая большим умом, тем не менее, хорошо смотреться на фоне своего окружения.

— Товарищ генерал-лейтенант, командир миномётной батареи второго мотострелкового батальона семьдесят шестой бригады капитан Николаев по вашему приказанию явился, — доложил Репер, подойдя к командующему на армейском пункте управления.

Каскад встал со стула и пожал офицеру руку:

— Вы отлично действовали во время наступления, товарищ капитан. Ветер мне доложил о вашей решительности и профессиональной грамотности.

— Я старался, товарищ командующий! — ответил Репер.

— Капитан, скажите, а как вы стреляли ночью из миномёта, и при этом попадали, куда надо? Ведь миномёт не имеет ночных прицелов...

— А я фонарик, товарищ генерал, повесил в направлении основной точки наводки, и когда нужно было стрелять, боец включал его, а наводчик целился в этот фонарик...

— Целился в фонарик, а попадал в противника? — усмехнулся Каскад. — Ну да, я что-то слышал про ваши артиллерийские хитрости, которые непосвящённый человек никогда не поймёт.

— Да, долго объяснять, — кивнул Репер.

— Я подписал представление о награждении вас орденом Мужества, — сказал командующий. — Полагаю, скоро состоится и само награждение.

— Служу России! — Репер вытянулся по стойке «смирно».

— У меня есть к вам предложение...

— Подкупающее своей новизной? — Николаев нашёл в себе силы пошутить, считая, что в данный момент это было уместно, тем более, что генерал был с ним примерно одного возраста.

— От которого вам не стоит отказываться, — улыбнулся Каскад. — Я вам предлагаю должность начальника артиллерии в двести второй бригаде. Если считаете нужным кого-то из офицеров-артиллеристов взять с собой из семьдесят шестой бригады, мы рассмотрим ваше предложение.

— Когда приступить к должности? — уточнил Репер.
— А вы уже на должности, — улыбнулся Каскад. — Принимайте дела и в работу. Впереди у нас много интересного уже в самое ближайшее время...

— Есть приступить к должности, — ответил Репер. — Я только заберу свои вещи с Гнилого хутора...

— Некогда, товарищ капитан, потом заберёте. Идите к начальнику артиллерии армии, он поставит вам задачу!

Начарт был тут же, и он сразу увёл Репера в свой уголок.

— В общем, смотри капитан. Перед наступлением двести вторая бригада получила восемь гаубиц «Мста-Б», которые затем попали под ракетный удар. Пострадали все орудия, и тебе предстоит провести дефектовку, чтобы понять, сколько из них можно использовать дальше. Постарайся методом каннибализма собрать работающие системы из нескольких неработающих. Так же в бригаде есть четыре «Рапиры», двенадцать миномётов «Сани», двенадцать миномётов «Поднос», два миномёта «Василёк», две гаубицы Д-30 в тоже непонятном состоянии, есть зенитное орудие С-60 и две пушки М-42.

— М-42 не знаю, — сказал Репер.

— Знаешь, — усмехнулся Тайфун. — Ты их на памятниках мог видеть.

— Да не-е-ет, — улыбнулся Репер. — Неужели?

— Так точно, — кивнул начарт, довольный произведённым эффектом. — 45-миллиметровая пушка образца тысяча девятьсот сорок второго года. Лупит очень точно. Катается на руках — всё, как ты любишь... снарядов на них — завались. Всякие «Мардеры» и «Брэдли» щёлкает только в путь.

— Ну, вы меня обрадовали, — ответил Репер.

— В общем, давай, в двадцать ноль-ноль я жду от

тебя доклада о состоянии орудий, а там решим, что делать. И вот ещё что — с тобой поедут два разведчика из роты спецназа, в качестве личной охраны. А то там у Диксона в бригаде нравы были... ну, сам всё увидишь. И с оружием там не расставайся.

— Понял, — кивнул Репер.

Спустя полчаса он уже летел на «Патриоте» в Троицк, где располагалась бригада. Двое спецназовцев, Чук и Гек, оказались братьями, похожими друг на друга, как две капли воды. Всю дорогу они развлекали капитана рассказами из жизни, как их вечно путали. Репер обратил внимание, что в своих рассказах они как бы не перебивали друг друга, а дополняли и продолжали развивать мысль так, что казалось, будто на них двоих был единый разум, а если слушать их, закрыв глаза, так и вообще казалось, что говорит один человек.

Временно исполняющим обязанности командира двести второй бригады вместо Пирса был назначен Спутник, командир тысяча сорок восьмого полка, приданного бригаде в качестве подразделения закрепления. Спутнику было шестьдесят пять лет, и в войска он пришёл с глубокой пенсией, на которой выращивал на даче для себя табак и цветы на радость своей супруге. Много лет до выхода на пенсию он командовал полком морской пехоты и вполне отдавал себе отчёт, куда возвращается. Естественно, супруга устроила грандиозный скандал на весь дачный посёлок, но как жена офицера всё же смирилась с данной ношей и в итоге снарядила мужа на войну, поставив за здоровье свечки в ближайшей церквушке.

Выбор Каскада остановился на Спутнике потому, что тот не позволил Диксону бросить его полк в мясорубку первого дня наступления, что говорило о способности человека не только зрело оценивать складывающуюся обстановку, но и о его умении отстаивать свою точку зрения.

Прибыв в бригаду и пообщавшись с командованием, Спутник уже через два часа своим заместителем назначил беспринципного Зверя, с помощью которого он и решил ломать в соединении старые стереотипы.

Капитан Зверев, получив власть над полковниками, подполковниками и майорам, невзирая на ранги, быстро пояснил офицерам, что ставить палки в колёса новому командиру — чревато тяжёлыми последствиями. В том числе и не отражёнными в уставе и действующем законодательстве.

Приехавший в бригаду Репер представился командиру и сразу убыл в дивизион, выполнять поручение начарта. Оказалось, что у всех восьми орудий были перебиты колёса, у шести повреждена гидравлика, что привело в нерабочее состояние домкраты и накатники. В целом, по оценке Ропера, все орудия можно было восстановить, вопрос был только во времени. Хуже дело обстояло с людьми — в момент удара погибли все офицеры дивизиона, среди выживших оказался только один подготовленный командир орудия, умеющий работать с артсистемой и рассчитывать данные для стрельбы с помощью программы в смартфоне. Репер ходатайствовал перед командиром бригады о назначении этого специалиста командиром артиллерийского взвода, что и было немедленно удовлетворено.

***

Дизеля Корсар нашёл в передовом госпитале в Ударнике, где готовили раненых к отправке на «большую землю». Миловидная медсестра провела комбата по палате, полной горя и боли и указала на койку, стоящую в самом углу:

— Там он, только...

— Что?

— Не удивляйтесь. Мы не смогли иначе. У него были множественные ранения рук и ног и нам пришлось...

Она повернулась и ушла. Двадцатипятилетняя девушка, оказавшаяся на этой страшной войне и познавшая то, что в обычной жизни знать человеку совсем не нужно.

— Иваныч, — позвал Корсар, потянув за край одеяла, укрывающего совсем небольшое тело.

«Кажется, Дизель был крупнее», — в последний момент подумал комбат.

— Олег, — прошептал Иваныч, открыв глаза. — Здравствуй, братское сердце. Ты как?

— Я норм... — Корсар не договорил — стянув одеяло, он увидел вместо рук белые повязки, и ему сразу стало понятно, что и ног у Дизеля тоже нет — перед ним лежал настоящий человеческий обрубок. Живой обрубок.

Перед глазами пошли круги и командир батальона, почувствовав слабость, сел на край кровати.

— Как же так?

— Так вышло, Олег, — прошептал Иваныч. — Ты за меня не переживай, у тебя и так, наверное, сейчас работы много... а я уже всё, не смогу тебе ничем помочь.

Тыльной стороной ладони Корсар провёл по щеке Иваныча — она была не брита и колюча.

— Как же так? — повторил комбат. — Как же так...

— Не ссы, — Иваныч изобразил улыбку. — Прорвёмся. Моя Иришка ещё не знает... зачем я ей такой нужен — мужик без рук и ног? У тебя есть пистолет?

Комбат кивнул, чувствуя, как потекли слёзы.

— У тебя же бесшумный, да? Я помню, — едва слышно произнёс Дизель.

Корсар машинально провёл рукой по своей ноге, где в набедренной кобуре покоился ПБ.

— Нет, — ответил майор. — Даже не думай!

— Да, командир. Застрели по-тихому, пока никто не видит и не слышит, — сказал Иваныч. — Зачем мне такая жизнь, если рук и ног нет? — его глаза встретились с глазами комбата: — Пожалуйста!

— Иваныч... не смей меня об этом просить! И думать об этом не смей! Сейчас медицина знаешь до чего дошла? Тебе поставят протезы, как их, бионические. Ты всё сможешь ими делать...

Они оба знали, что этого никогда не будет.

— Прошу тебя... не могу я так... не могу. Зачем меня вообще сюда притащили? Бросили бы там, как многих других, и сейчас я бы уже был в лучшем мире!

Корсар встал.

— Иваныч, не смей. Я найду тебя после войны. Я помогу, чем смогу... — Корсар подыскивал слова, которыми нужно было закончить это страшное общение. — Я тебя обязательно найду.

Комбат сделал шаг от больничной койки. Своим взглядом Дизель словно держал его рукой, не позволяя уйти.

— Олег...

— Прости, Иваныч! Прости... — перед его глазами стояли лица сотрудников военной полиции, с которыми он подрался в комендатуре — «благодаря» которым и закрутились события, закончившиеся для Дизеля госпитальной палатой и потерей всех конечностей.

— Убей меня, — шёпот его стал тише. — Сделай доброе дело!

— Прощай!

Стиснув зубы, чтобы не разрыдаться в голос, Корсар повернулся и стремительно направился к выходу. Он шёл, и думал о том, что лучше бы не видел то, что осталось от

Иваныча — от того здоровяка и весельчака, на котором ещё совсем недавно держалась вся техника не только второй роты, где он числился, но и всего батальона.

Как его, в таком совершенно беспомощном состоянии, требующем постоянного наблюдения и ухода, примут родные? Найдётся ли у них мужество и силы обеспечить ему достойное существование до самой его смерти? А если нет? А если родственники, проявив малодушие, просто откажутся от него, спасая собственное благополучие и спокойствие в ущерб морали и семейным традициям? Всё может быть — такой исход для раненых, утративших мобильность, к сожалению, был далеко не редкостью...

***

Ганс стоял перед строем «новобранцев», которых ему было поручено научить штурмовым действиям «в сжатые сроки». Эти разновозрастные люди только недавно подписали контракты, и по всей видимости, ещё до конца не понимали, куда попали и что их ждёт. Они улыбались, разговаривали друг с другом, и практически никакого внимания не обращали на человека, стоящего перед ними.

Может быть потому, что этот человек своим внешним видом больше был похож на бомжа — такой же заросший, помятый и грязный, от которого остро пахло немытым телом и ещё чем-то, что большинству стоящих было ещё не ведомо.

— Я не знаю, какой у вас уровень подготовки, — хрипло сказал Ганс. — Поэтому вы все пройдёте через обучение здесь, на полигоне, где в полной мере симитирована боевая обстановка.

Полигон находился в распадке неподалёку от комбината огнеупоров, подальше от взглядов местных ждунов, стремившихся сообщать на ту сторону обо всём, что происходит в округе, что неминуемо оборачивалось убийственными прилётами. Ганса, которого неожиданно отозвали с «Двины» в расположение роты, ничего не объясняя, посадили в машину и повезли в Знаменку, где его встретил командир бригады, поздравил с официальным назначением на должность командира второго взвода, пообещал ходатайствовать перед командующим группировки о присвоении ему звания младшего лейтенанта и поставил задачу провести занятия по штурму окопов и лесополос с вновь прибывшим пополнением. Перехватив в Знаменке большой хот-дог и бутылку колы, чувствуя, как его вырубает в сон, Ганс встретился с вверенным ему личным составом, погрузил его на два «Урала» и прибыл на полигон, коим был обыкновенный участок местности, когда-то, не так давно, переживший тяжёлый бой, следы которого были ещё видны невооружённым глазом.

И вот теперь они, человек тридцать, стояли перед ним и не обращали на него никакого внимания. Никакого чувства субординации им ещё привито не было, и поэтому все они позволяли себе вольности и расхлябанность.

— Я бы на вашем месте сейчас слушал меня очень внимательно, — сказал Ганс. — Через трое суток, а может и раньше, вам предстоит идти в бой, и если вы не будете выполнять простые правила, вы погибните...

Ганс обратил внимание, что всех забавлял какой-то крепыш, время от времени отпускающий шуточки, веселящие рядом стоящих. Внимание вновь прибывших было обращено к крепышу, так как он, очевидно, излагал что-то более понятное и более приятное в сравнении с тем, что

пытался сейчас донести до сознания присутствующих какой-то бомжеватого вида дурно пахнущий мужик.

Ганс сделал несколько шагов, и оказавшись напротив крепыша, вдруг повысил голос:

— Вот вы, — Ганс ткнул пальцем в грудь крепыша. — Закройте свой поганый рот и слушайте меня!

После этого заявления, адресованного очевидно-му неформальному лидеру, в толпе воцарилась тишина. Пользуясь моментом, Ганс решительно кинулся укреплять своё положение.

— Вместо того, чтобы пойти помыться, побриться, поесть и поспать после непрерывной недели боёв без сна и еды, меня отправили сюда, рассказать вам, балбесам, как нужно себя вести в бою, чтобы остаться в живых. А вам, я смотрю, интереснее слушать кого-то другого. Я могу уйти в машину спать, а вы до вечера делаете тут, что хотите, но предупреждаю сразу — в бою вы не проживёте и минуты. А в бой вас могу послать уже завтра. Вы точно приехали сюда умирать, а не выживать?

Крепыш хотел было что-то сказать, но Ганс посмотрел на него предупредительным взглядом, после которого мог последовать выстрел из автомата, и тот передумал.

— Вы, — Ганс выбрал очередную «жертву», и не дождавшись никакой реакции, пояснил: — Когда к вам обращается командир, вы должны назвать свою должность, воинское звание и фамилию или позывной.

— Стрелок-гранатомётчик рядовой Мухин, — ответил боец.

— Будете Мухой. Гранатомёт освоили?

— Нет, — ответил боец, и тут же поправился: — Никак нет.

— А что освоили?

— Автомат.
— Сколько раз стреляли?
— Пока — нисколько.
— Кто ещё «пока нисколько»? — спросил Ганс, обращаясь ко всем остальным. — Поднимите руку.

Половина бойцов подняла руки.

— Вас вообще чему-то учили? — спросил Ганс, глядя на крепыша, как на человека, способного ответить за весь коллектив.

— Нет, — ответил боец, и вспомнив ранее указанное, добавил: — Стрелок-санитар рядовой Ковалёв. Нас сразу направили на фронт, сказали, что здесь всему научат.

— Отлично, — кивнул, не удивившись, Ганс. — Запомните свой позывной — Крепыш. Итак, — он снова глянул на бойцов. — Основа всего — взаимодействие внутри группы и чёткое выполнение приказов своих командиров. Кто начинает играть «в одного», кто начинает строить из себя героя — убивают сразу. Немцы, или... свои.

— Товарищ... командир, — спросил Муха. — А почему свои?

— А чтобы «герой-одиночка» не подставил под удар всё свое подразделение, — ответил Ганс, надеясь, что присутствующие оценят его шутку, но люди смотрели на него с пониманием, что он не шутит.

Ганс снял с плеча автомат.

— Перейдём к делу. Чтобы вы понимали, от тридцати до пятидесяти процентов потерь приходится на «дружественный огонь», то есть, когда по ошибке, по недоразумению, из-за плохой координации, неверных данных о противнике, бойцы начинают мочить друг друга, принимая своих же за врагов. Это бывает очень часто, из-за страха, переживаний, ещё от много чего. Поэтому

правило — прежде чем стрелять, посмотрите, какого цвета повязки у человека на руках и ногах.

— А у вас какого цвета? — пробасил Крепыш.

Ганс усмехнулся — цвет его некогда белых повязок, выполненных медицинскими бинтами, уже давно сравнялся с цветом пыли и грязи, равномерным слоем покрывающими форму.

Несколько часов он объяснял людям принципы «окопной» тактики, показывал способы передвижения по ходу сообщения, комментируя каждый свой шаг и заставляя всё это повторять вновь прибывших. Из них градом лил пот, люди учились держать автомат так, чтобы можно было стрелять навскидку по внезапно появляющейся цели, от простого Ганс вёл их к сложному — от одиночных действий и действий с оружием, перешли к групповым действиям — к штурму, по ведению сосредоточенного огня, эвакуации раненого.

Когда дело дошло до практической стрельбы, Ганс сразу предложил каждому тренировать умение держать длинную очередь.

— Одиночным огнём вы будете стрелять только прицельно и только на удалении, а очередь нужна для создания огневого перевеса в ближнем столкновении, когда противник находится буквально перед вами — так у вас будет больше шансов поразить его так, чтобы он не смог ответить в вашу сторону. Показываю...

Он вскинул свой автомат и направив ствол на мишень, стоящую метрах в пятидесяти, выпустил очередь в полмагазина, добившись того, что все фонтанчики от взбитой пулями пыли, взвились ровно за мишенью. Затем, когда пыль сместилась в сторону, он повторил «фокус».

— Постоянно контролируйте небо, — учил Ганс. — «Истеричку» вы обязательно услышите — этот визг вы ни

с чем не перепутаете. Как только дрон оказывается в поле зрения, немедленно открывайте по нему автоматический огонь. Здесь правило — стреляют все, кто его видит. От этого зависит ваша жизнь...

— А нам инструктора говорили, что, услышав дрон, нужно сразу замереть, — сказал Крепыш. — И стоять не шелохнувшись.

— Кто эти волшебные люди? — устало спросил старый фронтовик, мгновенно вспомнив всех людей, кого на его глазах разорвали дроны — и стоящих, и бегущих.

— Это нас немного на пересылке тренировали, — ответил боец. — Инструктора говорили, что камера на дроне-камикадзе плохая, и оператор может не заметить человека.

— Камеры на дронах очень хорошие, — объяснил Ганс. — Человека в них видно очень даже хорошо — стоит он, или бежит — без разницы. Рекомендовать замереть мог только или круглый дурак, или преднамеренный вредитель. Увидите этих удивительных людей снова — забейте им куда-нибудь чопик, скажите, что от меня.

Вечером, когда люди уже грузились в машины, Ковалёв толкнул в бок Мухина.

— Муха, я понял, чем от него ещё так пахнет.

— Чем?

— От него пахнет смертью.

***

— Чего медлим, Сергей Николаевич, кого ждём? — голос Эльбруса в трубке не предвещал ничего хорошего. — С моря погоды?

— Не с моря, товарищ генерал-полковник, — бодро ответил Каскад. — Но погоды.

— Не понял...

— Товарищ командующий, операцию планируем начать завтра. Предполагаю, что к этому времени всё будет готово. И погода должна быть — как на заказ.

— Так что, Сергей Николаевич, предложите мне доложить в Генштаб? Что ждёте погоду?

— Так точно!

— Значит, завтра? Я вас услышал.

Переговорив с командующим группировки, Каскад повернулся к Томску.

— Если синоптики нас обманут, я им головы отверну...

— Ну, — рассмеялся начальник штаба. — Лучше это сразу делать. У них обычный прогноз — пятьдесят на пятьдесят!

— Синоптиков в обиду не дам, — из своего закутка подал голос начальник артиллерии.

— А пойдём, Дмитрий Павлович, выйдем, — сказал Каскад. — Подышим свежим воздухом.

Генералы вышли с подвала пункта управления. Лёгкий ветер гнал разноцветные листья, небо нависало своими тучами, не оставляя сомнения в прогнозе синоптиков.

— Будет дождь, — уверенно констатировал начальник штаба.

— Согласен, — кивнул командующий. — Ну что, начинаем?

— Начинаем, — кивнул Томск.

Вернувшись в подвал, Каскад подозвал дежурного офицера.

— Передайте всем командирам по первому перечню команду пять-пять-пять...

— Есть, — кивнул дежурный офицер.

***

Чингис заехал в Знаменскую комендатуру и вошёл в кабинет Ермолова.

— Ну что, Коля, ты готов?

— А чего нам готовиться, — усмехнулся комендант. — «Мы это, офицеры комендатуры — будьте любезны» всегда готовы!

На некотором удалении от здания стояло несколько автомобилей военной полиции, готовых к предстоящему мероприятию. Чингис, Поэт, Ермолов и его заместитель Муслимов, забрались в бронированный «Патриот» и направились в сторону Востриково, за ними двинулись машины военной полиции. По дороге они время от времени обгоняли военную технику, идущую в том же направлении — танки, боевые машины пехоты, грузовики.

Обходу подлежали все дома этого населённого пункта, в которых, по данным командира второго батальона Корсара, проживали местные жители. Таковых домов насчитывалось около пятидесяти.

Началась неприятная морось, Чингис поёжился — не май месяц стоял на дворе, а конец осени.

— Работаем жёстко, смотрим документы, телефоны, жилище. Ясно предупреждаем, что за сотрудничество с украинскими спецслужбами наступает уголовная ответственность. В выражениях не стесняемся, сегодня можно, — Чингис инструктировал сотрудников военной полиции, задействованных в мероприятии. — Как бы между делом говорим, что сегодня мимо деревни на Еремеево и Светлое пойдёт большое количество танков и боевых машин, и что, если хоть какая-то тварь передаст сообщение об этом на ту сторону, эта тварь пропадёт без вести,

а дом сгорит. Всё, мужики, работаем. Это надо сделать до полуночи!

«Нужно обязательно каждого жителя унижить, оскорбить, вывести из себя, чтобы они реализовали свою месть сообщениями на ту сторону о прохождении через село военной колонны», — мысленно продолжил Чингис, но вслух говорить это не стал.

Заходя деревня была разбита на несколько секторов, в которые и направились группы военной полиции, вместе с которыми было несколько оперативников контрразведки и сотрудники комендатуры.

— Хозяин, открывай! — крикнул Чингис, постучав в дверь частного дома. — Открывай быстрее!

— Открываю, — раздался испуганный женский голос.

Дверь открылась, в глубине дома стояла немолодая женщина, за которой поодаль находилась женщина постарше.

— Военная полиция, — представился полковник ФСБ, — лейтенант Петров. Предъявите ваши документы!

Женщина с готовностью протянула два голубых паспорта. Чингис взял их в руки, один из военных полицейских светил на них ярким фонарём.

— Так... — Чингис стал вычитывать личные данные. — Оксана Сергеевна, когда планируете менять гражданство?

— Не думала об этом, — ответила хозяйка.

— Напрасно, — сказал Чингис. — Российская власть пришла навсегда, и вам надо как-то определяться. Или...

— Выгоните в Украину?

— Не будете получать социальные пособия. А кем вам приходится гражданка... — Чингис заглянул во второй паспорт.

— Свекровь.

— А муж ваш где?
— Мобилизован. Пропал без вести.
— А покажите ваш телефон. И телефон вашей све-
крови.

Женщина принесла телефоны и некоторое время с опаской смотрела за манипуляциями «лейтенанта Петрова», который глянул переписку, контакты и установленные программы.

— Что вы там ищите? — спросила женщина.
— Вы поддерживаете связи с украинскими спец-
службами?

— Нет.
— За это, по российским законам, полагается уго-
ловная ответственность. Вплоть до пожизненного за-
ключения.

— Нет, не поддерживаю, — повторила она.
— А то знаете, как бывает... иная скажет, что не под-
держивает, а у самой полный телефон всяких интересных
сообщений...

— У меня такого нет.
— Это я вам на тот случай говорю, что, если вдруг
вы поддерживаете отношения с украинскими спецслуж-
бами, а сегодня через вашу деревню на Еремеево и Свет-
лый большая колонна боевой техники пойдёт, и вдруг вы
об этом сообщите своему куратору.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — сказала она.
— Кто об этом сообщит на ту сторону, тот пропадёт
без вести, а дом его сгорит, — демонстративно зевнув,
сказал Чингис куда-то в сторону.

Словно в подтверждение его слов за окном послы-
шалось рычание танковых моторов и лязг гусениц.

— Вот, слышите? — спросил Чингис, глуповато улыб-
нувшись. — Уже едут. Кранты вашему Еремеево. Кранты

вашему Светлому. — Он передал паспорта обратно хозяйке. — Всего хорошего.

Вернувшись к машине, Чингис глянул на часы — за оставшееся время он сможет обойти ещё пять-шесть домов.

***

Горец приехал на командный пункт семьдесят шестой бригады ближе к полуночи. Там никто не спал — шла работа, предвещающая большие события.

— Доброй ночи, — Горец поздоровался со вставшим из своего кресла Ветром. — Как обстановка?

— Вообще-то это я у тебя думал спросить, — усмехнулся Гордеев.

— У нас пока всё как обычно, нездоровой активности противник не проявляет. Из-за дождя дроны противника в воздухе мы не фиксируем, небо чистое. Если что, Сугроб сразу даст знать. Ваши колонны тоже не слышно — хорошо работают.

— А я им сказал, кто выйдет в эфир до момента достижения назначенных рубежей, или кто РЭБ без команды включит, тот в отпуск не поедет. Пусть по пути пока для связи друг с другом фонариками перемигиваются, флажками, посыльными, почтовыми голубями, но в эфире чтобы хранили полное молчание.

— Отпуск — это хороший стимул, — согласился Горец. — За вражеские радиостанции, Миша, большое тебе спасибо. Ключи мы вскрыли, теперь нам понятна семантика всех переговоров противника. Не знаю, как долго они ещё будут работать на текущем шифре, но мы уже очень много интересного у врага нарыли.

— Сообщение от наблюдательных постов Корсара, — сказал Мастер. — Обозначив ложное направление движения, колонны вернулись на назначенный маршрут.

— Пока идут по плану, — Ветер глянул на часы, после чего связался с Каскадом: — Товарищ генерал, колонны прошли первый пункт регулирования движения. Воздействия со стороны противника нет.

— Главное сейчас — молчать в эфире, — подтвердил Горец.

— Кстати, Андрей, — Ветер встал, отошёл в сторону и тут же вернулся, держа в руках американский карабин М-4. — Держи, это тебе от нас подарок! За всё, что ты для нас сделал, и в знак доброй дружбы! К нему прилагается четыре магазина и две коробки патронов. Если мало будет, ещё притащим.

— Вот спасибо, — Горец принял карабин, рассмотрел его. — Хорошая штука. Заберу в музей бригады. Где взяли?

— На опорнике «Берёзовый».

— Внимание, — подал голос начальник штаба. — Корсар подтвердил прохождение головы колонны перекрёстка «Оки» и «Десны». Воздействия противника не наблюдается.

Ветер снял трубку специального телефона.

— Товарищ командующий, прошли второй пункт регулирования движения, воздействия противника не наблюдаем.

— Хорошо, — ответил Каскад и связался с Эльбрусом: — Товарищ генерал-полковник, мы начали движение, идём без воздействия со стороны противника.

— Принял, — ответил Эльбрус. — Докладывать каждые двадцать минут и без промедления при резком изменении обстановки!

— Есть! — ответил Каскад и глянул на Томска: — Скрещиваем пальцы, генерал?

— И шпаги, — кивнул начальник штаба армии.

Томительное ожидание командиры бригад разбавили горячим чаем с плюшками. В это же время танки и БМП в непроглядной тьме рвались вперёд, сквозь ливневый дождь.

— Прошли перекрёсток у «Берёзового», — доложил Мастер. — Корсар докладывает, что сопротивления нет. Колонны разделились.

— А если заманивают? — спросил Ветер, подходя к телефону специальной связи.

— Исключено, — заверил Горец. — Я бы вскрыл признаки... они бы об этом трепались в эфире.

— Товарищ командующий, — доложил Ветер. — Прошли третий пункт регулирования движения, колонны разделились на два маршрута, воздействия со стороны противника наши посты не наблюдают. Колонны идут в режиме полного радиомолчания.

— Принял, — ответил Каскад.

— О, мои заговорили, — встрепенулся Горец, читая сообщения в своём смартфоне. — Всё, мужики, противник обнаружил наше выдвижение. Пошёл активный радиобмен. Сейчас Сугроб скинет аналитику по семантике... ждём, не дёргаемся, товарищи офицеры! Спокойствие, выдержка и чувство времени!

У Ветра в руках лопнула пустая чашка из-под чая — с такой силой он её сжал в наступившем напряжении. Осколки осыпались на пол, порезав ему пару пальцев.

— Вот и первая кровь, — мрачно сказал он.

— Сообщение из третьего батальона, — сказал Мастер. — Наблюдают множественные разрывы артиллерийских снарядов на лесополках «Печора», «Шилка», «Иртыш» и «Вятка». Есть потери среди закреплённых.

— Похоже, они купились, — Ветер высказал осторожное предположение и схватил трубку спецсвязи: — Товарищ командующий! Противник наносит мощные артиллерийские удары по лесополкам «Печора», «Шилка», «Иртыш» и «Вятка».

— Принял, — ответил Каскад и немедленно довёл эту новость до командующего группировкой «Авангард».

— Ох, как интересно, — сказал Горец. — Анализ сообщений показывает, что противник, не имея возможности наблюдать обстановку с воздуха, полагает, что мы наступаем на Еремеево или Светлый, для чего наносит слепые удары по лесополосам, а также организывает выдвижение резервов из Сталегорска!

Ветер связался с Каскадом.

— Товарищ генерал-лейтенант, радиоразведка подтверждает уверенность противника, что мы наступаем на Светлый и Еремеево.

Каскад связался с Эльбрусом.

— Товарищ командующий, противник выстраивает оборону в направлении Светлого, наносит массированные артиллерийские и ракетные удары по прилегающим лесополкам. Наши колонны идут не обнаруженными!

— Начинайте, Сергей Николаевич, — сказал Эльбрус. — Жду от вас хороших новостей — других в этот раз быть не должно!

Каскад связался с Ветром.

— Михаил Иванович, мы тоже начинаем. Удачи вам в предстоящем деле!

— Мы постараемся, товарищ генерал-лейтенант! — ответил командир бригады.

Спустя несколько минут шестнадцатая армейская ракетная бригада нанесла «Искандерами» удары по командным пунктам сорок четвёртой и сто десятой механизированных бригад, третьей танковой бригады, сто двадцать седьмой бригады территориальной обороны, пункту управления двадцать шестой артиллерийской бригады, по шести местам размещения личного состава, пяти полевым складам артиллерийских боеприпасов, а также

по железнодорожной станции в Зареченске, где под разгрузку стоял эшелон с горюче-смазочными материалами.

В момент, когда колонны проходили пересечение с лесополосой «Ольха», по оборонительным позициям и местам проживания гарнизонов в Кузнечном и Ябловке были нанесены массированные ракетно-артиллерийские удары. Фронтальная авиация нанесла удары планируемыми объёмно-детонирующими бомбами.

Сбивая боевые дозоры, в ночной тьме колонны ворвались на узкие улицы Кузнечного и Ябловки. Здесь с грузовиков была высажена пехота, выгружены боеприпасы и провизия, после чего грузовики направились обратно — за новой партией «штурмов». Тем временем штурмовики начали врываться в дома и уничтожать застигнутого врасплох противника, не успевшего организовать оборону. Свежее пополнение, под управлением опытных командиров отделений и взводов, в своём первом бою, худо-бедно, но работало, расширяя территорию контроля. Гремели взрывы ручных и реактивных гранат, шла стрельба, эфир наполнился командами, матами и воплями.

— Товарищ командующий, — Ветер смотрел на карту — туда, где сейчас шли бои, умозрительно представляя себе, как это происходит. — Подразделения бригады вошли в населённые пункты Кузнечное и Ябловка, ведём бои, организованного сопротивления противник не оказывает. По данным радиоразведки, артиллерийские подразделения противника, ударами по пустым лесополкам, истратили оперативный запас боеприпасов, находящийся при орудиях, им теперь нужно время на пополнение боекомплекта, и пока они будут молчать. Также радиоразведка сообщает о нарушении боевого управления во всех бригадах противника. Зафиксированы отдельные попытки использования

дронов, но из-за дождя успеха у них нет, полная зрада. Станции радиоэлектронной борьбы мы пока не включали. Разрешите задействовать второй эшелон?

— Действуй, полковник, — ответил Каскад. — Храни тебя Бог.

Ветер отдал команду на начало выдвижения второго эшелона, который, миновав частично контролируемые населённые пункты, вошёл в лесные массивы «Центральный» и «Правый», расположенные севернее посёлков, и к шести часам утра Урал, командующий передовым отрядом, доложил о взятии первой линии домов орловских дач, откуда до Орловки было около двух километров. К моменту, когда ночная мгла стала таять, в бой был введён третий эшелон, который должен был осуществить зачистку ещё одного лесного массива — «Левого», расположенного южнее Орловки, и выйдя к полотну железной дороги, завершить глубокий охват Сталегорска. Опорные пункты, выстроенные в лесу, не были готовы к обороне, скорее морально, чем физически, и поэтому не смогли оказать организованного сопротивления. Дорога Сталегорск — Орловка оказалась перекрытой.

— Товарищ командующий, — Ветер, на волне успеха и небывалого воодушевления, не замечал усталости. — Докладываю. К настоящему времени подразделения бригады и поддерживающие отряды полностью контролируют рощи «Левая», «Центральная», «Правая», завершается зачистка населённых пунктов Кузнечное и Ябловка, выстроена противотанковая оборона в направлении Сталегорска, в направлении Орловки и в направлении Осиновки. Перерезана железная и шоссейная дороги между Орловкой и Сталегорском. По докладам командиров, на данный момент взято в плен тридцать шесть военнослужащих ВСУ, в том числе семь офицеров.

— Наши потери? — спросил Каскад.

— По докладам, на данный момент, до тридцати двухсотыми, до ста трёхсотыми, из них сорок уже на этапах эвакуации.

— В технике?

— На минах в Ябловке подорвались один танк и два «Урала», реактивными гранатами в Кузнечном уничтожены две БМП и КамАЗ с боеприпасами.

— Ну что, полковник, это успех. Теперь главное — не утратить то, что взяли.

Переговорив с Ветром, Каскад связался с Эльбрусом и довёл ему всю имеющуюся информацию.

— Вот, что значит грамотное планирование! — подметил командующий. — Готовь на отличившихся представления, в том числе одного представь на Героя.

— Предлагаю представить командира семьдесят шестой бригады.

— Гордеева?

— Ну, а почему нет? Его вклад в этой операции огромен. Он честно заслужил эту награду.

— Полковника Гордеева не надо. Если его сейчас наградить, он расслабится, возомнит себя чёрт знает кем, ему не к чему будет стремиться, и он перестанет работать. Ты вот подумай, тебе активный командир нужен, или тот, кто уже всего достиг, и которому всё уже безразлично? Война-то ещё не закончилась...

— Если так судить, товарищ генерал-полковник, тогда вообще никого награждать не надо, — возразил Каскад.

— Ну чего ты горячишься?

— Потому что это неправильно.

— Ладно, закончим разговор. Представление пиши на кого хочешь, кроме Гордеева. А вообще, Сергей Николаевич, ты и сам молодец, вон какую операцию задумал!

— Если меня наградить, я расслаблюсь, и перестану работать, — парировал Каскад.

***

Ганс проспал всю дорогу, пока рота ехала к месту боя, и только когда машины остановились и началась разгрузка, он проснулся.

— Мы где? — спросил он Муху.

— Без понятия, — тот пожал плечами. — Куда-то приехали...

Ганс спрыгнул с машины и махнул руками, разминаясь. Дождь лил как из ведра, и пришлось повозиться, доставая из штурмового рюкзака непромокаемую накидку.

— Ты здесь? — из темноты появился Урал. — Смотри, направление — эта улица. Твоя задача — дойти до здания администрации, оно впереди, примерно в километре. Возьмёшь его, оставишь закрепление и идёшь дальше, до фермы на краю посёлка. На всё у тебя час. От фермы грузишь личный состав на машины и едем дальше. Всё, давай, я на связи. Работаем!

Ганс проверил рацию и стал созывать командиров отделений — Гочу, Марса и Чирика.

— Марс — твои дома слева, Чирик — ты идёшь по правым, Гоча — двигаешься сзади, находишься в готовности по моей команде оказать поддержку Марсу или Чирику. Ну всё, мужики, ни пуха...

Ганс первым двинулся в ночную темень.

Где-то впереди лаяла собака и слышались одиночные выстрелы, позади ревели двигатели танков, БМП и грузовых автомобилей, доставивших в Ябловку пехоту и боеприпасы.

Ганс толкнул ногой калитку, из окна раздалась очередь, он присел и тут же дал в окно длинную очередь. Быстрой перебежкой он оказался между двумя окон, взял в руки гранату, выдернул чеку, отпустил предохранительный рычаг, и выждав пару секунд, забросил гранату в окно.

— Чирик, зачищайте дом! — крикнул он после взрыва.

Бойцы перебежками, как учили, стали накапливаться возле входа. Расстреляли замок, выбили дверь, вошли во внутрь, подсвечивая фонарями.

Ганс вышел за калитку и направился было к следующему дому, но вдруг остановился. «Куда? Ты же командир, ты должен управлять боем, а не лезть сам под пули», — мелькнула мысль.

— Чирик! Не задерживаемся, идём дальше!

Муха и Крепыш шли рядом. Они уже были мокрые с головы до ног, завидуя командиру взвода, который вполне себя хорошо чувствовал под водоотталкивающей накидкой.

— Что я здесь делаю, — себе под нос бухтел Крепыш. — Сидел же дома, нормально всё было, на кой чёрт я попёрся воевать...

— Куда идём? — рассуждал Муха. — Ничего не понятно, где свои, где чужие, в кого стрелять, в кого не стрелять...

— Мне это уже надоело, — сказал Крепыш. — Давай в доме сядем, если что, потом скажем, что отстали, не знали куда идти и поэтому пришлось сидеть на месте.

— Ганс орать будет, — поостерегся Муха.

— Да не ссы, скажем, что потерялись, делов-то. Сейчас чуть отстанем... и вон в тот дом...

Через пару минут Муха и Крепыш были уже в досмотренном доме. Здесь было сухо и тепло, несмотря

на то, что пара окон была выбита. Посреди дома лежал убитый человек — Крепыш наступил на него, не разглядев в темноте.

— Тут кто-то лежит, — оповестил он Муху.

Муха чиркнул зажигалкой и увидев диван, завалился на него.

— Я здесь посижу.

Крепыш сел на кровать.

— Вот, как дома... лишь бы никто сейчас не трогал...

В сенях послышался какой-то шум, и спустя минуту, темноту разорвал фонарик — на пороге стоял военный. Он осветил на труп, который оказался убитым военным, потом на Муху, прикрывшего глаза от яркого света своей ладонью, осветил Крепыша, который даже не пошевелился.

— Кто таки? — спросил он.

— Да мы со второй роты, — ответил Крепыш. — Отстали. Наши вперёд ушли, а где их теперь искать?

— И що чекаете?

— Ничего. Просто не знаем, куда идти... — настороженно ответил Крепыш, который начал о чём-то догадываться.

— А, усё ясно...

В этот момент фонарь описал круг, и на миг осветил ствол автомата, направленный на Крепыша.

— Это ж хохлы, — догадался Муха, проявив лучшую сообразительность.

Помещение наполнилось оглушительным грохотом и яркими вспышками. Спустя несколько секунд, при свете фонаря, Муха увидел, как Крепыш откинулся спиной на кровать. Свет фонаря упал и на Муху.

— Ну що, теперь твоя черга...

— Не убивайте, — вдруг до Мухи дошёл страшный смысл происходящего — сейчас, всего через несколько

секунд, его не станет на этом свете, он больше никогда не увидит рассвет, не обнимет своих детей... зачем он только пошёл в этот дом? Зачем он вообще пошёл на эту войну?

Его руки сжимали автомат, который был заряжен и снят с предохранителя, но страх парализовал его волю, и Муха утратил способность сопротивляться.

Раздался единственный выстрел, пуля попала в шею, пробив сонную артерию. Муха почувствовал только, как что-то горячее стало заливать воротник и обильно текло под ворот куртки. Он поднёс ладонь к шее, и страшная догадка озарила сознание — вот и всё. Кровь из артерии лилась как из крана, и кран этот невозможно было перекрыть.

Стрелявший отсоединил пустой автоматный магазин и неторопливо вложил его в карман разгрузочного жилета. Достал другой, вставил его в автомат, передёрнул затворную раму.

«Я умираю, я умираю» — в голове билась только одна мысль. Муха хватался двумя руками за шею, но кровь не останавливалась.

После ещё одной короткой очереди, военный с жёлтыми повязками на руках быстро вышел из дома.

Снаружи шла непрерывная стрельба, локальные бои происходили по всему населённому пункту и не было понятно, кто где... всё перемешалось.

Перед тем, как войти в здание сельской администрации, Ганс приказал обстрелять его термобаром. Первый этаж практически никакого сопротивления не оказал, на втором пришлось повозиться — его обороняли штабные офицеры, которые после первого же наката, под напором обстоятельств, согласились сдаться в плен и сложили оружие.

— Урал, я Ганс, администрацию взял, у меня семь плененных офицеров. Что с ними делать?

— Оставь, если можно. Для нашей разведки пригодятся.

— Принял, попробую.

— Флаг сможешь поставить на крыше?

— Сейчас поставлю!

Ганс, взяв с собой одного бойца, поднялся на крышу. Достав из-под бронезилета двухметровый триколор, имеющимися на нём специальными завязками, Ганс закрепил флаг на громоотводе.

— Урал, я Ганс. Флаг закрепил!

— Отлично, — похвалил ротный. — Работаем дальше!

Утро командир второго взвода встретил в одном из дачных домиков, в окно которого уже хорошо была видна окраина большого города.

Организовав оборону, распределив огневые средства, назначив сектора обстрелов, Ганс развалился на диване и прикрыл глаза.

Фактически война не прекращалась для него уже две недели с очень небольшим перерывом на обучение вновь прибывшего пополнения. Организм требовал отдыха, угрожая помешательством, которое, как чувствовал Ганс, уже уверенно смотрело ему в глаза и проникало в сознание.

Мозг, перевозбуждённый боем, всё же понял, что настал момент, когда можно выключиться, чтобы просто отдохнуть вот от этого всего, что нескончаемым потоком влетало в него последние дни — страх, боль, холод, голод, недосып, огромная физическая и моральная усталость. Ганс подумал, что нужно назначить наблюдателей, но более ничего сделать не смог — сознание внезапно покинуло его, погрузив своего хозяина в глубокий сон.

***

Весь следующий день, пока благоприятствовала погода, шло укрепление захваченных позиций — в районы Кузнечного, Ябловки, лесных массивов и взятых лесополос, были введены дополнительные силы, установлены комплексы радиоэлектронной борьбы, доставлены противотанковые средства, миномёты, достаточное количество боеприпасов. Имея перевес в силах, зачистка населённых пунктов в целом была завершена к исходу второго дня, когда враг начал противодействовать дронами-камикадзе, так как погода стала улучшаться.

Организованные противником контратаки, как со стороны Сталегорска, так и со стороны Орловки, успеха не имели, так как для прикрытия района были задействованы не только группы «беспилотчиков» всех частей Четвёртой армии, но и несколько групп, прибывших из состава Седьмой армии.

Несколько ударов планируемыми бомбами привели к обрушению автомобильных мостов через реку Дончанку и ручей Овражный, железнодорожный мост был сильно повреждён, и говорить о его использовании было тоже бессмысленно. Противник не мог оправиться от шока. Спустя ещё несколько дней, президент Украины, обращаясь к нации, с прискорбием сообщил, что на фронте начата, и «успешно развивается» стратегическая оборонительная операция «фортеци» Сталегорск, и что командование ВСУ приложит все силы, чтобы разблокировать окружённый город. Командовать оперативно-тактической группой «Восток» был назначен генерал Тарнавский, которого в ВСУ считали крупным специалистом по проведению оборонительных операций.

Навести pontонные мосты через Дончанку в районе Сталегорска для организации снабжения окружённой в городе группировки не представлялось возможным, так как западный берег представлял собой обрыв высотой до шести метров. Тяжёлую строительную технику противника, привезённую на тралах отрывать пологий спуск к реке, сожгли ударами «Ланцетов». Дивизии Седьмой армии в своей полосе держали противника в напряжении, не позволяя организовать контратакующий удар из Степного. ВКС, содействуя фронту, ежедневно выделяли до десяти «Гераней», которыми уничтожались места накопления каких-либо ресурсов.

Для населения огромной страны на очередном брифинге Министерства обороны, представитель ведомства генерал-лейтенант Мещеряков абсолютно безэмоциональным тоном заявил:

— В результате грамотных и слаженных действий группировки «Авангард», освобождено четыре населённых пункта, потери ВСУ составили более полутора тысяч человек, тридцать танков, в том числе десять «Леопардов» и шесть «Абрамсов», семьдесят пять боевых бронированных машин, сорок орудий полевой артиллерии и реактивных систем залпового огня, в том числе пять комплексов «Хаймерс», сбито сто восемьдесят БПЛА...

Фронт застыл в ожидании развязки.

ГЛАВА 9

— Сергей Николаевич, — Эльбрус глянул на командующего Четвёртой армией. — Когда предлагаешь начать штурм Сталегорска?

— Не ранее, чем через две недели, Владимир Сергеевич! — ответил Каскад. — Мне нужно решить три задачи: первая — измотать противника, чтобы он, лишённый возможности восполнять свои ресурсы, истратил боеприпасы, топливо и понёс потери от наших обстрелов, второе — накопить собственные ресурсы и третье — получить пополнение, провести их доподготовку и распределение по подразделениям. Тогда и можно начинать штурм.

— Генштаб требует от нас скорейшего взятия города.

— Пусть вначале обеспечат всем необходимым, — заметил Каскад. — А потом уже требуют.

— По их мнению, мы обеспечены в полном объёме — согласно всем расчётам, — Шаталов кивнул в сторону сидящего за столом представителя Генштаба генерал-лейтенанта Тарасова.

— Да, но расчёты делались в отношении прошлого плана, который провалился. Кроме того, значительную часть ресурсов противник нам выбил дальнобойным высокоточным оружием.

— Ты всё верно говоришь, — кивнул Эльбрус. — Но Генштаб будет непреклонен — никто ничего нам больше не даст. Под всю нашу большую операцию, Министерству Обороны были выделены ресурсы, соответствующие возможностям нашей экономики, возможностям промышленности, и ресурсы эти, как ты понимаешь, не бездонные. Они не берутся из ниоткуда.

да. У каждой операции есть цена — в нашем случае это миллиарды рублей — стоимость снарядов, ракет, топлива, провизии, электричества, танков, зарплат, наград и посмертных выплат. Эти деньги выделены, и мы теперь за эти деньги должны что-то сделать — показать результат. А результат показать мы не можем, потому что противнику тоже выделены миллиарды, и он делает всё, чтобы помешать нам добиться желаемого.

— И кто сейчас проявит большее военное искусство, тот победит, — сказал Тарасов, — потому что у противника тоже жёсткое ресурсное ограничение. Но Сергей Николаевич тоже по-своему прав — прежде, чем начать операцию по взятию города и заводов, нужно восстановить боеспособность соединений Четвёртой армии. И кроме того, полагаю, нам нужно глубоко проанализировать положение войск, боевые возможности противника на разных направлениях, и найти такое решение, которое позволило бы взять Сталегорск с наименьшими потерями в людях и технике.

— В идеале было бы, — усмехнулся Эльбрус, — чтобы противник сдался без сопротивления.

— Ну, Владимир Сергеевич, вы размечтались, — усмехнулся Тарасов. — На той стороне против нас играет генерал Тарнавский — опытный и грамотный противник.

— Да есть тут у меня одна задумка, Артур Викторович... — сказал генерал-полковник Шаталов.

— Говорите, — предложил Тарасов.

— Провести одну комплексную операцию... но для начала, позвольте, я подготовлюсь, и завтра доведу вам общий замысел.

Иванцов и Тарасов переглянулись.

***

— Полковник Угрюмов, — представился Чингис, войдя в рабочий кабинет Эльбруса. — Начальник временной оперативной группы военной контрразведки.

Шаталов встал, вышел из-за своего стола и поздоровавшись с Чингисом за руку, предложил присесть за приставной столик и сам сел напротив.

— Ваше руководство отрекомендовало вас, как опытного контрразведчика, мастера оперативных комбинаций. Так же мне известно, что благодаря вашей работе, в Четвёртой армии удалось сохранить от ударов противника большую часть складов...

— Да, мы подставили под удары ложные объекты, товарищ генерал-полковник. Работа потребовала усилий, так как многие командиры не понимали, для чего это нужно. Кто этого не сделал, тот лишился боеприпасов. Кто сделал — тот воюет.

— Это хороший результат работы.

— Спасибо за оценку нашего скромного труда, — кивнул Чингис.

— Перейдём к делу, — предложил командующий. — То, что я вам сейчас скажу, не должно покинуть стен этого кабинета, я бы сказал, что это информация особой важности.

Чингис сдержанно кивнул.

— Ко мне обратился некий Дорошенко Станислав Валерьевич, как он представился — один из собственников сталелитейного завода в Сталегорске. Он рассказал мне, какое дорогое оборудование установлено на предприятии, и выразил опасение, что оно будет повреждено или уничтожено, если войска подчинённой мне группи-

ровки начнут его штурм. В обмен на сохранение завода он предложил миллион евро. Я сказал ему, что подумаю, и попутно нагрузил полезной работой, которую он, нужно отдать должное, выполнил на отлично.

Генерал-полковник сделал паузу, изучая реакцию Чингиса, но тот профессионально сохранил на лице полное отсутствие эмоций.

— Так как история с миллионом евро не закончилась, у меня возникла одна идея. Не могли бы вы...

В этот момент дверь в кабинет открылась, и ординарец занёс чайный сервиз. Пока он раскладывал приборы на столе, генерал хранил молчание. Разлив по кружечкам чай, ординарец удалился.

— Угощайтесь, полковник.

***

Ещё двое суток ушло на штурм лесополос «Дуб» и «Осина», куда были направлены полки, прибывшие из состава Седьмой армии. «Кедр» оставался за противником, который оказывал мужественное сопротивление, заявляя, что «русские не сдаются». Взятие «Кедра» позволило было осуществить глубокое вклинение в оборону противника, откуда в дальнейшем можно было бы выйти на Шахту номер три и на Шахту номер четыре, от которых до окраин Сталегорска оставалось шесть-семь километров.

Томск и Гранит приступили к разработке частной операции, реализовав которую можно было бы серьёзно сузить кольцо окружения города. Главная роль доставалась семьдесят шестой бригаде и приданным ей в оперативное подчинение трём полкам — довольно слабым с точки зрения тяжелого вооружения, у них не было ни

одной боевой бронированной машины и ни одного орудия полевой артиллерии, но зато богатым на пехоту — что и требовалось для действий в лесополосах.

Тем временем Ветер стал ощущать, что в течение последующих дней положение подразделений бригады, находящихся в населённых пунктах Кузнечное и Ябловка, стало ухудшаться. Противник буквально забрасывал дронами-камикадзе места, где находились военная техника и личный состав. Опытные вражеские операторы выискивали прорехи в радиоэлектронной завесе, выставленной для защиты войск, и потери стали расти. Нелегко приходилось транспортной технике, которая занималась доставкой пополнения, боеприпасов, провизии, топлива и даже воды — сгоревшие остовы «Уралов» и КамАЗов всё чаще попадались по дороге на Кузнечное и Ябловку. Участились случаи скрытых саботажей со стороны водителей, отказывающихся возить туда грузы, и Ветру пришлось ломать голову над тем, как повысить безопасность этих перевозок. Естественный выход из ситуации — движение только ночью — противник частично закрывал с помощью мультикоптеров типа «Баба-Яга», имеющих мощные тепловизионные камеры. Борьба с ними стала главной задачей постов, выставляемых вдоль дороги в ночное время, вооружённых пулемётами с тепловизионными прицелами — это противостояние полностью олицетворяло текущий смысл всего происходящего движения — человека против роботов.

Несколько дней непрерывной войны за каждый дачный домик довели Ганса до того, что он уже стал падать в обмороки от запредельной усталости, которую поправить не удавалось никак. Еда — когда придётся, сон — урывками по двадцать-тридцать минут максимум, какое же тут будет восстановление.

Большинство его подчинённых неустанно роптало на «условия службы», и уже пребывая в вечной полудрёме, в вечном состоянии «экономии ресурсов», Ганс всё же пытался сохранить зачатки дисциплины в своём взводе. Ну как взводе... в борьбе за дачный посёлок из двадцати пяти человек, вошедших в него ещё утром первого дня, спустя пять дней осталось всего восемь, представлявших собой жалкое зрелище. Урал постоянно обещал, что уже вот-вот должны прислать пополнение и ставил задачи на дальнейшее продвижение, однако, идти дальше было уже нечем. Те, кто остались, удерживали два дома, перекрывая целую улицу.

Чтобы взять эти два дачных домика, частично уже руинированных, взвод потерял пять человек — четверых сразу и пятого тяжёлым трёхсотым, вытащить которого к месту оказания первой врачебной помощи не было никакой возможности, так как «истерички» размотали бы группу эвакуации в течение нескольких минут. Наложённые турникеты и бандажи были мерой временной, актуальной при условии, если раненый мог быть доставлен на этап эвакуации в срок, не превышающий отпущенное ему время.

Но срок этот был — для всех тяжелораненых в борьбе за дачи — длиннее жизни.

Рулет умер на следующий день, перед этим попросив воды. После прошедших дождей вода была повсюду — переувлажнённая почва её больше не впитывала. Воду пили из луж, если не находили скоплений в каких-нибудь вёдрах, бочка, корытах, получая, как следствие, жуткую диарею, спастись от которой было нечем. В ближайшей луже Ганс набрал в кружку воды и принёс Рулету.

— Держи, брат...

Рулет взял кружку уцелевшей рукой и сделал несколько глотков.

— Спасибо, брат... — тихо сказал он.

Только вчера Ганс матами и угрозой расстрела гнал его в бой, а сегодня, израненный и находящийся при смерти Рулет называл его братом, не испытывая к своему командиру никакого неприятия — потому что сейчас их объединяла одна судьба, и все прекрасно понимали, чем закончится вся эта история. Вопрос был только во времени, когда каждый из них примет неизбежную смерть, смотрящую им в лица. Никто не питал никаких иллюзий относительно возможного спасения, и оттого эти люди уже жили в состоянии полной апатии, равнодушно принимая происходящее.

Рука Рулета опустилась на грудь, кружка упала на пол. Глаза закатились. Ганс счёл нужным оставить бойца наедине с событием, которого не избежит на этой планете ни один человек. Рулет находился в терминальном состоянии, и ждать оставалось недолго.

Шатаясь и едва держась на ногах, Ганс вышел из дома. Во дворе лежали тела нескольких его бойцов — там, и в таком положении, где их застала вчера смерть, когда они, подгоняемые Гансом, штурмовали этот дом.

«Пока я жив, смерти нет, когда она придёт, меня уже не будет», — мелькнуло в голове эпикурейское...

Короткий свист мины, и рядом громыхнул разрыв. Затем ещё один, и ещё.

Ганс вернулся в дом. Нужно было поднять оставшихся в живых на отражение штурма. Он точно знал, что после обстрела пойдут они — те, с которыми он сейчас, остатками сил, воли и патронов, тоже будет делить судьбу, те, которые тоже знали, чем закончится вся эта история.

***

Сотрудники подчинённой оперативной группы, получив индивидуальные задания от Чингиса, к обеду представили свои наработки, касающиеся личности разрабатываемого клиента — его связи, активы, жизненные увлечения и предпочтения, конфликты, обязательства, зависимости и всё остальное, что окружает совершенно любого человека, у которого есть доля в сталелитейном бизнесе. Кое-что подкинули волшебники из группы радиоконтрразведки «Финист», не ведающих смысла во фразе «компьютерная безопасность».

Когда-то раньше для оперов решение подобной задачи далось бы в отрезок времени, исчисляемый неделями, сейчас же всё это было в значительной степени упрощено и ускорено благодаря такому фактору, как «электронный след». Коллеги из «Финиста» также быстро исполнили заявки и сейчас Чингис осмысливал собранную на фигуранта информацию. Чтобы осуществить замысел комплексной специальной операции, озвученной Чингису командующим группировкой «Авангард», нужно было найти компрометирующие материалы, представляющие для клиента реальную опасность в случае их «творческой» реализации.

Полковник обложился собранными материалами, на изучение которых, как ему казалось, могло уйти несколько дней... которых у него, к сожалению, не было. Конечно, опера получили задачи не только добыть какие-то сведения, но и поработать с ними на предмет поиска каких-либо аномалий, способных заинтересовать инициатора, но значимость аномалий можно было осознать только при понимании общей картины нюансов разрабатываемой личности.

Контакты в России... контакты на Украине... контакты в Европе... контакты в США... телефонные номера... IMSI... IMEI... биллинг... геолокация местопребываний... адреса электронной почты... счета в украинских банках... счета в российских банках... счета в западных банках... крипто... долевое участие в коммерческих структурах...

Чингис давно уже знал, что никогда нельзя поддаваться эффекту страха и неуверенности перед лицезрением объёма предстоящей работы. Всегда так кажется, что сделать столько всего, перелопатить, осмыслить, найти взаимосвязи и сделать на их основе выводы — никогда не удастся... но это иллюзия. Стоит только начать, стоит только уложить в голове один факт, потом другой, и дело пойдёт. А там глядишь — и что-то уже получается, что-то складывается и постепенно открывается внутренний мир личности, ставшей объектом оперативного интереса.

«Только помни, полковник, времени у нас мало, положение Четвёртой армии шаткое, нужно сделать всё как можно быстрее», — всплыли в голове слова Эльбруса.

***

— Добрый день, Станислав Антонович, — Шаталов радостно приветствовал гостя, вошедшего в кабинет командующего. — Как добрались?

— Ничего, нормально, — кивнул Дорошенко. — На дорогах много постов, но задержки нигде не было, все были предупреждены, спасибо.

— И вам спасибо, ваша помощь в организации логистики оказалась просто неоценима! Я подписал приказ о награждении вас медалью «За содействие СВО»! Поздравляю! — с этими словами командующий достал из ящика стола красную коробочку с наградой, вынул

оттуда медаль и прикрепил её на лацкан пиджака оторопевшего гостя.

Сидящий за столом Чингис чуть не подавился при виде медали — для него это было неожиданно, Шаталов при обсуждении тактики предстоящего разговора как-то упустил этот момент. Впрочем, Чингис подумал, что так даже будет лучше, когда в самом начале контакта клиенту уже сломали шаблон неожиданным ходом, создающим зависимые условия, от которых тому будет сложно отказаться. Преждевременная похвала никогда не бывает лишней перед сложным разговором...

— Да, кстати, познакомьтесь, — генерал обернулся к чекисту. — Это мой заместитель по особым вопросам полковник... Петров. Он абсолютно в теме по всем моим делам.

— Здравствуйте, — «Петров» встал и пожал гостю руку.

— Очень приятно, — машинально ответил Дорошенко.

— Ну что, товарищи, обсудим нашу диспозицию, — предложил Эльбрус. — Прошу за стол.

Генерал занял своё место, Чингис и Дорошенко расположились за приставным столиком — друг на против друга.

— Так что, Владимир Сергеевич, — Дорошенко посмотрел на Эльбруса. — Могу я рассчитывать на наши договорённости по «Стальзаводу»?

— Ну, это смотря к чему мы придём, — развёл руками Шаталов.

— А мы разве не заключили уже сделку по факту того, как я вам помог с логистикой?

— А как она касается «Стальзавода»? — Эльбрус сыграл в удивление.

— Ну как же... мы же на прошлой встрече с вами проговорили...

— По заводу мы с вами ничего конкретно не проговаривали...

— Подождите! Вы хотите сказать, что все мои многомиллионные вложения в транспорт, топливо, зарплаты водителям... это было не в рамках нашей сделки?

— Я так понял, что вы всё это сделали от чистого сердца, — сказал командующий, сыграв в простодушие. — В рамках, так сказать, волонёрской помощи российской армии... мы вас за это достойно отблагодарили, — Шаталов намекнул на врученную награду, висевшую на груди собеседника.

Дорошенко тяжело вздохнул — ему сейчас хотелось сорвать с себя медаль и швырнуть её в лицо генерала, но он, конечно, сдержался. Что эта медаль в сравнении с заводом?

— Я вас слушаю, — разбивая возникшую паузу, сказал генерал.

— Я думал, что мы серьёзные люди, — как бы в пространство сказал гость.

— Конечно, — кивнул Шаталов и подвинул визитёру лист с таблицей плана огневого поражения целей. — Вот, смотрите, на «Стальзаводе» засела сто десятая бригада, уходит она оттуда не собирается, поэтому с сегодняшнего дня мы будем заниматься этим вопросом вплотную. Почитайте, документ, конечно, секретный, но для вас я сделаю исключение... вы же никому об этом не расскажете?

Дорошенко взглянул на таблицу. Там были расписаны объёмы боевых средств и время их применения.

— Вот, особенно интересен пункт три, — подсказал генерал. — Прочтите вслух.

— Четыре ОДАБ-1500 в восемнадцать-двадцать, четыре ОДАБ-1500 в девятнадцать-десять... я всё равно не знаю, что это такое...

— Это бомбы такие, — пояснил командующий. — Ничего после себя не оставляют.

— А вы опять меня шантажируете, — заметил Дорошенко.

— Станислав Антонович, — в разговор включился Чингис, раскрывая свою папку. — Скажите, а где вы были позавчера в период времени с восьми вечера до двух часов ночи?

— В Москве. А какое это имеет значение? — с некоторым запозданием спросил Дорошенко, начав покрываться пока ещё едва заметными красными пятнами.

— Да так, просто хотелось узнать, что толкает столь уважаемых людей в клубы с искажённой половой ориентацией...

— Ну, знаете, это моя частная жизнь, и она не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему разговору.

— Какое-то да, имеет, — сказал Чингис. — В это же время, в том же клубе находился сын председателя правления «Стальзавода», судя по фото — весьма смазливый мальчик. Его отцу, хранителю традиционной морали, приняв для себя этот удар, всё же будет крайне важно, кто какую роль играет в вашей паре. Если одно он ещё сможет условно простить, то за другое он точно вас набутылит в самой извращённой форме. Не так ли?

— Вы сейчас что, хотите меня поймать на nepотребстве? Зачем? — спросил гость после паузы и неожиданно сделал ход на опережение: — Да, я вам могу здесь честно сказать, что я этого мальчика... вы, наверное, полагаете, что я буду вас просить оставить данный факт втайне от его отца?

— Увольте, — улыбнулся Чингис. — Это же теперь модно в Европе. Ценности, так сказать. Как мы можем осуждать их, и тем более использовать в целях шантажа? Мы не такие, — извернулся опытный опер и тут же встал на другую дорожку: — Тем более, если мы знаем, что вам важнее сохранить втайне российское участие в некоторых других ваших активах — и чтобы они под санкции не попали, и чтобы СБУ их не изъяло. Вам же известно, что в условиях тотального финансового кризиса и призрачных перспектив дальнейшей поддержки со стороны страна запада, ваш президент поручил Малюку и «пирожку» Буданову вести поиск у олигархов активов, имеющих российское происхождение, которые можно было бы изъять в пользу государства, вернее, в собственный карман? А активы эти вот они... — полковник ФСБ подвинул собеседнику несколько листов, на которых было отражено бенефициарство Дорошенко в различных проектах. — Здесь видно, что «Стальзавод» ваш далеко не самый интересный актив. И, как вы видите, ваши попытки запутать дело включением подставных лиц не имели успеха — вы же согласитесь, что здесь отражено истинное положение дел?

Дорошенко несколько минут разглядывал представленные документы, используя время не столько для их изучения, а сколько для обдумывания своего дальнейшего поведения, так как разговор приобретал всё более для него неудобный, и даже опасный оборот.

— Ну, хорошо, — его ладонь легла на документы. — Здесь практически всё верно. Чего вы хотите?

— Тесного и плодотворного сотрудничества, — сказал Эльбрус.

— Ещё один нюанс, — сказал Чингис. — Так исторически сложилось, что спецслужбы воюющих сторон никогда не закрывают каналов связи друг с другом — на всякий

случай. Как вы понимаете, по этим каналам данная информация может быть передана на ту сторону, и тогда вы лишитесь почти двухсот миллионов евро. Но если вы окажете нам помощь в объёме двух-трёх миллионов, мы с вами полностью закроем этот вопрос, и безусловно позволим сохранить контроль над «Стальзаводом» после его освобождения.

Дорошенко откинулся на стуле и отпустив галстук, расстегнул верхнюю пуговицу.

— С такими искусными вымогателями я ещё не сталкивался, — сказал он, тяжело вздохнув. — Как вы ловко обо мне всё узнали...

— Чего не сделаешь ради Родины, — усмехнулся Эльбрус. — Вы готовы нам помогать?

— Или продолжим? — добавил Чингис, указав на свою папку, в которой, по всей видимости, лежали ещё более веские аргументы, способствующие налаживанию конструктивных и доверительных отношений.

— На какой счёт нужно перевести деньги? — спросил Дорошенко.

— На счёт генерала Тарнавского, — сказал Чингис.

— Как? — удивлению собеседника не было предела. — При чём здесь генерал Тарнавский?

— Он командует группировкой, засевшей на вашем заводе, — сказал Эльбрус.

— И зачем я буду переводить ему деньги? — осторожно спросил Дорошенко.

— Чтобы он сохранил ваш завод, — пояснил Шаталов.

— Каким образом?

— Нам известно, что генерал Тарнавский в узком кругу неоднократно высказывался о приближении конца режима Зеленского и ставил под сомнение целесообраз-

ность дальнейшей службы в рядах украинской армии. Очевидно, что он готовит себе безопасный отход, чтобы в нужный момент отскочить в сторону, когда режим рухнет окончательно. Вы войдёте с ним в контакт и сделаете предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Какое предложение? — настороженно спросил Дорошенко.

— Вы предложите ему достойный выход из войны, причём, в безопасное место и за очень хорошее вознаграждение.

— Ну, допустим, — кивнул собеседник. — А как это может быть связано с заводом?

— Вы предложите ему вывести войска из окружения, чем сохраните предприятие от разрушения, которое неминуемо произойдёт в ходе его штурма.

— Основание для вывода?

— На том основании, что сопротивление бесполезно — иначе мы раскатаем в пыль сто десятую и сто двадцать седьмую бригады. Дайте Тарнавскому понять, что бессмысленная гибель десяти тысяч человек в самом конце войны — это уже не героизм, а преступление. Не стоит сохранять верность правителю-наркоману, который по указке запада ведёт войну «до последнего украинца». Стоит подумать о будущем Украины, — последние слова генерал сказал с нажимом, и может быть, даже с некоторым пафосом. — Тем более, если за это он получит два или три миллиона...

— Я сомневаюсь в успехе, — сказал Дорошенко, спустя несколько мгновений тишины. — Генерал на хорошем счету у командования ВСУ. Об этом ежедневно твердят в «телемарафоне».

— Это не меняет его отношения к происходящему, — заметил Чингис. — Более того, это даже отводит от него

подозрения в измене, когда СБУ носом землю роют и чуть не ежедневно арестовывают кого-то из старших офицеров. Вот вчера, например, арестовали бывшего командующего группировки «Таврия», позавчера — начальника штаба группировки «Харьков». Тарнавского давно бы уже приняли, если бы не... — полковник замолчал, порождая короткую интригу.

— Что? — спросил гость.

— В группе СБУ, занимающейся его разработкой, работает наш агент, который делает всё, чтобы подозрения в отношении Тарнавского не нашли своих подтверждений. Но это пока... если генерал откажется от вашего предложения, агент прекратит эту работу. Последствия для него понятны. Если он согласится, и выполнит все требования, тогда мы и наши турецкие коллеги обеспечим его инфильтрацию в одну из нейтральных стран, где его будет ждать предоставленный вами «золотой парашют» и новый паспорт. И в вашей жизни тоже не произойдёт никаких потрясений.

— Под каким предлогом я буду на него выходить?

— Как под каким? — Чингис тронул свою папку с документами. — У вас разве нет совместного бизнеса на продаже западной помощи и закупке в учебные подразделения вещевого имущества?

— Вам и это... — Дорошенко уже принял неизбежное и перестал удивляться. — Хорошо, так и сделаю. Сколько у меня есть времени?

— Если поедете прямо сейчас в Шереметьево, то успеете уже сегодня из Турции прилететь в Польшу, а оттуда заехать в Незалежную. А там и рукой подать до его штаба, — ответил Чингис.

— Не будем тратить попусту время, — предложил Шаталов. — Приятно было с вами пообщаться. Хотелось

бы, чтобы и в предстоящем деле вы оставили о себе настолько же приятное впечатление.

Попрощавшись, Дорошенко вышел.

— Полковник, — Эльбрус чуть прищурил свой взгляд. — Что с Диксоном?

— А что с Диксоном? — Чингис сделал невинное лицо и пожал плечами. — Следствие работает. Он наворотил слишком много чего, чтобы можно было оставить это без внимания.

— Я всё это знаю, и понимаю, — вдруг генерал заговорил по-свойски. — Но, может быть есть варианты...

— Насколько я знаю, в его отношении возбуждено несколько уголовных дел, в том числе по убийствам подчинённых и гражданских лиц.

— Он может выйти, подписавшись под «Шторм-зет»?

— Нет, он привлечён за воинские преступления, и этот порядок в его отношении не действует. Он в любом случае будет осужден. Как — это уже решит суд. Я бы, — Чингис встал, — за то, что он натворил, вынес бы ему смертный приговор. Это я вам, товарищ генерал-полковник, говорю, зная, кем он вам приходится, так что уж извините меня, но он людоед, заслуживающий кары, а не снисхождения.

— Я многое не знал, из того, что вскрылось сейчас, — признался Шаталов. — Но если так, то вы, пожалуй, правы. Преступник должен быть наказан. Успокойте следствие — я не буду ставить им палки в колёса, у меня ещё осталась капля офицерской чести.

***

— Товарищ генерал-полковник, обстановка в полосе армии остаётся напряжённой, противник предпринимает

постоянные попытки прорыва, в районе рощи «Левая» и рощи «Центральная», а также орловских дач, идут круглосуточные бои. Ежедневно мы здесь несём большие потери, с каждым днём становится всё труднее осуществлять пополнение свежими силами, боеприпасами и провизией. Растёт число лиц, отказывающихся выполнять задачи...

— Каскад, что значит «отказывающихся выполнять задачи»? У вас что, нет людей, способных приводить подчинённых в чувство? — Эльбрус повысил голос.

— Я перебрасывал на это направление заместителя командира двести второй бригады, помните, который раньше «Штормом» командовал? Но... Зверь погиб при невыясненных обстоятельствах.

— И что, нет других таких же дерзких?

— Другие отказываются.

— Балаган развели! — Эльбрус выругался. — В общем, смотри, Каскад. Если не можешь удерживать этот район, приказываю вывести войска из дач, из рощи «Левая», из рощи «Правая». Срок выполнения приказа — сутки. Всё ясно, товарищ генерал-лейтенант?

— Не совсем, — ответил Каскад и постучал ладонью по карте. — Чтобы захватить этот район, мы потеряли много людей, очень много, мы его ещё можем держать!

— Сколько ты его ещё продержишь? И какими ресурсами? У тебя, кажется, стоит задача взять Сталегорск?

— Мы не возьмём Сталегорск, если не сохраним блокаду города, — возразил Каскад.

— Вы его имеющимися ресурсами и так не возьмёте, — парировал Эльбрус. — Всё, наш разговор окончен, выполняйте приказ!

— Я не могу вот так взять, и отвести войска! — сказал Каскад. — Без письменного приказа это будет воин-

ское преступление! Прошу, товарищ генерал-полковник, отдайте письменное распоряжение!

— Ох, какими законниками все стали! — командующий группировки войск «Авангард» снова повысил голос: — Я приказываю — выводите войска, Каскад! Об исполнении доложить!

— Есть, — обречённо кивнул командующий Четвёртой армией.

Вернувшись на командный пункт своей армии, Каскад заперся с начальником штаба и начальником оперативного отдела. «Обрадовав» их новостью, он поинтересовался мнением офицеров.

— А какой тогда был смысл всё это затевать? — спросил Томск. — Чтобы взять этот район, мы положили столько людей, потеряли столько техники, истратили столько ресурсов, и что — всё зря?

— Это всё риторика, — ответил Каскад. — Мне нужны конкретные предложения.

— Расчёты не в нашу пользу, — сказал Гранит. — Нам фактически уже нечем поддерживать напряжение в этих рощах и на даче. С тактической точки зрения нам отсюда нужно выходить. С оперативной — нужно оставаться. Но я не вижу перспектив сражения без пополнения армии людьми и боеприпасами.

— Где гарантия того, что противник не прекратит атакующие действия, если мы отведём войска на линию Кузнечное — Ябловка — роща «Правая»? Мы однозначно получим активную ЛБС на этом рубеже, без всякого улучшения нашего положения, — сказал Томск. — Только при этом враг получит преимущество — он сможет накопить в рощах значительное количество сил, и в итоге сможет вернуть под свой контроль Кузнечное и Ябловку.

— Вилка, — хмыкнул Каскад. — И так плохо, и так. Эдакий военный цугцванг. Тем не менее, начальник штаба, подготовьте боевое распоряжение на вывод войск. Мне сказать больше нечего, но приказ командующего нужно выполнять. Даже если он был отдан в устной форме.

***

— Как это понимать? — Ветер вертел в руках боевое распоряжение, переданное по закрытой связи. — Они там что, с ума все посходили?

Командир бригады возбуждённо ходил по помещению пункта управления, не находя себе места. Все, кто сейчас находился здесь, притихли, и старались не смотреть на своего командира во избежание неприятностей.

— Это мы сейчас выведем оттуда бойцов, бросим там погибших, которых не можем вытянуть, и чтобы что? Чтобы потом снова получить приказ на штурм этих же лесных массивов? Штурм, который обойдётся нам вдесятеро большими потерями? Да там что, в командовании предатели сидят? Они вообще обстановку не понимают?

Выговорившись, комбриг сел в кресло и откинулся на спинку, закинув руки за голову.

— Сколько нам дали времени на вывод? — спросил Мастер.

— До шести часов утра, — ответил Ветер. — На всё про всё у нас четырнадцать часов. Это просто безумие.

Ветер подскочил и по специальному телефону связался с Каскадом.

— Товарищ генерал-лейтенант, — возмущенно начал он. — Разрешите получить объяснения?

— Полковник, — Каскад повысил тон. — Что за вопросы? Вы получили боевое распоряжение? Выполняйте! И по пустякам прошу меня не беспокоить! Конец связи!

Получив ответ, Ветер махнул рукой.

— Да скажи оно всё конём! С таким командованием мы никогда до Киева не дойдём! Начальник штаба, готовьте приказ...

***

Корсар поставил рацию на стол. Все присутствующие хорошо слышали, что ему сказал Мастер.

— У меня нет слов, — сказал командир батальона. — Зачем тогда это всё? Какой был смысл?

Перед его глазами лежала «штатка» батальона, штатно-должностная книга, в которой помощник начальника штаба ежедневно переписывал фамилии в клетках должностей. Стирал резинкой погибших и выбывших, и карандашом вписывал вновь прибывших. Он уже давно старался писать фамилии без сильного нажима — чтобы было удобнее их стирать — большинство в течение ближайших нескольких дней.

— Товарищ майор, — в помещение спустился командир второй роты. — Я там новый путь присмотрел, как можно бойцов без потерь в «Левую» заводить.

— Уже не надо, — сказал комбат.

— Не понял.

— Ветер приказал выходить из леса и дач.

По лицам присутствующих Урал понял, что что-то произошло, что-то такое, что было страшнее ежедневной кровавой рутины, к которой все давно привыкли. Спустя мгновение до него стал доходить смысл слов, сказанных командиров батальона.

— В смысле — выходить из леса и дач? Нас кто-то меняет?

— Ага, — кивнул Корсар. — Немцы.

— Это что, шутка? — Урал даже попытался улыбнуться, полагая, что его разыгрывают, но никто не улыбнулся в ответ.

— Приказ командира бригады — до шести часов утра вывести все подразделения батальона на рубеж Кузнечное — Ябловка — роща «Правая».

— Зачем?

— Урал, не задавай глупых вопросов. Это приказ, его нужно выполнять.

— Это же предательство какое-то, — командир роты высказал общее мнение. — Как же так? Мы за эти позиции столько людей потеряли! Пижон погиб, Париж пропал без вести, Куска вон, на куски разорвало, Балет сгорел в «мотолыге», Марс, Сват, Сильвер там лежат, вынести не можем... как мы это место оставим?

— Наверху, видать, виднее, — ответил Корсар. — Давай, ставь своим взводам задачу на выход. Как стемнеет, пусть всё бросают и выходят. Что не могут унести, боеприпасы, оружие, пусть уничтожают на месте. Ветер разрешил.

— Точно — предательство, — сказал Урал.

***

Пополнение, прибывшее вчера на дачи, к утру уже практически кончилось. Из семи человек остались двое. Ганс к этому времени уже был легко ранен пять раз, обклеен пластырями, перевязан бандажами, но продолжал управлять боем, отринув саму возможность спастись — имея все основания, чтобы уйти в тыл. В его сознании работала только одна мысль — убивать врага.

Судьба, по какой-то неизвестной ему причине продолжала отводить смерть в сторону, отдавая ей кого-то другого, но не его. Ганс давно и бесповоротно смирился с мыслью, что именно здесь завершится его жизненный путь, в этом безымянном дачном посёлке, и вся окружающая обстановка говорила за то, что иного развития событий быть не может.

Вчерашнее пополнение принесло заряженный аккумулятор к радиостанции, по которой он время от времени докладывал Уралу о том, что, ещё жив, что продолжает удерживать рубеж, что пытается продвигаться вперёд — неся потери. Организм перестроился на вариант полифазного сна, при котором он спал, а вернее, просто впадал в забытие на двадцать-тридцать минут каждые три-четыре часа, что позволило ему вернуть часть сил и ясности ума — по крайней мере, он перестал падать в обмороки. Однако, общая усталость всё равно держала и организм на грани физических возможностей, и сознание на грани сумасбродства.

— Ганс — Уралу! — раздалось из радиостанции.

— На связи, — ответил взводный.

— Как стемнеет, выводись взвод на шестую точку, как принял?

— Кто меняет? — спросил Ганс.

— Никто. Просто берёшь всех живых и выходишь. Если есть неходячие, постарайся их вынести или решай на месте.

— А кто будет держать здесь немчуру?

— Никто не будет, Ганс. Это приказ комбрига. Всё, выходим. Конец связи.

— Конец связи, — машинально ответил Ганс.

— Что, выходим? — спросил Слон.

— Приказано на выход, как стемнеет, ну, ты и сам всё слышал.

— Что с Туристом будем делать? — спросил Шантар.

В углу комнаты лежал тяжелораненый Турист, успевший провоевать всего восемь минут, как возле него разорвалась «истеричка». Он был в сознании, слышал разговор, но говорить не мог — осколок сломал ему челюсть, ещё два попали в грудь, ещё три повредили руки, и один попал в ногу. Он потерял очень много крови, и в текущих реалиях никто не сомневался в его скором исходе.

— Вытаскивать, — устало сказал Ганс. — А ты что подумал?

— Да мы замучаемся его тащить, — ответил Шантар.

— А ты что, богом себя почувствовал? — спросил Ганс.

— Командир, — Шантар на всякий случай отступил пару шагов назад. — Давай глядеть реально.

— Давай, — Ганс щёлкнул предохранителем. — Продолжай говорить, чего ты хотел.

— Да ты, командир, меня неправильно понял, — Шантар дал заднюю.

— Иди в сарай, там я видел садовую тележку, — сказал Ганс. — Кати её сюда.

— Есть, — кивнул Шантар и исчез.

— Слышь, командир, — сказал Слон. — Тишина.

— Что?

— Тишина вокруг. Никто не стреляет.

Ганс только сейчас понял, что бой, который все эти дни гремел не переставая, как-то незаметно сошёл на нет.

— Странно... — Ганс выглянул в окно. — Мутная тема. Так не бывает.

— Мы выходим, — улыбнулся Слон. — И это главное!

— А чему ты радуешься? — спросил Ганс.

— Ну как чему? Будем жить!

— Чтобы сюда дойти, я потерял три состава взвода. Теперь нас отсюда выводят. Сколько крови мы прольём, чтобы потом снова взять этот посёлок?

— Командир, — Слон светился счастьем. — Да мне без разницы! Мне главное, что я — живой!

— Поверь, Слоняра, это в жизни не главное... — Ганс вдруг вспомнил свои рассуждения о клетках огромного организма, которые в процессе метаболизма постоянно обновляются, где вновь появившиеся заменяют умерших, и всё для того, что этот огромный организм жил — жил одним делом, общей идеей, стремлением к совершенству, достижением прекрасного.

— А что в жизни главное? — спросил Слон.

В этот момент появился Шантар.

— Тачка у входа, командир, — доложил он.

— Главное, это сама жизнь, особенно та, которую ты можешь спасти, — ответил Ганс Слону, и подойдя к тяжелораненому Туристу, взялся за его снаряжение: — А ну, помогите его донести!

Бойцы окружили раненого, и спустя пару минут тот уже сидел в кузовке двухколёсной тачки.

Ганс вернулся в дом, окинул взглядом помещение, словно отыскивая то, что нужно было забрать... но всё, что ему было необходимо, было размещено на нём.

— Я скоро вернусь, — предупредил он невесть кого.

***

— Товарищ генерал-полковник, части семьдесят шестой мотострелковой бригады и приданные подразделения завершили выход из указанных вами районов, — по специальной связи доложил Каскад.

— Неплохо, — ответил Эльбрус. — Справились на два часа раньше срока.

— Зайти — было сложно. Выйти — ерунда, — Каскад, как мог, уколол своего непосредственного руководителя.

— Теперь вот что, генерал, — казалось, что Эльбрус изменил тембр голоса. — Сейчас ты должен отдать своим войскам приказ, запрещающий применять оружие по противнику. Этот приказ должен вступить в силу сегодня в двадцать часов и будет действовать до восьми часов утра завтрашнего дня. Ты меня хорошо понял?

— Так точно, понял, но... товарищ командующий, может быть вы мне что-то объясните? — нагло поинтересовался Каскад. — Что происходит?

Но Шаталов проигнорировал его вопрос.

— Но смотри, если хоть какая-то... нарушит этот приказ, под трибунал пойдёшь лично ты. Услышал?

— Услышал, но...

— Чего бы ты не увидел на дороге от Сталегорска до Орловки, не открывать огонь ни при каких обстоятельствах. Ни при каких! Ты всё усвоил?

— Так точно... но... если я что-то увижу вне этой полосы? Например, в направлении Сталегорск — Троицк? Или Орловка — Знаменка?

— Держать все средства в готовности, — ответил Эльбрус. — А меня держать в курсе происходящего. В этот период времени будешь докладывать мне о ситуации каждые двадцать минут.

— Есть, — ответил Каскад, услышав хоть какую-то для себя ясность.

***

— Сообщение от Сугроба, — буднично сказал Хасан. — Товарищ командир!

— Читай, — Ветер полулежал в своём кресле с чашкой кофе.

— Бронеколонна противника, до ста двадцати единиц техники, вышедшая из Сталегорска достигла Шахты номер два. На территории коксохимического и сталелитейных заводов фиксируется построение колонн до шестидесяти единиц.

— Как бы было здорово сейчас туда кассетными «Ураганами» навести, — мечтательно произнёс Ветер. — А потом добавить планирующими объёмными бомбами, да сверху накидать «Искандеров». Аж зло берёт.

— Как же это всё неправильно, — в который уже раз повторил Тайфун, копаясь в своём рабочем планшете. — Так-то мои «Геноциды» стоят в готовности, товарищ командир. Может бахнем?

— «Обязательно бахнем, но потом», — ответило ему сразу несколько голосов.

На командном пункте разразился нездоровый смех.

— Отставить! — рыкнул Ветер. — Что там у Корсара?

— Только что докладывал, — ответил Мастер. — Противотанковые средства выставлены по всей линии, если противник дёрнется в нашу сторону, мало не покажется. «Бездушные» тоже в готовности ударить своими дронами-камикадзе. Средства РЭБ в готовности к немедленному включению.

— Принял, — кивнул Ветер.

***

— Наблюдаем танки, — доложил Урал. — Идут, как на параде.

— Сколько? — спросил Корсар.

Только что батальон поднял тепловизионный «мавик», но он ещё не долетел до места, с которого можно было бы обозревать район, и пока комбат пользовался

только информацией, поступающей непосредственно из боевых порядков своих рот.

— Вижу шесть... а, нет, семь... из них, похоже, два «Леопарда»... жирная цель, командир, — ответил Урал. — Я бы вломил. Купил бы квартиру с видом на Кремль...

— С видом на Кремль, товарищ старший лейтенант, вам надо роту «Леопардов» выкосить. И батальон «Мардеров» — на приобретение парковочного места, — ответил комбат.

— Тут столько нет, — посетовал Урал.

— Значит, и начинать не стоит, — ответил Корсар.

Урал повернулся к Гансу, стоящему рядом. Тот молча всматривался в ночную темень, откуда всё отчётливее слышался рёв двигателей приближающихся стальных монстров.

— Что же это делается... — спросил Ганс. — А если они сейчас повернут на нас, мы же их не удержим...

Он сел на складной стульчик у треноги «Корнета», включил тепловизионный прицел.

— Отставить, Ганс, — Урал увидел его приготовления противотанкового комплекса к выстрелу.

— Пусть пока прогревается, — ответил Ганс. — Если они вдруг повернут, прицел не успеет прийти в рабочее состояние...

— Не вздумай стрелять! — в десятый уже раз предупредил Урал.

— Урал, ну что там? — спросил по рации Корсар.

— Идут, товарищ майор. Подходят к перекрёстку на Орловку.

— Полная готовность!

— Мы готовы.

— Без команды — не стрелять!

— Есть, — в который уже раз ответил Урал.

***

— Вот они, подходят... — Мастер не удержался, чтобы не прокомментировать движение колонны противника. — Перекрёсток.

— Вижу, — Ветер выпрямился на своём кресле, глянул на Тайфуна: — Начарт, перекрёсток — это какая у нас цель?

— Триста сорок пятая, товарищ полковник.

— «Ураганам» — цель триста сорок пять. Навестись, доложить.

— Есть, — ответил Тайфун и тут же по своей линии связи продублировал на дивизион реактивных систем залпового огня: — Пятый, стой. Цель триста сорок пять. Бронетехника на марше. Навестись, доложить.

Ветер напряженно вглядывался в экран, куда транслировалась картинка с «Орлана», летающего над районом движения вражеских колонн.

— Как же они хорошо идут, — возмутился командир бригады. — Кучно... никогда за всю войну такую жирную цель не видел. Что-то в этом мире не так... как же это бесит! Какой-то договорняк!

По спецсвязи на него вышел Каскад.

— Ну что там, Михаил Иванович?

— Голова колонны прошла лесные массивы и подходит к перекрёстку, — доложил Ветер.

— Внимательнее, пожалуйста, — сказал, словно попросил, Каскад.

— Всё, что можно, у нас наведено, товарищ генерал-лейтенант, — сказал Ветер. — По всей протяженности дороги можем работать. Только команду дайте, и мы их так размотаем, никому мало не покажется.

— Поспокойнее, Михаил Иванович, поспокойнее. Всему своё время.

— Да поскорее бы уже.

— Всему своё время, — повторил командующий Четвёртой армией и связался с Эльбрусом: — Товарищ генерал-полковник, голова колонны достигла перекрёстка на Орловку.

— Это хорошо, — ответил Эльбрус. — Ещё одна вводная, Сергей Николаевич!

— Слушаю.

— Противник сейчас возводит понтонный мост через Дончанку. Мост тоже не трогать. Передайте своим войскам.

— Час от часу не легче, — вырвалось у Каскада.

— Что?

— Так точно, товарищ генерал-полковник, — ответил Иванцов. — Сейчас дам указания.

— До связи!

Каскад разослал циркуляр по всем боевым соединениям армии, кто технически мог достать до понтонного моста. Распоряжение пришло и в семьдесят шестую бригаду.

— Да мы их просто упускаем, — возмутился Ветер, прочитав сообщение. — Ну как же так, как же так?

Колонны противника продолжали идти, оглашая окрестности рёвом моторов.

— Упускаем последнюю возможность заработать, — саркастически сказал Ганс, выключая прицел. — Всё, последняя машина повернула на перекрёстке. Эх... а как бы можно было сейчас повеселиться, — он глянул на десять противотанковых ракет, лежащих в нише окопа. — Жаль.

— Товарищ майор, последняя машина прошла поворот, — доложил Урал.

— Принял, — ответил Корсар и посмотрел на своего начальника штаба: — Вот так.

— Может и к лучшему, — ответил Сургут.

— Прошли перекрёсток, — Хасан прокомментировал то, что все наблюдали сейчас на большом экране.

— Не война, а какой-то цирк... — Ветер подвёл итог событиям и встал с кресла, чтобы налить себе очередную порцию кофе.

— Товарищ командующий, — Каскад связался с Эльбрусом. — Последняя машина прошла перекрёсток в три часа двадцать минут, — и с горечью добавил, — какой позор.

— Прошла? — уточнил Эльбрус.

— Прошла, — подтвердил Каскад. — В три — двадцать.

— Ну, и почему «позор»? — спросил Шаталов.

— Потому что это позор по всем канонам войны — мы упустили одну из крупнейших группировок противника...

— Да ладно, — вдруг рассмеялся Эльбрус. — Каскад, ты разве не знаешь, что у нас не война, а специальная операция?

— Что вы имеете ввиду, Владимир Сергеевич? Что это меняет?

— Это не меняет, а дополняет — способами и методами достижения поставленных целей. Ты мне совсем недавно говорил, что у тебя не хватит ресурсов взять Сталегорск, да? Жаловался, что нет ни людей, ни снарядов...

— Говорил, — согласился Каскад и осёкся — он вдруг во всей красе увидел масштаб события и осознал его грандиозный смысл.

— Ну и? — продолжал смеяться Эльбрус. — Вот что, Сергей Николаевич. Тебе на завтра задача дня — взять

Сталегорск и заводы. Иди, генерал, бери их теперь голыми руками. Они твои. Доклад о взятии Сталегорска и заводов — завтра в двадцать ноль-ноль. И прости уж меня, что я сразу не поставил тебя в известность, сам понимаешь, всё висело на волоске... но жадность фраера сгубила!

Каскад опустошённо опустил на стул. В голове не укладывалось, как это могло произойти, но это случилось.

— Какого фраера? — спросил Иванцов.

— Да не важно, — хохотал в трубку Шаталов. — Спасибо скажи широкой украинской коррупции.

— А что, нельзя было это сделать сразу? — вдруг возник у Каскада вопрос.

— Нет, дорогой, нельзя. Но благодаря героическим действиям твоей армии, мы сложили врагу такие условия, при которых он оказался готов сдать город и вывести отсюда свои войска. Твои жертвы не напрасны, каждый твой воин приближал эту победу. Ну, и чтобы твои ребята не думали о нас с тобой как о предателях, всё, что находится сейчас за Орловкой и уже за понтонным мостом — всё твое. Бей, жги, веселись. Наши с врагом договорённости о временном затишье закончились с его выходом из Орловки.

— Есть, принял, — ответил Каскад.

Подняв трубку спецсвязи и переговорив, Ветер изменился в лице.

— Хасан, «Орлан» в район мостов через Дончанку, срочно.

— Выполняем, — ответил начальник разведки.

— Тайфун, все огневые средства, способные дотянуться до переправы, к бою.

— Есть, — лицо начальника артиллерии тоже преобразилось.

— По готовности — огонь, — приказал командир бригады.

***

Лицо было перекошено злостью, но сейчас он был вынужден натянуто улыбаться и как-то объяснять украинской аудитории неожиданную зраду.

— Вийська угруповання «Схид» під командуванням генерала Олександра Тарнавського з великим успіхом завершили потужну оборонну операцію фортеці Сталегорськ... Ворог зазнав величезних втрат, що вдсятеро перевищують втрати наших захисників...

Телевизор ловил украинские каналы, которые не отличались разнообразием и показывали сейчас одно и то же.

Эльбрус развалился на диване, попивая чай. Дорошенко стоял у двери — у него был бледный вид и тряслись руки.

— Владимир Сергеевич, это подло, вы не могли так поступить...

— Что? — Эльбрус на миг отвлёкся от экрана, — ты смотри, как ваш Зея заливает. Фортеця то не получилась, и надо как-то выкручиваться перед своими западными кураторами, да? Ты мне что-то сказал?

— Вы нарушили своё обещание. Тарнавский вывел войска, как вы просили...

— Так, — согласно кивнул генерал. — А что я нарушил? Ты заплатил ему?

— Вы обещали вывести его в нейтральную страну...

— А, ты про это... — генерал дотянулся до пульта и выключил телевизор. — Да ты понимаешь, там у разведчиков что-то не получилось, такое у них иногда бывает... в общем, они не могут его вытащить. А он что, переживает по этому поводу?

— Мы, получается, подставили его...
— Мы? А ты что, тоже его кинул? Не заплатил ему?
— Я...
— Заплатил, или нет?
— Мы договорились...
— Прямо говори.
— Не всё, только часть. Потому что мы договорились, что всё я ему передам в Испании. Но вы его обманули и не вывезли.

— Станислав Антонович, — Эльбрус посмотрел на своего собеседника. — Во-первых, Испания другим предателем занята, лежит уже там, и тень не отбрасывает. Во-вторых, ты вроде взрослый человек, а в сказки веришь. Он — враг. Я его не обманул, а перехитрил, добившись результата. Что с ним будет, если ты за это переживаешь, меня не интересует — пусть они там сами между собой разбираются — как гадюки в банке. Мне важно то, что я выполнил поставленную передо мной задачу — взял Сталегорск. Но ты тоже молодец — сильно нам помог. Хочешь, мы тебе Грамоту вручим и по телевизору покажем? На телеканале «Звезда»?

Дорошенко, не говоря ни слова, вышел из кабинета Эльбруса.

***

— Гордимся мужеством наших воинов, сражающихся в зоне специальной военной операции. Их решимость не оставляет никаких сомнений в том, что мы победим. Покорить, сломить Россию никому не удастся. На нашей стороне и правда, и сила оружия, и сила духа. Сегодня для меня большая честь вручить награды военнослужащим, удостоенным звания Героя Российской Федерации, — пре-

зидент на миг замолчал, прошёл взглядом присутствующих в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца и продолжил: — Действуя на передовой, на самых сложных участках, они проявили отвагу, высочайший профессионализм, исключительные личные качества, дали решительный отпор противнику, спасали, прикрывали собой боевых товарищей, невзирая на полученные ранения...

Спустя несколько минут началась церемония награждения.

— Младшему лейтенанту Доброму Виталию Леонидовичу, командиру штурмового взвода... указом президента Российской Федерации... присвоено звание Героя Российской Федерации...

Виталий встал со своего стула и, затаив дыхание, направился к президенту. В глазах потемнело — перед собой он видел только Верховного, который улыбался, ожидая награждаемого.

— Младший лейтенант Добрый, — представился офицер, вытянувшись по швам перед главой государства.

Президент взял с подноса Золотую Звезду Героя, отвернул слегка парадный китель и вставив штифт в заблаговременно проделанное отверстие, закрутил гайку, после чего крепко пожал руку.

— Поздравляю с наградой, — сказал президент, — носи, заслужил!

Младший лейтенант Добрый развернулся и чётко выпалил:

— Служу России!

Затем было шампанское, сдержанные разговоры, где рядовые на равных разговаривали с полковниками, президент перекинулся с награждёнными солдатами и офицерами парой шуток. Выходя из Кремля, Виталий зажмурился от нахлынувших чувств и воспоминаний —

казалось, что совсем ещё недавно он смирился с мыслью, что никогда больше он не увидит рассвет, а нет, вот оно солнце — светит на него в самом сердце огромной страны.

И снова он вспомнил про крохотную клеточку огромного организма, смысл существования которой — сохранять этот организм живым. Чтобы он мог расти и развиваться, творить и строить, любить и делать окружающий мир лучше, честнее и добрее.

Даже такой страшной ценой, как собственная жизнь.

2024–2025 г. г.